

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(2Камч)
В74

Рецензент канд. ист. наук, доцент Н. В. Толкачёва

Вопросы истории Камчатки. Выпуск 6. — Петропав-
В74 ловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2012. —
672 с., ил.

Рубрика «Камчатская историческая библиотека» включает книги, впервые изданные в 1899 и 1914 гг., содержащие разносторонние сведения об истории освоения, природных богатствах, населении Камчатского полуострова и прилегающих территорий. Авторские статьи рубрики «Восполняя белые пятна» рассказывают о судьбе участников становления советской власти на Чукотке и партизанского движения на Камчатке в начале 1920-х гг., особенностях деятельности камчатской милиции в 1920-х гг., зарождении на полуострове авиации, истории г. Петропавловска-Камчатского. Рубрика «Автопортрет времени» повествует о жизни и творчестве первой на Камчатке заслуженной артистки РСФСР А. В. Славиной. Рубрика «От первого лица» включает автобиографические и статистические материалы, показывающие особенности развития экономики полуострова, осуществлённые и неосуществлённые проекты в этой области.

Издание адресовано всем интересующимся историей Северо-Востока России.

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2012
© С. В. Гаврилов,
составление, 2012
© Авторы, 2012

ISBN 978–5–87750–195–5

СОДЕРЖАНИЕ

Сведения об авторах	4
---------------------------	---

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

<i>В. П. Маргаритов.</i> Камчатка и ея обитатели	5
<i>Б. Горовский.</i> Забытые русские земли	200

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

<i>В. П. Пустовит.</i> Вечная мерзлота любви	283
<i>В. П. Пустовит.</i> Красные партизаны: кто есть кто	316
<i>А. А. Смышляев.</i> Начало камчатской авиации	365
<i>А. Ф. Пасечник.</i> Административная деятельность камчатской милиции во второй половине 1920-х гг.	387
<i>А. Ф. Пасечник.</i> Профессиональное обучение и материальное обеспечение личного состава камчатской милиции в 1920-х гг.	416
<i>И. В. Витер.</i> Петропавловская гавань — Петропавловский порт — Петропавловск-на-Камчатке — Петропавловск-Камчатский	448
<i>С. В. Гаврилов.</i> Петропавловск. Год 1928-й	490

АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

<i>К. Д. Родионов.</i> Александра Владиславовна Родионова-Славина	557
---	-----

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

<i>В. Е. Быкасов.</i> Время, события, люди	606
Именной указатель	669

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быкасов Валерий Егорович — научный сотрудник Института вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Специалист в области природного районирования, ландшафтоведения, экологии. За время исследований пешком обошёл почти весь полуостров. Автор свыше ста научных и более двухсот популярных статей по экологии, экономике, природопользованию. Действительный член Русского Географического общества.

Витер Ирина Васильевна — заведующая сектором краеведения Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова, ведущий камчатский краевед. Область научных интересов — этнография, история Камчатки XVIII—XX вв. Автор пяти книг, многочисленных научных и научно-популярных публикаций. Председатель Камчатского Крашенинниковского краеведческого общества, почётный гражданин г. Петропавловска-Камчатского, лауреат премии им. С. П. Крашенинникова.

Гаврилов Сергей Витальевич — преподаватель мореходного факультета Камчатского государственного технического университета. Области научного интереса — история развития судовой техники, история морского транспортного и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Автор двенадцати книг, ряда научных, учебно-методических и научно-популярных работ. Член Союза писателей России, Камчатского морского собрания, лауреат премии имени С. П. Крашенинникова.

Пасечник Александр Фёдорович — кандидат исторических наук, преподаватель Петропавловск-Камчатского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, подполковник внутренней службы в отставке. Область научных интересов — история правоохранительных органов Дальнего Востока. Автор ряда научных публикаций.

Пустовит Валентин Петрович — историк, писатель. Области научного интереса — история революции, гражданской войны и политических репрессий на Северо-Востоке России. Автор нескольких книг, многочисленных научных и научно-популярных публикаций. Председатель редколлегии двух изданий (1995 и 2008 гг.) Книги Памяти камчатцев, погибших во Второй мировой войне. Член Союза писателей России, Камчатского Крашенинниковского краеведческого общества.

Смышляев Александр Александрович — писатель, директор и главный редактор издательства холдинговой компании «Новая книга», председатель Камчатского регионального отделения общественной организации «Союз писателей России». Автор двадцати книг и нескольких видеофильмов. Активный краевед, области научного интереса — история населённых пунктов Камчатки, отраслей промышленности, отдельных предприятий. Лауреат премии им. С. П. Крашенинникова.

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В. П. МАРГАРИТОВ

КАМЧАТКА И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ

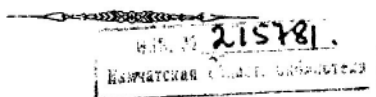
Маргаритов Василий Петрович, педагог, исследователь, учёный и общественный деятель. Родился 16 января 1854 г. в станице Островской Донской области в семье священника. В 1873 г. поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета по отделению естественных наук. В 1880 г. получил степень кандидата естественных наук. В этом же году зачислен на службу чиновником особых поручений при канцелярии военного губернатора Приморской области. С 1881 г. преподавал в мужской прогимназии г. Владивостока. В 1894 г. назначен окружным инспектором училищ Приамурского края. В 1884 г. стал одним из основателей Общества изучения Амурского края (ОИАК). Организатор, участник и руководитель ряда археологических, этнографических, зоологических и геологических экспедиций в Приморье и на Сахалине. Собрал несколько коллекций, одна из которых ныне хранится в Приморском краеведческом музее им. В. К. Арсеньева. В 1892 г. эта коллекция была представлена в Москве на Международном археолого-антропологическом и зоологическом конгрессе.

При его участии создан музей ОИАК. В 1892 г. передал в него свою этнографическую коллекцию. В 1896—1897 гг. выполнял обязанности директора музея ОИАК. В 1900 г. подготовил этнографические коллекции для участия во Всемирной выставке в Париже. В 1897 г. посетил Камчатку, где изучил состояние школ и преподавания в них, придя к выводу, что меры, предпринимаемые правительством для поднятия экономики полуострова, не принесут заметных результатов до тех пор, пока население пребывает в невежестве.

В 1888—1895 гг. председатель Совета ОИАК. В 1897 и 1901 гг. избирался почётным мировым судьей Владивостокского окружного суда. В 1909 г. избран городским головой Владивостока, занимал этот пост до 1915 г. Сдав полномочия, уехал в Кисловодск, где скончался 12 октября 1916 г. За заслуги по службе, в научной и общественно деятельности награждён орденами Святого Станислава и Святого Владимира. Действительный статский советник (1896 г.). Автор ряда статей, книги «Камчатка и ее обитатели». В его честь названо село Маргаритово Ольгинского района Приморского края [Время и события: указатель-календарь по Дальнему Востоку на 2004 г. — Хабаровск: Дальневост. гос. науч. б-ка, 2003. — С. 181—184].

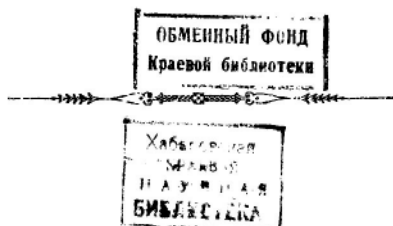
ЗАПИСКИ
ПРИАМУРСКОГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
Т. V^е вып. I.

КАМЧАТКА И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ.

Съ рисунками, исполненными по способу ферротипии, съ картою Камчатки и планомъ укрѣпленія
Петропавловска въ 1864 г.

В. Маргаритовъ.

г. Хабаровскъ.

Типографія канцеляріи Приамурскаго Генералъ-Губернатора.
1899.

Титульный лист книги В. П. Маргаритова «Камчатка и ея обитатели»

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1897 г., в год двухсотлетия присоединения к Российской державе Камчатки, посетил эту страну бывший приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской. Сам генерал-губернатор, пользуясь срочным рейсом парохода Добровольного флота, лично был только в Петропавловске и при том недолгое время.

Для ознакомления же с некоторыми, интересовавшими его вопросами в других частях полуострова, он командировал меня и чиновника особых поручений приморского губернатора Линдера, поручив нам пройти из Петропавловска в верховья р. Камчатки, спуститься по течению ея к устью и затем, если окажется возможным, пересечь полуостров по направлению к Тигилю.

Такой маршрут, более чем в 1 200 вёрст (русская верста равна шестистам сажениям, то есть 1,0668 км. — *Ред.*), обнимал самую лучшую и более населённую часть полуострова и был пройден в сорок дней, причем часть пути была сделана верхом на лошадях и часть на батах (лодках) по рекам.

Не могу не признать за особо счастливую случайность, что для предстоявшего путешествия к нам присоединились два врача: петропавловский окружной врач В. Н. Тюшев и врач парохода «Хабаровск» Ю. К. Шиманский. Первый воспользовался случаем для объезда своей округи, а второй, с согласия генерал-губернатора, изъявил готовность усилить состав экспедиции со специальною целью ознакомиться с камчатскою проказою и сифилисом.

Считаю своею прямою обязанностью выразить глубокую признательность как тому, так и другому. Весёлый нрав и энергия Ю. К. Шиманского не раз являлись утешителями в тяжёлые минуты трудного пути, а В. Н. Тюшев, благодаря своему предварительному знакомству с краем и полному знакомству с особенностями и литературою его, был незаменимым советчиком-руководителем всей экспедиции.

Прикомандированный специалист-фотограф из ссыльно-каторжных и туземец-казак как прислуга сопровождали нас на всём пути.

Благодаря содействию начальника Петропавловской округи П. А. Ошуркова, поездка была обставлена настолько удобно, насколько можно было достигнуть этого при камчатских путях сообщения и средствах передвижения.

Нельзя не сознаться, что как я, так и спутники мои, за исключением доктора Тюшева, жившего в Петропавловске, не были подготовлены к подобного рода путешествию и вот почему. Когда

я получил предложение ехать в Камчатку, то первоначальный маршрут моей поездки ограничивался лишь посещением трёх приморских пунктов (Петропавловска, Усть-Камчатска и Тигиля) с переездом от одного к другому на пароходе Добровольного флота во время совершения им второго камчатско-охотского рейса, ввиду чего я и спутники мои не запаслись ни обувью, необходимою в таёжном путешествии, ни одеждой и вообще ничем, в чем могла предвидеться нужда. Даже фотографический аппарат и принадлежности к нему были укупорены и приспособлены не более того, насколько это требовалось в виду каютного помещения и двух-трёх высадок с судна на берег и обратно.

Вследствие этого многие вопросы, разрешение которых было бы весьма желательно, оставлялись без внимания. Так, например, направление пути во многих местах расходилось с показаниями существующей карты Камчатки, но сделать какая-либо изменения в этом отношении не было возможности. То же самое и соби- рание коллекций по всем царствам природы было изъято из заня- тий экспедиции за неимением средств сохранить и доставить их.

В высокаторжественный день 6-го мая, отпраздновав двухсотле- тие Камчатки, главный начальник края С. М. Духовской отбыл на том же пароходе «Хабаровск» на Командорские острова, а мы заня- лись подготовкою в путь. Подготовка была окончена сравнительно скоро, но тронуться нельзя было до 10-го июня, так как большие зимние заносы снега, оставшиеся по некоторым ущельям и горис- тым перевалам, не позволяли ехать верхом на лошадях и разли- шияся реки делали путь невозможным для проезда на собаках.

10-го июня мы вышли из Петропавловска и ехали сначала на лодках до с. Корякского на расстояние 40 вёрст, затем на лошадях до второго селения от верховья р. Камчатки, до Шером на расстоя- ние 209 вёрст, далее на лодках до Усть-Камчатска на расстояние 507 вёрст и обратно на лодках же чрез с. Ключевское, до сел. Елов- ки, на расстояние 207 вёрст и, наконец, верхом на лошадях чрез так называемый Тигильский перевал в с. Седанку на расстояние 150 вёрст, откуда на лодке до с. Тигиля на расстояние 90 вёрст.

Не имея возможности изучить Камчатку детально, как хоте- лось бы, я в тоже время по поручению Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества беру на себя смелость издать свой труд под заглавием «*Камчатка и ея оби- татели*», в котором при помощи литературных источников на- мерен поделиться в кратких и общих чертах теми немногими данными, которые удалось собрать в пути и теми впечатления-

ми, которая оставила во мне эта чудная по природе, но удрученная по жизни страна.

Значительный интерес к моей статье мог бы придать альбом фотографических видов, которые удалось снять в пути более чем на двухсот негативах, и в таких местах, где фотографический аппарат впервые был виден, но, к сожалению, стоимость подобной иллюстрации является непосильной для скромных средств Приамурского отдела, а потому приходится ограничиться приложением только видов, напечатанных по способу ферротипии, как наиболее дешёвому и возможному при типографских средствах в г. Хабаровске. Издание такой иллюстрации явилось возможным благодаря содействию нынешнего главного начальника края Н. И. Гродекова.

Настоящим изданием «Камчатка и ея обитатели» я имел в виду, по силе умения и возможности, познакомить читателей со следующими отделами: 1) с историей страны от завоевания ея до настоящего времени, 2) с географией ея, считая в том числе и некоторые естественно-исторические сведения, и 3) с населением и современным его положением.

Сообразно с этим вся статья разделена на три главы с соответствующими заглавиями.

Спешу оговориться в следующем:

1) Составляя главу географии страны, я включил в неё сведения о хлебопашестве и скотоводстве, так как эти отрасли хозяйства, как не играющая никакой роли в экономическом быту камчатского населения, по моему мнению, являются скорее характеризующими природу страны, чем быт ея жителей.

2) За отсутствием достаточно точных литературных сведений о камчатской флоре и фауне и за неимением ни времени, ни средств для ознакомления с ними на месте, отдел этот не был мною затронут, если не считать приложенного в конце второй главы простого перечня растений и животных, составленного по иностранным литературным источникам (в настоящем переиздании перечни опущены. — *Ред.*).

3) Составляя главу о населении, я имел в виду, главным образом, современное состояние жителей. Что же касается этнографических описаний, то таковыя я не счёл нужным делать, ибо в этом случае пришлось бы целиком выписать этот отдел из «Описания земли Камчатки» Крашенинникова, единственного автора, имевшего возможность и право на этнографическое описание камчадалов, так как ему лишь одному удалось видеть этот народ в полной

его неприкосновенности и целости. Все же остальные исследователи или поневоле брали с него, или же вдавались в излишняя и даже непростительная вариации.

Источниками послужили мне следующие книги:

1) Крашенинников — «Описание земли Камчатки», изд. 1755 г.

2) «Памятники Сибирской истории XVIII в.», кн. 1 и 2.

3) «Полное собрание законов Российской империи».

4) Словцов — «Историческое обозрение Сибири», изд. 1886 г.

5) Андриевич — «История Сибири», изд. 1889 г.

Он же — «Исторический очерк Сибири», изд. 1887 г.

Он же — «Сибирь в царствование императрицы Екатерины II», изд. 1887 г.

Он же — «Сибирь в XIX столетии», изд. 1889 г.

6) Отечественные записки, 1851 г., т. III: «Первая Камчатская экспедиция Беринга».

7) Записки гидрографического департамента, 1851 г.: «Северная экспедиция 1733—1743 гг.».

8) Старицкий — «Очерк Камчатки», помещённый в «Живописной России».

9) Булычёв — «Об опытах земледелия в Камчатке», Известия ИРГО, 1853 г., т. IV.

10) Войт — «Камчатка и ея обитатели», СПб., 1855 г.

11) «Сын Отечества», кн. 6-я, СПб, 1849 г. «Известия из Камчатки».

12) Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. — Приложение к «Морскому сборнику» № 1, 1861 г.

13) Гагемейстер — «Хозяйственно-статистический обзор Камчатки».

14) Дитмар — «Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851—1855».

15) Обручёв — «Геологические сведения о Камчатке по Дитмару».

16) «Приамурские ведомости» и

17) Отчёты начальника округа за последние годы и некоторые другие.

Переходя к описанию, считаю своею обязанностью выразить глубокую признательность как спутникам моим, так равно М. А. Постниковой и Н. А. Пальчевскому, оказавшим мне услугу составлением по иностранным литературным источникам списка птиц и растений.

Глава I. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Первые известия о Камчатском полуострове, сохранные в исторических документах, относятся к 1695 г., когда казаки, дойдя в своём поступательном движении на восток до Великого Океана, стали искать удовлетворения своих воинственных наклонностей в соседних диких странах, лежащих на юг и север от пройденного пути.

Движение вольницы казачьей, начавшееся в XVI столетии и имевшее вначале преступный характер, вскоре приняло вид действий, не только не преследуемый, но даже поощряемый правительством.

Такой исход необузданной удали казаков, побуждаемых не столько целями корысти, сколько преизбытком сил и энергии, стяжал им славу, достойную видных страниц русской истории. Корысть и злоба... Нет, не корысть и не злоба, а вернее, удал молодецкая двигала казака вперед. Конечно, «в семье не без урода», но, тем не менее, бросать на произвол судьбы всё имеемое и лезть в огонь и в воду почти с полным сознанием гибели, требует признать за казаком чувство более высокое и достойное, чем алчность и корысть.

Труден был лишь первый шаг, труден как с физической, так и с моральной стороны, но он с успехом был сделан донцами под командою удалого Ермака, перенесшаго в 1588 г. владения Российского государства далеко за Уральский хребет.

С этого времени в течение почти двух столетий деятельность русского правительства в пределах Азии ограничивается лишь укреплением за собою владений, добытых непреклонною волею удалого казачества. К началу XVII-го столетия русские владения достигают берегов Енисея, затем реки Лены, где казаки в 1638 г. получают поддержку от правительства, выразившуюся образованием Якутского воеводства с центром правления в остроге того же имени, основанном в 1632 г. сотником Петром Бекетовым (Андриевич. «История Сибири», ч. I, с. 65), пробивавшим себе путь среди тайги и холода во главе лишь тридцати казаков.

Первыми воеводами этого воеводства, присланными из Енисейска, были братья Головины, которым, между прочим, принадлежит попытка к распространению своей власти на Амуре и на берегах Ламского (Охотского) моря.

Якутское воеводство, благодаря своему местоположению и угодам (рыболовство, звероловство, скотоводство и даже впоследствии хлебопашество), могущим удовлетворить незатейливым

потребностям казачества, в скором времени стало опорным пунктом для дальнейших поступательных движений. Отсюда выходят искатели приключений на север к Ледовитому Океану и на юг в бассейн р. Амура и далее на восток к Охотскому морю и даже до берегов Великого Океана.

Якутские воеводы, благодаря частым сношениям казаков с окружающими народами, получают сведения об Амуре, слухи о котором давно уже ходили среди казачества, узнают о существовании на восток от них, за хребтами, какого-то (Охотского) моря и о народах, живущих близ него, и, в тоже время, всё более и более распространяют свои владения на северо-восток в земли юкагиров и чукчей.

В 1643 г. снаряжается из Якутска экспедиция Василия Пояркова, который, поднявшись по р. Алдану, перешёл чрез Становой хребет в верховья р. Зеи и в 1641 г. вошёл в Амур, по течению которого спустился до устья, неоднократно вступая в бой с дучерами, гиляками и другими инородцами, населявшими прежде побережья этой реки. С устья Амура за недостатком служилых людей (около шестидесяти человек), оставшихся в целости, Поярков не рискнул подняться вверх, а в 1646 г. возвратился в Якутск берегом Охотского моря чрез р. Улью, при устье которой в то время было уже зимовье, построенное в 1640 г. (то есть за три года до экспедиции Пояркова) Иваном Москвиным, сделавшим разведки по западному побережью Охотского моря от Тауйской губы до р. Уди и собравшим первыя сведения об Амуре.

При этих разведках устье р. Охоты было признано более других удобным местом для приморского поселения вследствие чего в 1648 г. здесь было основано Шелковниковым зимовье, переименованное впоследствии в острог, а затем и в порт Охотск. К тому же времени относится и постепенное объясачание юкагиров, живущих по р. Индигирке и далее.

В 1644 г. казаки прошли на р. Колыму и под начальством Стадухина основали Нижне-Колымское зимовье, послужившее опорным пунктом для распространения русского владычества в земле чукчей и в бассейне р. Анадыра.

При своём поступательном движении казаки, дойдя до берегов моря, не останавливались и пред этою преградою. Строили лодки, из которых более большия назывались кочами и, насколько позволяло гостеприимство берегов, шли вдоль их всё далее и далее.

Обширность завоёванных стран требовала для закрепления их за русскими больших сил; местных уроженцев не хватало, вслед-

ствие чего якутские воеводы вызывали служилых людей из Енисейска. Те, страдая тем же, в свою очередь, обращались за подкреплением в Тобольск, на Урал и даже в Москву. Вместе со служилыми шли по доброй воле и вообще искатели приключений, шли и купцы (к числу таких выходцев-купцов принадлежал и Федот Алексеев, на долю которого выпало, как гласит предание, первым из русских быть в Камчатке), влекомые туда слухами о неистощимых богатствах, получаемых с ценного пушного зверя.

Пришлый элемент частью принимался в состав казаков, а частью входил в разряд промышленников, торговцев, из которых более состоятельные и предприимчивые вступали в соглашение с партиями казаков и, преследуя свои коммерческие цели, шли с ними рука об руку, покоряя северные племена то силою, то путём торговых договоров.

Одна из таких партий воинов-промышленников, снаряженная торговцем Федотом Алексеевым, на семи кочах вышла под начальством С. Дежнёва из устья р. Колымы и направилась на восток вдоль берегов Ледовитого океана.

Начальник этой партии, Семён Дежнёв, казак Якутского воеводства, был одним из участников Стадухина, основавшего Нижне-Колымское зимовье и в числе первых познакомившийся с одним из воинственных племен Северо-Востока, с чукчами.

Безспорно, первое знакомство казаков было с чукчами анадырскими. От них казаки узнали некоторые подробности о течении большой реки, об её впадении в Великий океан и даже о существовании при её устье острова. Несомненно также и то, что казакам были известны от тех же чукчей и некоторые другие данные, на основании которых казаки могли сообразить о возможности морского пути между Колымою и устьем Анадыра. Дежнёв со своими спутниками, как мы увидим дальше, когда был выброшен на берег, знал, куда забросила его судьба и, отыскивая устье Анадыра, шёл не наобум, а с уверенностью и с предвзятою надеждою на встречу с казаками, шедшими к той же цели и с той же р. Колымы, но только сухим путём.

Казаки, дойдя до моря, волей неволею должны были познакомиться с этою могучею и в тоже время капризною стихиею. Мало помалу они научились вести борьбу с ним, а затем и пользоваться им как самым выгодным путём сообщения. Первая попытка Дежнёва идти вдоль берега была неудачна. Суровая погода и льды заставили путников вернуться назад. Но удаля казачья не остановилась пред первою неудачею. И вот Семён Дежнёв, как сказано

выше, становится во главе промышленной партии, снаряженной Федотом Алексеевым, и в 1648 г. на семи кочах выходит из устья Колымы, решившись на этот раз не уступать капризам грозного моря.

До какой степени доходила эта решимость, видно из того что, несмотря на гибель в скором же времени четырёх кочей, Дежнёв с Алексеевым продолжают путь далее, местами высаживаются на берег, ведут торговлю и одерживают несколько побед при схватках с чукчами. В сентябре того же года огибают северо-восточную оконечность Азии, проходят пролив, отделяющий этот материк от Америки; и, вероятно, попав в северное ледовитое течение, не замечая давно желанного устья Анадыра, уносятся ветром далее к югу, к берегам тогда ещё неведомой Камчатки.

К этому времени из флотилии Дежнёва оставалось только две кочи; на одной командовал сам Дежнёв, а на другой Федот Алексеев с Анкудиновым, пересевшим к нему после крушения последнего из погибших кочей.

В Олюторской губе, в пределах уже Камчатского полуострова, новая сильная буря разлучает и эти два коча, причём Алексеев с Анкудиновым погибают без вести, тогда как Дежнёв выбрасывается на берег и во главе двадцати пяти казаков проходит берегом к устью Анадыра. В 1649 г. Дежнёв поднимается вверх по Анадыру и примерно верстах в восьмистах от устья закладывает Анадырский острог, где в 1650 г. встречает казаков под командою Муторы, пришедшего с Колымы сухим путём чрез горы и тайгу.

Анадырский острог после Якутского является первым опорным пунктом, из которого в течение почти целого столетия казаки ведут борьбу с соседними народами и чрез который направляется длинный и в тоже время главный путь движения казаков в Чукотскую землю и на Камчатку.

Заслуга С. Дежнёва, совершившего столь удалой поход, состоит: 1) в фактическом открытии пролива между Азией и Америкой, на что впоследствии, сто лет спустя, было затрачено столько сил и энергии и что дало бессмертие имени мореплавателя Беринга; 2) в основании Анадырского острога, имевшего в своё время большое значение в покорении народов дальнего Северо-Востока и в 3) хотя не в прямом, но в косвенном влиянии на открытие неизвестного ещё в то время полуострова Камчатки. Приписывается Дежнёву и ещё весьма важная заслуга, а именно: описание и даже набросок карты пройденного им пути; карта эта, как думают, попала каким-то образом в руки мореплавателей, но достоверных данных об этом факте не сохранилось; по крайней мере,

в период снаряжения экспедиции Беринга о карте Дежнёва не было известно.

Федот Алексеев, разлученный с Дежнёвым бурей в Олюторском заливе, пропал без вести. О судьбе Алексеева сохранились лишь сказания и некоторые догадки о том, что он со своим кочем был на р. Камчатке. Крашенинников, бывший в Камчатке спустя около ста лет после гибели Алексеева, собрал несколько сведений об участии сего последнего, причём все сведения сводятся к следующему: один из левых притоков р. Камчатки, впадающий в неё примерно под 55° с. ш., в бытность там Крашенинникова носил название «Федотиха». Название этой речки, по словам населения, дано ей по имени самого первого из русских, прибывших в Камчатку и зимовавшего со своим кочем в устье этой речки. Предание об этом факте распространяется и далее: будто бы этот Федот на своём коче выходил потом в море, огибал мыс Лопатку и доходил до р. Тигиля, где и погиб от коряк. Не придавая достоверности этим сказаниям, Крашенинников упоминает и о следующем факте: будто бы в «отписке» Дежнёва упоминается, что Дежнёв в бытность свою на Анадыре ходил к олюторским корякам и отбил у них бабу-якутку, бывшую на коче с Алексеевым, и что эта баба сообщила ему о смерти Алексеева от цинги.

Сопоставляя эти два известия об Алексееве, Крашенинников находит вполне правдоподобным, что Федот Алексеев был и на р. Камчатке, был и у устья Тигиля, но не погиб там, а возвращаясь опять обратно по пройденному пути, погиб от цинги на берегах Олюторского залива.

Преждевременная гибель Алексеева и всех его соучастников не дала, таким образом, никаких сведений о Камчатке, а потому и честь открытия этой страны приписывается не ему, а Владимиру Атласову.

Владимир Атласов был один из последующих заместителей Дежнёва по управлению Анадырским острогом. Ко времени посылки его из Якутска среди служилых Анадырского острога, несомненно, ходили уже слухи о Камчатке и её обитателях. Причём распространителями этих слухов были, конечно, коряки, жившие в северной части полуострова и не могшие не знать о своих соседях, с которыми, очевидно, приходилось им вступать в торговые и, быть может, в военные сношения.

Со времени закрепления под скипетром русской державы Сибирского царства и в период распространения этих владений на восток, передовые отряды казаков вверялись управлению воевод,

которые, руководствуясь предначертаниями высшей власти, ставили во главе этих отрядов старших пятидесятников, прикащиков и т. п. и снабжали их, применяясь к месту и условиям, различного рода инструкциями или так называемыми «наказами», «памятями» и т. п. В подобных инструкциях, выдаваемых прикащикам, при отправлении их в отдалённые острожки, между прочим, предписывалось и «по иным рекам и новым землям, где какия народы живут, також ходить и в ясачный платёж новых людей призывать ласкою, а которые иноземцы учиняца противны и под его царского величества высокосамодержавною рукою быть не похотят и ясаку великаго государя платить не учнут и учнут чинити противны, поступать с ними воинским поведением, сколько милосердый Бог помощи подаст» («Памятники Сибири. История XVIII в.»). Вот главная выдержка из «наказов» и «памятей» того времени; особенно эта мысль стала проводиться с воцарения Петра Великаго, по указам которого всем восточно-сибирским властям, между прочим, вменялось:

«И приложить тщание о сыску иных народов богатых, которых реки в моря океана Восточнаго впали и живут на островах, и проводить про них ласкою и учинить с ними дружбу и торговые промыслы. И про те народы всякую ведомость писать: какие у них товары и богатства, и что им из Сибири годно каких товаров, и про их правление и силу и оружие и обычей, и под чьею они властью... И чертёж, возвратясь, в приказной палате подать».

В 1695 г. по прибытии своём в Анадырский острог Владимир Атласов, снабжённый подобной инструкцией, желая проверить справедливость слухов о Камчатке, снаряжает партию в шестнадцать человек казаков под команду Луки Морозко, которому поручает собрать ясак с подчинённых уже коряк и, буде возможно, провести о камчатском народе. Морозко с успехом исполнил поручение. С горстью вооружённых сил он проник почти до самой р. Камчатки, силою взял один камчатский острожек и, возвратясь, представил Атласову не только ясак, но и какия-то бумаги, отнятые им у камчадалов: бумаги эти оказались принадлежащими японскому судну, разбившемуся у берегов Камчатки.

В 1697 г. во главе шестидесяти казаков и примерно стольких же покорённых юкагиров Атласов выступает с Морозко в неведомую страну. Путь лежал к Пенжинской губе и вдоль ея на юг. Соблюдая предписание высшей власти, Атласов ласкою объяснял три острога: Акланский, Каменский и Таловский (при реках того же имени) и один острог вынужден был взять силою.

Желая, вероятно, знать населённость этой местности вплоть до берегов Великого океана и, быть может, боясь оставить у себя в тылу непокоренные народы, Атласов отделяет часть своего отряда под командой Морозки и направляет их к восточному берегу, сам же с остальными людьми идёт вдоль Пенжинского моря (впоследствии в своей отписи в Якутск Атласов умалчивает об этом разделении, вероятно потому, что это разделение обезсилило отряд казаков и было причиной неудачи в нескольких схватках с коряками). На р. Полане Атласов едва не погиб со всеми казаками, благодаря измене бывших с ним юкагиров. На широте р. Тигиля Морозко и Атласов снова соединились вместе и пошли далее на юг.

Крашенинников в своём «Описании земли Камчатки» отмечает путь Атласова следующими пунктами: реки Тигиль, Ича, Хорюзова и Голыгина, затем назад до р. Ичи, перевал чрез хребет в долину р. Камчатки, устье р. Андриановки в р. Камчатку, где заложен Верхне-Камчатский острог, и возвращение в Анадырский острог. Кроме того, тот же Крашенинников упоминает и ещё об одном пункте пребывания Атласова на р. Камчатке, а именно об устье р. Кануч, где, по его словам, Атласов поставил крест с надписью: «сЕ году (1697) июля 18 поставил сей крест пятидесятник Володимир Атласов с товарищи нЕ человек», почему р. Кануч и называется до настоящего времени Крестовою.

Отдавая полную справедливость этим сведениям, нельзя, однако, не усомниться в некоторых деталях выполнения такого маршрута, а именно: 1) нельзя допустить, чтобы такое пространство было пройдено Атласовым в один год, то есть в течение 1697 г., особенно, если принять во внимание трудности путей сообщения, недостаточность перевозочных средств и постоянные задержки в виде боевых схваток, сбора ясака, разследования местности и т. п.; 2) если поход Атласова продолжался более года, допустим два или три, причём обход западного побережья предшествовал переходу в долину р. Камчатки, то является непонятным, каким образом при устье р. Конуча (ныне Крестовой) был поставлен крест в 1697 г. и почему Атласову пришла мысль поставить крест именно здесь, а не там, где он впервые вышел на р. Камчатку (в широте р. Ичи), так долго интересовавшую его, или там, где по его усмотрению пришлось ему заложить острог и 3) по словам Крашениникова, переход чрез хребет был в вершине р. Ичи, то есть там, где в настоящее время нет прохода, а теперь проходы существуют севернее, в долину р. Конуча, то есть Крестовую, и южнее, в широте расположения Верхне-Камчатского острога.

Сопоставляя все эти замечания с маршрутом, указанным Крашенинниковым, мне кажется более вероятным, что путь Атласова был следующий: соединившись с отрядом Морозко на р. Тигиле, Атласов тронулся прежде всего на р. Камчатку, для чего воспользовался перевалом вдоль р. Конучи, при впадении которой в р. Камчатку и поставил вышеупомянутый крест. Не находя в долине в р. Камчатки никаких других дорог, кроме самой реки, имеющей в этом месте течение от пяти до семи вёрст в час, Атласов не пошёл вверх по течению, а вернулся назад, зазимовал в местах уже знакомых и на следующий год пошёл вдоль берега Охотского моря, перешёл хребет по долине рек Большой и Быстрой, перешёл в вершину р. Камчатки, и в шестидесяти верстах от её истоков заложил Верхне-Камчатский острог.

В настоящее время, то есть спустя ровно двести лет после похода Атласова, конечно, никакого креста с надписью на р. Камчатке не сохранилось, хотя предание о наименовании р. Крестовой существует среди населения ещё и теперь.

Оставив в Верхне-Камчатском остроге шестнадцать человек казаков с Серюковым во главе, Атласов, на третий год после своего выхода из Анадырского острога, возвратился обратно и тотчас же выехал с лестным для него известием в Якутск, а затем в Москву. Помимо ясака, состоящего из восьмидесяти сороков соболей, семнадцати морских бобров, четырёх выдр, десяти лисиц чёрно-бурых и 191 красных лисиц, Атласов вывез с собою одного японца, попавшего к камчадалам с разбившагося японского судна.

Заслуга Атласова как покорителя новой страны, засвидетельствованная привезённым им ясаком (особенно бобры — новый сорт пушнины), была подвигом в духе того времени и согласовалась с требованиями воеводского наказа. Он и «иные землицы привёл под самодержавную руку московского царя» и «яsak новые народы имал» и он же «иноземцы распознал», доказательством чего служил представленный им японец.

В те годы приближалось время великих реформ Петра Великого. Покорение Камчатки как страны, посещаемой какими-то соседними иноземцами и при том посещаемой ими морем с коммерческими целями, очевидно, не могло остаться без внимания. Вследствие этого во многих последующих наказах камчадальским и охотским начальникам вменялось в обязанность: «опроведывать Японское царство и учинять с ним торги не малые... и проведывать какие у них в Японском государстве узорочные товары обретаются, также и русские товары в том государстве какие надоб-

ны, и на которые по ходу больше бывают и станут ли они с русскими людьми торги иметь; и воинские японские люди какое у себя имеют оружие в битву и к воинскому делу каковы удобны и какими пути проезд к ним бывает».

Не был оставлен без внимания и покоритель Камчатки, Владимир Атласов. В Москве он был пожалован в казачьи головы с предложением возвратиться в Камчатку для продолжения начатого им дела, набрав с собою даже силою, если не найдутся охотники, служилых людей в Тобольске, Енисейске и Якутске. Кроме того, было приказано выдать ему потребное число пушек, пищалей, свинцу, пороху и при том дать ему знамя, барабанщика и сиповщика. Полномочия Атласова, простиравшиеся до права быть полным господином над служилыми людьми, посланными с ним в Камчатку, а равно и все распоряжения о снаряжении Атласова в Камчатку, ясно свидетельствуют, что заслуга его оценена и что приобретённая им земля заслуживает полного внимания со стороны правительства.

Отличаясь большой волей и энергией, Атласов в то же время соединял в себе качества, недостойные вождя и рискованные для управления вольною дружиною. Он был жесток, своевластен и корыстолюбив. Обласканный в Москве, он дал полную свободу своей жестокости и корыстолюбию, которые и погубили его, не дав возможности со славою окончить начатое им дело. Ещё не доезжая Якутска из Москвы, он попал в руки правосудия за явный разбой и грабительство, почему по прибытии в Якутск и был посажен в тюрьму. При проволочках того времени суд над Атласовым за разграбление им дощаников купца Добрынина продолжался более пяти лет и только в 1706 г., когда получились известия о возмущении камчадалов, Атласов был выпущен из тюрьмы и во главе ста казаков с двухгодичным запасом всего нужного отправлен в Камчатку.

Между тем в отсутствие Атласова дело постепенного покорения Камчатки шло своим чередом, и, быть может, не приди он вторично, дело обошлось бы без инцидента, опозорившего до некоторой степени имя казачества.

Серюков, оставленный в Камчатке Атласовым с шестнадцатью казаками, очевидно, не мог силою оружия влиять на покорность окружавшей его тысячной толпы инородцев, которые, пользуясь безвыходным его положением, не только отказывались от взноса ясака, но даже выражали неудовольствие на пребывание его среди них. Только путём ласковых и во всём уступчивых торговых

сношений Серюкову, ожидавшему со дня на день подкрепления из Анадырска, удалось в течение года удержаться среди камчадалов. В 1699 г. обстоятельства вынудили его оставить Верхне-Камчатский острог и идти в Анадырск. Но на пути к северной оконечности Пенжинской губы весь отряд Серюкова был разбит коряками.

В 1700 г. для наказания коряков за смерть Серюкова из Якутска был послан боярский сын Кобелев, которому за неприбытием ещё Атласова из Москвы поручалось восстановление в Камчатке всего добытого трудами Атласова. Кобелев отомстил корякам за гибель Серюкова, разбил их острожек Кохчу и, явившись в Камчатку, возобновил Верхне-Камчатский острог, собрал ясак с жителей западного побережья вплоть до р. Озерной, и для укрепления своей власти в этом районе заложил на р. Большой, в пятидесяти верстах от его устья, Большерецкий острог.

Суд над Атласовым к 1702 г. не был ещё окончен, а потому в Якутске было решено избрать правителем Камчатки другое лицо. Выбор пал на Михаила Зиновьева, знакомого с Камчаткою из походов Морозко и Атласова.

Зиновьев отличался своею распорядительностью, и внимание своё обращал, главным образом, не столько на расширение владений, сколько на устройство и укрепление за русскими тех острожков, которые были уже объясачены Атласовым и Кобелевым. Он устроил окончательно Большерецкий острог и, спустившись по р. Камчатке до 56° с. ш., приблизительно до места его поворота на восток, основал Нижне-Камчатский острог. Для усиления русских сил, размещённых в трёх острогах, Зиновьев перевёл в Камчатку часть казаков Анадырского острога, живших в то время для сбора ясак с коряков на р. Уке, впадающей в Великий океан севернее Камчатки. Для более правильного ведения отчётности Зиновьевым были заведены ясачные книги, куда вписывался собираемый ясак, причём все камчадалы по месту жительства были разделены на три части, с подчинением каждой из них одному из трёх русских острогов, управляемых отдельными «закащиками».

На смену Зиновьеву, возвратившемуся в Якутск в 1704 г. с большою ясачною казною, был послан пятидесятник Колесов, который, воспользовавшись спокойствием и порядком, заведённым его предшественником, сделал первую попытку к расширению владений далее на юг полуострова, в землю курильцев, часть которых ему удалось объяснить.

С известием о покорении курильцев Колесов намеревался возвратиться в Якутск тот час же после похода на них, но посланные

на смену ему один за другим боярский сын Протопопов, а затем Шелковников, не доезжая до места назначения, были убиты олюторскими коряками, почему пребывание Колесова в Камчатке затянулось до 1706 г.

Не дождавшись заместителя, Колесов вышел с ясачною казною в Анадырский острог, оставив в Камчатке трёх закащиков: Анкудинова (в Верхне-Камчатске), Федора Ярыгина (в Нижне-Камчатске) и Дмитрия Ярыгина (в Большерецке). На пути к Анадыру Колесов встретил часть казаков, оставшихся с остатками боевых и провиантских запасов после смерти Шелковникова, отделил в помощь к ним двадцать человек из своих казаков под командою Ламаева и отправил их в Камчатку. Сам же, благополучно избежав неоднократных опасности от коряков, на следующий год возвратился в Якутск.

Таким образом, к концу 1706 г. Камчатка оставалась без официально назначенного правителя под наблюдением трёх закащиков, оставленных Колесовым и присланного им же с дороги Ламаева, которому поручено было, между прочим, следить за правильностью сбора ясака. Такая разобщенность власти, бесспорно, умалила значение ея в глазах камчадалов, которые, воспользовавшись таким положением дела, не преминули воспользоваться случаем и решили избавиться от ига казаков. Возмущению камчадалов немало способствовала решимость северных коряк на убийство прикащиков Протопопова и Шелковникова. Надеясь, что олюторцы, раз осмелившись преградить дорогу казакам, не позволят им проходить в Камчатку и на будущее время, камчадалы решили истребить всех казаков, живших по острогам. Больше всего пострадал Большерецкий острог, уничтоженный со всеми бывшими в нём казаками с закащиком Ярыгиным. Волнение распространилось и вглубь страны и доходило до Авачи и до Бобрового моря, где в это время, были убиты пятнадцать человек казаков, собиравших ясак.

Возстание распространилось бы и далее и, быть может, благодаря несогласию закащиков, кончилось бы разорением остальных двух острогов, но к этому времени в Камчатке появляется снова Владимир Атласов, прежняя заслуга которого под влиянием взгляда на них в Москве, бесспорно, сильно способствовали освобождению его из под суда и следствия. Ему были возвращены все права и предоставлены те полномочия, которыми он был облечён в 1701 г. в Москве. В конце 1706 г. он был отправлен в Камчатку со ста казаками и двухгодичным запасом всего нужного.

Появление в Камчатке в июле 1707 г. свежих сил казачьих, к тому же под управлением не забытого ещё Атласова, повело к быстрому усмирению камчадалов. Партии казаков были разосланы повсюду для усмирения восставших. Одной из таких партии под командою Таратина пришлось выдержать ожесточенную схватку, кончившуюся в пользу казаков, в окрестностях Авачинской губы, жители которой долго ещё оставались упорными поборниками независимости.

Авторитета Атласова достаточно было, чтобы ускорить прекращение возстания, но, находясь вдали от власти, где царил полный произвол силу имущаго, Атласов дал простор своим дурным наклонностям, погубившим его и запятнавшим славу казачества. Ещё не доходя до Камчатки, он возбудил неудовольствие к себе со стороны служивых людей, но то было время, когда каждый казак, верный долгу своей службы, думал об усмирении восставших камчадалов. Но как только возстание было подавлено, казаки потеряли терпение выносить жестокость и корыстолюбие своего вождя. Потратив всё летнее и осеннее время в походах против восставших, казаки не успели запастись на зиму провиантом и, не получив его из казённых запасов от Атласова, подняли бунт. В декабре того же 1707 г. Атласов был лишён казаками команды и посажен в Верхне-Камчатском остроге в тюрьму. Из тюрьмы Атласову удалось бежать в Нижне-Камчатский острог, но и там казаки отказались стать на его сторону. Оставленный всеми, Атласов жил в Нижне-Камчатске частным образом, не у дел.

Между тем якутския власти, из которых, очевидно, немало было противников Атласова, узнали о жестокостях его из доноса, посланного его служилыми людьми ещё с пути в Камчатку, предвидели подобный исход дел камчатских, и в то ещё время, когда Атласов только что подходил к Камчатке (а именно в мае 1707 г., а Атласов прибыл в Верхне-Камчатский острог в июле 1707 г.), в Якутске был избран на место его боярский сын Петр Чириков.

В эти годы замечается особенно ожесточённое сопротивление со стороны олюторцев и вообще со стороны коряк, живших в северной части Камчатского полуострова. Вследствие этого путь казаков в Камчатку, пролежавший обязательно чрез земли коряков, до того был затруднён, что Чириков, назначенный в Камчатку в 1707 г., прибыл туда только в 1710 г. Иван Панютин, назначенный в помощь Чирикову в 1708 г., погиб от руки олюторов в 1709 г., а Осип Миронов, или Липин, назначенный на смену Чирикову в 1709 г., прибыл в Камчатку в конце 1710 г.

О трудностях проезда чрез земли коряков можно видеть из следующей отписи Чирикова, посланной им с дороги: «Великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белаыя России самодержца, столникам и воеводам Юрью Федоровичю, Михаилу Юрьевичю с товарищи Петр Чириков челом бѣт. В нынешнем 709 году, в 20 день, будучи в пути в урочищях, переправся за рекою Корагою, собрася многолюдством воровские олюторские иноземцы с луками и с копьями, в куюках на ходу днѣм, боем напустили и денежную казну 200 рублѣв, которая вынята была, для тягости, с садненных вершних оленей и положена в иные сумы; отбили-ж и посланного из Якуцкого в камчадалския зимовья на Большую реку прикащика, сына боярскаго Ивана Панютина, убили, да с ним служилых людей побито Иван Брызгалов, Иван Оцыфоровых, а всех поголовно побито 10 человек, и многих испереранили на смерть; пороховую казну и свинец, подарочную медь и олово у многих казаков, которым роздано было везти до Камчатки, отбили и разорили в конец без остатку; живѣм на тундре наги и босы. А как они на нас боем попустили, и после того говорили: до Камчатки де вас сухим путѣм и морем не допустим, того де и в уме не держите, что быть на Камчатке. А ныне живѣм мы от них воров в самом тесном месте, по вся ночи подходят и караулы подсматривают. А которой послан со мною был с Иваном Панютиным государев порох, и тот порох на боях из гладких пищалей и из винтовок стрелять не годитца; а сколько пороху и свинцу и подарочной государственой казны по тундре сберѣм, и о том буду писать в Якуцкой впредь, буде — Бог допустит живых до Камчатки.

А про камчадалские остроги и о служилых людях по се число ведомостей никаких не слыхали. Да июля в 22 число вышеписанные олюторские иноземцы, скопився многолюдством и приходя к нашим табарам с боем, и я со служилыми людьми, прося у Христа Бога милости, выходя из табара к ним иноземцам на вылазку, учинили бой; и Божию милостию и государевым счастьем, олюторских вспять прогнали, и на побеге двух человек убили и многих испереранили, а в вышеписаном на нас напуску у них человека же убили ж и пять байдар отбили. И ныне я Петр со служилыми людьми в предьядлежащей путь, буде Бог управит, идти помышляю морем байдарами. А впредь в камчадалские остроги без анадырских жителей, с одними посланными из Якуцкого служилыми людьми, идти никоими меры невозможно, для того анадырские жители порядки иноземские и бои и всякие поступки

и в коем месте от них оберегатца и жилищи их ведают. *Петр Чириков*. 1710 году, генваря 24 день. Якутск».

При таких трудностях путей сообщения известия между Якутском и Камчаткой затягивались на продолжительное время, вследствие чего Чириков, прибыв в Камчатку, не знал, в каком положении был Атласов. Очень поздно узнала об этом и якутская канцелярия, которая потом хотя и писала Чирикову о производстве следствия над Атласовым, но и это известие по тем же причинам не дошло по назначению.

В течение года Чириков управлял страной, не касаясь Атласова, и в своё управление вёл ожесточенную борьбу с «присудом» Большерецкого острога, куда были посланы им, вины ради, главные зачинщики свержения Атласова, из которых большая часть там и погибла. Более удачную борьбу Чириков вёл с жителями восточного побережья, причём в одном из походов к Бобровому морю ему удалось захватить четверых японцев, спасшихся с разбившагося у берегов Камчатки судна.

Не успел Чириков с ясачною казною и приобретённым имуществом выехать в Якутск, как на место его прибыл Осип Миронов, или Липин (в некоторых актах, перечисленных в «Памятниках сибирской истории» это лицо называется Мироновым, а в некоторых Липиным), причём Чириков, за поздним временем года, когда нельзя уже было ехать на лодках вдоль берега, остался зимовать в Камчатке, надеясь при содействии Миронова, провезти весною всё своё добро Пенжинским морем и тем самым избежать нападения олюторцев.

Таким образом, зимою 1710—1711 г. в Камчатке жили три прикащика: Атласов, Чириков и Миронов (Липин), которые, как можно думать, прикрывали проступки друг друга и один другому представляли возможность обеспечивать своё достояние за счёт камчадалов и самих казаков. Так, Чириков собрался с Атласовым вместе идти в Якутск, а Миронов перевёз их имущество в Тигиль, дал лодку и паруса и назначил несколько казаков в качестве провожатых. Но такой план действий не был приведён в исполнение. Ненависть казаков к Миронову и к двум прежним прикащикам дошла до последних пределов, и недоверие ко вновь присылаемым прикащикам из Якутска возрастало с каждым днём. К тому же, надо думать, и деморализация самих служилых людей, успевших в течение 1708 и 1709 гг. испытать сладость безначалия, перешла границы.

В 1711 г. казаки решаются избрать себе начальников из среды своей, а Миронова, Атласова и Чирикова лишить жизни, не дав

возможности двум последним увезти ясачное и награбленное имущество в Якутск.

Первым был схвачен и зарезан Миронов, следовавший вместе с Чириковым из Нижне-Камчатска в Верхне-Камчатск, причём Чириков был схвачен и посажен в тюрьму. Затем казаки отправили под видом посланных с письмом убийц к Атласову. Посланные застали Атласова спящим и зарезали его.

Во главе бунтовщиков стояли Анцыферов и Козыревский. Первый был избран атаманом, а второй есаулом. После этого началось расхищение и дележи имущества прикащиков, причём той же участи подверглось и всё то, что уже было свезено Чириковым и Атласовым в Тигиль. Судьба Чирикова была хуже других. Бунтовщики оковали его железом и бросили в реку. По совершении кровавых расправ казаки долго ещё неистовствовали и предавались разгулу. Во время этих беспорядков бывшие в ведении Большерецкого острога камчадалы отложились, почему первым делом Анцыферова было усмирить их, что он и сделал с успехом. Кроме того, он обошёл с тою же целью весь западный берег и был даже у курильцев на первом от Камчатки острове.

В оправдание своих поступков казаки послали в Якутск челобитную, конечно, изобразив в самых ярких красках беззакония прикащиков и с особыми отметками выставив свои заслуги пред царём и отечеством.

В сборнике «Памятники сибирской истории» помещены три таких челобитных или отписки казаков, участвовавших в этом деле и, кроме того, шесть таких же документов, разъясняющих и дополняющих этот печальный факт. В своё оправдание казаки писали, что Атласов и следующие за ним прикащики «учали жить не горазно, забыв страх Божий и кресное целование и своё пред Святым Евангелием обобещание, тебе великому государю радения службою своею не показали, казну твою воровали... ясачным иноземцам чинили обиды и насилия великия и разорения немалыя... Лучших ясачных иноземцев, для своих бездельных корыстей, кнутьём и батогом били не повине на смерть... и буйства ради, в разгуле, с палашем в руках, на нас, рабов твоих, наметывались, многих служилых переранили, а иные на смерть закололи... Да по твоему же великаго государя указу, велено ему Осипу (относится к прикащику Осипу Миронову) нами, рабами твоими, про Апонское государство осведомиться и про новую землицу, которая есть в Носу за переливами (то есть Курильские острова), проведать... и мы раби твои ему Осипу словесно челом били, чтобы нас он

отпустил по указу про вышеписанное Апонское государство и новую землю проводить, но он Осип челобитья нашего не принял и наше челобитье с другом своим Петром Чириковым поверстали в бунт и сажали нас за то в омулку и заклёпные железа заковывал и морил токмо голодною смертью, да он же Осип, когда шёл в камчадалские остроги Пенжинским морем, покинул на отдельном судне служилых людей шесть человек; а кои служилые люди с ним Осипом на судне были, били челом, чтобы остальное судно с служилыми людьми дожидаться, а он Осип того не послушал и вперед ушёл, и те остальные служилые люди живы ныне или нет, про то никто не ведаёт».

Далее идёт перечень других поступков как вообще прикащиков, особенно Осипа Миронова. В заключении челобитной говорится: «И мы раби твои в камчадалских острогах вышеписанных прикащиков убили для того, что они прикащики казну твою, великий государь, воровали и остановили свою упрямкою и нерадением, а своими обиды и налоги ясачных иноземцев в шаткость привели, и у нас рабов твоих твою государскую милость, денежное жалованье отнимали, и к нам рабам твоим непомерные от них обиды и налоги великие были, а за дальным разстоянием жалоба тебе великому государю от нас рабов твоих на них прикащиков не дойдёт и челобитчиков они прикащики до Якутскаго города не допустили б для того, что ведают на себя многия улики и воровства, и в том мы раби твои в своём убожестве тебе великому государю вину свою страдничью приносим».

Несколько месяцев спустя казаки послали дополнительную челобитную, в которой, как бы в противовес упущениям по службе, происходившим, по их словам, от «нерадения» прикащиков, они постарались выставить все свои заслуги и действия, совершенные после убийства прикащиков: «Державнейший царь, государь милостивейший (упоминают Чирикова и Миронова, тогда как об Атласове почему-то умалчивают). В нынешнем 1711 году, прежде бывшие прикащики от нас побиты, и за такую свою страдничью вину пошли мы раби твои служить тебе на Большую реку умирять изменников, которые, в 1707—1710 годах, тебе изменили и острог на Большой реке сожгли, а казну твою великаго государя ограбили, и с того вышеписанного году по нынешний год по всягодно служилых людей побивали, а ясачную казну, порох, свинец и пищали отбивали ж. И ныне мы раби твои лучшаго иноземца Кушугу с родниками его приступом взяли, а на том их месте новый земляной острог построили. И нынешним же летом

лучший иноземец Канач, с пятью его острогами, в многолюдстве к ясачному зимовью и к острогу нашему с приступом приходили. И мы острог и ясачное зимовье отстояли и казну твою великаго Государя спасли, и на вылазку из острога своего выходили и Канача с изменниками ратным боем побили... А в нынешнем, а государь, 1711 году, мы раби твои с Большой реки в ту Курильскую землю, на край камчадальскаго Носу ходили, и с того Носу мы раби твои в мелких судах и байдарах за переливами на море на островах были и до той земли доходили, где велено нам рабам твоим, по твоему великаго государя указу, проведать и дать той земле особый чертёж. И будучи мы раби твои на первом острову, те курильские мужики, скопився в многолюдстве, дали с нами бой крепкий... А за другим переливом, на другом острову, живут иноземцы езовитяне; и собралось многое число, а бою с нами не дали... И мы раби твои стояли на той земле их двои сутки, а дать бою за малолюдством не посмели и себя от них опасли... И они сказывают, что де от вышепомянутой дальней земли, которую землю в полуденной стороне видите на море, близ де Матмайскаго города и Японскаго государства и об том государстве радетьельное своего тцание к службе твоей великаго государя мы раби твои приложим и чрез дальнюю видимую землю проведать впредь обещаемся» (казаки знали, как относился государь к проведыванию иных государств, а потому и выдавали свой поход к курильцам как особо важную заслугу).

Между тем из Якутска на смену Миронову явился, ничего не зная об участии последнего, десятник Василий Савостьянов (Щепеткой), который только благодаря своей осторожности спасся от руки подосланных убийц и только тогда приступил к некоторым карательным мерам против бунтовщиков, когда Анциферов погиб, будучи сожжён живым в Авачинской долине, куда он зашёл для сбора ясака.

Факт сожжения Анциферова с его казаками свидетельствует, между прочим, о той ненависти и злобе, до которой казаки довели камчадалов. Камчадалы хитростью заперли казаков в доме и зажгли его. При этом оставшиеся в доме аманаты (заложники. — *Ред.*) из камчадалов не только не выражали протеста, но даже просили своих сородичей жечь весь дом, не стараясь об их спасении, лишь бы не дать возможности спастись Анциферову и его казакам.

Савостьянов, кроме своего ясака, собрал всё, что только осталось от прежних прикащиков и что в виде повинной приносили ему для царской казны смирившиеся казаки. Благополучно

избежав нападения олюторцев, он привёз в Якутск в 1712 г. ясачную казну, не получаемую там с 1710 г.

В 1712 г. в Камчатку, ещё до возвращения Савостьянова, был назначен бывший уже в Камчатке в 1704 г. Василий Колесов, которому, кроме обычного в то время наказа «приводить иноземцев в ясачный платёж и проводывать иные земли», было поручено производство подробного дознания об убийстве трёх прикащиков и о приведении дел камчатских в должный порядок.

Опытный в делах камчатских и наученный горьким опытом своих предшественников, Колесов разумными мерами и энергичными действиями усмирил казаков и в течение года привёл всё в должный порядок. Строгия и карательные меры, не исключая пыток и казней, он употреблял против тех, которые во время бунта отличались своею жестокостью. Из остальных же одних простил, других наградил, а некоторым дал возможность загладить «свои вины» исполнением возложенных на них важных поручений. Так, Козыревскому, стоявшему во главе бунтовщиков, Колесов поручил идти на Большую реку, построить там суда и, «дабы заслужит своя вины», идти на Курильские острова для приведения новых народов в русское подданство и для наведения более точных справок о Японском государстве.

Заканчивая свою деятельность по управлению Камчаткой, Колесов в начале июня 1713 г. отправил в Якутск подробное описание всех своих мероприятий с указаниями, какия и на кого из казаков он наложил наказания за буйство, кого повесил, кому пальцы отрубил, кого на плаху клал или бил кнутом и батоном.

Как на одну из причин беспорядков Колесов в том же донесении указывал на азартные игры служилых людей в карты и кости: «А как они проигрываютца до нага и на службу великаго государя бывают не в исправах и надеются на грабежи и убийства, кто боится, того и грабят и меж собою животы дуванят». (По В. И. Далю: *дуванят* — старинное казачье выражение, означающее раздел добычи после набега. — *Ред.*)

Интересное, между прочим, замечание Колесова, выведенное им из следствия, что главные бунтовщики и самые ненадёжные казаки — родом из Тобольска. В заключение своего донесения, Колесов просит распоряжения Якутской канцелярии 1) о запрещении азартных игр; 2) о прекращении высылки в Камчатку казаков из тобольских уроженцев и 3) о разрешении перенести Нижне-Камчатский острог ближе к Ключам, на более сухое место, где бы можно было, согласно заявлений казаков, построить церковь.

Кроме этого, так сказать, следственного донесения, Колесов в тоже время послал в Якутск и вторую отписку, в которой, ссылаясь на малолюдство команды, заявляет о невозможности ему идти с ясачной казною в Якутск чрез земли олюторцев и просит остаться в Камчатке до более удобного времени.

В январе 1713 г. из Якутска был дан наказ анадырскому прикащику дворянину Афанасию Петрову идти в Камчатку вместе с назначенным туда прикащиком Иваном Енисейским и учинить суд и разправу, если это не успел ещё сделать Василий Колесов. Афанасий Петров возвратился затем для постройки Олюторского острога, а Енисейский остался в Камчатке.

Енисейский был один из первых, посетивших Камчатку ещё во времена Морозки, Кобелева и других. В 1711 г. он получил звание дворянина, а в 1713 г. назначен в Камчатку на место Колесова. Завершив окончательно следствие над казаками, Енисейский по проекту Колесова перенёс Нижне-Камчатский острог ближе к подножию Ключевского вулкана и построил там церковь.

О прибытии в Камчатку духовных особ впервые упоминается в 1705 г., когда для проповеди слова Божия был выслан туда из Тобольска архимандрит Мартиниан, который, надо думать, и пережил среди казаков все смуты и распри. Имя его упоминается в отписке Афанасия Петрова, где один из пойманных бунтовщиков показывал, что при дележе имущества убитых прикащиков на долю архимандрита Мартиниана досталось: шуба собачья да дворовая девка Атласова.

При Енисейском был удачный поход на немирных и долго сопротивлявшихся камчадалов Авачинского и Паратунского острожков. Ему же пришлось получить ясак с трёх Курильских островов, доставленный Козыревским, посланным туда ещё Колесовым. Козыревский доставил, между прочим, чертежи этих островов, сведения об Японском государстве и двадцать два золотника золота, взятого у японцев.

Енисейскому пришлось возвращаться в Якутск в 1714 г. вместе с Колесовым, который, как упомянуто выше, не рисковал один ехать через земли коряков, которые с каждым годом всё более и более ожесточались против русских.

В то время на р. Олюторе был дворянин Петров, которому предписано было устроить там острог и содержать постоянно команду, дабы таким образом обезопасить путь камчатским казакам к Анадырскому острогу. По прибытии Колесова и Енисейского к Олюторской реке Петров встретил их и, выждав зимний путь, отправился

сопровождать к Анадырску. На пути, благодаря измене сопровождавших их юкагиров, все они были убиты и ясачная казна их была разграблена.

После такой катастрофы было сделано распоряжение: не возить ясачной казны и вообще казённого груза чрез Анадырск и вместе с тем было вменено в обязанность якутского воеводы озаботиться подысканием в Камчатку другого пути. Такое распоряжение было сделано в царствование Петра Великого, в бытность сибирским губернатором князя Гагарина и якутским воеводой полковника Ельчина. Наряду с другими партиями, направленными к исследованию морей и берегов северо-восточных владений, была снаряжена в Охотске партия Козьмы Соколова, при которой имелись корабельные мастера, матросы и необходимые для морского судна снасти.

Соколов построил в Охотске судно и в 1716—1717 гг. совершил поездку вдоль берегов и открыл кратчайший путь в Камчатку чрез Ламское (Охотское) море к устью р. Большой. С этого времени начинается быстрое возрастание Охотска, который к началу 1730-х гг. становится портом и центром правления всех северо-восточных владений, не исключая и Камчатки.

После Енисейского, пока ещё не установлено было правильное сообщение через Охотск в Камчатку, в 1714 г. был назначен пятидесятник Петриловский, который жадностью и зверством превосходил всех своих предшественников. Петриловский был в Камчатке более двух лет; после него Козьма Соколов, который открыл путь из Охотска в Камчатку. Петриловский кончил службу тем, что казаки не вынесли его жестокостей, отправили его имущество и посадили в тюрьму. Из Камчатки он был отправлен под строгим караулом в Якутск уже в 1719 г., после производства следствия по поводу перекупки казаками ясачной казны от коряков, ограбивших и убивших прикащиков Колесова, Енисейского и Петрова.

После этого в Камчатке один за другим были прикащики Ведиливцев, Колычев, затем Суровцев, от которого принял Уворовский, с которым одновременно были Поротов и Качанов. В 1719 г. в Камчатку был послан боярский сын Харитонов. Судьба всех этих прикащиков была не лучше их предшественников. Большинство из них погибло от окончательно развратившихся к тому времени служилых людей и озлобившихся камчадалов.

Вполне правдоподобную характеристику того времени даёт отписка Максима Лукашевского, одного из прикащиков 1720 г.,

когда одичавшая толпа казаков дошла до крайних пределов распущенности, когда каждый, не пренебрегая никакими мерами, делает всё по своему произволу, не исключая даже измены царю и отечеству, и, не стесняясь, прикрывает свои поступки саном монашества. В заключение Лукашевский говорит, что если не будут теперь же приняты меры, если эти казаки не будут удалены из Камчатки, а на место их не будут присланы новые и притом под управлением «начальнейшаго», то в Камчатке будет одно лишь самовластие, возмущение и в службе государевой остановка.

При таких печальных обстоятельствах Камчатка доживала до двадцатых годов прошлого столетия (восемнадцатого. — *Ред.*), когда в связи с реформами Великого Петра начинают проявляться заботы о всестороннем изучении всех приморских владений, входивших в состав Российской Империи. С этого времени для северо-восточных окраин начинается новая эпоха, наступает период исследований и экспедиций.

Охотско-камчатский путь, открытый Соколовым, год от году обставляется всё большими и большими удобствами (конечно, в размерах того времени). Снаряжается партия Евреинова и Лужина для исследования Курильских островов и вообще берегов Охотского моря. Для приведения в известность и окончательного присоединения к подданству России северо-восточных инородцев отправляется в 1727 г. по высочайшему указу так называемая «чукотская» экспедиция под начальством Шестакова и Павлуцкого. Наконец, в том же году по указу ещё Петра Великого, воспоследовавшему 23 января 1724 г., в пределах Камчатки появляется первая экспедиция Беринга, занимавшаяся в Камчатке с 4 сентября 1727 г. по 14 июля 1727 г. приготовлением к плаванью для определения границ между Азией и Америкой.

Хотя представители этих экспедиций и не принимали прямого участия в делах управления Камчаткою, но, тем не менее, появление их с полномочиями от российского правительства, конечно, не могло не влиять на судьбы камчатских дел.

Влияние это отражается на умалении значения казаков в глазах полудиких камчадалов, для которых казак-пятидесятник в сравнении с членами экспедиции перестал казаться чем-то высшим, властью имущим, а, скорее, непрошеным гостем и самовольным извергом. Вследствие этого, когда экспедиции оставляют на время Камчатку, не повлияв на организацию, не дав ей административного устройства, среди камчадалов в 1731 г. являются свои собственные вожди, возставшие за свободу родины.

Из последних казачьих прикащиков, собиравших ясак в Камчатке, были: Штинников в 1727, Новгородов в 1730 и Шехурдин в 1731 г., по отъезде которого и начался камчатский бунт.

Партия Евреинова и Лузина коснулась только юго-западного побережья Камчатки, в пределах владений Большерецкого острова. Более видное участие в судьбах этого полуострова выпало на долю майора Павлуцкого, участника партии Шестакова.

Шестаков, направив Павлуцкого из Якутска в Чукотскую землю, сам прибыл в Охотск. Воспользовавшись здесь судами первой Беринговой экспедиции, он разделил свою партию на два отряда: одну на судне «Гавриил» под командою Генса направил к Удской губе и Шантарским островам, а сам, тоже на судне, пошёл на север. На пути Шестаков потерпел крушение (в Тауйской губе?) и с командой, которая спаслась, пошёл к корякам и чукчам сухим путём. На берегах р. Пенжины он встретил большое полчище чукчей и в первой же схватке погиб со всею командою, состоявшей из ста пятидесяти человек.

Гораздо успешнее вёл дело Павлуцкий. Он прошёл Чукотскую землю с юга на север и с запада на восток и во всех битвах, отличавшихся кровопролитием, остался победителем над непокорёнными чукчами. В одной из таких схваток ему удалось отбить от чукчей вещи, принадлежащая погибшему Шестакову и его казакам. В октябре 1731 г. Павлуцкий, отправив много пленных в Якутск, возвратился в Анадырский острог и снарядил отряд казаков к устью Анадыря для содействия судну, посланному из Охотска для описи устья этой реки и упрочения там русских владений. На этом судне («Гавриил» под командою того же Генса) должна была придти значительная часть казаков из камчатского отряда.

Но судно «Гавриил» на этот раз не пришло, так как было задержано бунтом камчадалов, возставших за независимость, под начальством своих тойнов Харчина и Гонгоча.

Как только экспедиционные силы оставили Камчатку, камчадалы взяли за оружие и решились перебить всех оставшихся в их стране казаков. Такой жестокий замысел и был бы приведён ими в исполнение, если бы судьба на этот раз не поспособствовала русским.

Камчадалы, разведав об участии отряда Шестакова и не видя особой опасности со стороны Павлуцкого, находящегося, во-первых, далеко, а во-вторых, обезсиленного ожесточённой борьбой с чукчами, и, наконец, вполне рассчитывая на непримиримую вражду к казакам коряков, ожидали только того момента, когда глав-

ная опора русских — судно «Гавриил» с большею частью казаков уйдёт в море по направлению к Анадыру.

20 июля 1731 г. судно, действительно, вышло из устья Камчатки, но за поднявшимся противным ветром стало при устье на якорь. Вожди камчадалов, получив известие об отходе судна и не дождавшись окончательного его отплытия, приступили к избиению казаков. Часть мятежников пошла вверх по реке, а часть напала на Нижне-Камчатский острог, предавая всё огню и мечу и не щадя ни жён, ни детей. Но, получив известие о том, что судно стоит на якоре у устья р. Камчатки, Харчин сделал распоряжение укрепиться в Нижне-Камчатском остроге и послал известие вверх по реке, чтобы все старались защитить взятый им русский острог. Штурман «Гавриила» Генс, узнавши о бунте, отменил поход на Анадыр, вошёл снова в устье р. Камчатки и послал команду с ружьями и пушками на выручку острога. Казаки сначала уговаривали мятежников сдаться волею, но, получив в ответе грубые насмешки и ругательства со стороны Харчина, разгромив стены пушками, приступом взяли острог. Харчин спасся хитростью и пошёл вверх по реке, собирая вокруг себя партии бунтовщиков. На берегу р. Ключевки Харчин, стоя во главе большого войска, хотел было вступить в переговоры с казаками, но, схваченный хитростью, взят был в плен и заключён под стражу. К этому времени начали было стекаться к подножию Ключевского вулкана тойоны других камчадалских острогов: Еловский, Камышевский и другие. Казаки постарались, однако, не допустить их до соединения и разбили порознь всех, направив свои преследования вверх по р. Камчатке, а также и по другим направлениям. Резня продолжалась до конца года и даже более, причём казаки прошли всю Камчатку, усмирив большеецких и вообще пенжинских бунтовщиков; ходили даже к авачинским камчадалам.

Между тем в Петербург прибыли два японца, высланные туда из Камчатки при следующих обстоятельствах: в 1729 г. у южной оконечности Камчатки разбилось японское судно, причём команда его в числе семнадцати человек спаслась и устроила на берегу Камчатки стоянку, куда было свезено японцами с затонувшего судна всё, что было необходимо для продовольствия. В это время в тех местах появился русский пятидесятник Штинников с командою для сбора ясака. При виде разного рода имущества японцев Штинников не утерпел и, несмотря на полную покорность японцев, перебил их всех, кроме двух, которых оставил себе в услужение. Для покрытия своей вины Штинников откупался награбленным

добром от влиятельных казаков, но когда прибыл новый начальник, Новгородов, поступок Штинникова с японцами обнаружился. Он был взят под стражу, а два японца были отправлены в Петербург, причём в Петербурге было писано также известие и о камчатском мятеже. Вследствие этого было указано послать якутского полка майора Мерлина. В помощь ему вызвать с Анадыря майора Павлуцкого, снабдить их необходимым количеством солдат и боевыми припасами и поручить им расследовать дело о бунте и убиении японцев, причём следственное дело было приказано прислать в Иркутск для конфирмации (утверждения. — *Ред.*).

Мерлин и Павлуцкий построили новый Нижне-Камчатский острог при устье р. Радуги в тридцати верстах от устья р. Камчатки и жили там до августа 1739 г. По получении из Иркутска конфирмации приступили к наказанию виновных, не щадя ни камчадалов, ни казаков, при этом из русских были казнены Новгородов, Штинников и Сапожников, а из камчадалов Харчин и много других. Строгое и, вероятно, правдивое возмездие, понесённое виновными, прекратило в Камчатке самопроизвол и насилие. С того времени мир, покой и тишина водворились в этом отдалённом уголке Российской Империи, особенно после повеления императрицы Елизаветы Петровны ввести особые инструкции для управления Камчаткою, когда особенное внимание было обращено на упрочение там православной миссии и заведены школы. Времена Мерлина, так круто повернувшая судьбы Камчатки, надолго остались в памяти народа, передаваясь из рода в род, и сохранились до настоящего времени как поговорка: «Как быть тогда не веселу, когда всех нас повесили». Эта поговорка существует и в настоящее время, но происхождение её приписывается упомянутому времени.

Между тем в Петербурге снаряжалась вторая северная экспедиция Беринга, затеянная на этот раз в самых широких размерах и обошедшаяся казне свыше полумиллиона рублей. В 1730 г. по возвращении своём из первой экспедиции, Беринг представил императрице две записки. В первой он, как ознакомившийся с Камчаткою и видевший всю бывшую там неурядицу, обращал внимание её величества на эту неустроенную, но важную страну, перечислял все нужды этой окраины и предлагал меры к удовлетворению их. Во второй записке Беринг проектировал новую экспедицию для всего северо-восточного края, для изучения его в естественно-историческом отношении и подробного описания.

Во внимание первого предложения Беринга в мае 1731 г., то есть за месяц до начала камчатского бунта, и как бы предугады-

вая его, последовал высочайший указ об устройстве Охотско-Камчатского края с центром правления в Охотске, с учреждением в нём порта, подчинив ведению его и Анадырский край.

Первым начальником вновь учрежденного управления был назначен бывший директор Морской академии и обер-прокурор Сената Скорняков-Писарев, проживавший в то время в Якутске в ссылке за участие в делах против князя Меншикова.

Второе желание Беринга снарядить экспедицию было осуществлено высочайшим указом в апреле следующего 1732 г.; в это время возникла, было, даже мысль вверить Берингу управление Охотско-Камчатским краем, почему Писареву был уже послан отказ. Но вскоре Сенат постановил, что Берингу, обременённому прямыми его обязанностями, не хватит времени заниматься этим делом, а потому, назначив для Камчатки особого начальника, к чему главною причиною были известия о камчатском бунте, для управления Охотским краем Сенат постановил избрать отдельное лицо. Выбор пал опять-таки на Писарева, известного в Петербурге за человека энергичного и весьма образованного. Камчатским начальником был назначен майор Павлуцкий, который и прибыл в Камчатку из Анадырска для разбора дела о камчатском бунте вместе с полковником Мерлиным.

Мерлин выехал из Камчатки в 1739 г. по окончании возложенного на него поручения, а Павлуцкий оставался там до 1747 г. и во многом способствовал делам экспедиции, особенно Крашенинникову, прибывшему в Камчатку на боте «Фортуна» в 1737 г. в числе первых чинов этой экспедиции.

В 1747 г. Павлуцкий выехал в Анадырск для усмирения восставших чукчей, но в одной из схваток был убит. Окончательно усмирил чукчей Шмалёв, присланный в 1752 г. во главе ста солдат, после чего борьба этого народа с русскими стихает и с 1755 г. никаких воинственных набегов с их стороны не было.

Вторым начальником Камчатки был назначен Борисов, а в Охотске вместо Писарева, ведшаго всё время вражду с Берингом и вообще с членами экспедиции, был назначен Девьер, тоже из ссыльных, деятель времен Петра Великого.

Из подробного описания деятельности обширной северной экспедиции видно, до какой степени она имела влияние на судьбы всего северо-восточного края и даже Сибири. Все предшествовавшие распоряжения, даже в отношении неотложных нужд этой страны, как бы ступеньваются пред начертаниями этой экспедиции. Все предположения и мероприятия, уже начатые с затратою

труда и времени, как бы поглощаются Берингом и немецкими учёными. Недаром историограф Словцов говорит: не дай Бог второй такой экспедиции, иначе вся Сибирь была бы измучена и уничтожена. С одной стороны, заслуга северной экспедиции, бесспорно, велика, но с другой, она, как нам кажется, во многом отдалила благоустройство нашей северо-восточной окраины вообще и Камчатки в частности.

Разбои и грабежи по камчатско-анадырскому пути и затем злоупотребления камчатских казаков, окончившиеся камчатским бунтом, послужили в своё время побудительной причиной к тому, что правительство решилось принять меры для устранения этих зол. С возведением Охотска на степень порта и главного административного центра для северо-восточной окраины предполагалось было: 1) завести четыре судна для перевозки на них в Камчатку всякого груза и лиц, как начальствующих, так равно и частных, с установлением провозной платы в размере 50 коп. с пуда и 50 руб. с частного пассажира; 2) отделить «для нужд его и Камчатки особую команду в триста человек; 3) перевести в Камчатку до пятидесяти семейств крестьян-хлебопашцев из Якутска, снабдив их сеянным хлебом и скотом; 4) озаботиться устройством церквей и даже школ, для чего был отправлен в Камчатку игумен Варфоломей Филевский с иеромонахом и иеродиаконном; 5) купцам и вообще частным предпринимателям (для плавки руд, добычи смолы, соли и т. п.) дать льготы на десять лет и 6) назначить для управления Камчаткою особаго начальствующаго с подчинением его охотскому начальнику, а для сбора ясака послать туда особых комиссаров.

Но не успели эти мероприятия войти в силу и в исполнение, как настало время второй северной экспедиции, и всё, что было начато, или поглотилось ею, или, если что и приводилось в исполнение, то настолько, насколько это представлялось возможным, не мешая ходу дел экспедиции.

Северная экспедиция продолжалась немного более десяти лет (1733—1743 гг.) и дала государству отрывочные и неточные орографические (орография — описание различных элементов рельефа и их классификация по внешним признакам вне зависимости от происхождения. — *Ред.*) и гидрографические сведения о северо-восточной окраине. В 1743 г. Сенат, резюмируя последствия этой экспедиции, в докладе своём от 24 октября (Андриевич. «Исторический очерк Сибири», т. III, с. 271) говорит, что экспедиция стоила казне чрезвычайно дорого, но чуть ли не дороже она обо-

шлась народу. Население, занятое в течение десяти лет перевозкой экспедиционных грузов и тяжестей и пополняя команды ея своими рабочими, лишилось скота, рабочих рук, а вследствие этого начался недород хлеба, а затем и голод. В конце доклада, который удостоен высочайшего утверждения, Сенат говорит: «По таковым обстоятельствам ту экспедицию, от которой Сенат ни малаго плода не признаёт, надлежит вовсе отставить, людей распустить, а Чирикову и Шпанбергу оставаться в Иркутской провинции до выяснения вопросов, связанных с экспедицией».

Между тем положение камчатских дел если и изменилось, то с небольшим шагом к лучшему. Закончился период буйства и кровавых расправ, но зато настало время тихого порабощения путём экономическим. Начальствующие и их сподручные, а наряду с ними и торговцы, находясь всё же вдали от высших властей, своими притеснениями и вымогательствами доводят население до нищеты. Под влиянием известий о злоупотреблениях камчатских, в 1745 г. был издан указ, в силу которого туда отправлен был Вульф, для разследования и осуждения виновных.

Сопоставляя два указа, один от 21 мая 1733 г. и другой от 24 сентября 1745 г., мы видим, что хотя первый был вызван кровопролитной резней, а второй не имел ничего подобного, но, тем не менее, основные причины, побудившие к изданию этих указов были одни и те же: притеснения вымогательства и обманы покорённых инородцев. Разница между этими двумя периодами, отстоящими друг от друга на двенадцать лет, проглядывает лишь в том, что в 1730-х гг. это зло вызывало со стороны аборигенов страны протест, а в 1740-х гг. население впало в апатию.

Правительство, побуждаемое искренним желанием поднять умственно-нравственный уровень населения, чему способствовали, отчасти, донесения камчатских начальствующих, не оставляло без внимания вновь присоединённую страну и в этом отношении. Первая духовная миссия в Камчатку была послана туда, как уже упоминалось выше, в 1705 г. в лице монаха Мартиниана, деятельность которого выразилась в основании Успенской пустыни и в крещении ста душ камчадалов.

Вторая миссия была послана в Камчатку вслед за возвращением Беринга из первой экспедиции и состояла из игумена Филевского, одного иеромонаха, одного иеродиакона и из нескольких новгородских священников, проживавших в Якутске в ссылке. Миссия эта, как видно из указа об ея назначении, была обставлена заботами начальства как со стороны перевозочных средств, так

равно и со стороны обеспеченности её существования на месте. Игумен Филевский сам не доехал до Камчатки. Причины возвращения его с дороги кроются, надо полагать, или в слухах о камчатском бунте, тогда ещё не прекратившемся, или, что вернее, в невозможности следовать столь длинным гужевым трактом, занятым уже в то время нуждами второй экспедиции Беринга. Миссия Филевского завезла и препроводила далее по назначению необходимые принадлежности для церквей и школ, которые и доставлены в Камчатку ссылными новгородскими священниками, прибывшими туда по собственному желанию.

Наконец, третья миссия была отправлена в 1742 г. под управлением архимандрита Иосафа Зенкевича. Зенкевич снарядил миссию, снабдив её большими запасами книг, не исключая даже латинских и французских, иконами и вообще церковными принадлежностями, не исключая церковного вина, но от поездки почему-то отказался, уступив место своё архимандриту Иосифу Хотуневскому. В состав миссии вошли два иеромонаха Пахомий и Иосаф, несколько священников из Тобольска, два церковника и пять учеников из Московской академии, которые предназначались для учительских обязанностей при школах. Миссия прибыла в Камчатку в сентябре 1745 г. и нашла там до трёх тысяч душ крещённых инородцев, обращённых в христианство ссылными новгородскими священниками, приложившими в этом отношении особое старание «вины своей ради». Деятельность миссии распространялась и на курильцев, куда был послан иеромонах Иосаф.

Архимандрит Хотуневский в 1750 г. был переведён на кафедру иркутского епископа, а место его в камчатской миссии занял иеромонах Пахомий, продолжавший с успехом дело своего предшественника до 1760 г. и по выезде своём уступивший место протоиерею Стефану Никифорову, прибывшему в Камчатку вместе с архимандритом Хотуневским в качестве церковника.

Дело, ревностно начатое Хотуневским и с любовью продолженное Пахомием и Стефаном Никифоровым, дало следующие результаты: в главных пунктах были устроены церкви, числом пять; обращено в христианство более семи тысяч душ инородцев; в населённых пунктах устроено сначала три, а затем ещё десять школ, в которых обучалось до трёхсот инородческих детей.

По представлению выехавшего в Москву Пахомия, учащимся детям указом Сената 1764 г. января 13, постановлено по примеру войсковых школ выдавать хлеб, одежду, обувь и даже жалованье. По выходе учащихся из училища, они освобождались от ясака,

а при назначениях в ряды служилых и в церковнослужащие им отдавалось преимущество. Тем же, которые после этого останутся жить по обычаям своих отцов, никаких льгот не предоставлялось, и от ясака они не освобождались.

К заслугам, как этой, так и предшествующих миссий, группировавшихся вокруг Успенской пустыни, основанной некогда Мартинианом в самой плодородной местности Камчатки, нужно отнести и первые попытки развести хлебопашество и скот.

Ещё с самого присоединения Камчатки привычка к хлебу первых ея завоевателей-казаков побуждала их к попыткам развести здесь хлебные злаки. Основанная монахом Мартинианом Успенская пустынь явилась первым опытным полем. С открытием охотско-камчатского пути, когда в Камчатку стали посылаться команды и вообще служащие, хлебный вопрос начал интересоваться и высшее начальство.

Доставка в Камчатку хлеба крайне тяжела и невыгодна. Климат и почва присоединённой Камчатки, по-видимому, могли удовлетворить условиям произрастания злаков, вследствие чего приложены заботы о местном хлебопашестве. С этою целью в 1731 г. предписывается охотскому начальнику Скорнякову-Писареву переселить в Камчатку из Якутска крестьян-пахарей и тунгусов-скотоводов. Заботы о содействии великой северной экспедиции отдалают эту меру на десять лет.

В 1740 г. снова было приказано переселить в Камчатку до пятидесяти семейств, часть которых действительно была переправлена и поселена в Большерецком остроге. В 1743 г. начальник Камчатки Борисов оставил при Большерецке девять семей и переселил пять семейств в Верхне-Камчатск и шесть в Нижне-Камчатск, к которым немного спустя переселились затем четыре семьи из оставшихся в Большерецке. В следующие два года прибыло ещё несколько семейств, которые и распределились в долине р. Камчатки.

В 1760 г. в связи с вопросом о снабжении войск провиантом был снова поднят вопрос о хлебопашестве в Камчатке. Чиновник якутской канцелярии Чередов, отец которого состоял начальником камчатской команды, предложил свои услуги стать комиссионером по отправке доброкачественных семян и необходимых земледельческих орудий в Камчатку, где по его проекту отец его мог бы с успехом руководить посевом и сбором хлеба. К обсуждению этого вопроса был привлечён адмирал Лаптев, который, ссылаясь на показания членов северной экспедиции, знакомых с климатическими

условиями Камчатки, особенно окрестностей Авачинской губы, оспаривал возможность получить там удовлетворительные результаты от хлебопашества. Дело это подробно разобрано в докладе Сенату, который 23 января 1761 г. указал выдать на это дело Чередову тысячу рублей и переселить в Камчатку хлебопашцев из Иркутской губернии и сподручных к земледелию казаков из Якутска, дав им льготы по отношению различного рода повинностей, причём в помощь Чередову назначен был Лебедев.

Наряду с заботами правительства, направившего своё внимание, главным образом, на обезпечение камчатского населения продовольствием и на поднятие в нём религиозно-нравственного и умственного уровня, начала мало помалу развиваться частная предприимчивость и торговля. В июле 1764 г. издан указ, по которому объявившиеся в Камчатке беглые оставляются там на свободном жительстве, если только обнаружат склонность к хлебопашеству или к какому-либо труду. Добыча соли, заведённая на охотском побережье ещё заботами Петра Великого, перешла в Камчатку в виде казённых солеварен. В 1764 г. эти солеварни приказано передать на самых льготных началах в частные руки. То же самое выразилось впоследствии и относительно вина, табаку и прочего.

Особенного внимания заслуживает частная предприимчивость того времени, направленная к отысканию пушных и водных богатств по берегам и островам Великого океана. В этом отношении большая заслуга остаётся за северной экспедицией, которая дала почин и показала пути в этих водах, отметив траурными точками некоторые пункты в них.

Остатки северной экспедиции, обезсилившей в борьбе с бурями Великого океана, возвратились в пределы камчатских берегов. Команда командора Беринга, наполовину погибшая, похоронив своего вождя на одном из Командорских островов, названном его же именем, еле добралась в Авачинскую губу с едва живым Стеллером и тут же умершим Делилем. Известия о пушных богатствах, доставленные членами экспедиции и привезённые ими бобры и котики, не остались без внимания предпринимателей-купцов. С тех пор, несмотря на полное отсутствие на месте сведущих моряков и приспособленных к морю судов, среди местных жителей постоянно появляются смельчаки, рисковавшие странствовать по морям для отыскания островов и вообще мест, богатых пушниною. Благодаря таким смельчакам, Великий океан не заградил пути наступательному движению русских даже в пределы Западного материка.

К числу таких смельчаков относятся: 1) сержант камчатской команды Басов, который в 1743 г. вместе с купцом Серебрянниковым построил в Нижне-Камчатске по своему плану и своими средствами какую-то утлую ладью и достиг на ней Командорских островов, откуда вывез ценные меха и куски самородной меди, вследствие чего один из Командорских островов назван Медным; 2) в 1745 г. по этим следам направляются туда же купцы Чупров и Трапезников, причём штурман их, простой крестьянин Неводчиков, открыл острова Атту и Агату; 3) купцы Рыбинский, Тюрин, затем Толстых, Серебрянников, Глотов, Пономарёв и другия открывают один за другим и все остальные острова Алеутской гряды и, наконец, 4) Бечевин в 1761 г. достиг берегов Аляски.

Все эти предприятия, хотя и не имеют, по-видимому, ничего общего с полуостровом Камчаткою, но, тем не менее, это не могло не отразиться на Камчатке, так как полуостров этот служил для них базой. Сначала центром отправлений на восток служил Охотск, но затем, к концу уже 1700-х гг. и особенно в начале нынешнего (девятнадцатого. — *Ред.*) столетия, вся деятельность Охотска мало помалу перешла в Камчатку.

В связи с возрастанием интереса к северо-восточным водам Великого океана возрастала и жизнь в Камчатке и увеличивались потребности ея, требовавшие, в свою очередь, всё большего и большего внимания со стороны правительства. Сибирский губернатор Соймонов, ревностный сторонник Беринговой экспедиции, в 1761 г. назначил в Камчатку начальника из морских офицеров Хмелевского, который мог бы оказывать пользу своим знанием и советами отправлявшимся в море промышленникам. Под конец своего правления Сибирью Соймонов испросил разрешение снарядить экспедицию под управлением лейтенанта Синда, одного из участников экспедиции Беринга, к отысканию и описанию американского берега в широтах Чукотского носа. Синд отправился из Охотска в 1764 г., зазимовал близ Тигиля, затем обогнул Камчатку и снова зазимовал на р. Уке близ Карагинского острова, и только в 1766 г. направился в Берингов пролив. Результат его поездки свёлся к нулю, так как американского берега он не достиг и с повреждённым судном едва возвратился назад.

В 1764 г. назначенный вместо Соймонова сибирским губернатором Чичерин с особою радостью доносил императрице о подвигах простых камчадалских мореходов Глотова и Пономарёва, которые на судне купца Никифорова в 1758 г. вышли из Нижне-Камчатска, прошли по всем близ лежащим островам Алеутской

гряды и в 1759 г. объясасчили и привели в русское подданство острова Умнак и Уналашку. Поздравляя ея величество со вновь приобретёнными землями, Чичерин в то же время просил о назначении более сведущих людей из морских офицеров для обстоятельного описания всех островов и земель в Восточном океане, разведанных русскими простыми промышленниками.

В ответ на это ходатайство воспоследовало милостивое внимание императрицы к мореходам-труженикам, они удостоены высочайших наград и дано секретное распоряжение о снаряжении новой, довольно значительной, экспедиции под управлением капитан-лейтенанта Креницына и его помощника лейтенанта Левашёва. Снаряжение экспедиции обошлось казне свыше ста тысяч рублей. Цель ея была не только описать Алеутские и другие острова, лежащие в северных водах Великого океана, но также и берега Америки и побережья Берингова пролива, везде в то же время заявляя о милостивых отношениях императрицы к покорённым народам. Надеялись, что эта экспедиция обогнёт Чукотский нос и в водах Ледовитого океана встретится с другою экспедициею, направленною к Шпицбергену под начальством Чичагова.

Креницын и Левашёв прибыли чрез Сибирь в Охотск в октябре 1765 г., снарядили два старых судна и построили два новых. В октябре 1766 г. экспедиция отправилась в путь и тот час же начала претерпевать неудачу за неудачей. Одно судно разбилось в Курильской гряде, другое у берегов Камчатки при устье Большой реки, где с большим повреждением сели на мель и остальные два. На следующий год экспедиция зазимовала в Нижне-Камчатске и потом уже тронулась только на двух судах, прошла Алеутские острова и зазимовала: Креницын на о. Унишаке, а Левашёв на о. Уналашке. Результат был ничтожен. Креницын утонул на обратном пути в р. Камчатке, а Левашёв вернулся в Петербург и доставил самые отрывочные сведения о пройденном пути.

Между тем настало время, когда одного морского офицера в лице Хмелевского, предназначавшагося для руководства промышленными судами, стало недостаточно для всего камчатского побережья. Вследствие этого по просьбе Чечерина было командировано туда несколько морских офицеров под управлением одного старшего. Императрица, издавая указ, писала: «Мы не токмо онаго отправляющагося офицера (старшаго), но и всю его команду императорскою нашею милостию обнадёживаем, повелеваем вам (адмиралтейств-коллегии) их при отправлении к получению чина представить, каковой они по счастливом возвращении в отечество,

паки получить имеют, с приобщением при том вечного пенсиона против получаемого по чину в оном пути жалованья, считая такое в двойном размере».

Этих офицеров по проекту Чичерина предполагалось помещать под видом частных лиц на промышленные суда, по одному на каждое, с тем, чтобы они «ни в чём не препятствуя промыслам, вели бы обстоятельные журналы и описания путешествиям». Такой способ описания вновь приобретённых земель, очевидно, был признан более надёжным и более дешёвым, нежели снаряжение отдельных экспедиций.

Не получая от экспедиции никаких данных, императрица в то же время утешалась почти ежегодными известиями о новых приобретениях простых промышленников, причём не пропускала случая одарять их наградами и своею милостью. Единственно, чего она требовала от них и всегда в своих указах прописывала, так это «чтоб они ласково и без малейшаго притеснения и обмана обходились с новыми их собратьями, тех островов жителями», но открытия продолжались, а великодушные желания и наставления императрицы оставались без исполнения. Прикрываясь сбором ясака, промышленники не стеснялись для достижения своих корыстных целей никакими мерами, переходившими нередко в жестокость и разбой, следствием чего было издание в 1779 г. указа о запрещении собирать ясак с близлежащих островов, особенно с Курильских, и разрешалось «знакомство ласкою и правдивою торговлею».

В 1783 г. на Алеутских островах появляется почётный гражданин Шелехов и купцы Голиковы, которые сделали попытку основать первую промышленную компанию с капиталом в семьдесят тысяч рублей. Ловкий и предприимчивый Шелехов в скором времени захватил в свои руки главную торговлю и постепенно начал расширять свои операции. Начатое им дело на компанейских началах и увеличенное открытием и присоединением Прибыловых островов постепенно разрасталось и под конец, после уже смерти Шелехова, приняло в 1798 г. название «Российско-Американской компании», которая под разными затем кличками и составом переменилась несколько раз и в настоящее время существует под именем «Русского товарищества котиковых промыслов».

Как ни тяжелы были для казны специальные экспедиции, столь неудачно окончившиеся, но, тем не менее, потребность в них ввиду новых открытий была настолько настоятельна, что императрица Екатерина II, несмотря на неудавшуюся экспедицию Креницына,

в 1785 г. снарядила новую под командою Билингса и трёх лейтенантов: Галла, Сарычева и Беринга (внука капитан-командора В. Й. Беринга. — *Ред.*).

Задача экспедиции состояла в том, чтобы: 1) пройти из р. Колымы в Берингов пролив или обратно; 2) исследовать и описать Алеутские острова, а также и Курильские до Японии и Кореи; 3) дойти до берегов Америки и 4) жителей вновь присоединённых островов и земель приводить в русское подданство. Билингс получил при этом инструкцию, по которой ему поручалось, собирая статистические сведения, производить следствие и налагать наказание на тех промышленников, которые позволяют себе обходиться с инородцами жестоко и несправедливо.

В начале царствования Екатерины II слухи о богатствах северо-восточной окраины всё более и более привлекали в Камчатку промышленников и вообще искателей приключений. Кроме этого элемента, население Камчатки пополнялось и различного рода ссыльными. Некоторые из них, действительно, принесли известную долю пользы, но были и такие, которые оставили после себя следы разврата, интриги и буйства. К числу последней категории принадлежал, между прочим, ссыльный Бенеvский, наделавший в своё время много шума не только в Камчатке, но и за границей.

Бенеvский прибыл в Охотск в 1769 г. и представил охотскому начальнику Плеснеру поддельное письмо с хорошей для себя рекомендацией. В 1770 г. Бенеvский с пятью товарищами был отправлен в Камчатку в Большерецкий острог к начальнику Нилову. Здесь он, благодаря своей образованности и ловкости, скоро заслужил к себе расположение и сошёлся тоже с ссыльными той же категории, из которых более всего сблизился с гвардии капитаном Хрущёвым. Ознакомившись с положением всего его окружающего, Бенеvский задумал составить заговор, заявил себя страдальцем за интересы наследника престола Павла Петровича. Кроме близких к Бенеvскому людей, в заговоре приняли участие выгнанные из промышленных партий матросы и команда одного разбившагося к этому времени у Большерецка торгового судна. Заговор кончился тем, что бунтовщики убили Нилова, захватили канцелярию, казначейство и провиант и на бывшем в Большерецке судне выехали для отыскания островов, богатых золотом. Странствование их продолжалось несколько лет. Были они в Японии, на Формозе и на китайском берегу в Макао. Здесь Бенеvский, продав судно, с приближёнными выехал в Европу на французском фрегате.

Некоторые из его уцелевших спутников по прибытии в Париж прямо заявили о своём имени и звании и были отправлены в Россию, а затем снова в Сибирь. Беневский же достиг у французского правительства назначения на о. Мадагаскар, где опять составил заговор для передачи острова одной американской компании. Для прекращения беспорядка на Мадагаскаре туда была послана команда, которая и нашла Беневского мёртвым.

Политические события царствования императрицы Екатерины II и её преемников, очевидно, отвлекали внимание их от более настойчиваго устройства северо-восточных владений. Между тем жизнь этой окраины прогрессировала и требовала всё новых и новых забот. Заботы были направлены, главным образом, на введение в Камчатке земледелия и скотоводства и затем на усиление как административной, так и воинской власти.

Правительство начало более наблюдать за переселившимися крестьянами, присылая к ним новые силы, и не переставало давать им всевозможные пособия. Бывший в то время сибирским губернатором Соймонов то и дело требовал от камчатских начальников Лебедева, а затем от Недозрелова отчётов и соображений о камчатском земледелии, с показанием причин безуспешности этого столь важнаго дела. Недозрелов дал отчёт, из которого видно, что, несмотря на все заботы и принуждения жителей, все усилия правительства и сорок лет постоянных трудов и издержек на введение в Камчатке хлебопашества не привели ни к каким утешительным результатам и не могли победить местных препятствий.

Между тем лёгкая добыча рыбы и выгодные занятия охотничьим промыслом заставили переселенцев мало помалу освоиться с бытом туземцев: они завели собак, хлеб заменили юкалой (сушёной рыбой), а всё остальное пополняли пушным промыслом.

Подполковник Плениснер, назначенный командиром Охотского края, по настоянию того же Соймонова лично прибыл в Камчатку в 1764 г. и по осмотре заключил, что безуспешность земледелия будто бы происходит от того, что места для посевов избраны неудачно и что крестьяне не радуют о хлебопашестве, не имея никаких выгод ни от посевов, ни от скотоводства, так как значительная доля с этих промыслов поступала в собственность казны. Вследствие этого по ходатайству Плениснера в 1765 г. последовало преобразование хозяйственной системы: казённый хлеб и скот были розданы населению с тем, чтобы все доходы поступали целиком в пользу хлебопашцев, а для казны было устроено опытное

поле на казенной заимке близ старого острожка Машурского. Место это избрано и одобрено самим Плениснером и его уполномоченным Шмалёвым. Нововведение это могло вполне поощрить камчатских поселенцев, но, к сожалению, сама природа тому препятствовала. Хотя, конечно, нельзя не признать заслуг и деятельности Шмалёва, но, тем не менее, отчёты за четырёхлетний период вновь подтвердили, что Камчатка по климатическим условиям неблагоприятна для земледелия. К этому времени по р. Камчатке образовалось уже несколько деревень: Мильково, Шигачинское, Машурское, Кирганик и Ключевское, растянувшиеся по р. Камчатке почти на триста вёрст, но хлебопашество ни в одной из них не было удачно.

В 1768 и 1769 г. Камчатку постигло страшное бедствие. В пределах ея появилась оспа и нанесла сильный вред населению, а вместе с тем и земледелию. До двадцати тысяч жителей из туземцев и переселенцев сделались ея жертвою.

В это время в Большерецке появляется некий спекулятор Рышков, который наподобие Беневского, его современника, сумел заслужить расположение начальника Нилова и по отъезде Шмалёва занял его место. Рышков, хотя и подавал лстивыя надежды на земледелие и выгоду от него, но, тем не менее, и его деятельность в конце концов не имела никакого результата.

В 1772 г. вслед за убийством Нилова и связанной с ним истории Беневского, было введено в Камчатке отдельное от Охотска управление, и главным командиром ея, с присоединением к ней и Гижинского округа с р. Анадыром, назначен был майор Бем, снабжённый обширными полномочиями. Камчатская команда была усилена.

Наряду с различными мероприятиями, направленными, главным образом, на упрочение взаимных отношений населения Камчатки, Бем несколько лет сряду употреблял все средства к улучшению камчатского земледелия. Но все благие намерения Бема не имели видимого успеха, и все его приказы и инструкции командирам к старостам оказались не достигающими цели. Таким же усердием к хлебопашеству отличался и преемник его, Рейнике, бывший в Камчатке с 1782 по 1785 г. Урожайи, несмотря на все старания, были самые скудные, а нередко не возвращались даже и семена.

В 1786 г., с усилением промышленной деятельности в водах Великого океана, восточный берег Камчатки, сравнительно с западным, приобретает больше интереса, почему и центр правления Камчаткой переходит из Большерецка в Нижне-Камчатск. Начальник получает наименование городничаго и внимание его на-

правляется на прибрежное промышленное население. Внутренняя часть полуострова остаётся без внимания; земледелие окончательно падает, жители окамчадаливаются и с хлебного довольствия переходят на рыбное (юкалу).

В 1799 г. с увеличением русских владений в водах Великого океана явилась потребность в увеличении камчатского войска, вследствие чего по указу 1800 г. был сформирован камчатский полк в двухбатальонном составе, с высылкою ему знамён. Снова возник вопрос о снабжении полка хлебом, и снова внимание правительства было обращено на камчатское хлебопашество. Ввиду этого полк был сформирован по образцу ландмилиции, причём занятие нижних чинов хозяйством не только не запрещалось, но даже поощрялось.

В 1803 г. по указу от 11 августа в Камчатке было учреждено областное правление, причём командир полка переименован в начальника области с местожительством сначала в Верхне-Камчатске, а затем — в Нижне-Камчатске. Областное правление состояло из председателя (начальника области, он же и комендант), одного судьи, земского исправника и двух заседателей, секретаря и двух писцов. Власть начальника области распространялась и на полк, который был преобразован в камчатский батальон в составе пяти рот. Одна рота назначалась для Гижиги, куда отправлялся также и особый комиссар. Для успешного перевоза почты учреждено четыре должности экспедиторов, причём охотская почта должна направляться на судне сначала в Тигиль, затем к устью р. Воровской и Большерецк (впоследствии добавлена и Петропавловская гавань).

Для привлечения служащих по всем частям было установлено особое положение, по которому содержание назначалось в двойном размере. При назначении каждый служащий получал следующий чин и прогоны по положению. Впоследствии была введена десятилетняя пенсия. Кроме того, служащие получали провиант, муку и крупу из казённых складов. Первым начальником области был назначен Кошелев, которым была составлена инструкция для сношения камчатского начальника с сибирским генерал-губернатором и с министерствами, к которым по известным вопросам он мог относиться прямо, без посредства сибирской власти.

К этому времени Российско-Американская компания, принятая в 1799 г. под высочайшее покровительство, достигла уже заметного развития. На трёх судах, прибывших в 1803 г. в Охотск, где компания имела свою контору, доставлено было с островов

мехов почти на полтора миллиона рублей, причём одних бобров было более пятнадцати тысяч штук. При таком широком развитии дела компании трудно было довольствоваться теми примитивными судами, которые мог производить тогда Охотский порт, и вверять их самоучкам-штурманам. К 1804 г. компанейский флот состоял из двух двухмачтовых судов. Недостаток судов и труднопреодолимые препятствия по доставке провианта и товаров Сибирью и чрез Охотск приводили компанию в совершенную невозможность своевременно снабжать колонии всем необходимым, выдвинули вопрос, поднимавшийся ещё во времена Беринга, о предложении в камчатския воды кругосветного морского пути, а вместе с тем и наступал конец главенства Охотского порта в русских водах Великого океана.

При таких обстоятельствах в начале царствования императора Александра I по проекту Резанова и министра коммерции графа Румянцева было решено снарядить в Кронштадте два судна и отправить их в Великий океан. Половина издержек была отнесена на средства казны и половина на компанию. Суда были приобретены в Лондоне и поступили под командование лучших для того времени морских офицеров — Крузенштерна и Лисянского. Крузенштерн командовал судном «Надежда», на котором был Резанов в качестве посла в Японию, и Лисянский — «Невою», предназначенною для нужд компании. Благополучный и успешный исход этой первой русской кругосветной экспедиции, во-первых, умалил значение Охотского порта, во-вторых, возвёл Петропавловскую гавань на степень главного опорного пункта в северо-восточных водах и, в-третьих, предрешил вопрос о преимуществе в Камчатке сил военно-морских пред сухопутными.

Вскоре после экспедиции Крузенштерна (1803—1806) последовало кругосветное плавание Головнина (1809—1811). Затем с перерывом на время войны 1812 г. были экспедиции Коцебу (1815—1818), вторая Головнина (1817—1819), Лазарева (1822—1824), Литке (1826—1829) и другие. Все эти кругосветные экспедиции при вступлении в северо-восточные воды Великого океана как по служебным, так и по своим личным целям направлялись в Петропавловскую гавань, как самую лучшую в этих водах стоянку для судов и могущую в этом отношении поспорить с лучшими портами всего света. Таким образом, самые обстоятельства дела повели к упадку Охотского порта, за которым осталось значение лишь места отправки и получения почтовой корреспонденции чрез Сибирь.

Петропавловская гавань представляет из себя уютный уголок в северо-западной стороне Авачинской губы и на камчадалском наречии носила название Ниякина. Для русских бухта Ниякина стала известна с 1740 г., когда Беринг, отправившись из Охотска с Чириковым на двух судах («Св. Пётр» и «Св. Павел») во вторую свою экспедицию, открыл это удобное для стоянки судов место и остался здесь на зимовку. Беринг построил там провиантский магазин и заложил церковь во имя Св. апостолов Петра и Павла. С тех пор все почти суда, на долю которых выпадала судьба плавать в этих водах, не пропускали случая провести несколько суток отдыха в этом тихом пристанище. Единственный недостаток этой бухты — отсутствие реки, следовательно, места для рыбного промысла. Вследствие этого бухта не была заселена камчадалами и долго не заселялась русскими. Лишь только с установлением охотско-камчатского судоходства и с усилением в Камчатке более или менее правильно организованной команды, вокруг церкви, заложенной Берингом, начинают селиться русские казаки, следившие за сбором ясака по берегам Авачинской губы.

В 1812 г. последовало новое преобразование камчатского управления. Указом этого года от 9 апреля камчатский баталион реформирован. Из него выделена была флотская рота для Петропавловской гавани и комплект казачьей команды. При этом желающим было предоставлено право оставаться в крае и заниматься хлебопашеством; все же остальные были переведены на службу в Иркутск.

Областное правление, как слишком обременительное для жителей и правительства, упразднено и управление всем полуостровом вверено командиру Петропавловской морской роты, с назначением ему помощника из флотских офицеров, а для ведения гражданских дел — секретаря и трёх писцов. Кроме того, в его распоряжение назначены: комиссар, два лекаря и три лекарских ученика.

Идея такого преобразования камчатского управления принадлежат Крузенштерну и вообще членам его экспедиции. Представленные Крузенштерном в Сенат соображения, с которыми, очевидно, были солидарны многие из лиц, стоящих во главе правительственных сфер, выяснили, что Камчатка, если разматривать её в политическом и коммерческом отношениях, является весьма важным пунктом, благодаря которому Россия твёрдую ногу стала в водах Великого океана.

Благодаря ей превосходной гавани, расположенной в Авачинской губе, в ней могут сосредоточиться военно-морские силы

и коммерческий флот, который, развивая свои предприятия, может вести сношения с Китаем, Японией, Филиппинскими и Сандвичевыми островами и Америкой, упрочивая и развивая в то же время русския алеутско-американския владения. Получая из сопредельных стран необходимые товары, Камчатка может в то же время явиться вывозным рынком продуктов пушного, рыбного и китового промыслов. С этой точки зрения Камчатка, действительно, являлась страной, заслуживающею внимания и забот правительства. В смысле же страны для процветания в ней жизни и культуры — она не представляет из себя ничего интереснаго. Сообразно с этим взглядом и административное устройство Камчатки было направлено, чтобы обставить всем необходимым Петропавловскую гавань и всё, что может относиться к мореходству в этих водах. Устройство же внутренней части Камчатки принято во внимание настолько, насколько это требовалось принципом жизненной законности и насколько это было необходимо для немногочисленного населения, без обременения его, по возможности, никакими повинностями.

После этого Охотский порт существовал ещё более тридцати лет, и если не был закрыт, то только потому, что имел сухопутное сообщение с центром России и что Россия в это время не обладала морскими средствами настолько, чтобы обезпечить правильный кругосветный путь в Камчатку.

Последним начальником Камчатки (после Кошелева, затем Сомова), во власти которого находился и баталион и гражданская администрация, был генерал-майор Петровский, со всем своим штатом отозванный из Нижне-Камчатска в Петербург. Новое управление было организовано под начальством капитана 1-го ранга Рикорда с местожительством в Петропавловске, на постепенное устройство которого приказано отпускать ежегодно до пяти тысяч рублей.

Со времени первого кругосветнаго путешествия, вызвавшаго указанныя перемены, для Камчатки настаёт новый и самый лучший период ея жизни. И если экспедиции Беринга служили началом новой эры для Камчатки, после чего началось окончательное водворение в ней русской власти, то экспедицию Крузенштерна нужно признать началом новаго периода, когда эта власть начинает крепнуть и развиваться для дальнейшаго поступательнаго движения на юг.

Правда, тяжёлая для России война 1812 г. отвлекла на несколько лет внимание правительства от Камчатки; но, начиная

с 1817 г., интерес к Камчатке снова возрастает. Удачный выбор первых флотских начальников, каковыми были Рикорд, а затем Голенищев, много способствовал первоначальному устройству этой окраины.

В 1817 г., когда гавань была уже несколько обставлена, Рикорд обратил внимание на нужды жителей. По его ходатайству снова был возбуждён вопрос о сельском хозяйстве, чему немало способствовал голод от недолова рыбы. Для снабжения жителей провиантом в таких исключительных случаях были заведены провиантские склады в главных пунктах: в Тигиле, Большерецке, Нижне-Камчатске и Верхне-Камчатске, куда провиант мог поставляться водою.

С поднятием вопроса о сельском хозяйстве было признано необходимым и образование подрастающего поколения в духе, способствующем сельской и портовой жизни. Положением, утверждённым 27 февраля 1817 г., в Петропавловске было открыто ремесленное училище с кузнечным, плотничьим и слесарным отделениями. На первоначальное обзаведение школы было отпущено пять тысяч рублей, и столько же на содержание ея. В 1820 г. в Петропавловске было открыто двухклассное духовное училище и переведено духовное правление из Нижне-Камчатска.

5 марта 1821 г. был утверждён план Петропавловского порта и на устройство его, кроме ассигнуемых пяти тысяч рублей, приказано отпускать ежегодно такую же сумму для постепенного возведения необходимых построек.

Жизнь Камчатки развивалась, но вместе с тем росли и потребности. В 1825 г. в виду, конечно, больших выгод, могущих последовать от облегчения правительства в деле снабжения Камчатки провиантом, была учреждена при содействии Министерства государственных имуществ Камчатская земледельческая компания с капиталом в восемь тысяч рублей. Компания существовала до 1832 г. и, убедившись в невыгодности этого предприятия, прекратила своё существование.

Неудачный исход земледельческой компании не повлиял, однако, на продление забот правительства в этом направлении. В царствование императора Николая I вопрос этот снова был возбуждён с особою энергиею. С этою целью Министерство государственных имуществ в 1840 г. выписало из Германии учёного агронома Кегеля и отправило его в Камчатку. Кегель прибыл в Петропавловск в конце 1841 г. и со следующей же весны приступил к исследованию полуострова в целях своей специальности.

Существовавшая в то время в Петропавловске ремесленная школа с успехом вела свою деятельность, но деятельность эта была направлена преимущественно к целям порта. Кегель решил деятельность школы несколько расширить и видоизменить соответственно со своими предположениями. Вследствие этого он возбудил вопрос о переносе школы вглубь страны, чтобы, обучая детей грамоте и ремеслам, обучать их и рациональному ведению сельского хозяйства на месте. Ходатайство его было уважено, и школа была перенесена в одно из лучших селений, в Мильково, расположенное в долине Камчатки в двадцати верстах ниже Верхне-Камчатска. Программа школы была расширена введением Кегелем различного рода производств: мыловаренного, кожевенного и прочих.

Быть может, поставленный таким образом на рациональную почву вопрос о сельском хозяйстве в Камчатке и принес бы надлежащий результат, но, к сожалению, начавшийся в скором времени неприязненные отношения между Кегелем и начальником Камчатки, капитаном 2-го ранга Страннолюбским, перешедшие под конец в явные противодействия начинаниям Кегеля, не дали сему последнему довести своего дела до конца. Дело кончилось тем, что школа в Милькове была закрыта и проектирована к открытию снова в Петропавловске; Кегель, а вскоре и Страннолюбский были отозваны из Камчатки.

В конце сороковых годов, со вступлением в управление Сибирью графа Муравьева-Амурского, вопрос о благоустройстве Камчатки и о сельскохозяйственном ее положении достиг высших, но и последних своих границ.

В 1849 г., 2 декабря, по указу данному Сенату («Полное собрание законов», 1849 г., № 23692) последовало решение об изменении порядка управления Охотско-Камчатского края, причём было повелено: 1) из частей, подведомственных камчатскому приморскому управлению, и Гижигинского округа, состоящего в ведении охотского приморского управления, образовать особую область, которой именоваться Камчатскою областью; 2) управление по всем частям новой областиверить военному губернатору, назначаемому из чинов морского ведомства, с непосредственным подчинением генерал-губернатору Восточной Сибири и 3) Охотский порт, по неудобности его, а также тамошнее приморское управление упразднить, присоединив сей край к Якутской области, причём охотский окружный суд перевести в Камчатку.

Вслед за сим по представлению графа Муравьева-Амурского и по рекомендации епископа Иннокентия на пост камчатского

военного губернатора был назначен В. С. Завойко. Вступив в управление Камчатской областью (5 августа 1850 г.), капитан 1-го ранга В. С. Завойко был произведён в следующий чин и немедленно приступил к устройству Петропавловского порта и к исправлению тех недостатков, которые он считал важнейшими. В то время в Петропавловске, вследствие перевода туда офицеров и нижних чинов из Охотска, народонаселение увеличилось почти вдвое, и ощущался большой недостаток в жилых помещениях и вообще в строениях. В. С. Завойко самолично обошёл все долины рек, имеющих сток к Авачинской губе, и добыл 15 886 штук дерев, годных для построек, изготовил необходимое количество кирпича и других строительных материалов и в течение 1850 и 1851 гг. соорудил две казармы, одиннадцать флигелей и два магазина. Заботясь о благоустройстве порта, Завойко возобновил церковь во имя Св. апостолов Петра и Павла, построил губернаторский дом, обсадив его тополёвой и берёзовой рощей, роскошные стволы которой украшают Петропавловск и до настоящего времени.

Кроме того, заботами Завойко в Петропавловске была устроена пристань, причём часть набережной выстлана камнем (жалкие остатки этой мостовой видны и до сего времени) и было уже приступлено к сооружению ряда лавок (гостинаго двора), при помощи которых предполагалось увеличить доход города.

Осенью 1850 г. получилось известие о крушении нескольких перевозочных судов, служивших средством развоза продовольствия по всем рейдам камчатского побережья, почему Завойко поставлен был в необходимость приступить к постройке новых и к исправлению старых судов. В течение двух лет, не выходя из ремонтной суммы, были сделаны: шхуна, бот, плашкоут и двенадцативёсельный катер. Кроме того, было куплено за дрова шесть вельботов; исправлены: транспорт «Байкал», транспорт «Иртыш» и тендер «Камчадал» (сведения взяты из рапорта Завойко от 5 декабря 1852 г.).

Тяжёлым гнётом на душе заботливого губернатора лежали различного рода болезни, присущия суровой и грязной обстановке камчадала и соприкасающегося с ним пришлаго населения. К числу таких болезней необходимо отнести: цингу, сифилис, проказу и временами оспу. По ходатайству Завойко был усилен медицинский штат, устроены больницы в населённых местах полуострова и построены лечебницы при паратунских и малкинских горячих ключах. Паратунские ключи находятся близ Петропавловска и ежегодно посещаются любителями, почему ванны их

поддерживаются частным лицом до настоящего времени; малкинские же ключи в настоящее время совершенно заброшены.

Разъезжая по полуострову, Завойко принимал близко к сердцу все нужды населения, старался о благоустройстве его, причём в борьбе с невежеством не стеснялся принимать и карательные меры. Благодаря его заботам, население мало-помалу оставило свои старинные сырые земляные жилища, переменяя их на бревенчатые избы. Так называемые «юрты» (жилища из жердей и корья или шкур животных) остались лишь у кочующих инородцев. Особенное внимание Завойко обращал на сельское хозяйство, возобновлял и поддерживал всё, что было начато когда-то Кегелем.

Остатки пашен, мельниц, кузниц и т. п., заведённых трудами Завойко, видны по некоторым камчатским деревням и доселе. Близ Верхне-Камчатска видны следы разработки железной руды и остатки мельничных жерновов. В милюковской церкви и по настоящее время висит колокол, отлитый по распоряжению Завойко для верхнекамчатской часовни местными средствами. Ткацкое мастерство, заведённое Кегелем, нашло себе поддержку в лице Завойко, и в настоящее время не редкость встретить среди жителей (например, селения Милюковского) в обращении полотно местного изготовления.

Для урегулирования подводной повинности среди населения Завойко установил почтовые станции, построил на длинных переконьях казённые избы, измерил расстояния между станциями, устроив на каждой станции известное число потяг (нарт с собаками) или батов (в летнее время) с точным указанием прогонной платы с пассажира и пуда клади.

Особенное внимание Завойко, как упомянуто выше, было обращено на сельское хозяйство вообще. К сожалению, хлебопашество не имело успеха, тогда как скотоводство и особенно огородничество, энергично поддержанные Завойко, ведутся в Камчатке и по настоящее время с должным успехом и служат большим подспорьем к местным жизненным продуктам.

Для характеристики мероприятий, предпринятых по отношению к Камчатке восточно-сибирским генерал-губернатором графом Муравьёвым-Амурским, и для пополнения сведений о деятельности Завойко воспользуюсь данными, собранными А. П. Сильницким. Состоя членом Приамурского отдела ИРГО, он получил в 1895 г. поручение извлечь из владивостокского портового архива сведения, относящиеся к эпохе Муравьёва. А. П. Сильницкий изъявил полное своё согласие на помещение здесь выдержек из его статей

по сему предмету, помещённых в «Приамурских ведомостях» за 1895 г.

30 октября 1848 г. только что назначенный на пост восточно-сибирского генерал-губернатора Н. Н. Муравьев писал бывшему ещё в то время начальнику Камчатки Машину следующее: «По малому успеху принятых к развитию в Камчатке ремесл и сельского хозяйства мер, а именно: учреждения там ремесленной школы и содержания учёного агронома, садовых учеников и т. д., учёный комитет Министерства государственных имуществ, рассмотрев в минувшем году это дело, находит, что дальнейших успехов в хозяйстве Камчатки следует ожидать не от быстрых перемен в порядке существующем и не от введения хозяйства искусственного, теперь ещё невозможного, но единственно от мер поощрительных, которые должны состоять в облегчении местным жителям покупки разных семян и земледельческих орудий, в отводе им в потомственное владение обработанных земель, в выдаче наград за успехи в хозяйстве и. т. п. Посему учёный комитет полагает, не возобновляя закрытой в 1844 г. ремесленной школы и не посылая агронома на место уволенного в прошлом году Кегеля, возложить на начальника Камчатки, как полного хозяина и распорядителя этого края, поощрение туземцев вышеозначенными мерами к сельскому хозяйству, с предоставлением в его распоряжение суммы, отпускаемой на содержание ремесленной школы и на улучшение сельского хозяйства в Камчатке.

Господин министр государственных имуществ, не давая сему предположению дальнейшего хода, в бытность мою в Санкт-Петербурге в октябре 1847 г. передал мне копию представленной ему департаментом сельского хозяйства записки, в которой изложены как меры, предпринятые до того времени правительством к развитию сельского хозяйства в Камчатке, так равно мнения разных лиц о возможности там земледелия и, наконец, предположения учёного комитета, и просил доставить моё заключение по сему предмету.

22 ноября 1847 г. я сделал господину министру отзыв, последствием которого было то, что граф Киселёв предположения мои и учёного комитета о мерах к развитию сельского хозяйства внёс в комитет министров. Государь Император по рассмотрении поднесённой комитетом выписки из состоявшегося в оном по сему предмету журнала, *не изъявил* соизволения на прекращение дела полезного и уже начатого, но не получившего до сего времени развития по несогласию местных властей, по неудачным их распоряжениям или иным причинам, изволил выразить мысль, “что на

Камчатку должно смотреть не в настоящем этого края положении, но в будущем ея предназначении, то есть как на важный пункт для развития торговли с Америкой и с прилежащими странами".

Посему Его Величество в уверенности, что при надлежащем направлении мероприятий местных властей, при большем с их стороны усердии и стремлении к успеху сего дела, а не к разрушению того, что сделано, оно возьмёт другое направление, высочайше повелеть соизволил: передать ближайшему рассмотрению и соображениям моим вопрос о возстановлении в Камчатке ремесленной школы и земледелия.

Получив об этой высочайшей воле отношение господина министра государственных имуществ от 19 февраля с. г., я уведомил графа Киселёва, что в будущем году сам располагаю быть в Камчатке, и тогда проверив лично все обстоятельства на месте, сообщу мои соображения по изложенному предмету. После всего этого я считаю в настоящее время неудобным входить в переписку по ходатайству вашего высокоблагородия, объяснённом в вашем рапорте».

Далее Муравьёв предписывает начальнику Камчатки войти в подробное рассмотрение просьбы о присылке в Камчатку двух сведущих учеников из земледельческого училища для образования на месте камчадал и вообще выяснить «какими бы положительными средствами можно было осуществить мысль Его Величества Государя Императора насчёт возстановления ремесленной школы и земледелия в Камчатке. Соображения ваши сообщите мне с первою же имеющею отправиться по получении вами сего предложения почтою из Камчатки». В конце этого предписания Муравьёв собственноручно приписал: «Если бы, паче чаяния, сам я не успел к тому времени быть в Камчатке».

На предписание Муравьёва начальник Камчатки 16 мая 1849 г. доносит, что сельское хозяйство в Камчатке у камчадал и у крестьян плохо. Лучшие места для огородничества и хлебопашества, по словам рапорта, по р. Камчатке. Отдаленные на севере селения по укинскому и паланскому берегам, также начали усердно разводить огороды и скотоводство; но как практические занятия по земледелию недостаточно известны туземцам, то начальник Камчатки предполагает иметь опытных сельских хозяев из туземцев в каждом селении. Это, по заявлению начальника Камчатки, принесёт действительную пользу делу.

Существование ремесленной школы, если она будет находиться в Петропавловске, начальник Камчатки признаёт полезным.

Для преподавания в школе и ремесл, признаётся полезным командирование в Камчатку двух сведущих учеников земледельческого училища. Один должен заведывать хозяйственной частью школы, а другой — учебною. Практические познания в ремеслах, по словам рапорта, воспитанники приобретут, работая вместе с мастеровыми портового адмиралтейства, а также работая у вольнонаёмных мастеров под надзором своего учителя. На содержание школы испрашивается сумма 3 562 руб. в год.

Для поощрения учеников ремесленно-земледельческой школы в их занятиях, начальник Камчатки полагает полезным выпускаемых из школы с одобрительным аттестатом освобождать от платежа ясака на пять лет и таковую меру поощрения определить в виде опыта хоть на первые три выпуска, сверх всего на первое обзаведение хозяйством выдавать от казны каждому «по одной рогатой скотине или конной, приличную экипировку, делая таковые расходы из сумм, отпускаемых на опыты сельского хозяйства в Камчатке».

«Если, — пишет в сём рапорте начальник Камчатки, — вашему высокопревосходительству благоугодно будет разрешить ремонт школьных строений, и если будут присланы два ученика земледельческого училища, то школа может быть немедленно открыта, и будут приняты все подлежащая действия к исполнению мысли Его Императорского Величества».

Но в то время как изложенный проект начальника Камчатки пошёл на рассмотрение генерал-губернатора, Камчатка вступила, как упомянуто выше, в новую фазу своего существования: она была выделена в особую область под управлением военного губернатора с назначением на эту должность В. С. Завойко, для которого сельское хозяйство Камчатки составляло, как мы уже говорили, главную заботу его деятельности.

Новый военный губернатор Камчатки В. С. Завойко ещё до получения на рассмотрение проекта бывшего начальника Камчатки представил Муравьёву свои соображения насчёт сельского хозяйства в Камчатке, причём он предлагал: «Прислать в лето 1851 г. двадцать дельных хлебопашцев в зачёт рекрут, снабдив их семенами и инструментами. Во время пути давать переселенцам одежду и 30 коп. в сутки взрослому мужчине и по 10 коп. в сутки на содержание женщины и малолетних, по числу душ в семье. По прибытии в порт дать им на обзаведение по 100 руб. серебром и на год солдатский паёк, а на другой год по 50 руб. серебром и паёк на девять месяцев. Разделить их и поселить на

два отряда. Собрал от природных камчадалов девиц около девяти-десятилетнего возраста, отдать их в один отряд, а в другой послать камчадалских мальчиков от двенадцати-пятнадцатилетнего возраста.

Завести школы и учить земледелию и хозяйству на деле. Переселённые крестьяне должны работать двадцать лет: три дня на училище с девочками и мальчиками и три дня на себя. Для школы потребно прислать пожилую женщину с хорошей репутацией, умеющую грамоте, в смотрительницы за нравственностью девиц и для обучения девочек грамоте и молитвам. Грамоте и молитвам обучать их один раз в сутки, а остальное время зимою и летом заниматься должны камчадалския девицы с крестьянами во всех полевых работах и рукоделиях, стряпней и поскотоводству. Для девочек полезно прислать также одного семейного ткача со станком и самопрядом. В мужской школе полагал бы я за полезное грамоте не учить, ибо, я считаю, полезна грамота тогда крестьянину, когда его мать научит и вместе молитвам в самом нежном возрасте ребячества; для того-то я и полагал бы обучать девочек грамоте. Учителем и смотрителем для мальчиков потребно назначить старичка-крестьянина, благочестиваго, который, вероятно, должен найтись в крестьянах, которые поселятся. В мужской школе учить мальчиков ремеслам и извозу, и всему до их быта относящемуся. Но для них полезно прислать одного опытного воспитанника земледельческой школы для устройства мельниц и молотильных машин, что необходимо нужно, где население малое и потребность в работниках велика».

«Я надеюсь, — продолжает губернатор, — ежели завести две означенныя школы, то из этого произойдёт в среде Камчатки хлебопашество. Девицы, выйдя из школы, приобвыкши к крестьянскому труду и сделавшись матерями, оне, потерявши камчатский быт, зная грамоте и постигши религию, обучат своих детей молиться и трудиться. Мужья их, вышедши из сего заведения, не в состоянии быть охотниками и, привыкши к труду в школе, и по выходе, получая обзаведение, которое ему школа даёт своими хозяйственными способами, поневоле будет хозяин, да и начальство вправе будет требовать, дабы был непременно исполнен назначенный посев хлеба и затем уже дозволится ему заниматься, чем хочет».

Кроме заведения школ, Завойко предлагал в пополнение флотского экипажа прислать шестьдесят человек. Они, будучи первые два года со свежими силами и привычные к сохе, произведут хлебопашество в первое время с пособием всех воинских нижних

чинов в первоначальной разработке земли. После двух лет рекрут взять в обучение службе, а на обработанную землю поселить камчатских жителей и требовать новых посевов. Этими мерами, говорит губернатор, обеспечится продовольствие хлебом камчатского войска.

Представляя генерал-губернатору Муравьёву свои соображения, губернатор просит не исчислять потребной суммы на содержание и обзаведение школы. По мысли губернатора, расходы как на переселение двадцати семейств, так и на школы покроются суммою, которую Государю Императору благоугодно будет соизволить и сколько будет dobroхотных пожертвований. Для начала дела губернатор сам из собственных средств жертвует триста рублей на школу. Если бы предположения губернатора удостоились утверждения, то он просит распоряжения послать переселенцев чрез Аян, послать для них в Аян годовой запас провианта по числу душ, хлебные и огородные семена, а также сорок коров. Муку, по мысли губернатора, следует выслать из Кронштадта, всего три тысячи пудов. Из Аяна переселенцы будут перевезены в Камчатку на корабле.

Известно, что генерал-губернатор Н. Н. Муравьёв проектировал ещё более широкия меры к улучшению быта бедствующей Камчатки. Меры эти сводятся к следующим: 1) американскую епископскую кафедру перевести в Петропавловск; 2) завести пароходное сообщение Камчатки с берегами Охотского моря (уголь, говорит Муравьёв, есть в Тигиле и близ Аяна); 3) обратить должное внимание на китобойство в Охотском море (в этом, говорит Муравьёв, заключается миллионы самого справедливого дохода; предприимчивые люди всего света, исключая русских, уже получили многия сотни миллионов с этого богатства, принадлежащего русским); 4) переселить в Камчатку три тысячи семейств русских земледельцев; переселение начать по учреждении пароходного сообщения по Охотскому морю; переселять ежегодно известное число семейств до трёх тысяч, снабжая их скотом, всем необходимым для первоначального домообзаводства.

Хлебопашество в Камчатке, говорит Муравьёв, обещает богатые плоды. Весь расход на поселение трёх тысяч семей простирается до 1 350 000 руб. Расселение трёх тысяч семейств, Муравьёв предполагал произвести в течение десяти лет, а потому и сказанная общая сумма расхода на заселение Камчатки должна была израсходоваться не сразу, а в течение десяти лет. «Огромные средства Восточной Сибири всё бы исправили, всё бы пополнили, всё бы устроили».

При таких надеждах и сладких мечтах о недалёком будущем жила Камчатка в начале пятидесятих годов. Казалось, что вот-вот и наступят для этой отдалённой окраины благие дни. Но, увы, многия причины не дали осуществиться этим ожидаемым надеждам. Главнейшая из причин та, что на третий год существования Камчатской области объектом внимания Муравьёва, благодаря открытию Невельским судоходности устья Амура, сделалась не Камчатка и смежные с нею северные округа, а Амур и Уссурийский край. Только благодаря вот этому обстоятельству все заботы о Камчатке отошли в область забвения, и с тех пор этот отдалённый уголок, только что подготовившийся занять видную роль среди российских окраин, стал клониться к постепенному упадку. Сначала был оставлен Петропавловский порт, затем из области Камчатка стала округой. После этого начали сокращаться одно за другим открытые учреждения: суд, школы, больницы и прочие.

Нельзя обойти молчанием столь славного финала, которым Камчатка закончила свои цветущие дни. Я говорю о героической защите Петропавловска от англо-французской эскадры. Эпизод этот заслуживает тем более подробного описания, что им Камчатка стяжала себе славу и им же, как бы в угоду судьбе, похоронила все мечты и надежды, воздвигнув памятник в виде трёх больших могил, украшенных тремя чугунными крестами с надписью на трёх языках: русском, английском и французском: «Здесь лежат герои, верные своему долгу и отечеству».

26-го мая 1854 г., то есть в момент самого разгара административной деятельности Завойко, была получена весть о вероятности разрыва России с Англией и Францией (А. Сильницкий. «Адмирал В. С. Завойко и его деятельность в Приамурском крае в муравьевскую эпоху». — Приамурские ведомости, № 227).

14 июля было получено известие от нашего генерального консула в Соединенных Штатах, что война между Россией, Англией и Францией объявлена и что наши восточные порты приказано привести в оборонительное положение. В то время, когда Завойко получил это известие, в состав петропавловского гарнизона входил 47-й флотский экипаж, численность которого с мастеровыми, престарелыми и инвалидами не превышала четырёхсот человек. Этого числа было недостаточно даже для действия при орудиях, и поэтому при орудиях были размещены писари морского ведомства, обученные, насколько позволило короткое время, к действию из пушек и из ручного оружия. Для прикрытия артиллерии и для отражения десанта людей не было. Вслед-

ствие этого 20 июля Завойко объявил жителям Петропавловского порта следующее воззвание:

«Получено известие, что Англия и Франция соединились с врагами христиан, с притеснителями наших единоверцев; флоты их уже сражаются с нашими. Война может возгореться и в этих местах, ибо русские порты Восточного океана объявлены в осадном положении. Петропавловский порт должен быть всегда готов встретить неприятеля. Я надеюсь, что жители в случае нападения неприятеля не будут оставаться праздными зрителями боя и будут готовы с бодростью, не щадя жизни, противостать неприятелю и наносить ему всевозможный вред и что обыватели окрестных селений в случае надобности присоединятся к городским жителям. При приближении неприятеля к порту быть готовыми отразить его и немедленно удалить из города женщин и детей в безопасное место. Каждый должен позаботиться заблаговременно о своём семействе. Уведомляю вас, что я донёс его императорскому высочеству генерал-адмиралу Константину Николаевичу, что, сообразив средства к защите, надеюсь при помощи Всевышнего, при воодушевлении храброго войска и всех защитников Петропавловского порта отразить неприятеля.

Я пребываю в твёрдой решимости, как бы ни многочислен был враг, сделать для защиты порта и чести русского оружия всё, что в силах человеческих возможно, и драться до последней капли крови. Убеждён, что флаг Петропавловского порта во всяком случае будет свидетелем подвигов чести и русской доблести».

Вследствие этого воззвания гражданские чиновники, все жители порта, камчадалы соседних с Петропавловском деревень единодушно изъявили намерение не оставаться праздными зрителями ожидаемого боя и пожелали с бодростью, не щадя жизни, противостать неприятелю и наносить ему всевозможный вред. Ввиду этого в конце июня из волонтёров был сформирован особый отряд, который поступил под начальство правителя канцелярии губернатора коллежского асессора Лохвицкого.

В течение последних чисел июня, весь июль и до 17 августа, дня появления в Авачинской губе англо-французской эскадры, день и ночь, при участии всех и каждого, от губернатора до журналиста его канцелярии, производилась усиленная постройка батарей и накатывание на них орудий, которые предварительно должны были быть сгружаемы с транспорта «Двина» и фрегата «Аврора», прибывших в Петропавловск случайно и увеличивших его боевые средства (транспорт «Двина» привёз в Петропавловск

людей для пополнения 47-го флотского экипажа. «Аврора» в день обнародования манифеста о войне России с Англией и Францией, 1-го апреля 1854 г., находилась в перуанской гавани Каллао. Узнав о войне, «Аврора» в виду неприятельских судов снялась с якоря и после 66-дневного, крайне бурного и утомительного плавания достигла Петропавловского порта и бросила здесь якорь. «Аврора» должна была присоединиться к японской эскадре графа Путятина, но 66-дневное плавание так утомило команду, что плыть далее Петропавловска не представлялось возможным).

Если принять во внимание малолюдность Петропавловска, слабый гарнизон, отсутствие технических приспособлений и крайнюю крутизну гор, на которых сооружались батареи, то приведение Петропавловск в течение двух с половиной месяцев в оборонительное состояние есть незабываемый показатель выдающейся энергии В. С. Завойко и его способности воодушевить подведомственных ему людей к дружной работе, которая, по словам американских газет того времени, создала твердыню в таком ничтожном месте, как Петропавловск, где англичане съели такой гриб, который останется позорным пятном в истории просвещённых мореплавателей и который никогда не смоют волны всех пяти океанов.

Защитников Петропавловска в день появления англо-французской эскадры было 870 человек, в том числе: генерал — один, штаб-офицеров — четверо и обер-офицеров — 37, волонтёров и нижних чинов, считая в том числе писарей, денщиков, камчатских казаков и камчадалов — 837 человек. Из этого числа 284 человека находились на фрегате «Аврора» и 65 человек на транспорте «Двина». Таким образом, сухопутного гарнизона было всего 488 человек. Из числа 488 человек были выделены два стрелковых отряда в 50 и 49 человек и, кроме того, 65 человек были назначены для тушения пожаров в городе от ожидавшегося бомбардирования. Для действия на батареях в распоряжении Завойко оставалось всего 320 человек.

Батареи Петропавловска, числом семь, были расположены так: крайняя батарея № 1-й, расположенная на Сигнальном мысу и вооружённая пятью пушками, защищала вход в гавань с левой стороны. Постройка этой батареи по случаю каменистаго грунта стоила больших трудов.

Батарея № 3-й — на перешейке между Сигнальной и Никольской горами; вооружение её состояло из пяти пушек, взятых с «Авроры». Эта батарея, защищая город и гавань, расположенные непосредственно сзади неё, сама была настолько открыта, что, по

выражению одного из участников боя, у прислуги на этой батарее были закрыты одни лишь пятки. Для устройства настилки на этой батарее была употреблена деревянная площадка с «Авроры».

Батарея № 7-й — на низменности северного конца Никольской горы, ближе к городу, вооружённая шестью короткими 24-фунтовыми пушками, взятыми также с «Авроры». Орудия стояли без платформ, лесу нельзя было достать, и потому батарея не могла действовать исправно.

Сзади этих трёх батарей, под защитой Сигнальной горы, стоял в гавани фрегат «Аврора», имевший полное вооружение (22 пушки) лишь с левого борта, обращённого к выходу. Остальные орудия фрегата были размещены по береговым батареям. В одной линии с «Авророй» стал десятипушечный транспорт «Двина», также с половинным числом орудий. Эти суда в упор защищали гавань. Командирам «Авроры» и «Двины» было приказано обороняться до последней крайности, а затем зажечь суда, свести команды на берег и присоединить их к отрядам.

На кошке, идущей от материка к Сигнальной горе, у самого берега была расположена батарея № 2-й, защищённая прочным бруствером, только что оконченным перед приходом неприятеля. Эта батарея была сильнейшим из всех петропавловских укреплений.

Верстах в двух южнее батареи № 2-й, ближе ко входу в Авачинскую губу, на отлогости горы Красный Яр находилась трёхпушечная батарея № 4-й.

С северной стороны города, за Никольской горой, у озера Култушного, по берегу которого идёт дорога в город в обход горы, была построена батарея № 6-й, вооружённая четырьмя пушками с транспорта «Двина». Эта батарея могла действовать лишь по высадившемуся неприятелю, который двинулся бы в обход Никольской горы.

Вооружение Петропавловска состояло всего из 60 орудий: 33 на шести береговых батареях и 27 орудий «Авроры» и «Двины». На каждое орудие было по 27 зарядов. Утром 17-го (29-го) августа 1854 г. в Авачинской губе появился трёхмачтовый английский пароход под американским флагом. Пароход вне выстрелов с батареи занялся промером глубины, а затем направился к выходу.

18-го августа вечером союзная эскадра под начальством контр-адмиралов: английского Прайса и французского Феврие-де-Пуанта вошла в Авачинскую губу. Всего на эскадре было более 205 орудий. После незначительной с обеих сторон перестрелки грозная эскадра стала на якорь вне выстрелов с наших батарей.

Ночь прошла спокойно. Рано утром 19-го августа на эскадре началось движение, к Раковому мысу были высланы три шлюпки для промера; пароход стал бросать бомбы через перешеек, Сигнальную и Никольскую горы; фрегаты также стреляли через батарею № 1-й, но около полудня все приготовления внезапно прекратились. Это произошло потому, что английский адмирал Прайс застрелился.

20-го августа (1 сентября) с раннего утра движение на эскадре усилилось. Генерал Завойко в ожидании десанта на батарею № 4-й поставил отряд стрелков и волонтеров, всего около ста человек, между батареями № 2-й и № 4-й, на высоте, в кустах; другой отряд был расположен у Сигнальной горы, а третий в городе — для тушения пожаров. Отрядам приказано не тратить времени на стрельбу, а прогонять неприятеля штыками.

В половине восьмого утра генерал Завойко пригласил священника на батарею № 1-й отслужить молебен. Во время чтения св. Евангелия с неприятельской эскадры раздался пушечный выстрел и над головами молящихся пронеслось ядро. Английский пароход взял на буксир три фрегата (два с боков, а третий сзади), повёл их к батарее № 1-й. Прекрасный солнечный день, какие редко случаются в пасмурной Камчатке, был днём первого Петропавловского боя.

Снеговые вершины огнедышащих гор ослепительно сияли на ярком фоне неба; легкий ветерок чуть заметно играл крепостным флагом на Сигнальной батарее (№ 1-й). Весь гарнизон на местах; тёмная масса судов медленно, с огромными усилиями подвигалась к берегу. «Ребята, видите? — сказал Завойко, указывая на грозные суда. — Многие из нас умрут славною смертью; последняя наша молитва должна быть за Царя!»

Пароход между тем отдал буксиры; фрегаты выстроились в линию. С батареи Красного Яра (№ 4-й) раздаётся выстрел; неприятельские фрегаты отвечают ядрами и бомбами. Между нашими ближайшими к неприятелю батареями (№ 1-й и 4-й) и его судами разгорается оживлённая канонада. Идёт неравный бой наших восьми орудий против восьмидесяти неприятельской эскадры.

Командир батареи № 1-й лейтенант Гаврилов, раненый в голову и ногу, не оставляет своего места, но держаться более невозможно: платформы засыпаны землей выше колес, станки подбиты... Генерал Завойко, находившийся на этой батарее, приказывает заклепать орудия и оставшиеся заряды отправить на батарею № 2-й. Офицеры и команда направлены на батарею № 4-й, кото-

рой угрожал десант. Вместе с тем Завойко распорядился, чтобы командиры батарей № 3-й, 6-й и 7-й, не участвовавших в деле, оставя у орудий по два человека, шли со своими командами против неприятеля, если он, овладев батареей № 4-й, двинется на батарею № 2-й или к городу. Сам губернатор отправился в город и привёл оттуда третий стрелковый отряд на батарею № 2-й, где к нему присоединился высланный по его приказанию с фрегата «Авроры» отряд (32 человека) под начальством мичмана Фесуна.

А тем временем неприятель на тринадцати гребных судах и двух ботах вёз десант на отлогий берег горы Красный Яр. Командир расположенной здесь батареи (№ 4-й) мичман Попов, видя невозможность держаться против шестисот человек, спрятав оставшийся порох в потайное место, заклепал свои три пушки и с 28 человеками прислуги стал отступать по направлению к городу.

Но едва лишь французы высадились на батарею Красного Яра и с восторженными кликами водрузили своё знамя, с английского парохода бомба по ошибке ударила в самую их середину. Не успели они опомниться, как наш фрегат и транспорт открыли по ним меткий огонь. В тоже время отступавший было мичман Попов, соединившись с отрядами, посланными с «Авроры» и из города, с криком «ура!» бросился назад на батарею. Неприятельский десант бегом пустился к шлюпкам. Окрестные горы Петропавловска огласились радостным «ура» защитников.

Заставив умолкнуть две наши передовые батареи, три неприятельских фрегата и пароход подошли ближе и из восьмидесяти орудий открыли сильнейший огонь по батарее № 2-й, действовавшей лишь из десяти орудий и составлявшей теперь единственное препятствие к нападению на «Аврору» и «Двину».

Эти последние не могли оказать содействия батарее, так как неприятельские суда были укрыты от огня наших судов Сигнальною горою. Несмотря, однако, на такое огромное неравенство сил, батарея № 2-й под умелым и энергическим руководством лейтенанта князя МаксUTOва (Дмитрия) действовала героически и, засыпаемая неприятельскими снарядами, выдержала девятичасовой упорный бой, заставив неприятельские суда к шести часам вечера отойти на прежнее якорное место.

Во время этого боя мичман Фесун под сильнейшим неприятельским огнём перевёз на катере порох с «Авроры» на батарею № 2-й. Характерная черта в действиях этой батареи та, что она, не отвечая на дальние выстрелы судов, открывала учащённую пальбу, лишь только суда подавались ближе. Заслуживает упоминания

и тот факт, что на этой батарее для подачи зарядов служили мальчишки двенадцати-четырнадцати лет. Одному из этих детей-героев, Матвею Хромовскому, ранило руку. Малолетний Хромовский, по свидетельству Завойко, с удивительною твердостью духа переносил операцию, состоявшую в отнятии руки. Все дети во время сражения исполняли свои обязанности с превосходною расторопностью и были так веселы, что, как говорит донесение В. С. Завойко великому князю, по окончании боя начинали спускать в воду бумажные кораблики.

Во время единоборства батареи № 2-й с неприятельскими фрегатами английский пароход под защитой дыма два раза пытался форсировать проход в Петропавловскую гавань, но, встречаемый сосредоточенным огнём «Авроры», «Двины» и батареи № 2-й, оба раза быстро отходил назад. Не удалась также и попытка высадить десант на перешейке у батареи № 3-й: меткое ядро этой батареи потопило неприятельскую шлюпку с людьми фрегата «Эвридика».

Потеря наша в первом бою (20 августа): шесть убитых и тринадцать раненых (в том числе лейтенант Гаврилов). Потеря неприятеля неизвестна; своих убитых и раненых на Красном Яре он подобрал с собою. Повреждения на неприятельских судах, по видимому, были немаловажны: всю ночь на них раздавался стук плотничьих работ. Значительные повреждения, причинённые бомбардировкой в наших трёх батареях (№ 1-й, 2-й и 4-й), за ночь были исправлены, заряды и прислуга пополнены и к следующему утру батареи были готовы снова открыть огонь, за исключением трёх орудий, заклёпанных на батарее Красного Яра.

Следующие два дня (21-го и 22-го августа) прошли спокойно. Защитники Петропавловска приготовились за это время встретить новое нападение. Это последнее, состоявшееся 24-го августа, было задумано уже с другой стороны, по совету двух американцев, которых союзники встретили в Тарьинской бухте на похоронах английского адмирала. Американцы подали союзникам мысль атаковать Петропавловск с северной стороны, где, как сказано выше, пролегалла дорога между Никольской горой и Култучным озером, которая вела прямо в город через батарею № 6-й. Уже вечером 23-го августа с перешейка (батарея № 3-й) замечено было необыкновенное движение на неприятельской эскадре. С туманным разсветом 24-го августа на наших батареях заметили движение парохода. На гауптвахте Петропавловска ударили тревогу, губернатор обошёл батареи, суда и отдельные отряды. На его привет-

ствия везде слышался один ответ: «*Умрем, а не сдадимся!*» К семи с половиной часам утра туман рассеялся, и пароход, взяв с боков по фрегату, повёл их к батарее № 3-й, которая первая открыла огонь. Английский фрегат, будучи на буксире, ответил ей целым бортом. Командир батареи № 2-й (князь Александр Максutow 2-й) продолжал действовать успешно: первым ядром был сбит английский флаг. Английский фрегат на буксире прошёл дальше к батарее № 7-й и стал на якорь, а против батареи № 3-й стал французский фрегат и открыл по ней жесточайший огонь: весь перешеек буквально был изрыт ядрами. Пятипушечная, совершенно открытая, батарея первое время действовала успешно против тридцати пушек фрегата. Каждое ядро попадало в оснастку или в корпус, но по прошествии получаса из пяти пушек остается лишь одна, остальные приведены в негодность, половина прислуги ранена и перебита.

Неприятель, пользуясь этим, свозит десант. Князь А. Максutow бросается к единственной уцелевшей пушке, наводит её, и большой французский катер вместе с десантом идёт ко дну. Фрегат в отместку даёт залп целым бортом. Ураган ядер и бомб несётся над батареей; она вся в дыму и обломках. Князь Максutow падает с оторванной рукой, а неприятель посылает залп за залпом, подбивает последнее русское орудие и свозит, наконец, десант.

В то же время английский фрегат по северную сторону Никольской горы громит батарею № 7-й капитан-лейтенанта Кораллова. Защищённая земляным валом, эта батарея держалась несколько долее, но, наконец, и её 24-фунтовые короткия пушки сбиты и засыпаны землей. Кораллов, раненый деревянным обломком в голову, уведён с батареи. Неприятель приступает к высадке: двадцать три гребных судна и два бота с войсками в количестве девятисот человек под прикрытием парохода, открывшего пальбу через головы своих, направляются к берегу. За десантом следует на шлюпке французский адмирал Феврие-де-Пуант с обнажённой шпагой. Высадившись на батарею № 7-й, неприятель разделяется на три отряда и ведёт атаку: два отряда поднимаются на Никольскую гору, а третий идёт в обход против батареи № 6-й. Две попытки овладеть этой батареей отражены картечью, и неприятель, унося с собой убитых и раненых, поворачивает также в гору, вслед первым двум отрядам.

Завойко, убедившись, что озёрной батарее больше не грозит опасность, посылает два отряда: лейтенанта Анкудинова и мичмана Михайлова, по тридцать человек каждый, занять гребень

горы в помощь находившимся там шестнадцати стрелкам, приказав командиру «Авроры» отрядить туда же столько людей, сколько окажется возможным.

В это время часть французов и англичан уже спускалась с пальбой с северной оконечности Никольской горы, а другая часть, распространившись по гребню, вошла в связь с высадившимися на перешейке. С этой стороны неприятель открыл огонь по «Авроре» и «Двине». У северной оконечности Никольской горы неприятель отброшен огнём орудий батареи № 6-й и огнём единственного в Петропавловске полевого орудия, бывшего под командой титулярного советника Зарудного.

В то же время отряды Анкудинова и Михайлова, а также отряды с фрегата (прапорщика Жилкина, лейтенанта Пилкина, мичмана Фесуна), с батареи № 2-й (гардемарина Давыдова) и из резерва (капитана Арбузова) числом всего около двухсот человек стройной цепью, безостановочно идут вперёд, не взирая на ружейный огонь и ручные гранаты засевшего на вершине горы в кустах неприятеля, и с криком «ура!» почти одновременно бросаются в штыки. Бой закипает на всём протяжении горы. В зелени кустов Камчатки перемешиваются красные мундиры англичан, синия и красные рубашки матросов Франции и России. В кровавой рукопашной свалке изредка, то там, то здесь слышна ружейная пальба. Неприятель дрогнул и обратился в паническое бегство: союзники толпами бросаются с высоких и крутых обрывов в море. Отступление с северной оконечности горы (у батареи № 7-й), также беспорядочное, сопровождалось меньшею потерей: неприятель бежал к шлюпкам, унося с собою трупы.

Но отступление на гребных судах было ещё бедственнее для врага. Наши отряды, засевши на обрывах, поражают удаляющихся ружейным огнём, когда они садятся в шлюпки. Из шлюпок раздавались стоны. Один баркас ушёл только под восемью веслами, на другом люди подымали вверх руки, как бы прося пощады. Несколько человек брели по горло в воде, стараясь догнать удаляющихся гребных суда, некоторые пускались вдогон за поспешно удаляющимися шлюпками вплавь; находили спасение немногие. Чтобы помочь своим, французский фрегат подходит ближе к берегу и открывает по защитникам Петропавловска огонь, но почти безвредный.

Вскоре неприятельская эскадра вышла из-под выстрелов и направилась в Тарьинскую бухту. В час пополудни у нас ударили отбой, и защитники Петропавловска собрались к пороховому по-

гребу, где был отслужен молебен за дарованную Господом победу. Так окончилось вторичное нападение на Петропавловск. Потери наши в деле 24-го августа: тридцать один убитый и шестьдесят пять раненых (в том числе два офицера, из них князь А. Максutow умер 10-го сентября). В городе, кроме сожжёнаго рыбнаго сарая, было повреждено шестнадцать зданий. Фрегат «Аврора» и транспорт «Двина» тоже пострадали, хотя и незначительно, так как корпуса их были прикрыты перешейком (батареи № 3-й). Нам досталось: одно английское знамя, семь офицерских сабель и пятьдесят шесть ружей. На берегу найдено тридцать восемь неприятельских трупов. В плен взято четыре человека, из них три тяжело раненых. Потеря неприятеля в деле 24-го августа простиралась до четырёхсот человек, а всего при двух нападениях на Петропавловск — до четырёхсот пятидесяти человек. Суда союзников также оказались значительно повреждёнными: английский фрегат «Президент» был совершенно избит нашими снарядами и впоследствии с большим трудом добрался до островов Ванкувера (у берегов Америки, почти на той же — пятидесятой — широте, что и Петропавловск).

Донесение о блистательном поражении неприятеля было послано Муравьеву в Иркутск с князем Максutowым и было получено им 6-го ноября 1854 г.

«Радостную весть о блистательном отражении англо-французской эскадры и десанта при нападении на Петропавловский порт, — писал Муравьев Завойко, — я получил от лейтенанта 47-го флотскаго экипажа князя Максutowа. Ваше донесение я отправил с тем же офицером в Санкт-Петербург его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу.

Хладнокровие и распорядительность ваши, личное посещение всех пунктов бывших действий, при мужестве войск, одушевлённых вами, были главнейшими причинами блистательнаго отражения неприятеля. Я поставил себе приятною обязанностью представить об этом его высочеству. Прошу вас принять от меня изъявление искренней и душевной признательности, поздравить от моего имени всех тех, кои удостоились принять участие в этом деле, покрывшем новою славою русское оружие на отдалённом краю нашей империи. Вместе с тем уведомляю ваше превосходительство, что вместе с лейтенантом князем Максutowым я получил все представления ваши, касающиеся доставления весною будущаго года разных предметов в Камчатку и соображения ваши, относящиеся до защиты Петропавловскаго порта на случай нападения

неприятеля в будущем году. Относительно доставления в Камчатку разных предметов продовольствия и прочаго мною сделаны уже здесь надлежащия распоряжения, равно как и об отправлении по Амуру всего необходимаго для усиления Петропавловскаго порта; о некоторых же артиллерийских предметах я вхожу ныне же с представлением к его императорскому высочеству. Все эти предметы, команды и продовольствие будут сплавлены по Амуру с первою возможностью плыть по этой реке, и будут доставлены в Камчатку».

В то время как Максutow был на пути в Иркутск, Завойко готовился к вторичному нападению неприятеля в весну 1855 г. Весь петропавловский гарнизон, все вообще жители были привлечены к работам на батареях, которыя сильно пострадали от англо-французских бомб и ядер.

В то время как в Петропавловске происходили энергические работы по приведению этого города в возможность защищаться от новаго нападения, в судьбе Петропавловска произошла крупная перемена. 29-го декабря 1854 г. великий князь Константин Николаевич на представление Муравьева о предложенных им мерах к обороне Петропавловска ответил следующими словами:

«Ваше превосходительство полагает укрепить для будущаго лета Камчатку, для чего потребуются большия усилия и неимоверные труды, результат коих ещё весьма сомнителен. Если неприятель решится действовать в превосходных силах, высадить порядочный десант, то едва ли все меры, которыя мы в состоянии будем принять, будут достаточны для отражения его. Если же он подобнаго нападения не предпримет, то все усилия наши не будут нужны и составят нам лишний расход. Здесь мы приняли за правило защищать упорно в будущем году только те пункты, которые мы действительно в состоянии защищать, а прочие оставить без защиты, дабы не дать неприятелю возможности хвастаться победой. В Сибири сильным пунктом, в котором может найти убежище весь тамошний флот и который мы в состоянии защищать, если мы соединим в нём все усилия наши, есть *не Камчатка, а Амур*, и потому не сочтёте ли более благоразумным с открытием навигации не посылать в Камчатку военныя силы, а, напротив, оттуда вывести оныя, снабдив только жителей продовольствием, которое спрятать внутри края, и затем безоружный город или местечко оставить в гражданском управлении. Собственно порт и морския управления упразднить, суда и экипажи вывести и все военныя способы сосредоточить на Амуре.

Мысль эту я докладывал Государю Императору и она удостоена предварительного одобрения Его Величества».

Получив такой рескрипт его высочества, Муравьев писал Завойко следующее:

«Имея в виду таковое Высочайшее одобрение, основанное на принимаемой системе действий вообще против неприятеля и зная, что эскадра наша в здешних местах не может быть усилена и в будущем году и, следовательно, Петропавловский порт останется без всякого благонадежного сообщения с устьем Амура или Аяном, а также, усматривая из полученных мною сведений, что неприятельская эскадра, действовавшая в настоящем году, усилена даже линейными кораблями, я признаю необходимым перенести из Петропавловскаго порта всё находящееся там: военные способы, морскую команду и управления, как военные, так и гражданския, в Николаевский пост, на устье Амура; оставить в Камчатском округе только управление земское с присвоением исправнику всех обязанностей, кои возложены на земских исправников малолетних округов Сибири, и почтовую контору».

Таким образом, к концу 1855 г. участь Камчатки была решена. Центром внимания Государя и высшего правительства *с этого времени сделался Амур и его устье*.

Жители сначала полагали, что перевод флота и администрации в Николаевск — временная мера и что по заключении мира всё придёт опять в прежний порядок. Но ожидания и надежды их не оправдались.

В. С. Завойко вышел из Авачинской губы в апреле 1855 г., и с тех пор в течение первых 33—34 лет из пяти военных губернаторов, управлявших Приморскою областью, в состав которой вошла Камчатка, ни единый не заглядывал в этот оставленный и как бы забытый край. Амур и затем вновь присоединённый Южно-Уссурийский край отвлекли всё внимание администрации. Камчатка же, а равно как и соседние с нею северные округа, Гижигинский и Охотский, остались на попечении одних лишь исправников и мелких чиновников. В первое время, когда в Камчатке оставались ещё кое-какия учреждения и казённое имущество, туда командировались чиновники для ревизии по тем или другим частям управления.

Чиновники эти объезжали иногда (в большинстве же случаев ограничивались пребыванием в одном лишь Петропавловске) селения, осведомлялись о положении и нуждах жителей, о действиях начальствующих над ними лиц, ревизовали делопроизводство и счётную часть в окружном управлении исправника и обо всём

ими усмотренном и дознанном доводили до сведения губернатора подробными, но не лишёнными субъективности отчётами. Но и это мера в скором времени была прекращена и не практиковалась со времён военного губернатора Казакевича (назначенного после Завойко в 1859 г.) до начала 1880-х гг.

Таким образом, более чем в течение двадцати лет Камчатка оставалась в исключительном и никем не контролируемом управлении исправников. Губернаторы знакомились с вверенными им северными округами по донесениям исправников и, вполне довольствуясь этими сведениями, по заведённому порядку препровождали их генерал-губернаторам. Исправники, конечно, доносили в большинстве случаев, что всё обстоит благополучно и что жители блаженствуют благодаря заботливости о них областного начальства.

Только к началу 1880-х гг., когда котиковый промысел Командорских островов стал входить в видную торговую роль и когда в целях выяснения этого вопроса начали командироваться туда то военные суда, то чиновники, Камчатка как бы вскользь, так сказать, по спопутности, стала опять посещаться свежими посторонними людьми, подававшими иногда свои мнения об этом забытом уголке нашей родины.

Насколько все эти сведения, доставляемые моряками и чиновниками, были благодетельны для жителей Камчатки, увидим из описания современного положения населения Камчатки, помещенного мною в третьей главе, здесь же не могу не выразить своего сожаления, что все эти сведения отличались односторонностью и все почти сводились к одному — житель Камчатки бедствует, а купец, эксплуатируя его, блаженствует, и что для устранения этого зла всегда почти рекомендовалось купца теснить всеми мерами, а жителя оставлять на волю Божию. Притесняя купца, стесняли в то же время и торговлю — этот главный фактор в развитии страны, который, как уже признано везде, требует поощрения, а не стеснения.

Между тем в Камчатке более чем где-либо торговля нуждается в поощрении и рациональном содействии правительства. Отдалённость и малопродуктивность края, затруднительность плавания в туманных водах, отсутствие безопасных мест для выгрузки (за исключением одной лишь Авачинской губы), риск от невозможности страховать сгруженные на берег товары, медленность и неверность обращения капиталов, огромные накладные расходы и прочее — всё это пугает предпринимателей и при положи-

тельном отсутствии мер к устранению этих неудобств ставит камчатскую торговлю в условия, не преодолеваемые никакими со стороны купцов благими намерениями.

В последнее время, когда весь вообще Приамурский край, благодаря Великому Сибирскому рельсовому пути начинает входить в роль всеветного торгового рынка, внимание к Камчатке с ее естественными богатствами начинает мало-помалу снова возрастать. Снаряжаются научные экспедиции, изучаются рыбные и вообще промысловые богатства, принимаются меры к улучшению судоходства и путей сообщения и прочее, но к чему эти заботы приведут, будет видно после.

Глава II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПОЛУОСТРОВА КАМЧАТКИ. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАМЧАТКИ. ВУЛКАНИЗМ И ОРОГРАФИЯ ПОЛУОСТРОВА. КРАТКИЕ ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ. КЛИМАТ, ХЛЕБОПАШЕСТВО И СКОТОВОДСТВО. ФАУНА И ФЛОРА

Крашенинников, рассматривая вопрос о происхождении наименования полуострова Камчатки, говорит, что некоторые производят слово «Камчатка» от слова «Канчата», имени легендарного воина, будто бы жившего когда-то на самой большой реке полуострова, прозванной по этому Канчатаю, а отсюда это название, переделанное казаками в «Камчатку», перешло на весь полуостров, орошаемый этою рекою.

В этом объяснении происхождения названия «Камчатка» сам Крашенинников сильно сомневается, так как от природных жителей полуострова при всём своём старании он не мог узнать ничего ни о сказочном герое, ни о реке, где он жил. Среди камчадалов ни о каком герое Канчате, ни о каком другом в этом роде легенды не существует. К тому же, добавляет Крашенинников, «камчадалы ни рек, ни озер, ни гор именем людей не называют, но дают им имена по некоторым свойственным им качествам» и «что Камчатка река самими камчадалами называется не Канчатою, а Уйкуял, что значит на их языке “Большая река”».

Вследствие таких доводов Крашенинников более склонен произвести слово «Камчатка» от корякского слова «хончало», искаженного из слова «коач-ай», что значит «житель реки Еловки». Коряки как северные соседи камчадалов по местным условиям должны были познакомиться с ними чрез жителей р. Еловки, и прозвище, данное ими еловцами, перенесли впоследствии и на

всех жителей полуострова. Таким образом, по Крашенинникову, «Камчатка» произошло из «хончало», а «хончало» из слова «коач-ай».

Крашенинников был в Камчатке в то время, когда она только что была завоёвана казаками и, следовательно, речь аборигенов страны застал ещё, так сказать, в целости, без всякой примеси постороннего элемента, а потому объяснение его, имеющее опору в способности русских извращать иноземные названия до неузнаваемости, бесспорно, имеет за собою известную степень вероятия. Не посягая нисколько на правдоподобность толкований Крашенинникова, я в то же время нахожу не лишним упомянуть, что слово «Камчатка» существует в употреблении среди донских казаков в наше время. В области Войска Донского, которую, бесспорно, следует признать родоначальницею якутских казаков, можно и теперь встретить выражение: это место ровное, степное, а то искомканное, комовое, камчатое, то есть изрытое, покрытое неровностями.

Слово «комовое» и «камчатое» применяется и к предметам, когда нужно выразить понятие присущей предмету уродливости, неправильности. Для примера могу указать на один род дыни, семена которой имеют крайне искажённую форму и которая повсеместно на Дону называется «камчаткою» или «комовкою». Нет никаких оснований допускать, чтобы этот сорт дыни получил название от полуострова Камчатки, а, скорее, можно думать, что этот полуостров назван казаками под влиянием тех же впечатлений, под влиянием которых они прозвали указанный сорт дыни по бугроватости её семян. Исходя из этого, я склонен думать, что первые из посетивших Камчатку казаков, рассказывая своим товарищам вынесенные ими впечатления о вновь открытой стране, как сильно гористой, покрытой всевозможными скалами и выступами, словом, искомканной (выражаясь донским наречием), прозвали её Камчаткой или Комовой.

Одновременно со мною прибыл в Петропавловск один уроженец области Войска Донского, и когда мы, воспользовавшись первым ясным днём, взойшли на Петровскую (у подножия которой расположен Петропавловск) гору, чтобы полюбоваться окрестностями, то первое, что я услышал от этого донца, было выражение: «Ну и правда комчатка». На мой вопрос, что это значит, он объяснил мне, что на Дону для выражения понятия о такой местности, какая представлялась нашему взору, существует слово «комчатое» или «комовое».

Первые сведения о Камчатке, доставленные завоевателями её казаками, очевидно, не могли быть строго определёнными, даю-

щими хотя приблизительное понятие о географии страны. В начале семнадцатого столетия, хотя и было в обыкновении предписывать воеводам, пятидесятникам чтобы они всегда старались о составлении чертежей и ландкарт завоёванных земель, и хотя эти сведения, быть может, и доставлялись ими, но придавать какое-либо определённое значение этим документам, бесспорно, нельзя. Даже такие лица, как Козьма Соколов, которому принадлежит честь первого открывателя морского пути в Камчатку, шёл туда ощупью и, в свою очередь, не оставлял за собою никаких географически определённых мест и пунктов.

Первая экспедиция, снаряженная по указу Петра Великого с целью описания берегов Камчатки и Курильских островов, относится к 1719 г. и состояла под управлением геодезистов Лужина и Евреинова, которые прибыли в Камчатку в 1720 г. и проследовали от устья Большой реки на юг к Курильской гряде. Эта поездка не принесла никаких видимых плодов в смысле описания виденных стран. Первая экспедиция Беринга (1725—1730 гг.) на всём своём пути от Охотска к Берингову морю сделала только несколько определений одних лишь широт и обозначила направление камчатского берега к северу. Экспедиция Шестакова (1727—1732 гг.) имела более военный характер и, хотя простирала плаванья к Курильским и Шантарским островам и даже к Америке, но никаких определений не делала и не доставила никаких сведений.

Более или менее точные сведения о географическом положении Камчатки начинаются со второй экспедиции Беринга (1733—1743 гг.), когда было сделано несколько астрономических наблюдений, послуживших опорными пунктами для дальнейших работ, произведённых впоследствии некоторыми членами этой экспедиции, оставшимися на службе в Охотске после её окончания. Во время действий экспедиции описание южной части полуострова Камчатки было поручено штурману Елагину (в 1739 г.), который составил карту берега от Большерецка до мыса Лопатки и отсюда до Авачинской губы.

Западный берег был впоследствии описан геодезистами Ушаковым в 1742 г. от Большерецка до р. Паланы (севернее Тигиля) и Елистратовым в 1787 г. от Тигиля до р. Пенжины. Ушаков, начавший 1-го марта 1742 г. опись от р. Воровской (54,5° ш.), достиг 15 апреля р. Паланы (59° ш.), откуда был принужден возвратиться по неприязненности жителей. Потом, с 26-го мая по 4-е июня, он описал берег от р. Воровской к югу до Большерецка (53,75° ш.). Опись производилась с берега с астролябиею и цепью,

причём экспедиция состояла из трёх человек и передвигалась на собаках (сведения эти, а равно как и последующия, относящиеся к описанию западного берега, взяты из брошюры неизвестного мне автора под заглавием «Западный берег Камчатки по описям Ушакова и Елистратова»).

Описанный берег до р. Белоголовой (57° ш.) довольно ровный, низменный и болотистый. Горы сопровождают его сперва в разстоянии вёрст пятьдесят, потом ближе. Леса в разстоянии от четырёх до пятнадцати вёрст от берега мелкие. Множество впадающих в море речек, быстрых и неглубоких, с камчадалскими острожками почти на каждой.

22 июня 1787 г. Елистратов был послан из Тигиля со штурманским учеником Песковым на двух байдарках с командою в двадцать человек. Они прошли р. Таловку и доходили до р. Пенжины, но не были допущены коряками вверх по реке. Пройденные ими берега вообще утесисты, с моря окаймлены подводными и наружными камнями. На пути своём Елистратов посетил камчадалов, живших между Тигилем и р. Лесной, и сделал этнографическое описание их.

Описание восточного берега Камчатки производилось: 1) Елагиным в 1739 г., от Лопатки до Авачи; 2) гардемаринном Юрловым в 1742 г.; 3) геодезистом Гилёвым в 1790 г., от Авачи до Лопатки и далее Курильские острова и, в то же время, от Авачи до мыса Шипунскаго унтер-офицером Худяковым. Кроме того, в начале текущего столетия, с открытием кругосветного пути, в этом деле принимают участие члены кругосветных экспедиций, из которых большую часть работ с разбором всего предшествующаго произвёл капитан Литке в 1828 г.

Наконец, в 1830—1835 гг. по распоряжению правителя Камчатки Голенищева совершена была детальная опись восточного побережья штурманами Ильиным и Скрыповым, работы которых вошли в карту, изданную Гидрографическим департаментом в 1851 г. С тех пор никаких специальных описаний берегов полуострова Камчатки не было, если не считать отдельные съёмки, производимыя в разное время крейсирующими в тех водах судами нашей Тихоокеанской флотилии.

Полуостров Камчатка составляет одну из самых отдалённых северо-восточных окраин нашего обширнаго отечества, и если Сибирь, по изстари установившемуся мнению русского народа, является синонимом страны холодной и угрюмой, то тем более восточная приокеанская ея часть, то есть Камчатка, рисуется та-

ковою в воображении многих знающих о ней лишь то, что она где-то за Сибирью и притом неизмеримо далеко. На самом же деле, если взгляд такой и имеет известную долю справедливости, то благодаря лишь особым местным условиям, а не в силу географического положения, ставящего Камчатку наряду, и даже выше, с губерниями средней полосы европейской России. С одной стороны, Камчатка как полуостров, омываемый на протяжении девяти десятых своего контура водою, с другой, как страна, не заходящая своими северными пределами далее шестидесятых градусов широты, стоит в условиях, дающих повод ожидать в ней всех благ природы для жизни и даже процветания ея.

Полуостров Камчатка с востока и юго-востока на протяжении тысячи вёрст омывается Великим океаном, носящим в этом месте название Камчатского моря. С запада и северо-запада на расстоянии около 1 400 вёрст полуостров прилегает к Охотскому морю с Пенжинской губой. Южная оконечность Камчатки отделяется от Курильской гряды проливом «Первым» и только северо-восточной своею оконечностью, шириною около ста вёрст она примыкает к суше. Залегая в таких границах, Камчатка в форме несколько изогнутого эллипсиса простирается с юго-юго-запада на северо-северо-восток на 1 200 вёрст и занимает пространство между 51° и 61° северной широты и между 125° и 133° восточной долготы, что делает разницу во времени восхода солнца с Петербургом почти на девять часов. Оканчиваясь на юг под 51° с. ш. низким мысом, носящим название «Лопатка» (по сходству формы его с костью позвоночных животных — лопаткою), полуостров к северу постепенно расширяется, достигая наибольшей ширины в четыреста вёрст под 56° с. ш. и затем также постепенно суживается, отклоняясь в своём направлении на северо-восток и образуя под 60° с. ш. перешеек не более ста вёрст шириною.

Эту узкую часть, в пределах которой протекают р. Пустая к Пенжинской губе и р. Анапкой к Великому океану, Крашенинников считает началом полуострова, тогда как географические данные, а равно как и геологические напластования дают более основания считать северною границею полуострова линию, соединяющую устья рек Таловки (в Пенжинскую губу) и Олюторы (в Великий океан), то есть параллель $61\text{—}62^{\circ}$ с. ш. В районе этой параллели оканчиваются постепенным переходом в плоскогорье главные камчатские горы с одной стороны, а с другой начинается так называемая вечно мокрая тундра, называвшаяся раньше Заносьем (а также Парапольским долом).

Топографический характер этой местности (топография — географическое и геометрическое изучение местности путём проведения съёмок и создания на их основе карт. — *Ред.*), а также некоторые, правда, чисто случайные сведения (земля замечена промерзлою на один фут (русский фут равен $1/7$ сажени, или 12 дюймам, то есть 0,305 м. — *Ред.*), а глубже талою на полторы сажени (сажень равна трём аршинам, или семи футам, то есть 2,13 м. — *Ред.*), ещё глубже заледепевшею, далее жидкий ил, под илом камень) о геологическом напластовании ея дают повод полагать, что Заносье принадлежит к числу новейших образований, вышедших на дневную поверхность в сравнительно недавнее время. Хотя строго научных данных, подтверждающих этот взгляд, до сего времени не добыто, но, тем не менее, вероятность этого предположения усиливается ещё и тем фактом, что Заносье, по мнению некоторых этнографов, являлось некогда границею двух весьма резко отличающихся народностей — коряк и камчадалов, что, конечно, можно объяснить, допустив, что эта полоса ранее была проливом, отделяющим материк, где жили чукчи и коряки, от острова, заселённого камчадалами.

Петрографическое строение полуострова (петрография — наука о составе и происхождении горных пород. — *Ред.*), согласно мнению всех бывших там исследователей, характеризуется резким распределением трёх форм: *древне-кристаллических пород*, составляющих, так сказать, основу всего полуострова, *изверженных*, как продукт вулканической деятельности, и *осадочных*, относящихся к мезозойской эре и встречающихся на западном склоне к Охотскому морю и преимущественно в системе р. Тигиля и севернее к оконечности Пенжинской губы. Осадочных пород, кроме аллювиальных (наносных из галечника, гравия песка и глины. — *Ред.*) отложений в долинах рек, внутри полуострова, а равно как по восточному берегу его и в южной части, почти не встречается.

Составляя основной массив полуострова, кристаллические породы, как граниты, порфиры и прикрывающие их метаморфические сланцы, являются в то же время материалом, образующим главные остовы хребтов полуострова.

Естественные разрезы, образуемые механическою силою воды горных рек, дают иногда ясную картину напластований древних кристаллических пород, сопровождаемых покрывками из метаморфизованных сланцев, в большинстве случаев то неправильно приподнятых, то сброшенных, то, наконец, поставленных на голову. Базальты и трахиты, как продукт последующего за

охлаждением земной коры периода, очевидно игравшего видную роль в образовании полуострова, составляют вторую массу материала, из которого слагаются дополнительные хребты и отдельные высоты и выступы полуострова. Наконец, более новые вулканические образования, сопровождаемые обыкновенно сбросами, разселинами и заполнениями их различного вида лавами, составляют третью категорию материала для образования причудливых и в то же время полных дивного и дикаго величия петрографических картин.

Что касается осадочных пород, то участие их в образовании дневной поверхности полуострова, по-видимому, ограничено, и имеет место в западной прибрежной полосе и, главным образом, в северной части ея, вдоль берегов Пенжинской губы, где отроги главного хребта значительно понижены и местами сходят на нет. Разрезы рек этого угла дают возможность определить залежи глин, глинистых сланцев и песчанников различной конструкции и окраски. Песчаники, обнажающиеся по р. Седанке, Тигилю, Палане и прочими местами, содержат палеонтологические остатки прежней пресноводной и морской фауны.

В обнажениях Тигиля весьма часто встречаются конкреции величиною иногда до аршина (аршин равен шестнадцати вершкам, или 71,12 см. — *Ред.*) и более в диаметре, при раскалывании которых попадаются довольно часто окаменелости.

Среди осадочных пород, вероятно, третичного возраста, залегает уголь, представляющий на взгляд все стадии перехода бурых углей к чёрным углям. Лучшие выходы угля находятся в образованиях речных долин Подкагирской и Лесной, худшие — в Седанке и Тигиле.

Незначительность исследования Камчатского полуострова в геологическом отношении объясняется, во-первых, тем обстоятельством, что эта отдалённая окраина, несмотря на самый глубокий интерес в этом направлении, до сего времени почти не посещалась специалистами-геологами, а, во-вторых, и потому, что сбор геологических коллекций, по которым специалисты могли бы и не посещая полуострова ориентироваться в строении его хребтов и возвышенностей, слишком труден и для туриста почти недоступен по местным тяжёлым условиям. Полная невозможность зимних экскурсий и благодаря отсутствию дорог затруднительное экскурсирование по хребтам и долинам летом ставят собирание тяжёлых геологических коллекций в трудно выполнимые условия. Вследствие этого любителям-туристам, проходя

разрезы, приходится глядеть на них, видеть и ограничиваться определениями на глаз.

Из известных до сего времени геологических данных о Камчатском полуострове больше всего заслуживают внимания сведения, собранные Эрманом и Дитмаром, имевшим возможность экскурсировать в различных направлениях по полуострову по нескольку раз. Подробность определений их сводится к следующему:

Кристаллические породы: гранит, сиенит, гнейс и слюдяный сланец развиты в центральной части полуострова между 53° и 56,5° ш., составляя, так сказать, остов полуострова. Отдельные выходы этих пород встречаются и в других местах (Шипунский мыс в Авачинской губе и по верховьям р. Начики). С запада и востока центрального остова залегают глинистые и метаморфические сланцы, образующие отроги и второстепенные хребты, причём эти сланцы настолько видоизменены, что едва сохранили свою слюдяность. Глинистые сланцы, по-видимому, имеют незначительное распространение. Дитмар наблюдал их в виде валунов по речкам западного берега и в виде залежи в разрезах р. Лесной. По словам доктора Тюшева, чёрные глинистые сланцы выходят по берегу р. Начики, не доезжая сел. Апачи.

Третичные отложения, состоящие из песчанников с пропластками глины, содержащими остатки морских и пресноводных моллюсков, а также отпечатки двусемянных и хвойных растений, распространены по западному берегу от р. Калпаковской вплоть до перешейка полуострова, имея главные выходы по рекам Харьузовой, Ваямпольке, Седанке, Тигилю и Лесной. Третичные отложения местами прорваны базальтами и мелафирами.

Значительное участие в строении Камчатки принимают древние и новые вулканические породы, занимая не только всю (за исключением отдельных выходов) восточную половину полуострова, но и делая значительные выходы в главном Камчатском хребте, особенно начиная к северу от Ичинской сопки. Здесь встречаются трахиты, андезиты, образуя отдельные возвышенности. Почти одновременно с трахитами на дневную поверхность выступают базальты и мелафиры, образуя иногда скалистые выступы в море как по восточному, так и по западному берегу полуострова.

Ещё менее исследованы полезные ископаемые, из числа коих, несомненно, есть железная и даже медная руды, каменный уголь, сера и даже золото. В этом отношении, надо полагать, большую услугу окажет ныне действующая охотско-камчатская горная экспедиция, которой отпущены значительные средства от прави-

тельства и на которую возложено исследование залежей полезных ископаемых по всему побережью Охотского моря (по известиям, полученным в последнее время от этой экспедиции, ею найдены несомненные признаки золота в вершине р. Облуковиной, впадающей в Охотское море, примерно под 55° ш.).

В орографическом отношении полуостров имеет свои особенности, обуславливающие, с одной стороны, гидрографию страны, и с другой, некоторые климатические явления, а, следовательно, и распределение как флоры, так и фауны, и за ними и населения. При этом необходимо иметь в виду, что на орографию Камчатки, бесспорно, сильное влияние имел вулканизм.

Полуостров Камчатка, как известно, лежит в области того вулканического кольца, которое охватывает всё побережье Великого океана и представляет из себя арену, где сила подземного огня с особою интенсивностью проявляла и теперь ещё проявляет свою деятельность. В прибрежной полосе Великого океана, а равно как и в области всех его островов, вулканы распределяются то группами, иногда даже правильно — группирующимися вокруг одного главного, то рядами, простирающимися по прямым или изогнутым направлениям, иногда на значительное число вёрст. Ряды вулканов располагаются обыкновенно в виде цепи гористых, с конусообразными вершинами, островов или в виде отдельных возвышенностей по направлению какого-либо материкового горного хребта.

Число вулканов, составляющих ряд, а равно как и расстояния между ними, бывает различно. Ряд Чили, например, состоит из тридцати трёх вулканов, ряд Алеутских вулканов из сорока восьми, а Камчатский из тридцати восьми. В некоторых местах вулканы располагаются близко друг от друга и даже касаются своими основаниями один другого, как это можно наблюдать в среде камчатских вулканов (Жоряцкий, Авачинский и Козельский), или же расстояние между ними измеряется милями и даже десятками миль, например, ряды Чилийский, Курильский и другие. Особенного внимания заслуживает тот факт, что вулканические ряды все почти без исключения располагаются или в прямолинейном направлении (Чили), или в дугообразном (Курильский, Алеутский и другие), но никогда в ломано-криволинейном. Иногда два или более вулканических ряда располагаются в сравнительно близком расстоянии один от другого. В этом случае в направлении их всегда замечается параллельность.

При объяснении теории вулканизма громадное значение имеет близость больших водных бассейнов. Большая часть известных

вулканов расположены или на островах, или в прибрежной полосе материков. Только весьма немногие потухшие вулканы находятся внутри материков, но и это исключение с большею вероятностью объясняется тем, что деятельность этих вулканов проявлялась в те времена, когда вблизи их были моря или озера, границы которых отодвинулись в более позднейшие геологические эпохи.

Перенося все замеченные явления относительно вообще вулканизма на полуостров Камчатку, мы видим, что эта местность по всем данным своего географического положения как нельзя более благоприятствует проявлению в недрах её этой великой подземной силы. Действительно, Камчатка находится, как уже сказано выше, в пределах великаго Тихоокеанскаго вулканическаго кольца, затем самая отдалённая внутренняя часть её находится не более 120—150 вёрст от берегов больших водных бассейнов и, кроме того, что особенно заслуживает внимания, Камчатка находится на пересечении направления двух дугообразных вулканических рядов — Курильскаго и Алеутскаго. Вследствие этих причин, Камчатка, соединяя в себе все условия к проявлению вулканической деятельности, служила, служит и бесспорно будет служить ареною действий этой могучей силы.

Геогностическая основа полуострова состоит, как уже было сказано, из древних кристаллических пород гранитов, сиенитов и порфиоров, а также из метаморфических сланцев глинистых, тальковых, хлоритовых и т. п. Эти породы, по-видимому, слагают из себя геологический центр полуострова, находящийся между 53° и 54° с. ш. В этом месте горные хребты образуют узел, от которого, как от сердца, расходятся три главные артерии, питающие полуостров. Узел представляет из себя высокое болотистое плоскогорие, окружённое с боков высокими горами и называемое местными жителями «Ганальскою мокрою тундрою». По вычислениям, произведённым барометрическими наблюдениями, высота этой тундры над уровнем моря достигает двух тысяч футов, причём высшая точка её находится на полпути между селением Ганалы, лежащем на притоке р. Большой, и селением Пуцино, расположенным у верховьев р. Камчатки.

Горы, отделяющие тундру от склонов к Охотскому морю, представляют из себя массивный с плоскими контурами хребет, направляющийся с севера на юг, тогда как с восточной стороны вдоль тундры тянется так называемый «Ганальский хребет», ясно видимый ещё из Петропавловска и представляющий из себя сочетание всевозможных, самой причудливой формы, отдельных

возвышенностей, представляющихся взору наблюдателя в виде зубьев исполинской пилы, почему и название этого хребта «Ганальские остряки». Ганальский хребет в северо-восточной своей части понижается, разбиваясь на несколько отрогов, спускающихся в большой распадок, которой в восточном своём углу заканчивается стройным, потухшим уже вулканом, называемым «Камчатскою вершиною».

Северо-восточные отроги Ганальскаго хребта, покрытые снегом, а равно как и склоны «Камчатской вершины», дают начало тем небольшим ключикам, которые, соединяясь всё более и более между собою, проходят чрез восточный край «Ганальской мокрой тундры» и дают начало самой реки Камчатки, которая, мчась в этом месте с быстротою водопада, чрез каких-нибудь вёрст тридцать представляет из себя уже реку, могущую питать рыбою целое селение Пузино.

С другой стороны при таких же точно источниках, но только направленных своим течением на юго-запад, окружающие хребты и мокрая тундра дают начало р. Быстрой, принадлежащей к системе р. Большой, впадающей в Охотское море. Путешественнику, находящемуся в верхней точке мокрой тундры, представляется полная возможность наблюдать, как одни ручейки текут к р. Камчатке и как другие — к Быстрой. Восточный склон тех же Ганальских хребтов и та же «Камчатская вершина» дают в то же время источники для массы небольших речёнок, направляющихся на восток и юго-восток и составляющих систему третьей водной артерии, реки Авачи и других, впадающих в Великий океан (Жупановой, Березовой).

Ганальская тундра с окружающими горами, давая начало указанным водным системам, является, в то же время, и горным узлом, от которого направляются все главные хребты полуострова в разные стороны. На север и на юг отсюда направляется главный Камчатский хребет, который проходит вдоль всего полуострова, сравнительно круто опускающийся к долине реки Камчатки и отлого, переходя постепенно в прибрежные низменности, к берегам Охотскаго моря. Южная часть его, прорезавшись долиною р. Большой, теряет правильность своего направления, разбивается на несколько отдельных хребтов, получивших местные названия «Обещанный», «Гладкий», «Ипилка», «Апчен» и другие, и, благодаря особой деятельности в этой части полуострова вулканизма, наполняет её, начиная с 52° ш., самой разнообразной формы ущельями, вершинами, обрывами и т. п.

В районе того же узла получает начало и второй камчатский хребет — Восточный, имеющий отсюда северо-восточное направление и в противоположность западному имеющий отлогие склоны к долине р. Камчатки и крутые, даже обрывистые уступы к берегу океана. Этот Восточный хребет следовало бы считать продолжением Ганальских гор, от которых он отделён только тем распадком, где берёт начало р. Камчатка, и который образовался, очевидно, благодаря появлению на дневную поверхность вулкана «Камчатская вершина». Ганальский хребет, направляясь на юг, начиная с 53° с. ш., постепенно спускается и переходит в ту же мокрую тундру высотой до двух тысяч футов над уровнем моря, служащую водоразделом ручьёв и рек — системы р. Большой и р. Авачи. Вследствие такого расположения Ганальского хребта и его отрогов, а равно как и неприступности их, летний путь из долины р. Авачи (из с. Корятского в селение Ганалы) в верховья р. Камчатки лежит чрез упомянутую мокрую тундру в с. Начики, в с. Малки, расположенную на р. Большой, и вверх по р. Быстрой до с. Ганалы, то есть, путь этот удлиняется по крайней мере раза в три.

От Ганальского горного узла получают начало и несколько других, второстепенных хребтов, из которых выдаются рельефнее других Пиничевский и Жупановский. Оба эти хребта начинаются от «Камчатской вершины» и направляются: Пиначевский на юго-юго-восток к Петропавловскому мысу с включением всех возвышенностей Авачинской группы и вулканов, а Жупановский — на юго-восток к Шипунскому мысу. Наибольшая возвышенность этого последнего хребта называется Жупановскою сопкою.

Главный Камчатский хребет, наполнивший своими разветвлениями всю южную часть полуострова, проходит западной стороной Ганальского горного узла и направляется, как сказано выше, вдоль всего полуострова на север с небольшим под конец отклонением на северо-восток. Самая высшая точка его находится приблизительно под 56° с. ш., где возвышается одна из самых колоссальных камчатских вершин, потухший Ичинский вулкан, покрытый со всеми побочными своими возвышениями вечным снегом и, по рассказам жителей, даже льдом. От этого места, которое в то же время приходится, примерно, в самой широкой части полуострова, главный хребет понижается как к югу, по направлению к Ганальскому узлу, так равно и к северо-северо-востоку, проходит самую узкую часть полуострова, в районе реки Пустой и Ананкоя, и, дойдя с постепенным понижением 61° с. ш., переходит в плоскогорье и в тундристое пространство, называемое «Парапольским долом»,

или «Заносьем». Этот хребет в климатическом отношении, а равно как и в жизни населения играет видную роль. Защищая внутреннюю часть полуострова от влияния холода Охотского моря, он, в то же время даёт начало многим рекам, сбегаящим с его западных отлогих склонов и служащим удобным местожительством инородцев.

Этот хребет отделяет от всего полуострова западную прибрежную полосу, расширяющуюся местами, где хребет отходит от берега вёрст на пятьдесят и даже более. Хребет, спускаясь к Охотскому морю отрогами, переходящими в большинстве случаев в прибрежную низменность, изрезывает эту местность поперечными падами, служащими руслом для многих речек, текущих по параллелям к Охотскому морю. Таких речек насчитывают до ста восемнадцати, и большая часть из них, протекая нижним своим течением по низменному и мягкому грунту, подверженному в то же время силе морских приливов, являются весьма удобными для промысла рыбы. В этом обстоятельстве и кроется, между прочим, причина, почему западная полоса, несмотря на всю непривлекательность климата ея, является одним из населённых (конечно, сравнительно) мест всего полуострова. Из рек этой местности более всего заселены: Тигиль, Подкагирная, Лесная, Паланская, Ичинская, Воровская, Большая и другие. Некоторые из них по величине своей, как, например, Тигиль и Большая, дают возможность к поселению двух и даже более селений, тогда как остальные только по одному и только невядалеке от устьев.

Второй Камчатский хребет — Восточный, называемый иногда Мильковским, Верхне-Камчатским, Валагинским и прочим, наполняет своими отрогами всё пространство, ограниченное долиной р. Авачи, Ганальским горным узлом и долиною р. Камчатки с одной стороны и берегом Великого океана с другой. Под 56° с. ш. он прорезывается рекою Камчаткою (Камчатския щёки) и направляется далее к берегам Кроноцкого залива, где и соединяется с отрогами главного западного хребта. Восточный хребет несколько ниже западного, но так как вулканическая деятельность проявилась здесь с большею силою, то и вид его, представляющийся взору наблюдателя, полон дикаго величия и не поддающейся описанию грандиозности. Отлого спускаясь к долине Камчатки, он в то же время крутыми обрывами и неприступными скалами наполняет всё восточное побережье. Склоны его местами далеко выступают в море и, хотя образуют заливы и бухты, но вследствие подводных камней и открытости с моря, все они, за исключением

одной лишь знаменитой Авачинской губы, мало доступны для мореплавателей. Вследствие той же крутизны восточных склонов, восточное побережье мало имеет распадков и долин для скопления вод в виде рек. Реки этого побережья, за исключением немногих, носят характер быстрых горных потоков, непригодных для рыбных промыслов, а потому и не имеющих значения для населения. Из рек этого побережья только пять, кроме Камчатки, находящейся в исключительных условиях, могут удовлетворять потребностям камчадальского поселения.

Если признать Ганальский хребет за продолжение Восточного, то сей последний, следовательно, пройдя Ганальский горный узел, переходит в южную часть полуострова, где разбивается совместно с западным на несколько второстепенных гребней, заполняющих эту местность в самых разнообразных формах и направлениях. К таким второстепенным хребтам, получившим от жителей местные названия, принадлежат: Ольховый, Тополёвый и прочие, служащие истоками правых притоков р. Авачи. Из вершин этой местности, хотя и небольших, но по форме заслуживающих внимания, выделяются две Тополевые сопки, остатки прежней деятельности вулканических сил.

Далее на юг и юго-запад проходят гребни Поперечный и Вацкажац, между которыми берёт начало р. Корякская, один из больших притоков Авачи, а затем Халзан, Шанка и Ипукых, служащие уже истоками для притоков р. Большой, текущей в Охотское море. Из рек этой системы, протекающих в этой нагорной местности, заслуживает внимания Начика, берущая начало из озера, расположенного у подножия хребта Вацкажац, тогда как правые истоки её получают начало на мокрой тундре, с которой сбегает ручейки и в р. Корякскую. В этой же горной местности расположено и с. Начика, из которого идут два пути — чрез с. Апаху в Большерецк и на р. Быструю в с. Малку, а затем в Ганалы и далее в вершину Камчатки, Ещё далее идут хребты: Обещанный, Гладкий и другие, которые можно признать за отроги главного западного хребта.

Рельеф поверхности Камчатского полуострова сильно изменился под влиянием вулканической силы. Следы этой деятельности на полуострове повсюду. На севере она обнаруживается под 62° ш. в виде горячих ключей. На юге же, начиная с 51,5° ш., выступает целый ряд вулканов, который, бесспорно, является продолжением Курильского ряда. Мало того, при более детальном осмотре всех конических вершин полуострова, из которых большинство пре-

кратили свою деятельность, очевидно, в доисторический период, можно провести два вулканических ряда: один западный, начинающийся потухшими вулканами по западному и юго-западному берегам Курильского озера и продолжающийся на север чрез Апачинскую (53° ш.) и Ичинскую (56°) сопки, то есть вдоль западного хребта полуострова, и второй ряд, более выдающийся, начинающийся с Кошелевской сопки (51,5° ш.) и продолжающийся на север вдоль восточного побережья полуострова.

Западный ряд по времени своей деятельности относится к более древним вулканам, из которых только два, Уташут и Апачинская сопка, по слухам (как выражается Дитмар), производили извержения ещё в историческое время. К этому ряду можно отнести следующие потухшие вулканы: Чаохч, Уташут, Ксудач, Вине, Голыгинская и Апачинская сопки, остатки древних кратеров по западному хребту, Ичинская сопка (самая высокая из потухших вулканов), потухшие кратеры на Тигильском перевале и далее конусы (базальтовые по Дитмару) Эллеулекен и Морошечная сопка.

Восточный ряд по своему происхождению более позднейший, чем западный, имеет в числе своих конусов совершенно потухшие, недавно закончившие свою деятельность и ныне действующие. Этот ряд на юге начинается Кошелевой (Камбалиной) сопкой, за которой следуют сопки: Озерная, Хадутка, Асачинская (конус провалился в 1848 г. во время землетрясения с сильным извержением пепла). Далее на север идут: Поворотная (Мутновская), Опальная и Вилучинская, из которых последняя, по правильности своего очертания и благодаря близости к берегам океана и Авачинской губы, является первою красавицей, восторгающею внимание путника, идущаго на корабле в Петропавловский порт.

Все перечисленные вулканы ныне не действуют, хотя некоторые из них, судя по отсутствию или незначительности барранкосов (глубокие эрозионные борозды, прорезающие склоны конуса в радиальном направлении. — *Ред.*), вероятно, действовали ещё в недавнее время. Мутновская сопка, хотя не постоянно, а временами, проявляет свою деятельность и в настоящее время, извергая из своих расщелин клубы водяного пара, или, как выражаются местные жители, «временами дымит».

Далее на север вслед за Авачинской губой в восточном вулканическом ряду, помимо отдельных возвышенностей, являются и группы вулканов, которые, впрочем, нисколько не нарушают правильности ряда. Большая часть этих вулканов принадлежит к самым значительным по величине Камчатским сопкам, и большинство из них

ныне действуют, обнаруживая свою деятельность извержением водяных паров, пепла и даже лавы.

Первая группа вулканов к северу от Авачинской губы, верстах в тридцати от нея, состоит из трёх сопок: Коряцкой (Стрелочной), Авачинской и Козельской. Впрочем, Козельскую сопку, по мнению всех исследователей, поднимавшихся на склоны Авачинской сопки, нельзя считать за отдельный конус, а скорее за изорванный вал, которым когда-то был окружён кратер Авачинской сопки, подобно тому, как Везувий окружён соммой. По слухам, да и вообще по всем данным, с большим вероятием можно допустить, что Авачинская сопка была когда-то гораздо больших размеров, чем она в настоящее время есть, и больше соседней с ней Коряцкой сопки.

Глубоко врезавшиеся барранкосы ея, видимые даже с Петропавловской горы, и очертания ея в виде одного лишь массивного основания конуса без шатра, застилаемого постоянно исходящими из многих трещин парами, ясно свидетельствуют, что этот вулкан пережил несколько периодов своей деятельности, проявляя её в различной степени напряжённости. Уже в историческое время известны сильные извержения этого вулкана, а именно в 1737 г., затем в 1827, 1855, 1878 и 1881 гг.

Крашенинников, почти свидетель (в это время плыл на судне из Охотска к Большерецку) извержения Авачинского вулкана в 1737 г., так описывает это поразительное явление:

«Октября 6 дня 1737 г. пополуночи в третьем часу началось трясение и с четверть часа продолжалось так сильно, что многие камчатские юрты обвалились и балаганы попадали. Между тем учинился на море ужасный шум и волнение, и вдруг взлилась на берега вода сажени на три в высоту, которая, ни мало не стояв, сбегала в море и удалилась от берегов на знатное расстояние. Потом вторично земля всколебалась, воды прибыло против прежнего, но при отлиии столь далеко она сбегала, что моря видеть невозможно было. В то время усмотрены в проливе на дне морском между первым и вторым Курильским островом каменные горы, которые до того никогда не виданы, хотя трясение и наводнение случалось и прежде. С четверть часа после того спустя последовали валы ужасного и несравненного трясения, а при том взлилась вода на берег в высоту сажени на тридцать, которая попрежнему ни мало не стояв, сбегала в море, и вскоре стала в берегах своих, колеблясь чрез долгое время. Перед каждым трясением слышен был под землею страшный шум и стенание. От сего наводнения тамошние жители совсем разорились, а многие бед-

ственно окончили живот свой. В некоторых местах луга холмами и поля морскими заливами сделались».

Явление это, замечает Крашенинников, с особою силою проявилось по восточному берегу, тогда как по западному (Охотскому) в гораздо меньшей степени. Землетрясение продолжалось до весны 1738 г.

Извержение того же вулкана в 1827 г., записанное со слов жителей спутником Литке, Постельсом, началось 27 июня ночью. Сначала появилось слабое пламя на вершине горы. Около же десяти часов утра, вместе с дождём выпало значительное количество пепла. Так продолжалось три дня, причём атмосфера затемнелась и слышен был непрерывный подземный гул, сопровождавшийся периодическими ударами. Утром 29 июня чувствовали сильное колебание почвы, от которого во многих избах Авачинского селения разбились стекла и разселись брёвна. Вслед за сим последовало извержение с большим количеством пепла и дыма. К ночи густые облака дыма рассеялись и профиль вулкана ярко обозначился разноцветными огнями от вершины его до подошвы. Из самого жерла безпрестанно вылетали раскалённые камни, подобно огненным шарам и крупным искрам. После этого пепел и дым уменьшились, подземный гул затих, и в течение двух дней не происходило никаких особенных явлений, но в течение восьми дней по юго-западному склону горы, обращённому к Аваче и Петропавловску, «простиралась огненная струя и вулкан продолжал дымиться; как и прежде происходили извержения» (прямого источника у меня не было под руками, а сведения эти взяты из статьи Старицкого, помещённой в XII томе «Живописной России»).

Извержения последующих годов (1855, 1878 и 1881) отличались меньшею степенью напряжённости. К сожалению, подробных сведений о них не сохранилось, что можно объяснить до некоторой степени тем обстоятельством, что с 1855 г., как уже упоминалось выше, Камчатка лишилась своего значения и вместе с тем среди ея обитателей мало осталось интеллигентных сил, от которых как от компетентных лиц возможно было бы ожидать точных наблюдений и сведений о столь интересных явлениях. Да и в настоящее время деятельность камчатских вулканов, по силе и энергии превосходящая вулканические проявления Этны и Везувия, остаётся большею частью под наблюдением одних лишь туземцев, совершенно не способных к подобного рода деятельности. Надо думать, что Приамурский отдел ИРГО не оставит без внимания столь интересных явлений природы в районе его действий

и рано или поздно откроет в Камчатке свою метеорологическую станцию с надёжным лицом во главе и с необходимыми инструментами для наблюдений за силою подземного огня.

Авачинский вулкан «дымит» и в настоящее время, причём пары выходят из него по многим трещинам часто меняющимся. По словам жителей, временами бывают и небольшие извержения.

Доступ к этому вулкану, хотя, по-видимому, и не особенно крутому, очень затруднителен. Не говоря уже о тех препятствиях, которые представляются туристу благодаря выходу из трещин по склонам горы паров и различного рода удушливых газов, приходится пройти несколько вёрст болотами и зарослями ползучих кустарников, за которыми начинаются обвалы, провалы и т. п. Путешественники, как, например, Постельс, Дитмар и другие, пытались подниматься на Авачинский вулкан, но никто не мог достигнуть его вершины, благодаря удушливым парам и газам и прочим указанным причинам.

Спутник наш, В. Н. Тюшев, прибыв в Петропавловск на службу в 1894 г., также делал попытку подняться на Авачинский вулкан. По его словам, довольно сильное извержение этого вулкана было в октябре того же 1894 г., причём после значительного сотрясения окружающей местности и извержения тучи пепла и камней вылился поток лавы шириною сажень триста и длиною на две трети всего конуса.

В. Н. Тюшев дал мне следующее описание своего восхождения на вулкан спустя четыре месяца после указанного извержения: «Быть в Камчатке, постоянно наблюдать поразительно величественные явления вулканизма и не сделать попытки поближе взглянуть на эти проявления могучей жизнедеятельности нашей планеты как организма мне казалось невозможным. Поэтому воспользовавшись первым представившимся случаем, я с одним из Петропавловских жителей отправился к Авачинскому вулкану в середине февраля 1895 г. с целью и твёрдым намерением добраться до его вершины. В то время сопка эта ещё проявляла, иногда даже значительной напряжённости, вулканическую деятельность. Надо сказать, что с самого прибытия своего на Камчатку в апреле 1894 г. я замечал, имея всё время перед собою вид на этот вулкан, в нескольких местах его срезанной вершины, имевшей совершенно правильную конусообразную форму, по временам поднимавшееся столбы газов и паров, но настолько незначительные, что многими даже местными жителями на это не обращалось никакого внимания, и вулкан считался потухшим со времени, кажется

1870-х гг., когда, по словам местных жителей, “сопка лопнула и пустила воду”, до октября 1894 г., когда последовало сильное извержение, сопровождавшееся излившимся потоком лавы, хорошо видимым от Петропавловска в змеистой линии.

След предшествовавшего извержения до сего времени отлично сохранился в виде русла, несомненно, грязевого потока, представляя собою широкую долину заваленную сплошь горами обломков пористых и плотных лав, обломков, достигающих величины нескольких кубических сажен и других вулканических продуктов. Вид ущелий, образованных силою этого потока, прорвавшего своей стремительностью каменные гряды, встреченные им на своём пути, обожжённый и полужасыпанный рыхлыми продуктами лес, целые утёсы лавы, снесённые течением за много вёрст от вулкана, — всё это невольно наводит на мысль о той невероятной мощи, проявленной здесь вулканом, перед которой всё достигнутое человеком в получении механической силы совершенно бледнеет и представляется чем-то игрушечным.

Медленно поднимаясь в гору (местность от самого берега моря повышается по направлению к Авачинской и Коряцкой сопкам представляя собою обширное подножие этой вулканической группы), мы через несколько часов выехали на собаках на русло упомянутого выше потока, известное у всех местных жителей под названием “сухой реки”, от которой подъём становится значительнее, а с тем вместе и затруднительнее. Смотри на Коряцкую и Авачинскую сопку издали, например, с Авачинской тундры, медленно понижающаяся к Петропавловску, становится очевидной связь Мишенной горы как конечного пункта поднятий с названными сопками и общий геологический состав их (светлых цветов трахиты) на самом деле заставляет признать эту связь и общность по времени их образования.

Остановившись к вечеру у предела кустарниковой растительности (*Alnus incana*, *Pinus sembra pumila*), приблизительно на двух с половиной тысячах футов высоты, утром на другой день, всё ещё на собаках, мы отправились далее. Уже на месте остановки ясно было слышно какое-то особенное грохотание, какой-то гул, точно что-то громадное массивное рушилось и своим падением заставляло дрожать землю на далёкое расстояние. Вечером при сгустившейся темноте можно было отчётливо наблюдать поразительный гигантский фейерверк. В известных интервалах вдруг вершина вулкана освещалась красным цветом и из нея вылетал целый сноп огней, от светло-красного до тёмно-малинового цветов,

разлетавшихся кистью в разные стороны и через несколько секунд падавших на склоны вулкана. Вслед за этим из кратера показывалась раскалённая масса лавы, скатывавшаяся в одном направлении по склону и быстро темневшая.

Каждый раз, как выливалась, или, вернее сказать, выдавливалась лава и медленно скатывалась вниз, от её массы отделялись глыбы, гигантскими прыжками и с увеличивавшейся скоростью летевшие с оглушительным грохотом вниз. Иной раз мы слышали над собою какой-то свист, подобный тому, какой слышится при полёте пули, ударившейся и отскочившей от встреченного препятствия.

Смотря на всё происходившее перед нами, ясно было, что лава, моментально застывая с поверхности, колется на массу острорёберных громадной величины осколков, которые, отделившись от общего потока, несутся вниз с увеличивающейся, как сказано, быстротой, но всё ещё в раскалённом состоянии, и, ударившись где-нибудь в массивные обнажения, дробятся на более мелкие части, которые с треском летят дальше по всем направлениям, вычерчивая на тёмном фоне горы или ночного неба красные дуги.

Проходя мимо трахитовых старых обнажений и старых лавовых потоков, мы остановили собак как раз у того места, докуда достиг поток лавы названного выше извержения октября 1894 г. Отсюда подъём ещё круче. На расстоянии нескольких сажен вдоль потока снег стоял, но не всюду, так что иной раз поток, казалось, залегал на самом снегу. Придерживаясь потока, представлявшего нам собою здесь гору камней и целых утёсов, набросанных друг на друга в самом хаотическом беспорядке, мы стали подниматься вверх, намереваясь этим путём достигнуть вершины. Резко выделявшийся в общей чёрной массе лавы своим белым цветом камни и целые пласты настолько останавливали на себе наше внимание, что мы решились, несмотря на частые взрывы, происходившие через короткий промежуток времени то там, то здесь среди потока, подойти поближе, чтобы взять образчик этой белоснежной породы.

Каково же было наше изумление, когда мы, добравшись по горячим обломкам лавы до названных белых камней, нашли не камни, а снег, удивительным образом чередовавшийся с лавовыми глыбами, ещё горячими настолько, что отбитые куски лавы невозможно было держать в руке, не охладив их предварительно в снегу.

Выбраться на вершину потока оказалось не так легко. Карабкаясь с утёса на утёс и с камня на камень всё выше и выше, выбирая при этом камни более охладившиеся, чтобы не испор-

тить тонкия подошвы местной обуви (торбаза), не раз принуждены были быстро соскакивать обратно вниз, когда прямо под ногами раздавался подземный гул, предвестник взрывов. Едва успевая достигнуть основания потока, мы наблюдали вслед за гулом, как тончайшая вулканическая пыль тонкой струёй вырывалась со страшной силой в воздух, затем тотчас же груды камней взлетала вверх, падая назад вокруг выхода газов и струи или столба пыли и пепла.

Ряд взрывов, происходивших в одном и том же месте, обуславливал конусообразное накопление лавовых обломков, образуя на крайне неровной поверхности потока несколько отдельных возвышений “бокк”. Удовлетворив своему любопытству, мы спустились вниз, следуя всё дальше вдоль самого потока. Очень часто мы проходили мимо громадных утёсов, изолированно торчавших из снежной поверхности, которые первоначально нами были приняты за начальные выступы сопки, но истинная природа которых нам скоро стала ясна. Теперь, на высоте 4 500—5 000 футов, можно было отчётливо видеть, как из кратера медленно поднимались лавовые массы, медленно сползавшие по склону, от которых откалывались отдельные глыбы и утёсы, стремительно нёсшиеся вниз, усеявая белые склоны сопки многими чёрными тыками. И теперь видно было, как отдельные глыбы, выброшенные ужасною силою из земной глубины, описав в воздухе дугу, падали на склоны и, ударившись о скалистые обнажения, разламывались на сотни мелких камней, со свистом пролетавших высоко в воздухе над нашими головами.

Открывавшийся вид превосходил всякое описание. Далеко внизу на горизонте расстилалась безпредельная гладь Великого океана, обширная Авачинская бухта казалась отсюда лишь небольшим озерком, позволяя различать, как на плане, все ея заливы и мысы. Прямо перед нами поднималась вершина вулкана, глухо рокотавшая, выбрасывая с невероятной силою бомбы и скалы, и со страшным грохотом скатывавшаяся масса лавы, нагромождавшей ниже груды камней, утёсов и скал.

Немало не подозревая возможной опасности, мы подвигались вперёд, когда неожиданно в нескольких шагах от нас упала раскалённая глыба и, остановившись на мгновение, глубоко врезавшись в толщу снега и вызвав громадный столб водяных паров, покатила дальше, оставляя за собою след в виде глубоко взрытой в снегу борозды. После этого, несмотря на все доводы с моей стороны, что вершина близка, и достигнуть её вполне возможно,

мой спутник остался непреклонен, решив, что дальнейшее восхождение слишком опасно, что не стоит рисковать жизнью из-за удовольствия добраться до края кратера, где, говорил он, кроме горячих камней, как и где мы были, ничего “порядочного не было”».

По измерениям различных путешественников, высота Авачинского вулкана равняется: по Лаперузу — 8 424, Ленцу и Постельсу — 7 995, Литке — 8 756, Эрману — 8 912 и Бичи — 9 050 футов. Выше всех на Авачинский вулкан поднимались Постельс и Тюшев, первый на 7 000 футов, откуда он видел оба моря: Охотское и Берингово с Великим океаном, и второй — на 6 400 футов.

Другой, соседний с Авачинским, вулкан из этой группы есть Корякская, или Стрелочная, сопка, которая основанием своим соединяется с основанием Авачинской.

Вышина Корякской сопки по определению Литке 11 212 и по Эрману — 11 822 футов. По стройности и правильности очертаний Корякская сопка много превосходит Авачинскую. По историческим данным неизвестно, когда этот вулкан был в действии. Только недавно с юго-западной стороны его, немного ниже вершины, образовалась трещина, из которой в настоящее время выходит водяной пар непрерывной и сравнительно тонкой струей. Корякский вулкан представляет из себя вторую после Вилучинской сопки сторожевую башню, диким величием которой приходится любоваться путникам, подплывающим к Авачинской губе.

Следующий, ныне дымящийся вулкан — Жупановская сопка, обнаруживший свою деятельность в 1882 г. Высота ее считается 8 854 футов. Затем идут: два Шемячика (малый и большой, из которых большой дымит), Кихпинич и Узон. По свидетельству Дитмара, Шемячик в прошлом столетии был с острою коническую вершиною, но затем часть его провалилась, а в половине нынешнего столетия было даже извержение пепла и лавы.

Следующая затем сопка — Кроноцкая, которая вместе с пятью или шестью другими меньшей величины сопками окружают Кроноцкое озеро. По мнению Эрмана, Дитмара и вообще очевидцев, Кроноцкое озеро, подобно тому, как Курильское и Палланское озёра и даже Авачинская губа, представляет из себя ничто иное, как вместилище когда-то бывшего большого кратера. Все три указанных озёра находятся на некоторой высоте над окружающею местностью и окаймляются валообразными берегами, поблизости которых, вокруг озера, располагаются несколько конических вершин, бывших, очевидно, когда-то второстепенными кратерами, окружавшими один главный. Судя по окружающей местности, обилие вод

этих озёр не может пополняться стоками с окрестных вершин, а необходимо допустить, что главное питание их происходит внутренними подземными источниками.

Реки, вытекающие из этих озёр (Кроноцкая, Палана и Озерная, или Курильская), ниспадают в виде шумных водопадов с отвесных скалистых берегов, которыми окаймляются озёра, с высоты от полутора до трёх саженьей, причём, по словам жителей, вода с такою силою стремится вниз, что ударяется о землю не у подножия скалы, а в некотором разстоянии от него, так что между скалою и струей водопада остаётся совершенно свободный проход. Наблюдатель может стоять у подножия скалы и любоваться, как с силою и с шумом река бежит над его головою.

Далее на север от Кроноцкой группы идут вулканы: большой и малый Толбачики, Ушкинская и Крестовская сопки и наконец самая высокая, стройная и интенсивнее других в данный момент действующая Ключевская сопка. Толбачинские вершины расположены в углу между р. Камчаткою и притоком её Толбачиком. По словам Крашенинникова, Большой Толбачик «дымил» с давних лет, но только сначала водяные пары выходили из главного кратера, а затем прекратились и показались из трещины хребта, соединяющего Большой и Малый Толбачики, ближе к Малому.

Тот же Крашенинников со слов жителей сообщает: «В 1739 г. из образовавшейся на хребте трещины выкинуло огненный шарик, которым, однако, весь лес по околожлежащим горам выжгло. За шариком выбросило как бы облако, которое час от часу распространилось больше, на низ отпускалось и покрыло пеплом снег вёрст на пятьдесят во все стороны. При этом извержении было небольшое землетрясение. Большее трясение земли чувствовалось несколько раньше этого, в половине декабря 1738 г. Мы ехали тогда из Большерецка и стояли станом около хребта Облукавинского. Станный шум в лесу, который сперва слышали, почитали мы за возставшую бурю, но как котлы наши с огня полетели, и мы, сидя на санках, зашатались, то узнали подлинную тому причину. Сего трясения было токмо три вала, а вал за валом следовал почти поминутно».

В настоящее время Толбачик «дымит», причём пары выходят из хребта вблизи Малого Толбачика.

Камчатский вулкан и соединенные с ним одним общим основанием Крестовская и Ушкинская сопки лежат как раз на пересечении двух дуг вулканических рядов: Курильско-Камчатской и Алеутско-Камчатской. Вследствие этого, как и следовало ожидать, сила

подземного огня в этом районе должна проявляться с большею напряжённостью, чем во всех остальных местах полуострова. И действительно, с самых древних для нас известных времён Ключевской вулкан проявлял и теперь проявляет с большою напряжённостью, сравнительно с другими, деятельность. Насколько известно, этот вулкан постоянно дымится и раза по два, по три в год выбрасывает пепел, а иногда и потоки лавы.

В окрестных местах пепел ложится иногда довольно толстым слоем, в отдалённых же (даже в Тигиле, за триста вёрст) более или менее тонким, едва заметным. Слои этого пепла с переслойками из ила часто можно видеть в размытых обрывах по берегам р. Камчатки. В настоящее время в выбрасывании паров и пепла замечается следующая особенность: днём в ясную и тихую погоду из кратера с силою вылетают непрерывно один за другим клубы или кольца (наподобие того, как при выстрелах из мортирных пушек) белого водяного пара числом восемь и затем девятый клуб или кольцо больших размеров и обязательно чёрного цвета (очевидно, с большою примесью пепла). После этого тотчас же опять следуют восемь белых и один чёрный выброс и т. д. При наблюдении же ночью, особенно в тёмную, то же явление представляется наблюдателю ещё с большим эффектом. Пары и пепел окрашиваются огненным цветом, причём вместе с пеплом вылетают иногда (мне лично пришлось видеть один раз) раскалённые бомбы, которые, описав в воздухе кривую, падают на склоны горы.

В прошлом году, в бытность мою в Камчатке, все извержения из Ключевского вулкана выбрасывались на юго-восточную сторону, обращённую к океану, причём ночью по этому склону весьма эффектно обрисовывалась огненная полоса, спускающаяся от кратера до трети шатра с ярким заревом, исходящим от нея. Был ли это поток лавы или это было отражение внутреннего огня из образовавшейся щели, до подлинности узнать не удалось. Жители же выражаются так: «Нынешний год сопка льёт лаву к морю».

Год же тому назад, по словам жителей и доктора Тюшева, имевшего случай наблюдать за кратером Ключевского вулкана из Тигилия, продукты извержения выходили прямо вверх и разбрасывались во все стороны в виде розетки (после моего выезда из Камчатки зимою 1897—1898 г., как передают очевидцы, лава выливалась с большим напряжением по направлению к селению Ключевскому).

Выдающиеся извержения Ключевского вулкана были в 1729, 1737, 1762, 1790, 1796, 1829, 1853, 1864, 1878 и 1882 гг.

Крашенинников в своём «Описании земли Камчатки» так описывает извержение Ключевского вулкана, бывшего в 1737 г. (то есть начавшагося за несколько дней до его прибытия в Камчатку): «Сей ужасный пожар начался сентября 25 числа и продолжался с неделю с такою свирепостью, что жители, которые близ горы на рыбном промысле были, ежечасно к смерти готовились, ожидая кончины. Вся гора казалась раскалённым камнем. Пламя, которое внутри ея сквозь расщелины было видно, устремлялось иногда вниз, как огненная река, с ужасным шумом. В горе слышен был гром, треск и будто сильными мехами раздувание, от которого все ближния места дрожали.

Особливый страх был жителям в ночное время, ибо в темноте всё слышнее и виднее было. Конец пожара был обыкновенный, то есть извержение множества пеплу, из которого однакож немного на землю пало для того, что всю тучу унесло в море. Вымётывает же из нея и ноздреватое камень и слитки разных веществ, в стекло превратившихся, которыя великими кусками по текущему из под нея ручью “Биокосю” находятся. После того 23 числа октября, по полудни в седьмом часу, было в нижнем Камчатском остроге такое сильное землетрясение, что многия камчатския жилища попадали, печи в казацких избах рассыпались, у церкви колокола звонили и самую тамошнюю новую церковь, которая построена из толстаго лиственничнаго лесу, так расшатало, что бревна из дверных колод и из пазов совсем вон вышли; а продолжалось оно с переменною до самой весны 1738 г., однако гораздо легче прежняго».

Подробных сведений о других извержениях Ключевского вулкана не сохранилось, так как наблюдателями их, очевидно, были лишь аборигены страны. Только извержение 1853 г., бывшее во время пребывания в Камчатке Дитмара, более или менее известно. Началось оно в октябре, а окончилось в феврале следующего года. Сильный гул предшествовал извержению, причём, что всего интереснее и что наблюдается и теперь, то это то, что гул этот, наподобие глухих отдалённых раскатов грома, слышен вдали (на десятки и даже сотни вёрст) от самого вулкана, тогда как в селении Ключевском, Крестовском и других близлежащих никакого гула не слышно.

В бытность мою в Верхне-Камчатске (за триста вёрст), в Мильковском, Машурском селениях раскаты подземнаго грохота раздавались постоянно. «Ключевская сопка шумит», — как выражались жители. Чем ближе же мы приближались к вулкану, тем гул слышался нам слабее, и в селениях Ушкинском, Крестовском и Ключевском гула совершенно не было слышно. Во время извержения

1853 г. огромные потоки лавы (базальтовой) излились на восточную сторону, по направлению р. Хапичи и на западную, к с. Козыревскому. У этого селения можно проследить потоки базальтовой лавы, очевидно, нескольких периодов. Один из таких потоков образует здесь обрыв на берегу р. Камчатки. Поток этот, по всем вероятностям, появился ещё в прошлом столетии, так как он покрыт в настоящее время довольно толстым слоем земли, заросшей кустарниками и деревьями.

Воспользовавшись несколькими свободными днями, я и спутники мои решились на попытку подняться на Ключевской вулкан настолько, насколько это окажется возможным по удобствам пути туда и по состоянию погоды. Это последнее обстоятельство при подобных экскурсиях играет важную роль, так как даже на такой высоте, как подошва сопки, атмосферные осадки, дождь при низкой температуре и непроницаемый туман делают путешествие затруднительным и почти безцельным.

Группа Ключевского вулкана (Крестовская и Ушкинская сопки) расположены на общем основании, плато, возвышающемся над общим уровнем до 4 500 футов. Кроме указанных главных вулканов, плато это имеет ещё несколько второстепенных, меньших размеров конических вершин (шатров), из которых четыре довольно симметрично окружают Ключевской шатёр. Плато начинается у самого селения Ключевского и требует для поднятия на вершину его при верховой (шагом) езде почти целый летний день. От селения до центральной оси вулкана считается двадцать четыре версты.

2-го июля 1897 г. в час дня в сопровождении проводников и любителей (охотников) из местных жителей мы тронулись из селения в юго-восточном направлении. День был ясный, температура 19,2° по Реомюру (1 градус Реомюра равен 1,25 градуса Цельсия. — *Ред.*), барометр 30,18 (дюйма, то есть 766 мм рт. ст. — *Ред.*); высота пункта отправления принята за ноль. Дорога (тропа) шла сначала берегом р. Камчатки среди кустарников шиповника (*Rosa canina*), боярышника (*Crataegus*), тальника, жимолости (*Lonicera coerulea*) и густой высокой травы, между которой особенно выделялась своими размерами так называемая «сладкая трава» из семейства зонтичных (растение это употребляется жителями в пищу). Через короткое расстояние тропа отошла от берега Камчатки и направилась лесом по направлению к сопке. Местность стала неровной, холмистой. Происхождение холмиков можно объяснить неровностями застывшей в древности лавы, которая затем покрылась слоем земли и заросла лесом и травой.

Лес состоит из крупного березняка и местами из тополей и вербы. Подлесок из тех же (боярышника, жимолости и прочих) кустарников. Тропинка, по которой пришлось ехать, представляет из себя единственный путь на сопку. Ею пользуются жители только осенью, когда отправляются на подножие вулкана за оленями и каменными баранами. Редко посещаемая тропа эта заросла кустами, почему приходилось то и дело руками отклонять ветки и сучья деревьев, нависших над дорогой, или нагибаться под них.

Через час ровной шаговой езды поднялись на высоту 600 футов, а через треть часа ещё на 400. На высоте 1 000 футов берёзовый лес заметно уменьшается, редет и становится тоньше, ниже и неправильнее. Местами попадаются кусты рябины. Вместе с тем начинают попадаться кусты ползучаго ольховника (ольховый сланец). Далее, на высоте 1 300 футов, ольховник вытесняет все остальные деревья, местами он представляет из себя заросли, чрез которые пришлось пробираться, прорубая предварительно тропу топорами. Трава ниже, зелень в общем гораздо свежее. Попадаются белые цветочки лютиковых. Местами между кустами видны площадки, покрытые чёрным вулканическим песком и пеплом.

К пяти часам высота 1 600 футов; берёзовый лес совершенно окончился. Ольховник и некоторые травы ещё не расцветали. Встретилось место, покрытое старой травой; очевидно, только что стаял снег. Местами едва начинает пробиваться трава и показываются жёлтые цветочки какого-то вида из лютиковых (*Ranunculus*). Кроме цветов лютика, попадаетея и *Rododendron chrysanthum*. Лошади идут гораздо медленнее, поднимая чёрную вулканическую пыль. В пять с четвертью высота 1 800 футов. Заросли ольховника усилились и приходится пробиваться не иначе, как с топором в руках.

В пять с половиной высота 2 000 футов. Растительность слабее, ольховник ниже. Начинают попадаться цветки из крестоцветных (*Cruciferae*). Ольховник ниже и реже, попадаетея брусника. Во всех промоинах и ложбинах лежит снег, окрашенный пеплом в чёрный цвет. К шести часам высота 2 600 футов, барометр 27,36; растения попадаютея: *Veratrum*, *Rododendron*, *Angelica*, *Trolleus*, *Ranunculus* и *Pinus Cembra pumila* (наблюдения барометра и определение растений, по пути собранных, производил спутник В. Н. Тюшев, естественно-историческая познания которого помогали во многих отношениях).

Пользуясь последней травой для корма лошадей и небольшими кустиками ольховника и ползучаго кедровника (*Pinus cembra pumila*) для дров, остановились на ночлег, имея впереди овраг со снегом, из

под которого журчал ручеек чистой воды. Сторона оврага, обращённая к вулкану, возвышалась футов на двести и прорезывалась в нескольких местах гребешками лавовых потоков, на которых ясно можно было видеть бывшее расплавленное состояние пород. Помимо полной остеклованности с поверхности, наблюдались ещё и характерныя для лав скрученность и извитость, объясняемая поступательным движением вязко-жидкой и быстро остывавшей каменной массы. Масса эта, излитая в огромных количествах, в своём поступательном движении, встречая на пути своём всякия препятствия, должна была в силу механических законов отклоняться от прямого направления, изгибаться и, быстро остывая со своей поверхности, как стекло, трескалась на части. Осколки эти, представляя собою груды каменных глыб, выводились из первоначального своего положения дальнейшим движением огненной реки, надвигались друг на друга и образовали таким образом во многих местах по склонам вулкана целые ряды (гребни) лавовых осколков.

Течение породы в момент ея расплавленного состояния можно было видеть и из расположения пустот, пор (массы были пористы), которая вытянута все решительно в направлении бывшего движения лавового потока. Величина пустот сильно варьирует (от миллиметра до нескольких сантиметров по оси). Встреченная здесь лава была чрезвычайно твёрда; при откалывании издаёт металлический звук; с поверхности остеклована. Также остеклованными являются и стенки пор. На некоторых глыбах видна была слоистость, что зависело от разной окраски текших и соприкасавшихся друг с другом пород. Цвет лавы тёмно-серый, даже чёрный; реже красно-кирпичный.

Всё сказанное о лавовых потоках наблюдалось и на следующий день, при дальнейшем поднятии к вулкану.

Чудный вид представлялся нам, сидящим у своих палаток пред колоссальным шатром вулкана. На далекое разстояние были видны горы самых разнообразнейших и причудливых форм и очертаний, и между ними слегка блестящей лентой извивались поверхности рек Камчатки, Еловки и других. Видны были озёра, лагуны, кое-какие выдающиеся выступы Тигильского перевала, Харчинские горы с дымящимся Шивелучем и прочее, и всё это при ярко-фиолетовой окраске солнечного заката имело чудный, полный величия и дивной прелести вид.

В девять часов температура 7° Реомюра, барометр 27,36.

3 июля в пять часов утра температура 9° Реомюра, барометр 27,33. Небо совершенно пасмурное, затянутое густыми облаками.

Путь без тропы по шероховатой лавовой местности, местами лишь покрытой жалкой на вид травянистою растительностью. Местами попадаются ложбины, заполненные снегом и служащие руслами горных потоков. Ложбины эти прорываются горами осколков камней различной формы, тогда как края ложбин окаймлены гребнями лавовых потоков. Местами ложбины эти переходят в дикие ущелья с нависшими скалами, из-под которых с шумом и пеной вылетают каскады горных потоков. Разселины между скал заполнены снегом, переходящим иногда в ледяные пласты с пролойками из чёрного пепла и песку.

К девяти часам утра поднялись на высоту свыше 4 000 футов (считая от селения), дошли почти до самого седла, то есть гребня, которым Ключевской вулкан соединяется с Крестовской сопкой. Погода испортилась окончательно, шёл мелкий дождь и временами налетал густой туман. Густота тумана настолько была велика, что лишь с трудом можно было разглядеть предметы в разстоянии двух-трёх сажень. Кругом растительности никакой, видна лишь тёмно-серая поверхность, усеянная то там, то сям горами камней.

Дальнейшее движение стало невозможно. Проводники отказывались идти дальше, говоря, что при таком тумане, который может усилиться ещё более, и при дожде нельзя оставаться долее в местности, где нет ни корму лошадям, ни дров для варки чая. По их словам туман, продолжающийся иногда неделями, есть одна из главных опасностей в этих местах. Густота его доходит иногда до того, что всадник едва видит голову своей лошади, и тогда легко бывает сбиться с пути и в течение нескольких дней бродить без огня и горячей пищи.

В десять часов утра под дождём было решено повернуть назад. Особенно не хотелось отказаться от осмотра больших залежей льда (ледника), из-под которого вытекает целая речка, называемая жителями Студёной, и до которых, по словам проводников, оставалось пройти не более вёрст трёх.

По определению путешественников наклон скатов вулкана со всех его сторон выражается в 36—37 градусов, а высота его, считая подъём над общеою местностью, определена Эрманом в 16 032, а Литке — в 16 503 футов.

Вулканическая сила, проявляющаяся безпрестанной деятельностью Ключевского вулкана, не ограничивается здесь, то есть на пересечении двух вулканических дуг, только этим. Каких-либо в сорока-пятидесяти верстах от Ключевского вулкана только по другую сторону р. Камчатки возвышается не меньшей

величины и ныне действующий вулкан Шевелуч. По массивности он едва ли уступает (если только не превосходит) Ключевскому вулкану. Величие его умалется пред сим последним благодаря лишь провалившемуся и сильно изорванному шатру его. Шевелуч не имеет правильности очертаний. Говорят, вершина его состояла когда-то из двух конусов, но в 1854 г. оба конуса провалились, оставив за этим великаном вид чего-то гигантского, но разрушенного.

Вулкан этот с незапамятных времён не обнаруживал никакой деятельности, но в 1854 г., в ночь на 18-е февраля, то есть в момент временного прекращения действий Ключевского вулкана, вершина его провалилась со страшным грохотом и треском, и началось истечение потоков лавы во все стороны. Потоки эти достигали берегов Еловки, причём выпала такая масса песку и пепла, что снег в окрестностях покрылся слоем его в один фут, следы же этих продуктов уносились даже до Тигиля. Мелкие продукты извержения Шевелуча (песок, пепел), по словам жителей, всегда бывают жёлтого цвета, почему в напластованиях речных наносов их легко отличать от продуктов Ключевского вулкана. Жители Тигиля даже пользуются этим признаком для определения, из какого вулкана донеслась до них пыль: из Ключевского (если чёрного цвета) или из Шевелуча.

Шевелучем заканчивается ряд вулканов восточного побережья. Севернее его следы вулканической деятельности проявляются лишь горячими ключами.

Нельзя обойти молчанием, не указав на факт, что в пределах приблизительно той же широты (на картах Ичинская сопка обозначена гораздо южнее действительности, на самом деле она едва-едва, что видно на глаз, южнее Ключевского вулкана), где расположены только что описанные вулканы, находится давно потухший, но по высоте и размерам (по определению Эрмана) превосходящий все камчатские вершины вулкан Ичинская сопка. Очевидно, если пересечение вулканических дуг в этой широте сказывается в историческое время деятельностью двух могучих вулканов, Шевелуча и Ключевского, то в доисторический период эта сила проявлялась колоссальным жерлом Ичинской сопки.

Местность, занимаемая Ичинскою сопкою, представляет из себя вздутие западного хребта, понижающегося отсюда постепенно во все стороны. Вздутие это простирается на несколько десятков и даже сотен вёрст в окружности и сопровождается гребнями и скалами базальтовых выходов. Вершина сопки вечно покрыта сне-

гом и окружена падами и ущельями, заполненными льдом (ледник). Ичинскую сопку Эрман называет колоссом камчатских гор.

Заканчивая описание отдельных вулканов, необходимо упомянуть о сопке «Камчатская вершина», или Баккенинг, как называют её некоторые. Сильно разрушенный вал её кратера окаймляет лавовый конус, находящийся в точке, откуда простираются остроконечные гребни — на север Восточный хребет, отделяющий бассейн р. Камчатки от р. Жупановой, и Ганальский на юг, служащий водоразделом реки Авачи с одной стороны и Большой с притоками Начика и Быстрой — с другой.

В связи с вулканическою деятельностью находятся горячие ключи, очень многочисленные на Камчатском полуострове. Распространение их, а равно как и химический состав вод этих источников почти не исследованы. За исключением двух-трёх источников, выходящих на дневную поверхность в более или менее населённых местностях, об остальных сведения имеются со слов жителей-охотников и притом самого неопределённого свойства.

Более других известны, благодаря своей доступности, Паратунские, Начикинские и Малкинские источники, которыми, как известно, жители пользовались с давних времён, руководствуясь советами знахарей и своим собственным соображением. В начале текущего столетия и особенно во времена Завойко Паратунские и Малкинские ключи пользовались вниманием и служилого сословия, почему при этих источниках и были возведены для пользования больных разного рода постройки и даже больницы. Паратунские ключи, по близости их (двадцать пять вёрст) от Петропавловска по р. Паратунке, впадающей в Авачинскую губу в юго-западном её углу, и по настоящее время посещаются приезжими, почему там и теперь ещё имеются купальни в виде небольших бревенчатых срубов, прикрытых крышей и поставленных на высоких стойках над источником. Пол этих строений находится аршина на полтора над водою и имеет посредине своей отверстие с лестницей, спущенной в воду, по которой и сходят купающиеся в источник. За отсутствием посетителей, Малкинские ключи, находящиеся близ с. Малки на левом берегу р. Быстрой (приток р. Большой), совершенно заброшены, и только с трудом можно убедиться о прежде бывших здесь строениях и вообще о заботах прежнего начальства.

Некоторые из источников, по словам жителей, отличаются особенною силою напряжённости и высокою температурою. К таким источникам жители относят: Банные ключи, находящиеся у источников

реки того же имени, составляющей левый приток р. Большой, и источники Вершинские, находящиеся у подножия западного (главного) хребта в долине р. Вершинной, истока р. Двух-Юртенной, и носящая разные названия. Одни называют их Двух-Юртенскими, другие — Харчинскими или Седанкинскими и т. п. Вода этих источников выбрасывается вверх аршина на полтора-два и имеет настолько высокую температуру, что всякая живность, попавшая в неё, погибает, варится.

В значительности температуры источников мне самому лично и моим спутникам пришлось убедиться на Начикинских источниках. В один из ключиков нами была положена рыба и чрез некоторое время была доведена почти до полной сваренности.

Общий вид ключей следующий: обыкновенно по склону какой-либо горы или близ подножия ея располагается целый ряд или два, реже больше, небольших углублений, в центре которых пробивается в виде пузырьков, а иногда фонтанчиком, вода, излишек которой ручейком стекает в следующее такое жеместилище и тоже с таким же ключиком, затем в следующее и т. д., пока, наконец, не изливается в какую-либо реченьку. При этом замечено, что самые верхние ключики имеют наивысшую температуру, температура же следующих ключиков постепенно понижается. В Паратунских, например, и Начикинских источниках купаться возможно только в четвёртом или пятом ключиках, которые для этой цели углублены и расширены жителями; в выше лежащих же, по высоте температуры, купание невозможно.

Горячие источники, обыкновенно, сопровождаются холодными ручьями или тоже ключами. В летний жаркий день можно пройти мимо источников, не заметив их. Вечером же или рано утром, когда температура воздуха понижается, присутствие источника всегда сказывается облаком пара, стоящего над ним.

Систематического и научно-точного анализа вод камчатских горячих источников не было, а если и были, то самые поверхностные и приблизительные. Например, анализ Малкинских ключей определён по осадку, выпаренному из воды их, и выражается: 0,72 кремнезёма, 0,04 серной кислоты, 0,037 глинозёма, 0,03 железной окиси, 0,022 извести и 0,143 воды. Летучия же вещества, бесспорно играющая важную составную часть, определялись обыкновенно на вкус и обоняние. Обыкновенно приписывают всем вообще камчатским источникам большое содержание сероводорода, углекислоты и даже хлора. При такой гадательности анализа вопрос об исследовании вод камчатских источников остаётся открытым.

По опыту жителей, некоторых случайных посетителей и по тем немногим данным о камчатских ключах, которые сохранились с начала нынешнего столетия, известно, что воды этих источников, например, Паратунских и Малкинских, помогают от всех кожных болезней, ревматических и т. п. Приписывается им также свойство укреплять и восстанавливать силы малокровных, худосочных и вообще изнурённых и даже излечивать болезни глаз. Вода Паратунских ключей имеет отчасти слабительные свойства.

Из других, более известных горячих источников Камчатки можно указать на Явинские, Голыгинские, Апачинские (близ селений того же имени), Тимановские (содержат селитру), находящиеся в верховьях р. Авачи, Жупановские, Шемячикские, Курильские и самые северные Укинские (в долинах реки того же имени).

В прямой зависимости от распределения главных хребтов и отдельных гор камчатских находится и направление речных систем этого полуострова.

Из главного горного узла (Ганальской тундры), как из сердца, вытекают главные артерии — реки Камчатка, Большая и Авача, которые орошают полуостров и в тоже время служат почти единственными путями для сообщения восточного и западного побережья с внутренностью страны.

Из этого узла в северо-восточном направлении, по чудесной и обширной долине, образовавшейся между двумя главными — Западным и Восточным — хребтами, протекает р. Камчатка, орошая полуостров на протяжении почти пятисот вёрст. Под 56° ш., как раз в том треугольнике, который получится от соединения линиями трёх вершин: Ключевской, Шивелуча и Ичинской сопки, р. Камчатка, приняв с севера большой приток — Еловку, круто поворачивает на восток, проходит между Шивелучем и Ключевским вулканами, прорезывает Восточный хребет, образуя щёки с пролётом в сто саженей шириною, и в той же широте впадает в Восточный океан.

Долина р. Камчатки, образуемая двумя хребтами, по мере удаления их друг от друга, к северу постепенно расширяется, дойдя до наибольших своих размеров в пределах той же 56° широты. В Щёках она суживается до минимума, затем снова расширяется, образуя большую котловину, окружённую горами, где находится Нижне-Камчатск, перенесённый туда ещё Павлуцким и Мерлиным в 1740-х гг.

Ниже этого селения вёрст на пять или шесть р. Камчатка выходит из гор и на протяжении вёрст двадцати пяти протекает до самого устья по тундристой низменности.

Восточный и Западный хребты в верховьях р. Камчатки, образуя в общем узкую, сравнительно, долину, местами спускаются ясно очерченными террасами; и где появляются эти террасы, там долина несколько расширяется, представляя из себя как бы котлообразное вместилище. Впечатление остаётся такое: как будто всё нынешнее верхнее течение Камчатки представляло когда-то из себя ряд озёр, соединённых друг с другом протоками. По мере того как протоки углублялись, озёра сбивались, оставляя берега свои в виде террас, пока, наконец, из прежних озёр и протоков не образовалось русло нынешней Камчатки. Быть может, подобные же террасы существуют и в среднем течении Камчатки, но для наблюдателя, плывущего по этой реке, вследствие отдалённости боков долины и густоты лесной растительности оне не видны.

Весьма характерным является крутой поворот р. Камчатки на восток в район образования трёх больших вулканов. Быть может, детальное исследование этой местности и разъяснит причины бывших здесь переверотов, но теперь пока приходится оставаться в области предположений и догадок.

Устье реки Камчатки, подобно тому, как и устья многих других камчатских рек, особенно западного побережья, носит характер лагунных отложений. Обыкновенно при впадении рек образуются береговые озёра, отделяемые от моря узкими, иногда очень длинными наносами из песка и гальки, носящими название кошек. Морские прибои и приливы, встречаясь с течением рек, местами увеличивают эти отложения, местами размывают, отодвигая в то же время и устья рек то в ту, то в другую сторону. При устье р. Камчатки с левой стороны находится большое, вёрст пятнадцать в поперечнике, Нерпичье озеро, которое протокою соединяется с р. Камчаткою. Впрочем, трудно решить, впадает ли Камчатка в протоку озера или протока впадает в Камчатку, которая с этого места отклоняется от своего направления на юго-восток и, пройдя вдоль длинной (вёрст шесть) кошки, впадает в море.

На всём своём протяжении р. Камчатка принимает в себя массу рек и небольших речек, стекающих по склонам главных хребтов, причём более значительныя впадают с левой стороны, с которой спускаются к Камчатке более отлогие склоны западного хребта. К таким рекам принадлежат Еловка, Козыревская, Кирганик, Андриановка, Ковыча, Валагина, Китильгина и другие.

Из того же Ганальскаго узла, но уже по другую сторону, на юго-запад, в Охотское море стекает р. Большая со значительным притоком Быстрою, имеющею до двухсот вёрст длины. Река Боль-

шая сама по себе имеет незначительное протяжение и в нижнем своём течении представляет скорее узкий длинный залив, наполняющийся морскою водою во время приливов почти вплоть до Большерецка, то есть вёрст на тридцать пять от моря. У Большерецка р. Большая принимает с правой стороны приток р. Быструю, которая берёт начало в Ганальском узле близ истоков Камчатки и несёт большую часть вод этой системы. Далее на восток р. Большая принимает притоки: Апачу, Боаню, или Банную и Начику, которые скорее можно признать за разветвления главной реки, чем за притоки.

Река Начика правыми своими притоками вытекает из водораздельной тундры, к которой спускаются южные склоны Ганальского хребта и которая в то же время служит источником для правых притоков (р. Коряцкой) р. Авачи. Тундра эта возвышается над уровнем моря на 2 000 футов и служит перевалом из долины р. Авачи в систему реки Большой. Реки Апача, Банная и несколько других, менее значительных, берут своё начало из хребтов южной части полуострова. Таким образом, р. Большая, благодаря своим притокам, занимает сравнительно большой район.

Наконец, третья водная артерия, берущая начало из того же центрального узла, есть р. Авача, текущая в юго-восточном направлении в Авачинскую губу. На существующих картах истоки р. Авачи обозначены неправильно. На самом деле начало их гораздо севернее, близ северного конца Ганальского хребта, по склонам «Камчатской вершины». Река Авача, по рассказам жителей, в верхнем своём течении распадается на три реки: правая Авача, берущая начало с Ганальского хребта, средняя, имеющая своим истоком озеро, лежащее у подошвы горы «Камчатской вершины» и близкое к Ганальской тундре, и левая Авача, вытекающая из гряды Авачинских вулканов.

Из значительных притоков р. Авачи являются: р. Пиничева, впадающая с левой стороны против селения Старый острог, и с правой стороны р. Каряцкая, у устья которой расположено камчатское селение Каряцкое, и которая берёт начало из той же тундры, из которой и р. Начика, как указано выше.

Проход из верховьев Авачи в верховья р. Камчатки затруднителен, и если доступен, то только зимой на собаках. Летний же путь хотя и длинный, но более доступный, лежит вдоль р. Каряцкой к истокам р. Начики, затем переходит к с. Малка на р. Быструю, откуда проходит в с. Ганалы и в селение Пушино, лежащее уже на р. Камчатка.

Кроме этих трёх главных речных систем, полуостров Камчатка, благодаря большому и вечному запасу влаги по высоким горам, изрезывается массой второстепенных рек, которые вследствие меридианального расположения главных гор имеют течения в большинстве случаев по направлению широт, одни в Охотское море, а другие в Великий океан.

Из таких рек более значительны на западном побережье, а именно: Подкагирная, Лесная, Палана с озером того же имени, Тигиль, имеющая протяжение до двухсот вёрст, Харюзова, Белоголовая, Морошечная, Сопочная, Ича, Облуковина, Колпакова, Воровская, Коловская, Голыгина, Явина и Озерная с Курильским озером. Всех рек по западному берегу насчитывается сто восемнадцать, и большинство из них в прежние времена при устьях имели поселения. Восточный берег менее богат реками. Из них к северу от Авачи более других значительны Жупанова, Шемячик, Кроноцкая с озером того же имени, Столбовая (к северу от Камчатки), Озерная и Карагинская.

Из всех перечисленных рек по протяжению своему больше всех р. Тигиль, на которой по удобству (конечно, сравнительно с другими) её устья и по близости к границе населения немирных коряк, в половине прошлого столетия, когда русские окончательно водворились в Камчатке, был построен острог, переименованный вскоре в крепость. Печать с надписью «Тигильская крепость» хранится и до сего времени у тигильского частного командира казачьей команды.

Устье р. Тигиля относится также к типу лагунных берегов, окаймлённых «кошками» и большими лайдами (отмелями), обнажаемыми и заливаемыми во время приливов и отливов. Приливы достигают здесь больших размеров и наполняют реку солёною водою почти до селения Тигиля, расположенного верстах в пятидесяти от устья. Река Тигиль берёт начало в главном западном хребте в широте 57°, где этот хребет несколько понижен, образуя как бы впадину между подножиями Ичинской сопки с одной стороны и склонами Белаго хребта с другой. В северной части этой впадины река Еловка, приток р. Камчатки, и р. Седанка, приток Тигиля, своими истоками близко подходят друг к другу, и здесь же находится так называемый Тигильский перевал, соединяющий долину р. Камчатки с р. Тигилём. Высшая точка этого перевала около 3 500 футов.

В климатическом отношении Камчатский полуостров находится в значительно худших условиях, чем следовало бы ожидать по

его географическому положению. Во-первых, широты, занимаемая Камчаткою, ставят её в условия несколько не хуже средних губерний (Курская, Черниговская и другие) Европейской России, а во-вторых, положение ея, как полуострова, девять десятых которого омывается водою, а priori заставляет предполагать, что климат ея несравненно лучше, чем он есть на самом деле. В действительности же моря, от которых следовало бы ожидать смягчающих влияний, и являются главной причиной суровости климата.

Камчатка омывается водами Великого океана и Охотского моря и имеет в близком соседстве неистощимое и вечное хранилище льдов — это Северный Ледовитый океан, холод которого чрез водные и воздушные течения остаётся не без влияния на близ лежащих и доступных для них страны.

Берингов пролив как единственный на большом протяжении ворота для сообщения двух различных по температуре водных масс, бесспорно, имеет важное значение для системы воздушных и морских течений. По свидетельству барона Норденшильда, массы тёплого воздуха, залегающие над Великим океаном, и массы холодного воздуха, направленные с полюса, задерживаясь береговыми высотами, направляются в эти ворота и здесь, расположившись по плотности своей один над другим, проходят тёплые к северу, а холодные к югу.

Но если воздушные течения имеют достаточно простору для прохода друг под другом, то океанские, по узости и сравнительной мелководности пролива, не могут вмещать всей массы гонимых ими вод, которые вследствие этого волей-неволей должны искать себе другого направления. По свидетельству компетентных мореплавателей, южные тёплые течения, сталкиваясь в Беринговом проливе с северными холодными, образуют круговорот, причём частью проходят одно над другим, а частью отклоняются: тёплые направляются обратно вдоль берегов Америки, а холодные под влиянием вращения земли прилегают к азиатскому берегу, достигая этим путём и берегов Камчатки.

Вот причина, благодаря которой мы замечаем явную обособленность в фауне и флоре в одних и тех же северных широтах Старого и Нового света.

В замкнутом бассейне Охотского моря, по исследованию Шренка, воды движутся подобным же образом. Каждому течению, идущему с юга, соответствует встречное, направляющееся с севера.

Благодаря каким-то исключительным особенностям этого бассейна, ледяные массы, образовавшиеся в северных его пределах,

задерживаются в нём, особенно в юго-западном углу его, в течение почти целого лета.

Известному естествоиспытателю Миддендорфу, да и вообще многим мореплавателям, не раз случалось бороться в этом море со льдами в июне, июле и даже в августе.

При таких обстоятельствах воздушные токи, проходя чрез Охотское море, ни летом, ни зимою не могут получать от него благоприятных данных для смягчения климата, лежащего на пути их Камчатского полуострова.

Остаётся одна лишь юго-восточная часть полуострова, омываемая водами Великого океана с остатками тёплого японского течения Куро-Сива, которая до некоторой степени имеет возможность умерять зимнюю стужу соседними водами. Но и это влияние нельзя признать за вполне благоприятное. Смягчая зимний холод, воды Великого океана, встречаясь с холодным течением, дают в то же время такую массу атмосферных осадков, что за зиму в южной части полуострова скопляются большие залежи снега, остающиеся до половины июня в низменных местах, не говоря уже о вершинах гор, а летом всё восточное побережье подвержено обильным дождям и губельным туманам.

Таким образом, благодаря таким свойствам окружающих вод, Камчатский полуостров не получает от них ничего отрадного в климатическом отношении.

Северная оконечность полуострова, представляя из себя высокое плоскогорье, открыта ветрам Ледовитого океана, равно как и соседних морей, Охотского и Берингова.

Здесь нет отрады для жизни ни летом, среди болот и тундр, покрываемых туманом, ни зимой, когда снежные вьюги разгуливают по всем направлениям.

Неуютно жить и на юге полуострова среди диких скал и тёмных ущелий, где солнца не бывает видно по целым неделям и где летние туманы и зимняя метели парализуют всё, что от природы нуждается в свете и тепле.

Середина полуострова, благодаря прохождению вдоль её двух значительных хребтов, Западного и Восточного, разделяется на части: восточную с характерным морским климатом, западную с более континентальным и среднюю, занимающую средину между ними. На восточном берегу более атмосферных осадков и меньше резкого холода, тогда как на западном, наоборот, меньше влаги и сильнее холод. По тем немногим метеорологическим наблюдениям, которые производились в некоторых местах полуострова,

известно, что средняя температура трёх летних месяцев в Авачинской губе не превышает $+12^{\circ}$ Реомюра, тогда как в Тигиле, на западном берегу, на 5° севернее Авачи, средняя температура этих месяцев $+14^{\circ}$ Реомюра, причём средняя годовая в Петропавловске $+1,74^{\circ}$, тогда как Тигиля ниже нуля. Если же взять во внимание холода обеих побережий, то окажется: в Петропавловске, например, зимние морозы редко бывают ниже -20° Реомюра, в Большереке же, каких-либо вёрст на 120—150 западнее, во время зимних холодов нередко застывает ртуть.

Несравненно в более лучших климатических условиях находится средняя, внутренняя часть полуострова или собственно долина бассейна р. Камчатки. Окружённая со всех сторон высокими горами, она более или менее закрыта как от сырых восточных ветров, так равно и от северных и северо-западных сухих и холодных воздушных течений. Обширная Камчатская долина (до 15 тыс. кв. вёрст), несмотря на то, что южные её части возвышаются над уровнем моря от 600 до 1 500 футов, покрывается весеннею растительностью гораздо ранее прибрежных мест, где в это время весна ещё борется с зимой.

По наблюдениям агронома Кегеля, старавшагося о разведении злаков в долине р. Камчатки, в 1844 г. средняя температура летних месяцев близ селения Милькова, лежащаго на 930 футов над уровнем моря, оказалась равной $+14,3^{\circ}$, причём самое большое тепло в июле равно $+26^{\circ}$; последний весенний утренник был 14-го мая равным $-0,5^{\circ}$, а первый осенний 16 августа -1° . Несмотря на утренники в августе, средняя температура этого месяца была равна $+32^{\circ}$. По словам жителей, утренние инеи бывают в июне и в начале августа. Поздние утренники весною и ранние (даже в летние месяца) под осень — есть характерное явление для всей Камчатки.

Подобные утренники одинаково бывают как в середине полуострова, так равно и в прибрежных полосах, а потому вполне естественно думать, что причина их кроется не в одном лишь влиянии моря, но и в чём-либо другом. По мнению многих, понижение температуры, достаточное для образования инея, зависит от той массы льда и снега, которая скопляется на высоких горах, дающих начало холодным потокам и речкам, и от тех морских тундр и болот, которыми питаются они. Гор же и вообще мест, на которых снег не изсыкает в течение целого года, в Камчатке вполне достаточно. При путешествии вдоль всего полуострова не проходит ни одного дня в июле, чтобы не встретить снег в горах, в глубоких падах и даже в сравнительно низких и ровных местах, по которым

приходится ехать вьюком. Произрастание цветущей зелени и даже под снежным покровом — есть явление для Камчатки вполне обыкновенное. Дитмару пришлось видеть летом на восточном побережье целую берёзовую рощу, распустившую свои зелёные ветви над сплошным белым покровом снега. По склонам гор постоянно попадаются островки роскошной летней зелени, рельефно выделяясь на белом фоне снежных покровов.

При такой обстановке, понятно, цветёт и долгоденствует только то, чему сама природа определила расти в Камчатке. Всякое же искусственное разведение привозных растений, по свойствам своим неприменимым к климату Камчатки, есть безуспешное посягательство на непреодолимые силы природы, что и подтвердилось столетним опытом над культивированием хлебных злаков в Камчатке. В долине р. Камчатки достаточно тепла, достаточно и света, но период для вегетации хлебных злаков слишком часто сокращается появлением утренних инеев и притом сокращение это слишком не определено, слишком растяжено, чтобы иметь возможность приспособиться к нему. В один год сокращение вегетационного периода выражается днями, а в другой месяцами, почему и урожаи хлеба годами бывают обильны, а бывает и так, что от посева собирается одна солома.

Тучные травы, роскошные цветы и разные ягоды Камчатки (особенно долины р. Камчатки) с первых времен завоевания её русскими постоянно и вполне естественно наводили на вопрос: возможно ли в Камчатке хлебопашество?

Разбирая этот вопрос, необходимо разбить его на два: 1) есть ли в Камчатке действительная потребность в хлебопашестве и может ли эта отрасль хозяйства заменить и восполнить то, к чему сама природа приурочила аборигенов страны, и 2) возможно ли по климатическим условиям в Камчатке успешное земледелие?

Природный камчатский житель (будет ли это камчадал или русский, родившийся в Камчатке в третьем-четвёртом поколении) до сего времени смотрит на хлеб как на суррогат, без которого ему легко обойтись, и есть любить его и даже падок к нему, то как к лакомству, а не как к пище, требуемой свойственными его организму особенностями. Во многих пунктах Камчатки хлеб (привозный) в настоящее время в большом употреблении, но ни один камчадал не останется зимовать без юколы (сушёной рыбы), без которой для его организма наступает голод. Без хлеба же большинство живёт и зимует, не жалуясь на голод. Ни один камчадал, отправляясь в путь, не возьмет с собою хлеба вместо юколы, по-

добно тому, как ни один россиянин в подобных случаях не возьмёт мёду вместо хлеба. При суровости климата и неудобствах жизненных условий питательность хлеба недостаточна в сравнении с объёмом его, тогда как юкола (конечно, хорошо приготовленная) в этом отношении стоит несравненно выше и к местной жизни более приспособлена. Кроме этого, так сказать, прямого преимущества юколы перед хлебом, потребность в ней является настоятельной и в другом, косвенном отношении. Теперь уже признано, что собака для камчадала то же, что для земледельца лошадь или бык, и заменить её сими последними, опять-таки по местным условиям, нет никакой возможности.

В Камчатке нет дорог и быть не может. Там есть (и то местами) вьючные тропы, которыми жители и пользуются для вьючного проезда на лошадях, но не надо забывать, что это пользование возможно только в течение каких-либо трёх и много четырёх месяцев, в остальную же часть года сообщение возможно только на собаках. При долгих и глубоких снегах лошадь сама по себе, без всякой клади, часто становится в безвыходные условия, тогда как собака свободно проходит и снежные сугробы и тонкий лёд и не боится ни вьюги, ни мороза. Если добавить к этому, что собака — необходимый спутник и помощник на охоте, без чего камчадал обойтись тоже не может, то ясно станет, что в Камчатке собаку заменить нельзя ни лошадью, ни быком (в отчёте окружного начальника за 1896 г., между прочим, упоминается о следующем факте, ясно говорящем в пользу собак, сравнительно с лошадью. После 15 октября промышленники на лошадях выехали в лес на соболиный промысел, но в ноябре выпал огромный снег, который от сильных морозов покрылся обледенелою корой, но не столь прочной, чтобы выдерживать лошадь. На местах охоты корму для лошадей не было запасено вовремя, а потому пришлось или оставлять лошадей в тайге без корму или же, что некоторые жители и сделали, вывозить их на собаках в селения. Подобный же факт перевозки лошадей на собаках был констатирован и Завойко, когда по его распоряжению жители завели сани и поддерживали дорогу. Случилось, что несколько возов, запряжённых лошадьми, были застигнуты в пути пургою, причём снегу выпала такая масса, что лошади не могли идти, и их пришлось вывозить на собаках. С тех пор всякое сообщение на лошадях зимою было оставлено как средство для Камчатки невозможное).

Для зимнего продовольствия этих необходимых животных, которых каждому хозяину приходится иметь минимум 10—12,

необходимо заготовить на девять месяцев в году (в летнее месяцы собаки, как выражаются жители, «сами промышляют себе корм») должное количество корма, при выборе которого ни в каком случае хлеб не может заменить лёгкой, не громоздкой и в то же время питательной юколы или вообще рыбы. Заготовка юколы и вообще рыбы впрок совершается в летние и осенние месяцы, то есть как раз в то время, когда заботы хлебопашца поглощаются всецело полевыми работами. Принимая рыбу как продукт, не заменимый для камчадала хлебом, обработка которого отвлекла бы от заготовки юколы, вопрос о необходимости в Камчатке хлебопашества решается сам собою отрицательно.

Теперь возможно ли в Камчатке хлебопашество? На восточном побережье зимние запасы снега в долинах рек, где бы можно было сеять хлеб, не стаивают до июня и даже до половины июля месяца (в прошлом году нам не удалось выехать из Петропавловска раньше 10 июля. На собаках нельзя было ехать, потому что реки вскрылись, а на лошадях, на которых можно было бы переехать реки, нельзя было ехать, потому что в долинах залегали ещё сугробы снега), летом часто бывают губительные туманы и сильные ветры, а под осень, в августе месяце, начинаются уже инеи.

На западном берегу полуострова, хотя не бывает больших снежных заносов, но зато и почва настолько промерзает, что не даёт возможности вовремя и с успехом пользоваться ею для посева хлебов. К тому же и качества почвы этого побережья не пригодились для этой цели. Остается одна лишь внутренняя часть полуострова, собственно долина р. Камчатки, которая и по климату, и по почве вполне соответствует потребностям земледелия; но здесь опять являются побочные обстоятельства, как, например, ранние инеи, отстранить которые не в силах человеческое знание, и с которыми человеку волей-неволей приходится считаться. Крепкие нервы какого-нибудь борщевика, шаламайника и других камчатских трав выдерживают температуру утренников, тогда как нежные культурные злаки гибнут.

Благодаря всем этим обстоятельствам, положительные опыты земледелия, более столетия производимые со значительными затратами труда и времени, доказали полную непригодность его к Камчатке как к стране, где снег выпадает слишком рано, сходит поздно и где при туманах и ранних инеях холодная роса, а нередко и морозы бывают во время цвета хлебов, даже в самой умеренной части полуострова, то есть в долине р. Камчатки. При подобных условиях может ли земледелец иметь какая-либо верных

данныя на урожай, и кто согласится жертвовать трудом и капиталом в деле, где на один год удачи представляются десять лет неудачных, и, наконец, кто согласится менять надёжный промысел рыболовства на рискованное занятие хлебопашеством?

Для характеристики опытов камчатского земледелия приведу таблицу посевов и сбора за время с 1763 по 1766 гг., составленную г. Булычёвым, командированным в Камчатку в царствование Николая I для исследования этого вопроса на месте.

	1763			1764		
	Засяно десятинь.	Посяно пуд. и ф.	Снято.	Засяно десятинь.	Посяно пуд. и ф.	Снято.
Ржи	2	11 п. 10 ф.	6 п. 15 ф.	3	21 п. 4 1/4 ф.	13 п. 35 ф.
Пшеницы	1/8	1 „ —	1 „ 7 1/2 „	1/8	— 35 „	Поябля.
Ячменя	13/4	19 „ —	24 „ 6 „	2	26 п. 30 „	42 п. 24 ф.
Овса	1/8	1 „ —	3 „ 19 „	1/8	8 „ —	12 „ 25 „
Конопли.	—	—	—	—	—	—
Гороху	—	—	Поябь.	—	—	Поябь.

	1765			1766		
	Засяно десятинь.	Посяно пуд. и ф.	Снято.	Засяно десятинь.	Посяно пуд. и ф.	Снято.
Ржи	3	20 п. 49 ф.	14 п. 24 ф.	—	—	—
Пшеницы.	1 1/2	— 8 1/2 „	Поябля.	—	—	—
Ячменя	2 1/2	40 „ 24 „	16 п. 30 ф.	3	45 п. 20 ф.	18 п. 16 ф.
Овса	1 1/2	26 „ 26 „	32 „ 20 „	1	19 „ 20 „	7 „ 27 „
Конопли	1/4	5 „ 20 „	10 „ 7 „	1/4	5 „ 20 „	1 „ 26 „
Гороху	—	—	Поябь.	—	—	—

По сведениям, собранным тем же г. Булычёвым, результаты камчатского земледелия в последние годы были: в 1770 г. весь посев, кроме конопли, погиб от инея; в 1781 г. хлеб не созрел; в 1782 г. хлеб был попорчен инеем, хотя и собрано несколько более семян; в 1783 г. не возвратили семян. В начале нынешняго столетия земледелие велось урывками и результаты были неутешительны. В 1830 г. образовалась земледельческая компания, которая, потратив капитал в восемь тысяч рублей, прекратила своё существование за невозможностью предприятия.

В пятидесятых годах этого столетия забота правительства о земледелии усилилась, но с переводом областных управлений и порта в Николаевск затихла, и хлебопашество в малых размерах при всевозможных поощрениях и даже принуждениях ведётся кое-где в селениях Камчатской долины и до настоящего времени.

Я видел эти посевы, но на вид они были таковы, что я, зная их местонахождение, не мог отыскать их, прежде чем жители не привели меня на место и не показали пальцем на жалкую зелень ячменя. И это в июле месяце.

Вековая неудача в хлебопашестве вознаградилась для камчатских жителей успехом в разведении огородных овощей. Правда, некоторые сорта и этой отрасли хозяйства не прижились в Камчатке, но большинство из корнеплодов в настоящее время составляют существенное подспорье в жизни камчадалов.

Огородничество было заведено в 1770-х гг. начальником Бемом. С той поры жители Камчатки с успехом разводят репу, брюкву, редьку, лук и т. п., и особенно картофель, которого в 1845 г. с 648 огородов было собрано 18 тыс. пудов. Огородничество пришло одинаково успешно по всей Камчатке и особенным вниманием пользовалось со стороны военного губернатора Завойко, который, зная непредприимчивость жителей Камчатки и дабы заинтересовать их в деле разведения огородных овощей, прибегал к поощрительным мерам. Так, в 1850 г. он, выписав из Петербурга огородных семян, роздал их жителям с подробными инструкциями ухода за ними и на 1-е октября 1851 г. назначил в Петропавловске выставку, объявив при этом, что лучшие сорта овощей получают премии по пять рублей. В назначенный срок при большом стечении народа из горожан и соседних деревень, в присутствии всех местных властей Завойко объявил выставку открытою. С весами и мерою в руках при напряжённом внимании заинтересованной публики Завойко сам обошёл и измерил все лучшие экземпляры овощей и общим решением присудил премии; причём награду в пять рублей получили: 1) редька — 14 фунтов 24 золотника (один золотник равен 4,266 г. — *Ред.*) весом и величиною 1,5 фута длиной и 5 дюймов в толстом конце; 2) за редьку в 12 фунтов весом и величиною 2 фута длины и 3 дюйма в толстом конце; 3) кочан капусты 7 фунтов; 4) картофель весом 1 фунт 3 золотника; 5) репа в 7 фунтов 20 золотников; 6) морковь в 41 золотник и 7) свёкла в 90 золотников. Замечательно, что бобовые растения нигде в Камчатке не прижились. По-видимому, даже дикорастущия из этого семейства не имеют достаточного распространения (по мнению Дитмара, недостаточность этого сорта растений объясняется бедностью камчатской почвы известковыми солями).

Заботы правительства, направляемые с давних пор главным образом на земледелие в Камчатке, не оставляли без внимания и скотоводства как главного подспорья хлебопашцу. В этом отно-

шении успех был ясный и был бы вполне достойный внимания каждого жителя, если бы и в этом деле не было второстепенных, побочных причин, препятствующих более широкому развитию его. Первая причина — это недостаточность рабочих рук в семье камчадала, которому в течение лета в одно и тоже время пришлось бы делить свой труд на два важных дела — ловить рыбу и заготавливать сено для скота на целых восемь зимних месяцев. Мне случилось быть свидетелем в Тигиле, в каком затруднительном положении были жители, когда хороший ход рыбы совпал с сенокосом. Более досужий хозяин днём заготавливал сено, а вечером до глубокой ночи ловил рыбу, большинство же бросало сено на произвол судьбы и переходило на рыбалку. Случись же в это время сильный дождь, что нередко бывает, то, во-первых, необранное сено всё погибнет, а во-вторых, горная река от быстрого стока воды выходит из берегов и разрушает (весьма обыкновенное явление) рыбные запоры, возобновление которых на несколько дней занимает всех без исключения жителей, причём, случается, они пропускают и ход рыбы и лишаются сена.

Вторая, не менее веская причина, тормозящая разведение скота, это собаки. Как ни странным, быть может, покажется это явление, но, тем не менее, это факт, с которым камчадалу приходится считаться. Северная ездовая собака отличается особенным стремлением к стадности. Если завоет одна, то завоют и все, если на что-либо бросится одна, то моментально на то же накидываются и другие. К тому же ездовая собака не выносит в своём соседстве никакой живности, и если мирится с лошадьёю и коровою, то только благодаря их большому сравнительно с ней росту и силе. В Камчатке нельзя держать ни овец, ни свиней, ни птицы домашней, всё это разрывается собаками. Даже взрослая корова, если только она побудит чем-либо хотя одну собаку кинуться на неё, как в момент её не станет, разорвут на части. Были примеры, и не так давно, как собаки разрывали детей на глазах отца и матери. В общем камчатская собака смирная и даже трусливая, но раз почему-либо она бросается на кого, то нет сил удержать от того же и других. Примеры разрывания собаки собаками — вещь вполне обыкновенная в камчатских селениях. При таких условиях каждый хозяин вынужден бывает держать телят почти лет до двух взаперти, под плотной крышей и прочным затвором, что, конечно, не может не влиять на успехи развода скота.

Каждый хозяин держит у себя скота столько, сколько ему под силу, имея в виду трудную заготовку сена и затруднительное

сооружение помещений для него. Рогатый скот имеется у многих, так как молочные продукты вошли в повсеместное по Камчатке употребление, лошадей же держат только более зажиточные и где в семье несколько мужских рабочих рук. По собранным мною справкам, в 1897 г. во всей Петропавловской округе числилось лошадей около восьмисот голов и рогатого скота немногим более двух тысяч.

Что же касается до условий камчатской природы, то она вполне благоприятствует скотоводству. Правда, продолжительная зима при недостатке заготовленного корма, хотя и изнуряет скот, но зато сочная и питательная трава весной быстро поправляет его и восстанавливает затраченные им силы. В конце мая и начале июня мне уже не удавалось видеть исхудалого скота.

В долине р. Камчатки, где местность защищена от сильных ветров и где на некоторых площадях почему-то (?) снегу зимою бывает очень мало (кроме западного побережья, где в силу климатических условий зимы бывают малоснежны, в Камчатке среди гор указывают на несколько площадей, на которых, вероятно, под влиянием расположения гор и хребтов, снег зимою выпадает в незначительном количестве, тогда как по соседству с севера и с юга к ним прилегают места с большими снежными заносами), скот и особенно лошади пользуются круглый год подножным кормом. К числу таких мест относятся, между прочим, окрестности селений Толбачинского и Козыревского.

Жители этих селений по малоснежности зим заготавливают сена в самом незначительном количестве, выгоняя скот круглый год на подножный корм. Среди лугов и зарослей этого района, по уверению жителей, водятся десятки и даже сотни диких (одичавших), никому не принадлежащих лошадей. Надо думать, что когда-нибудь несколько заблудившихся и потерявшихся лошадей дали начало подобным диким косякам. Некоторые из жителей, как, например, староста селения Козыревского, считаются специалистами по части ловли этих диких лошадей. Если у кого явится потребность в лошади, то он обращается к подобным смельчакам и любителям и через них за известное вознаграждение достаёт себе лошадь.

Факт существования в Камчатке лошадей в полудиком состоянии сам по себе говорить о пригодности этой страны к скотоводству. Быть может, мог бы и рогатый скот водиться в Камчатке в полудиком состоянии, если бы этому не препятствовали стаи волков да медведи, от которых бойкая и привыкшая к каменистым обрывам камчатская лошадь легко отбивается и уходит.

Скотоводство в Камчатке началось с первым переселением туда крестьян в царствование императрицы Елизаветы Петровны и затем постоянно поддерживалось подвозом новых особей при Екатерине II. Первую пару лошадей вывез в Камчатку майор Павлуцкий, когда был назначен туда начальником после камчатского бунта, бывшего в 1731 г. С тех пор скот в Камчатке не переводился, а постепенно размножался и под влиянием благоприятных условий камчатского климата и корма улучшался, о чём свидетельствуют многие, видевшие скот, как камчатский, так и якутский, который считается родоначальником первого. К сожалению, жители Камчатки, не интересуясь особенно скотоводством, не обращают никакого внимания на половой подбор производителей. Есть даже такие хозяева, которые нарочно оставляют небольших бычков, для которых, по их расчёту, меньше корму приходится заготовлять. Жеребцов оставляют только для приплоду таких, которые отличаются кроткими качествами, хотя бы во всём остальном они были ниже всякой критики, имея ввиду что с приплодом их меньше будет возни при объезде.

Кроме лошадей и крупного рогатого скота, едва ли можно надеяться на разведение в Камчатке других более мелких домашних животных. Необходимость содержания собак в большем числе исключает всякую возможность разводить овец, коз, свиней и прочего. Домашняя птица содержится кое-где в самом незначительном количестве и то только любителями. При этом для сохранения их от собак устраиваются высокие и плотные изгороди, прикрытия сверху сеткою из проволоки или из обыкновенного прядева.

К разведению овец, для которых домашняя собака является непримиримым врагом, кроме того, не благоприятствует и камчатская природа. В Камчатке нет места, где можно было бы разводить их. Всюду или горы, поросшие непроходимым кустарником, или тонкие и вечно сырые тундры, покрытые мхом и болотною растительностью.

Относительно разведения свиней можно с большою вероятностью сказать, что оне с большим успехом могли бы разводиться по всей Камчатке, так как при правильном и заботливом хозяйстве недостатка в корме для них нельзя ожидать, но собака опять-таки исключает эту возможность.

К числу домашних животных Камчатки, Впрочем, исключительно в северной части ея, принадлежит домашний олень, родоначальником которого признаётся северный дикий олень, обнимающий своим распространением огромная пространства всей

северной полосы старого и нового света. Дикий северный олень встречается везде севернее 60° с. ш., в местах же гористых, как, например, в Камчатке, распространение его спускается до 52° и даже 51° . Голые горные площади и отлогости, отличающиеся скудностью растительности, или те обширные тундры, которые сплошь покрыты мхом, являются любимым местопребыванием этого животного, где оно, смотря по времени года, разбивается то на отдельные особи, то соединяется в огромные стада и кочует то с севера на юг, то с юга на север.

С давних пор северный житель приручил это животное, и в настоящее время все северные народы обязаны ему своим благосостоянием и даже жизнью. Домашний олень заменяет северному дикарю всех почти домашних животных, так как кормит, греет и возит его. В средней и южной части Камчатского полуострова дикий олень водится исключительно на горах и по склонам их за пределами лесной растительности; ниже 3 000 футов он попадает как исключение, разве только по западному хребту, где лесистость незначительна и зимние снежные заносы бывают не столь велики, как в других местах полуострова.

В связи с этим и домашний олень мало пригоден для жителей этой части полуострова, где горы преобладают перед тундрами и где мох вытесняется дикорастущими травами, не вполне пригодными для пищи оленя, которому, сверх сего пришлось бы добывать себе корм в течение почти восьми месяцев из-под глубоких снежных покровов.

В тех северных широтах полуострова, где хребты теряют свою скалистость и постепенно переходят сначала в высокое плоскогорье, в так называемый Парамольский дол, представляются все естественные условия для жизни дикаго оленя, а следовательно, и для разведения стад домашнего оленя. Ламуты и коряки, владея большими стадами оленей, являются истыми господами этого неприятного пространства. Значительный запас влаги, скопляющийся в этой нагорной местности над вечно мерзлою подпочвою, благоприятствует произрастанию здесь мха, незаменимаго для оленя корма. Мох достигает здесь значительных размеров как по росту, так и тучности. Под влиянием сильных ветров, господствующих в этой части полуострова в течение круглого года, эта местность представляет из себя по истине губкообразную массу, непроходимую ни для какого другого домашнего животного, кроме лёгкого и ширококопытного оленя. Благодаря господствующим ветрам то с запада, то с востока, снег не ложится здесь толстым слоем

и потому мох бывает доступен оленю как летом, так и зимой. В летнее время, когда в тундрах появляются мириады гнуса (комар, мошка и прочие), владельцы оленьих стад поднимаются с ними выше на отроги гор и, делая эти передвижения, заходят вглубь полуострова, примерно до 58° с. ш., где и проводят большую часть лета, держась преимущественно на открытых безлесных плоскогорьях.

О численности оленей, имеющих у коряк и ламутов в пределах Камчатского полуострова, нет верных данных, так как сами хозяева, обыкновенно, не знают им счёта. По официальным данным, их насчитывается около сорока тысяч, вероятнее же всего, их гораздо больше.

Непримиримым врагом для домашнего оленя является ездовая собака, а потому там, где вся жизнь человека зависит от благосостояния первого, там нет места последней. Ездовая собака, как бы ни была утомлена своею работою в упряжи, никогда не пропустит случая, чтобы не набросится на оленя. Достаточно одного запаха оленя, чтобы возбудить энергию и поднять последние силы упряжной собаки, и тогда нет силы удержать её от нападения на оленя. Коряки и ламуты, приезжая к камчадалам, далеко от жилищ оставляют своих оленей, дабы не подвергать их опасности со стороны собак. Со своей стороны и камчадалы, если не желают быть непрошенными гостями, никогда не рискуют на своих собаках выезжать в становища коряк, не приняв мер к предосторожности на случай встречи собак с оленями.

Напротив того, охотничья собака, или, как принято называть её в Камчатке, «ламутская», является самым ревностным хранителем и защитником оленьих стад. Куда бы олени не пошли, какую бы нужду они не несли, собака всегда и везде с ними. Она помогает хозяину в пасьбе оленей, загоняя и направляя их в ту или другую сторону, она отыскивает заблудившихся и зорко следит за приближением волков и предупреждает как оленей, так и хозяина во всех опасных случаях и даже тогда, когда благодаря какой-либо случайности к стаду оленей приближается нарта с собаками. Словом, по отношению к оленям и вообще к домашним животным между охотничьей и езжалой собакой существует полная противоположность. Насколько первая проникнута заботой о сохранности их, настолько вторая остаётся непримиримым врагом их.

Ламутская собака несколько меньше езжалой, телосложения более стройного, череп имеет круглый, морда острая; отличается тонким чутьём и умными глазами, преисполненными жизни и энергии.

Езжалую собаку, если не ставить ей в вину ненависть ея к другим животным, следует признать за одно из благодарных животных для всех жителей севера, не пользующихся услугами оленя. Если и есть за нею недостатки, как-то: упрямство, отсутствие привязанности, апатичность, неряшливость и прочее, то это скорее можно отнести к недостаткам от воспитания и ухода за нею, нежели к природным, врождённым ей качествам. Действительно, едва ли есть какое-либо другое из домашних животных, к уходу за которым так небрежно относился бы человек, как относятся северные инородцы к своей езжалой собаке. В течение почти круглого года (кроме осени) ей приходится переносить холод, голод, усталость и самое жестокое обращение. Зимой она, можно сказать, не вылезает из «алыка» (упряжи), служа верой и правдой своему хозяину и находясь всё время впроголодь. Никаких помещений для собаки жители Камчатки не устраивают. Какая бы погода не была, будет ли это зимой в сильные морозы и метели или летом в сильный жар, проливной дождь, ездовая собака держится на привязи у вбитого в стороне от строений кола, не имея ни покрывки, ни подстилки.

Зимой собак держат на привязи, дабы всегда иметь их готовыми на случай какой-либо поездки, иначе они разбегаются и оставляют хозяина без всяких средств к передвижению.

Весною и большую часть лета, когда все зимние запасы корма истощаются, а новых ещё не наготовлено, ездовые собаки особенно бывают злы и даже опасны. Мучимые голодом, они набрасываются на всё, что может служить хотя бы намеком на пищу: ремни, обувь и даже грязные тряпки поедаются ими. В это время, по необходимости, приходится держать их на привязи, иначе от них нет спасенья никаким домашним животным. Бывали случаи, когда собаки разрывали детей и даже друг друга. Изнурённая зимнею работою ездовая собака особенно удручающее впечатление производит весною, когда длинная скомканная шерсть клочками покрывает исхудалые бока, когда тело ея бывает испещрено то ссадинами, то царапинами и при всём том, почти без корму, ей приходится лежать в холодной весенней грязи и сырости у своего кола и издавать унылое нытьё и завыванье, ожидая иногда по целым суткам какой-либо подачки от своего беззаботного хозяина.

В довершение всего, с наступлением лета целые мириады комаров набрасываются на них, беззащитных и беспомощных, причём бывают нередко случаи, когда собака, выбившись из сил, погибает окончательно. Только осенью, когда начинается обильный

ход рыбы, собаки отпускаются на волю и сами добывают себе рыбу из мелких речек. Не давая собакам никакого ухода, камчатские жители не стараются и об улучшении их. Лучших щенят они кастрируют и употребляют для езды, для приплода же оставляют таких самцов, которые как по росту, так и по силе непригодны бывают для езды. Вследствие этого порода ездовых собак постепенно ухудшается и терпеливо ждёт поры, когда на судьбу её будет обращено большее внимание.

По отчёту за 1896 г. всех ездовых собак в Камчатке числилось 14 138.

Фауна Камчатского полуострова характеризуется представителями, одарёнными от природы всеми средствами для борьбы с условиями жизни суровой и холодной страны. Здесь нет ни одного вида, ближайшие родичи которого могли бы являться в то же время обитателями более тёплых стран. Вернее, в Камчатке нет той смеси в представителях царства животных, которою характеризуется, например, Уссурийский край, где лось, медведь и тигр скрываются в одних и тех же зарослях ели, винограда и дуба. Напротив, представители камчатской фауны представляют из себя один общий тип, тип животных холодного севера.

Разнообразие видов каждого из отделов наземных животных невелико. Значительная часть из семейств мелкопитающих или совершенно отсутствуют, или имеют своих представителей в двух, трёх и даже одном виде. Одно из обширных семейств камчатской фауны, а именно *J. Mustelidae*, состоит всего из шести видов. Если не считать, например, домашнюю кошку и домашнюю свинью, которые встречаются как редкость, то представителей этих семейств можно считать совершенно отсутствующими в пределах Камчатского полуострова. Из травоядных, кроме домашнего быка, в Камчатке водятся олень и каменный баран.

Пресмыкающихся и гадов почти совершенно нет в Камчатке; представителем этого отдела является один лишь вид *Salamandrilla Uosnesensku*, который попадаетея весьма редко и, благодаря существующему среди жителей суеверию (древние камчадалы считают ящериц за шпионов бога; бог посылает ящериц на землю, чтобы подсматривать за проступками людей и доносить ему, вследствие этого жители считают своею обязанностью убивать их, как только увидят), вероятно, будет совершенно истреблён.

Обособленность камчатской фауны и беднота в разнообразии семейств и видов её сближает этот полуостров с островами Курильской гряды и тем самым подтверждает вероятность существовавшей

когда-то отделённости его от материка в виде острова. Иначе трудно подыскать причину, почему многие животные охотского побережья в ней не встречаются (лось, белка, ручной бобр и другие).

Млекопитающая камчатской фауны (список составлен по: Крашенинникову «Описание земли Камчатки»; Ю. Симашко «Русская фауна», 1851 г.; А. Миддендорфу «Сибирская фауна в путешествии на север и восток Сибири»; И. Полякову «Систематический обзор полёвок Сибири», 1881 г. и Бобрицкому «Основы зоологии», 1890 г.)...

Бурый медведь. Камчатский медведь по цвету шерсти имеет все переходы от рыжого до чёрно-бураго, иногда с большою примесью светло-серых волос (с проседью). Как исключение, впрочем, очень редкое, попадаются экземпляры почти белые. Мне удалось видеть в Петропавловске огромную шкуру медведя, у которого голова, хребет и лицевые стороны ног были светло-бураго цвета, остальные же части были совершенно белыя.

У молодых особей иногда бывают белые ошейники, которые у взрослых экземпляров не наблюдаются. По словам жителей, медвежата с белым ошейником, а равно как и матки их, отличаются большою, сравнительно, свирепостью.

Любимым местопребыванием камчатского медведя служат склоны гор, покрытые густыми зарослями кедровника и ползучаго ольховника, где он держится большую часть года. Только к осени медведь спускается ниже к ягодным кустам и в долины рек для ловли рыбы. Камчатские охотники летом и особенно весной на поиски за медведем обыкновенно отправляются в горы, осенью же охота на медведя производится с челноков (батов) по рекам, берега которых, по словам жителей, в это время бывают, положительно, истоптаны медведями, промысляющими рыбу. Камчатския реки, только не в период разлива или не в момент случайных наводнений, отличаются чистотою и прозрачностью воды. Плавающую в ней рыбу, особенно лососей, во время их хода можно бывает видеть на глубине аршина и даже более. Медведь, сидя на берегу, зорко следит за рыбой и при первой же возможности бросается в воду (иногда даже ныряет) и схватывает её (обыкновенно лапою).

Рыболовством медведь занимается с особым вниманием, чем, собственно, и пользуются охотники, подплывая к нему на батах как можно ближе. Ещё недавно был случай (мне достоверно известный), когда один из морских офицеров, охотясь за медведями, увидел его ловящим рыбу; медведь так был занят этим де-

лом, что не заметил, как офицер, прежде чем выстрелить в него, снял с него фотографию.

По словам жителей, нередко медведь при ловле рыбы в небольших и мелких речках употребляет следующий приём — он ложится поперёк речки и тихим движением лапы мутит вокруг себя воду. В этом случае рыба почти в упор подплывает к медведю, чем он и пользуется. При счастливой ловле медведь отъедает только голову рыбы, туловище же, как менее жирное, бросает на съедение лисам, воронам, чайкам и прочим.

Камчатский медведь вообще нрава кроткого и на человека почти никогда не бросается. Исключением бывают случаи, когда раненый медведь усиленно преследуется или когда медведице приходится защищать своих медвежат. В общем надо сказать, что в Камчатке не проходит года, чтобы кто-либо из смелых, но неопытных охотников не пострадал бы от медведя.

Медведь среди жителей Камчатки пользуется особой симпатией. Про медведя поётся в песнях и слагались сказания, начало которых относится к первобытным временам, когда камчадалы поклонялись своему богу «Кутхе» и когда были ещё в полудиком состоянии. В одной из таких сказок происхождение медведя отождествляется с происхождением человека, чем, между прочим, объясняются существующия среди северных инородцев различного рода празднества в честь медведя и многия суеверия, тщательно соблюдаемые охотниками при стрельбе, снятии шкуры с медведя и прочие.

Охота на медведя считается любимым развлечением жителей, особенно так называемая «осенняя охота на лошадях». К концу осени медведь при обилии рыбной пищи сильно жиреет, делается неповоротливым и не может долго и скоро бежать — «загорается», как говорят охотники. В это время медведь обыкновенно выходит на более открытые места, поросшие брусничой и другими ягодами, куда отправляются и партия охотников верхом на обученных для этого лошадях. Привыкшие лошади не боятся медведя и, раз медведь пошёл на уход, смело подбегают к нему на желаемое для всадника расстояние. Верховые охотники окружают медведя со всех сторон, набрасывают на него иногда петли и бьют или из ружья, или даже палками.

О количестве медведей в Камчатке можно судить до некоторой степени по числу добываемых шкур. Было время, когда охотник мог убивать в год до пятидесяти и более медведей; теперь же этот промысел значительно упал. В общем можно сказать, что

в Камчатке ежегодно убивается до полутора тысяч медведей. Средняя стоимость шкуры равняется десяти рублям (цены 1897 г., когда спрос на них несколько увеличился).

Медвежьим мехом жители пользуются как постелью; кожу употребляют на ремни и подошвы. Мясо и жир идут в пищу и на освещение изб; большим распространением, особенно в захолустных местах, пользуются медвежьи кишки, которыми жители затягивают оконные рамы вместо стекол.

Камчатский волк отличается густотою и пушистостью меха. Цвет его, смотря по временам года, представляет все стадии перехода от сераго к белому. В северной части полуострова к серому цвету примешивается иногда и рыжий. Особого промысла на этого хищника в Камчатке нет. Бьют его по спопутности на охоте за другими животными, вследствие этого уничтожение его не заметно. Пушистый и прочный мех волка употребляется жителями на изготовление одеял, тёплых покрывал и на изготовление так называемых кукулей, то есть больших своеобразно сшитых мешков, употребляемых для спанья в них зимою в пути.

Камчатская лисица. Характерною особенностью вообще лисиц является приспособляемость ея цветного покрова к оттенкам окружающей местности. Смотря по месту жительства лисицы или, вернее, ея родины, цвет ея меха находится в явной зависимости от окружающей среды. Примыкающая к Камчатке с севера огромная тундристая пространства, постепенные переходы их к югу в высокия плоскогория и затем в горы и голыя скалы дают полный простор к изменению лисьего меха из светло-рыжаго в тёмно-бурый и почти чёрный цвет. Разнообразие характера местности Камчатки с прилегающими к ней странами, вероятно, и есть причина тому, что лисицы этой страны, являясь одним и тем же видом, представляют из себя целый ряд видоизменений, исключительно по цвету шерсти их. Видоизменения эти бывают настолько разнообразны, что самые лучшие охотники и знатоки лисьего меха не всегда могут ясно определить, какую лисицу следует признать за чёрно-бурую и какую за красную, а обыкновенно выражаются так: та черней, другая красней.

По окраске меха камчатских лисиц называют: красная (обыкновенная лиса), огнёвка (огненно-красная), крестовка (с тёмным крестом по загривку), сиводушка (тёмно-серая) и чёрно-бурая (почти чёрная с седою остью).

Камчатские лисицы, особенно в северной части полуострова и Гижигинской округе, отличаются густотою меха и считаются

лучшими в Сибири. В пределах Петропавловской округи ежегодно добывается до тысячи штук лисиц всех сортов, причём чёрно-бурых не больше десяти-пятнадцати. Лучшая чёрно-бурая лисица ценится от 100—150 руб., худшая — от 30—100 руб.; крестовка и сиводушка — 15 руб. и обыкновенная — 5 руб. (цены взяты на месте от жителей в 1897 г.).

Истребление лисиц в Камчатке идёт довольно заметно. Ещё в 1870-х гг. из Камчатки вывозили ежегодно до двух тысяч штук, в прежние же годы, особенно в прошлом столетии, первые купцы-пионеры вывозили их тысячами.

Песец. Ещё в прошлом столетии, как упоминает о том Крашенинников, песцов в Камчатке было такое множество, что жители убивали их палками, отгоняя от своих жилищ, и мех их считался самым безценным. Теперь же песцов добывают в год не более десяти-пятнадцати штук. Песец меньше обыкновенной лисицы, и по цвету меха различается: голубой песец с тёмно-синеватым цветом шерсти и чисто белый. Голубых песцов в Камчатке теперь совершенно нет.

Камчатский соболь отличается длиною ости (ость — длинные и прямые волосы, тонкие у основания и утолщённые у вершины; верхний ярус шерсти, на уровне нижней половины ости находится подшерсток. — *Ред.*) и густотою пуха. В этом отношении он превосходит соболей всех других сибирских окраин, и если уступает некоторым из них, то только по цвету шерсти. Камчатский соболь светлее, например, удского, витимского, но по всем остальным качествам он много превосходит их. При этом замечено, что соболя северной части Камчатки (тигильские) темнее, тогда как южной — светлее. Играет ли в этом отношении какую-либо роль цвет окружающей местности или, быть может, на окраску соболя влияет яркость зимнего солнца, сказать трудно.

Обыкновенным местопребыванием соболя считаются лесистые отроги и склоны гор, особенно истоки горных речек. Соболь не заходит по горам выше пределов лесной растительности, но и не спускается ниже известного предела в долины больших рек, покрытых луговой растительностью или густыми зарослями лиственных деревьев. Для обитания соболь предпочитает вообще местность с преобладанием хвойных пород, особенно кедровых; из лиственных же им предпочитается березняк и рябина. Заслуживает особого упоминания то обстоятельство, что по укинскому побережью Камчатки часто попадаются почти совершенно белые соболя, собственно лимонно-жёлтого цвета, считающиеся, в общем, явлением

редким. Исключительный район нахождения этих соболей и отличная совершенно окраска шерсти, заставляют высказать здесь предположение, не составляет ли этот «белый» соболь какого-нибудь иного вида, как легко различимы разновидности соболей камчатского и сахалинского.

Благодаря общепринятому взгляду торговцев, что тот соболь ценнее, у которого цвет шерсти (ости) и подшёрстка темнее, шерсть выше и гуще, «белый» соболь не имеет ценности, несмотря на оригинальный цвет.

Вследствие особой дикости соболей, жизнь его до сего времени мало изучена. Время беременности соболя с точностию не определено, тогда как наблюдения в этом отношении могли бы оказать большую услугу в деле сохранения этого ценного зверька от окончательного истребления. В настоящее время охота на соболя производится с половины октября по 1-е марта, рассчитывая, очевидно, что с этого времени начинается гонка, спаривание и беременность соболичьих маток. Но если принять во внимание, что соболь в пределах Камчатского полуострова ежегодно уменьшается, то нельзя не усомниться в том, что установленное время охоты на него не захватывает, хотя отчасти, периода размножения его. Иначе трудно объяснить, почему, несмотря на видимую неизменяемость камчатской природы и на то же число охотников, уменьшение соболя идёт быстро вперед. Ещё в сороковых годах этого столетия на долю каждого охотника приходилось убивать соболей в пять и даже десять раз больше, чем теперь.

Камчатское население, в особенности инородческое, занимаясь с искони веков преследованием соболя с целью мены его на другие предметы первой необходимости, как-то: чай, хлеб, материи, соль, порох, свинец и т. п., настолько изучило нрав и образ жизни этого хищника, что нашло возможным даже различить соболя по его характеру на так называемого «каменщика», «денщика» и «ночника». Первый своим местопребыванием избирает обыкновенно каменистые местности в предгорьях хребтов, густо поросших зарослями кедровника и ольховника, что делает охоту на него крайне затруднительной и не так удачной, как на второго, который характеризуется тем, что преследует свою добычу обыкновенно по дням, скрываясь ночью где-нибудь или также в камнях, или в дупле какого-нибудь дерева, почему охота на него также часто оканчивается неудачей. Соболенщик, замечая издали приближение охотника, заблаговременно успевает убежать. Проще всех добывается соболь-ночник, имеющий обыкновение, подобно каменщику, охотиться только по ночам, а по

дням мирно спать, забравшись в дупло старой эрмановской березы или тополя, не подозревая, что промышленник, очень искусно разбираясь в запутанных следах, быстро находит убежище и тем или другим способом убивает соболя.

Охоту на соболя различают осеннюю с собакой и зимнюю переноей. Начиная с октября месяца и по ноябрь, иногда позднее, словом, до того времени, когда снег не станет настолько глубок, что езда по лесу на лошадях прекратится, охотники выезжают на лошадях, беря с собою зверовых собольих собак в места, где предполагают найти соболей, часто, в зависимости от местности, за несколько десятков вёрст от своего селения. Приучённая собака, отыскав след соболя, преследует его до тех пор, пока не заставит соболя взбежать на дерево; лаем, который резко отличается от лая на медведя, призывает отставшего хозяина, который, увидав соболя, убивает его из ружья. Этого рода охота чрезвычайно затруднительна в той местности долины р. Камчатки, где растёт густой еловый лес. В этой чаще соболь совершенно незаметно ни для собаки, ни для охотника, перебегает с дерева на дерево по густой хвое и совершенно скрывается от преследования.

Отправляясь на охоту за соболем зимой, промышленник вооружается лыжами, ружьём, собакой и главное, берёт так называемую «соболью сетку». Найдя в лесу свежий след соболя, охотник идёт по следу до тех пор, пока не найдёт места, куда соболь скрылся. В зависимости от того, будет ли убежище соболя утес или одиноко стоящее дерево, или занесённая снегом чаща кедровника, располагается сетка с расчётом, что выпугнутый соболь не может никуда иначе скрыться, как только запутаться в сетке.

Окружив таким образом сетку, которая разставляется при помощи тонких палочек, охотник, если дело происходит поздно уже вечером, оставляет около сети в качестве сторожа собаку, подвешивает к сети колокольчик, а сам уходит даже за несколько вёрст от этого места на «становье». Собака добросовестно исполняет обязанности сторожа, зорко следя за всем, что происходит внутри искусственной изгороди. Соболь, наскучившись дневным сидением, к ночи выходит из убежища для отыскания себе пищи и здесь, ища выхода из загороди, шевелит сетку, что, в свою очередь, заставляет звонить колокольчик. Собака бежит на звон, хватая соболя и тотчас же несёт его к охотнику; или же, задушивши соболя, сторожит его до возвращения охотника.

Часто случается, что соболь, чувствуя опасность, не выходит в эту ночь, тогда утром охотник приходит и начинает искусственными

мерами выпугивать и выживать соболя. Дерево срубается, или в дупле его разводится огонь, чтобы дымом соболя выгнать из приюта, или, если соболь скрылся в кедровнике, его начинают пугать, втыкая в кедровник длинную палку-«посох». Словом, принимают всевозможные меры к тому, чтобы «выжить» соболя. Надо сказать, что это не всегда удаётся. Бывают, по рассказам, случаи, когда зверёк высиживает, томясь голодом, по нескольку дней в своём убежище и промышленник, заключив, что соболь ушёл, оставляет это место, даром потратив несколько дней на неудачное преследование.

Всякий промышленник различает по следу пол соболя, называя самку «маткой или маточкой» и самца «мужиком или мужичком». Никогда по Камчатке не услышишь, чтобы какой-нибудь зверь различался на самок и самцов.

Для предохранения камчатского соболя от окончательного истребления местной администрацией принимаются меры, к числу коих относится отвод заповедных мест, где охота, безусловно, воспрещена. Таких мест два — одно в районе Кроноцкого озера, другое на юг от Вилучинского вулкана, вдоль восточного побережья почти до мыса Лопатки, в местности, носящей название Асача. Насколько данные местности подходящи для намеченной цели, сказать не решаюсь. Скажу только, что при выборе их, очевидно, руководствовались тем соображением, что оне совершенно безлюдны и, следовательно, более удобны для сохранения их заповедности. Что же касается того, соответствуют ли оне по своим природным качествам всем условиям жизни и размножению соболя, сказать трудно, пока условия эти не будут изучены. Достоверно пока то, что заповедность мест Асачи и Кронок введена ещё в 1882 г. Несмотря на это, количество соболя продолжает уменьшаться. Для сохранения соболя в последнее время сделано распоряжение о перевозке живых соболей на Карагинский остров, где, как заявляет начальство, все природные условия благоприятствуют жизни этого ценного зверька. Предполагается, что Карагинский остров впоследствии сделается разсадником камчатского соболя. Мера эта признана целесообразной и достойной поощрения. Не принято, по-видимому, одного лишь во внимание: почему Карагинский остров, несмотря на одобрение его местною властью, не признан самою природою годным для жизни на нём соболя, которого, как свидетельствует история завоевания Камчатки, там никогда не было.

Выдра. Речная выдра водится повсеместно в Камчатке и составляет один из второстепенных предметов промысла. В Петро-

павловской округе ежегодно добывается от 250—300 выдр, местная цена которым, смотря по величине и качеству меха, колеблется от 5—15 руб. за штуку.

Росомаха. Несмотря на небольшой рост и неуклюжее телосложение, росомаха принадлежит к самым прожорливым и более других опасным хищникам Камчатского полуострова. Жертвою ее бывают не только птицы и мелкие животные, но даже олени, бараны и домашний скот. На крупных животных она набрасывается со скал или с дерев, куда забирается обыкновенно для подкарауливания добычи. Набросившись, например, на оленя, росомаха перегрызает ему кровеносные сосуды на шее и до тех пор держится на нём, пока он не упадёт, истощённый кровью.

По словам охотников, росомаха прибегает иногда к следующему оригинальному приёму при нападении на диких оленей. В горах, у подножия обрывов и скал, по открытой и поросшей мхом местности пасутся олени. Росомаха, забравшись на обрыв, начинает скатывать один за другим камни, сначала небольшие, затем всё более и более крупные. При первоначальном шорохе катящихся камней олени напрягают всё своё внимание, но потом, убедившись в совершенной обыкновенности подобного явления в горах, перестают обращать внимание на катящиеся камни и продолжают пастись. Дождавшись этого момента, росомаха свёртывается в клубок и вместе с камнями сама скатывается по направлению к оленям, и здесь, выждав удобный момент, вцепляется в подошедшего к ней оленя.

Мех росомахи у северных инородцев в большом употреблении и почёте. Им обыкновенно отделяется лучшая зимняя одежда и шапки, и отделка эта предпочитается всем другим мехам.

Росомах в Камчатке добывается до ста штук ежегодно.

Из остальных видов семейства *Mustelidae* особого внимания заслуживает *морская выдра* или *морской бобр*, называемый иногда *камчатским бобром*. Чудный мех этого животного привлек внимание ещё первых завоевателей Камчатки, которые включили его в число меховой рухляди, отправляемой в ясак в Москву. Всесторонние достоинства бобрового меха с первых же пор появления его на рынке вызвали большой спрос на него. Вследствие этого, как казаки, так равно и объясаченные камчадалы с особым старанием направили свой охотничий пыл на преследование этого ценного и в то же время кроткого животного.

В начале прошлого столетия бобры водились почти по всему восточному побережью, особенно же на юг от Камчатского мыса,

почему часть океана, омывающая это побережье, и носила название «Бобрового моря». Первые завоеватели Камчатки без особого труда собирали в ясак по несколько «сороков» бобровых шкур, цена на которые была не выше цены на соболя или лисицу и, во всяком случае, гораздо дешевле шкурки росомахи. К концу прошлого столетия, с появлением в камчатских водах партий различного рода промышленников, особенно же с появлением в наших северных водах промысловых американских шкун, численность камчатских бобров начала сильно уменьшаться. В первой половине настоящего столетия многие из бобровых лежбищ окончательно опустели, а в 1870-х и 1880-х гг. бывали годы, когда бобров в Камчатке совершенно не было видно.

В настоящее время имеется одно лишь бобровое лежбище на юго-восточной оконечности полуострова в районе мысов Жёлтого и Лопатки, где несколько лет тому назад вновь появились бобры и куда, начиная с 1893 г., ежегодно отряжается местной администрацией для охраны лежбища от хищнических шкун команда, состоящая из двух казаков и пяти частных охотников.

Команде этой вменяется: 1) не позволять хищническим шкунам высаживать на берег своих промышленников для добычи бобров и вообще животных в пределах юго-восточной части полуострова; 2) промысливать бобров, но не иначе, как только сеткою и притом не более двух штук на каждого человека, входящего в состав команды, и 3) охотиться на всех животных, кроме соболей, и не производить ружейных выстрелов ближе 9—10 вёрст от бобрового лежбища. Это последнее обстоятельство предусмотрено потому, что бобр принадлежит к самым боязливым и крайне нервным животным. Ружейные выстрелы не только отгоняют бобров от лежбища, но, пугая их, сильно влияют на правильность половых отправлений, а следовательно, и на размножение, чем, между прочим, и объясняется быстрое уничтожение этого животного с появлением в Камчатке огнестрельного оружия.

Добытые охранною командою бобры продаются в Петропавловске с аукциона, причём половина вырученной суммы выдаётся команде, а остальная часть поступает в доход казны. В 1894 г., например, команда доставила в Петропавловск тринадцать бобров, которые и были проданы за 7 027 руб.

Судя по официальным донесениям окружного начальства, цель охраны достигнута. В 1893 г. к бобровому лежбищу подходили две хищнические шкуны и хотели посадить часть своей судовой команды (более двадцати человек) для промысла бобров, но, узнав

о существовании береговой охраны, удалились. В последующие годы партии хищников хотя и не появлялись на берегу у лежбища, но шхуны их неоднократно были видимы крейсирующими вдоль берега и вокруг мыса Лопатки.

Результаты от охраны получились следующие: в 1888 г., по словам охотников, бобров на лежбище было не более двадцати; в 1894 г. количество их определено командой, примерно, от пятидесяти до восьмидесяти, в следующие же годы численность их, по-видимому, увеличилась ещё больше, а вместе с тем расширилось и распространение их. В настоящее время на юго-восточной оконечности полуострова образовались уже два лежбища и, кроме того, есть слух, основанный, впрочем, пока на рассказах жителей, что бобры появились и на прежде бывших когда-то лежбищах, более севернее, а именно у мыса Столбового (достоверность этих сведений пока ещё не подтверждена).

Из всех грызунов, водящихся на Камчатском полуострове, особенного внимания заслуживают так называемые «красный мышонок», или «лялькоч» и сероватого цвета «медвежонок», или «чимокок», играющие видную роль в экономической жизни камчатского, как русского, так и ещё более инородческого, населения. Как тот, так и другой вид собирают большие количества сараны и кемчиги в своих подземных жилищах в особых отделениях нор, называемых мышинными амбарами, или атнучами. Этими запасами жители пользуются, отправляясь (главным образом, женщины и дети) в августе и сентябре на «осенний бабий промысел».

Каждая промышленница, вооружённая длинной палкой с железным наконечником — «посошком», или «теликашкой», бродит по обширной тундре, изрытой маленькими грызунами, и то и дело втыкает посох в рыхлую тундровую почву, заключая по получающемуся звуку и ощущению о присутствии или отсутствии сараных или кемчижных складов. Раз атнуч найден, его разрывают, и весь наличный запас ссыпают в травяные мешки «ачалы». Иногда количество сараны или кемчаги так значительно в одном гнезде, что их хватает на полную ношу. Название «*Myodes oeconomus*», данное Палласом виду красного цвета, более соответствовало бы второму виду сероватого цвета, который жителями считается «самой хозяйственной» мышью.

Относительно периодичности появления их на полуострове должно сказать, что и в настоящее время среди камчадалов западного берега существуют рассказы, как о том вскользь упоминает Эрман в своём «*Reise die Erde B. III*», о перенесении мышей

морем с каких-то далёких островов. Чтобы не утонуть, мыши пользуются морской пеной. Обволокнутые ею, они несутся по морю к берегам Камчатки и здесь ветром выбрасываются целыми тысячами на берег, все мокрые и обезсиленные тяжёлым путём. Название упомянутого здесь вида «медвежонка» находит своё объяснение в том, что, по рассказам, сохранившимся среди тех же западно-береговых камчадалов, на этот вид мыши охотился, как за медведем, камчадальский лесной дух Пихляч, рисуемый обыкновенно человеком самого маленького роста, «как ребёнок», который разъезжает на крохотной нарточке, запрягавшейся или соболями, или белыми куропатками, или даже медведями. Таких езжалых зверей и теперь отличают камчадалы.

Местом распространения этих полевых служат низменности, луга и тундры, поросшие или сараной, или кемчигой. Во всяком случае, за пределы древесной растительности виды эти не идут. Напротив того, два вида *Arctomys*, именно *monax* и *bobak*, водятся исключительно в хребтах, избирая своим местожительством пустоты между голых горных утёсов, немую тишину которых изредка нарушают своим свистом. *Arctomys citillus* водится как в высоких хребтах, так и по открытым низменностям, доходя до самого моря. Некоторое значение в промысловом отношении имеет только *Arctomys bobak*, тёплый и прочный мех которого изредка идёт среди инородцев на шитьё рукавиц, опушку к ним, на шапку и ещё реже на продажу русским.

Что касается до домашней мыши, то должен сказать, что ни мне самому, ни кому-либо из жителей, которых приходилось об этом спрашивать, видеть этого зверька не удавалось. Точно так же и другой вид этого семейства — крыса, надо думать, была сюда завезена на судах, что может подтверждать её последовательная область распространения. Первоначальными пунктами были Петропавловск и Усть-Камчатск, отсюда крысы были завезены вверх по рекам в селенья Авачу, Сероглазку, Старый острог и Коряки, и по реке Камчатке в Нижне-Камчатск.

Зайцев в Камчатке очень много; особой охоты на них не существует, так как мех не имеет достаточного сбыта и в незначительном употреблении среди жителей.

Из *ovicornia* следует упомянуть *ovis argali*, известного в Камчатке под названием *барана*; их только один вид. Животное это держится почти повсеместно в камчатских хребтах и составляет собою немаловажный предмет охоты для всего камчатского поселения, благодаря тёплому меху и очень нежному мясу. Для охо-

ты за баранами промышленники отправляются партиями в несколько человек для того, чтобы преградить все доступные баранам выходы из утесов, в которых они обыкновенно держатся, спасаясь от преследований своих многочисленных врагов — человека, медведя, волка и росомахи.

По рассказам охотников, это чрезвычайно подвижное, вполне горное животное отличается замечательной ловкостью, доходящей до виртуозности при скачках и перебеживании среди отвесных утёсов. Мне передавали промышленники-инородцы как факт, что баран, не находя иного выхода из спасительных камней, бросается с десятисаженной кручи вниз и, падая на свои красиво загнутые рога и отчасти на грудь, как ни в чём не бывало, вскакивает и бежит далее. Говорят, что баран свободно пробегает по отвесной плоскости скалы, имея опорой для ног закраину едва в ладонь шириной, и удивительным образом сохраняя при этом равновесие. Наиболее удобным временем для охоты за баранами считаются месяцы ноябрь, декабрь и январь, когда все непролазные чащи ольховника и кедровника, одевающие подножие хребтов, забиваются снегом, открывая тем доступ охотникам к «бараньим камням». Когда же начинаются оттепели и твердый, как лёд, горный снег покрывается гладкой ледяной коркой, охота за баранами прекращается, потому что подъём для преследования баранов в хребтах становится опасным. Малейшая оплошность охотника, один неверно рассчитанный шаг грозит падением с высоты десятков и сотен футов. Немало существует рассказов о таких падениях, сопровождавшихся не только смертью, но и совершенной потерей охотника в пропастях, недоступных человеку.

Из *cervidae* только один вид — это *Cervus Tarandus* L. Надо, однако, сказать, что необходимо различать здесь если не два совершенно самостоятельных вида, то, по крайней мере, две разновидности *северного оленя*, как дикаго и домашнего. Различие между ними резко бросается в глаза даже видящему оленя в первый раз. Дикий олень значительно крупнее ростом, рога его не так ветвисты, но большей величины, чем у домашнего. Копыта при побежке расставляются гораздо шире, и цвет шерсти однообразный серый. Шкура дикаго оленя больше и крепче, почему и предпочитается жителями шкуре домашнего для выделки различной одежды.

Из оленьих шкур выделяются, главным образом, торбаса (род обуви) летние, или «кожаные», которые отличаются от зимних, или «камасных», не только кройкой, но и материалом, получаемым

из узких полосок шкуры, снимаемых с ног оленя. Из той же ножной шкуры делаются зимняя рукавицы «камасные».

Мех барана считается после медвежьего самым теплым, и потому из него шьются так называемые «кукули», представляющие собою меховые мешки, в которых спят инородцы и камчатские русские во время своих зимних поездок.

Отряд морских животных представляет собою глубокий интерес по тому большому значению в крае, какое он имеет в экономической жизни всего камчатского населения. Несмотря, однако, на то, что моржовые клыки представляют собою значительную ценность по сравнению со всеми продуктами, получаемыми от остальных ластоногих, на первое место по экономическому значению должно поставить обыкновенную нерпу (*Phoca vitulina*). Область её распространения, по словам местных жителей, весьма обширная, занимая собою почти сплошь всё побережье полуострова, как по восточную, так и по западную сторону, держась преимущественно в местах произрастания морской капусты и вблизи устьев рыбных, более значительных рек, по которым нерпы, говорят, поднимаются за рыбой вверх, часто на значительное расстояние. В Авачинской бухте нерпы, несмотря на постоянное преследование со стороны промышленников г. Петропавловска и селений Озерного, Николаевского, Авачи, Паратунки, Сероглазки, Хутора и Старого острога, всё ещё держатся в некоторых её местах, выходя на берег на береговые камни, затапливаемые при приливе водою. Места таких выходов многочисленных стад нерп на берег известны у местных жителей под названием «лежбищ».

Главный промысел ведется западно-береговыми камчадалами, селения которых расположены обыкновенно недалеко от моря и по таким рекам, в устьях которых всегда держатся нерпы. Охота производится ружьями и особыми гарпунами, так называемыми «нерпичьими спицами». Из ружей стреляют нерп, плавая весною в море на своих утлых лодках — «батах». Спицами же закалывают зверя, осторожно подкрадываясь к нему на лежбище или подкарауливая нерпу вблизи берега, когда она занята ловлей держащейся вблизи самого берега мелкой рыбы.

Добытая нерпа почти вся идёт в употребление: кожа выделяется и идёт на шитьё особых дорожных сум и мешков «калаусов», на подбивку необходимых в жизни камчадала лыж, на шитьё торбасов, на подошвы к ним, на ремни, требующиеся при стройке нарт, главным образом, и всей собачьей упряжи. Жир идёт в пищу людям и на освещение. Мясо, несмотря на его неприятный вкус

и какой-то особый запах, идёт в пищу. Даже желудки не выбрасываются, а берутся, тщательно вымываются и служат своеобразными сосудами для хранения оленьей крови, жира нерпы или же служат поплавками для поддержания рыболовных сетей.

Из многочисленных видов *Phoca* жителями Камчатки различаются: нерпа, лахтак, отличающийся от первой большой сравнительно величиной и окраской, и «школьник», значительно меньших размеров сравнительно с обыкновенной нерпой. Что касается до крылатой нерпы, то говорят, что она водится только в самых северных частях камчатского побережья. К жителям долины р. Камчатки нерпичьи шкуры идут большею частью от торговцев или же непосредственно от береговых камчадалов. Только жители селений нижнего течения Камчатки, то есть Усть-Камчатска, Нижне-Камчатска и Камаков имеют возможность самостоятельно заниматься морским, то есть нерпичьим промыслом. Шкуры упомянутых разновидностей нерп или же видов имеют в камчатском обиходе одинаковое применение. Сивуч почти не имеет промыслового значения в крае потому, что местопребывание его ограничивается по восточному берегу Камчатки каменистыми мысами, далеко от остальных селений, кроме Петропавловска и Усть-Камчатска. Почему если и удаётся в иной год добыть несколько шкур этого зверя, то только жителями названных поселений, располагающих несколькими шлюпками, позволяющими совершать переезды в море.

Сивучий ремень и сивучьи подошвы, благодаря своей прочности, имеют ещё большую ценность, чем лахтакчи. По западному берегу мне называли единственное лежбище у мыса Утхолокского, или, по местному, Оклянай, где сивучей собирается до нескольких будто бы тысяч, но и здесь охотятся на них только камчадалы Утхолокского селения, довольствуясь несколькими штуками. Охота на них здесь сопряжена со значительными затруднениями, потому что местность, где собираются сивучи, совершенно недоступна с моря и только с трудом с суши, представляет собою груду хаотически набросанных друг на друга утёсов.

Морж, водившийся ранее, как видно из описаний Крашенинникова, Стеллера и указаний Дитмара, почти по всему восточному побережью Камчатки, теперь, по сообщениям охотников, водится только за Шипунским мысом да на острове Карагинском. Что же касается до предположений некоторых о нахождении моржей у мысов Кронотского, Камчатского и Столбового, то предположения эти нуждаются в проверке. От моржа берётся только

кость, то есть клыки, и шкура. Клыки сбываются промышленниками местным торговцам по 15—25 руб. за пуд. Шкура же разрезывается надвое и идёт на подошвы.

Котик морской, собственно говоря, в Камчатке не водится, а заходит на рифы юго-восточной оконечности этого полуострова в то время, когда совершает обычный свой переход из южных морей к Командорским островам или обратно. Из таких мест, которые более всего посещаются морскими котиками при их переходах, указывают на мысы Козлова и Столбовой, где, как многие думают, котик иногда остаётся и на более долгое время для совершения половых отправлений.

Кит. Судить о том, какие из видов китов водятся в настоящее время в водах, омывающих Камчатку, я не решаюсь, потому что видеть их лично не только в целом виде, но и по частям мне не удалось. Поэтому приходится ограничиться только немногими сведениями, сообщёнными мне местными жителями, которые различают по величине и по присутствию или отсутствию так называемых «усов», отчасти по окраске, три вида: усатый, или большой, кит, полосатик и самый малый по величине — безусый.

Животные эти более знакомы жителям западного берега, чем восточного, что зависит, вероятно, отчасти от того, что население охотского побережья гуще, чем берингова и тихоокеанского, почему жители имеют случай при своих поездках по побережью чаще натолкнуться на выброшенную морем тушу кита, в то время как восточный берег, почти совершенно пустынный, только на незначительной полосе посещается жителями. Следовательно, здесь выброшенный кит чаще остаётся незамеченным. Кроме того, можно думать, что на охотское побережье на самом деле выкидывается больше китов, чем на восточное, потому что первое представляет собою границу бассейна, сравнительно с океаном, незначительного, притом замкнутого, в котором носимые по поверхности, так или иначе ускользнувшие от промышленников-хищников, киты не могут никуда деться и должны быть прибитыми в конце концов к берегу. Вот почему я думаю, что утверждение инородцев, что в Охотском море китов больше, чем в Беринговом и в части Тихого океана, омывающей юго-восточную оконечность Камчатки, не может считаться вполне достоверным.

Самими жителями полуострова киты в настоящее время не промысляются, да и в дошедших до нас описаниях других путешественников нет указаний на то, промыслялись ли киты ранее. По рассказам, инородцы, особенно западного берега, довольствуются

ся случайно находимыми, как замечено, выброшенными китами, находящими по странной случайности свою могилу на суше, с которой некогда они удалились в море, приспособив и переменив свою организацию. Наибольшую ценность у инородцев имеют большой, или усатый, кит, достигающий, по рассказам, громадной величины — 17—20 сажень. Нашедший пользуется правом взять себе нижнечелюстные кости, вся же остальная туша делится поровну между жителями селений, не только тех, между которыми кит был выброшен, но и между более далекими, для чего жители о подобной находке извещаются.

Берётся, главным образом, жир и мясо, если свежее, да более толстые рёбра, нижнечелюстные кости и усы, если они ещё сохранились. Жир и мясо идут в пищу как людям, так и собакам, а из костей, которые весьма тщательно распиливаются на тонкие пластинки, делаются подрезы к нартовым полозьям для придания нарте большой каткости в весеннее время года, когда снег начинает таять и прилипать к деревянным полозьям. Усы идут в продажу местным торговцам. Говорят, что за последние годы количество выбрасываемых морем китов значительно уменьшилось и ещё продолжает уменьшаться, что зависит, по всей вероятности, от хищнического избиения китов в наших водах американцами, увозящими ежегодно из одного Охотского моря продуктов китобойного промысла на несколько миллионов долларов.

Из семейства Delphinidae называют *касатку* и *белуху*. Ни то, ни другое животное в настоящее время жителями не промышляется, разве только случайно удастся жителям Тигиля убить одну или две белухи в лето. Животное это поднимается большими стадами с началом прилива вверх по реке Тигилю, подобно нерпам, для преследования рыбы, приблизительно на 20—25 вёрст, на каком расстоянии действия прилива более незаметно, и с отливом снова сплывают в море. Явление это можно ежедневно наблюдать на устье р. Тигиля.

Побывавший в Усть-Тигильском посёлке, вероятно, обращал внимание на несколько сравнительно небольших якорей и обрывки железных цепей. Это, передают тамошние жители, остатки несколько десятков лет тому назад существовавшего здесь белуховаго промысла, начатаго будто бы одним из компаньонов бывшей Российско-Американской компании господином Пауэрсом и уже вскоре прекратившагося. От белухи жителями берётся только жир, идущий исключительно в качестве осветительного материала.

Глава III. НАСЕЛЕНИЕ

Народонаселение Камчатки состоит из коряк, камчадалов, небольшого количества ламутов, ещё меньшаго алеутов и курильцев и русских колонистов, образовавшихся из потомков казаков-завоевателей, крестьян-переселенцев и добровольцев, поселившихся в этом укромном уголке нашей обширной родины.

Алеуты и курильцы по малочисленности своей не могут быть причислены в число главных, коренных аборигенов страны, а, скорее, являются элементом случайным, пришлым сюда с соседних мест в погоне, вероятнее всего, за пушным зверем. Не имели и не имеют также особаго значения в жизни этой страны и ламуты, попавшие сюда под влиянием распрей враждовавших соседей или каких-либо других причин и сжатые в своих небольших владениях с одной стороны коряками, с другой камчадалами. Кроме русских, бесспорно, первенствующее значение в числе населения полуострова принадлежит корякам и камчадалам, но и из них, по многим данным, приходится признать камчадалов за аборигенов страны, за первобытных владельцев полуострова. Что же касается коряков, то, несомненно, они являются пришельцами с севера.

Орогеологическое строение Камчатки ясно свидетельствует о сравнительно недавнем появлении на дневную поверхность Парапольскаго дола и образование полуострова из одного из северных островов Курильской гряды, по тем же данным является более чем вероятным.

Антропологическое родство коряк с чукчами и резкая разница их с камчадалами заставляет предполагать о том, что существовала более явственная физическая граница между этими разнотипичными народами, нежели таковая существует в данное время. Таковою границею и был, очевидно, пролив, отделяющий камчатский остров от материка и имевший дном своим нынешний Парапольский дол, или Заносье, как прозвали его казаки.

Коряко-чукотская народность, бесспорно, принадлежит к монгольскому племени и после общаго для всей Сибири движения народов заняла весь северо-восточный угол Азии, распределившись так: коряки к югу и несколько к западу, а чукчи к северу и востоку. В то же время и курильцы под влиянием распространения китайско-японской расы имели движение с юга на север, избрав ареною своей жизни ряд островов и вытеснив северных своих родичей на камчатский остров, где они, обособившись, составили отдельную народность, и впоследствии, волей неволей, пришли в соприкосновение с коряками.

Такое предположение об отдельности Камчатки в виде острова и о заселении его с юга, а не с севера, быть может, и покажется смелым и не имеющим достаточных данных для своей основательности, но, тем не менее, возможность его подтверждается ещё и тем фактом, что сохранившиеся до некоторой степени типичные камчадалы имеют по наружному виду ясное сходство с курильцами, а чрез них и с японцами. Безспорно, лучшими данными за и против такого предположения были бы детальные этнографические и антропологические исследования восточных народностей, но пока их нет, мнения о родственности их приходится высказывать по наружному виду.

Как известно, японцы по типу разделяются на два класса, ясно отличающихся между собою по телосложению, форме черепа и устройству лица. Интеллигентный класс японцев характеризуется: продолговатый контур черепа (долихоцефалия), лоб сравнительно высокий, лицо овальное, скулы не выдаются, нос орлиный, губы тонкие и цвет кожи белый и нежный. Второй класс, так называемый «рабочий» или «крестьянский», к которому принадлежат преимущественно жители северных островов, отличается особенностями, приближающими его к восточно-азиатскому типу: череп более округлый, лицо широкое и плоское, нос приплюснутый, лоб низкий, скулы выдающиеся, губы толстые и почти полуоткрытые, разрезы глаз почти горизонтальные и рост небольшой, но телосложение коренастое, плотное.

Сравнивая камчадалов, с одной стороны, с коряками, с другой — с японцами и принимая во внимание все только что перечисленные племенные признаки, приходится признать более родства между первыми и последними, нежели между первыми и вторыми. Конечно, культурность японцев слишком отделила их от камчадалов, но, тем не менее, характерные признаки ясно сближают эти две народности, тогда как близость камчадалов с коряками проявляется в отсутствии лишь культурности и в некоторых обычаях и верованиях, непосредственно связанных с этим отсутствием.

Связующим звеном между камчадалами и японцами являются курильцы, из которых жители первых северных островов признаются по всем признакам родственными прежним жителям мыса Лопатки и вообще южной части Камчатки. Правда, жители Южных Курильских островов, по-видимому, сильно отличаются по типу своему как от японцев, так и от камчадалов, но отличие это проявляется только в их волосатости и отчасти в росте (южные курильцы большого роста и волосаты, почему и называются «мохнатыми»),

то есть в признаках, значение которых при распределении человеческих рас до сего времени ещё не выяснено достаточно. Если же эти признаки отбросить, а основываться на главных, то есть на форме черепа, лба, на форме лица, носа и т. п., то постепенный переход от японцев к камчадалам чрез курильцев становится более ясным и весьма вероятным.

Первые завоеватели Камчатки, казаки, застали коряк живущими уже в пределах северной части полуострова, где по выдающимся рекам: Олюторе, Уке, Палану и Каменной жили так называемые «оседлые» коряки, а в тундрах, в верховьях этих рек и далее на север до р. Анадыра кочевали «бродячие», или «оленьи» коряки.

Коряки — народ монгольского происхождения. По физическому сложению, в особенности же по устройству черепа и лица, значительно отличаются от прочих, кроме чукоч, народов севера, как-то: тунгусов, ламутов, якутов и прочих. Сходство же их с чукчами довольно значительное, что и служит причиною выделения их в одну общую народность. Как коряки, так и чукчи имеют форму черепа, сжатую со сторон и несколько приподнятую сзади. Лица коряк круглые, хотя встречаются и продолговатые, скулы выдаются умеренно, нос сравнительно высокий и бывает даже с горбом. Лоб довольно высокий, подбородок круглый. Выражение лица скорее умное и большею частью серьёзное. Бороды нет, волосы гладкие чёрные; у мужчин обыкновенно стрижены, тогда как у женщин длинные и заплетённые всегда в две косы. Цвет кожи жёлтовато-смуглый, у женщин блее и нежнее. По телосложению коряки стройны, крепки, гибки и роста выше среднего; небольшой рост, а так же сутуловатость и узкость плеч встречаются как исключение.

Соединяя в себе многие достоинства в физическом отношении, коряки в то же время характерными являются и в нравственных качествах. Они смелы, самонадеянны и самостоятельны. Самостоятельная и вольная жизнь их породила в них полное отвращение ко всякому роду ограничениям, к подчинению и опеке. Каждый коряк сам себе закон и хозяин своему «я». Окружённый со всех сторон необъятной и труднопокоримой тундрой, коряк, владея ею под прикрытием пурги и холода, чужд всякого со стороны вмешательства в его жизнь. Чужд он и всякого рода нововведений и советов: олень и тундра — вот всё, чем поглощена его жизнь. Где бы ни был коряк, мысли его всегда бродят около своего стада, а глаза его всегда ищут хорошего пастбища для оленей. С особою

отвагою и притом прямо, открыто вступают в борьбу со всяким, посягающим на их самобытность. «Не ходите к нам, корму вам не дадим, а если пойдёте, то будем драться с вами, — так говорили коряки партии Елистратова, занимавшегося в 1787 г. описанием берегов Пенжинской губы и желавшего подняться вверх по р. Пенжине. — От стариков мы слышали, что русские побиты там (в верховьях Пенжины) за то, что от голоду делали старикам нашим всякия обиды отнятием кормов; и ныне лучше быть не может».

Так же, очевидно, открыто говорили коряки и казакам, с которыми им пришлось вести непримиримую борьбу более чем столетия.

Храбрый против врагов коряк в то же время и взыскателен к самому себе. В повседневной жизни своей он день и ночь бывает поглощён заботами о сохранности своих оленей и постоянными ради их пастбища переездами с места на место. Особенно же трудны зимняя холодные ночи, когда чуть ли не под открытым небом ему приходится зорко сторожить свои стада от хищных зверей, причём ни завывания бури, ни вой волков не ослабляют его энергии и не уменьшают его бдительности.

При всей своей нетерпимости к подчинению и внешнему вмешательству в его жизнь, коряк в то же время крайне гостеприимен, добродушен и предупредителен. Мирному гостю предлагается и кров, и закаляется лучший олень, а уставший путник всегда находит у коряка все содействия в своих нуждах.

В настоящее время, к сожалению, не всем корякам можно приписать выше указанные качества. Злая судьба и здесь, как и везде, обездолив некоторых из них, силою своего гнёта извратила их, отняв всё прирождённое хорошее и не дав ничего лучшего, свойственного их натуре, привычкам и уменью.

Заняв в общем движении северно-азиатских народов нынешнее место жительства, коряки почти со всех сторон оказались сжатыми соседями, с которыми, волей-неволей, пришлось вести борьбу за существование. Борьба подчас оказывалась непосильною, и вот некоторые из них, борцы за самобытность, лишились своих стад, с ними и всего, чем жили их отцы и деды и на чём сосредоточивались все их помышления.

Вся жизнь коряка, всё его благосостояние зависит от целостности его стада. Олень для коряка всё. И вряд ли есть на свете какое-либо другое животное, которое играло бы в жизни человека такую всепоглощающую роль, как олень в семье коряка. Олень возит, кормит, поит и одевает своего обладателя, а для коряка, при

его замкнутом умственном кругозоре в его неодолимой тундре, больше ничего и не надо. Но вот с севера в погоне за той же тундрой, как необходимого условия для благосостояния оленьих стад, начали теснить коряков чукчи, народ более сильный. С запада постепенно надвигались тунгусы, ламуты и прочие, а на юге все места были уже заняты камчадалами, народом хотя и более слабым, чем они, но носящим за собою более нравственного права на обладание этими местами.

Волей-неволей начинаются частые войны, которые усиливаются ещё более с появлением казаков. Коряки входят в союзные сношения с чукчами и даже пропускают в земли камчатские ламутов, как авангард против водворившихся на полуострове казаков, но всё это не отстраняет от них надвинувшейся бури. Многие из них лишаются стад и обездоливают, а вслед за тем поневоле переменяют образ жизни. Скитание со стадом по горам и тундре заменяется упорным сидением у реки и моря в ожидании хода рыбы. В настоящее время по образу жизни коряки разделяются на кочующих — это коренные коряки, живущие и доньше по обычаям предков, перегоняя в течение круглого года свои стада с места на место и переезжая за ними со всем своим скарбом, и осёдлых, то есть таких, которые обеднели, потеряв свои стада, и поселились по рекам, поддерживая своё существование рыбною ловлею и охотой на наземного и морского зверя.

Бродячие коряки живут в палатках из лёгких жердей, покрытых оленьими шкурами. Кочевья их распространяются по всему тундристому плоскогорью, называемому Парапольским долом, имея предельною границею на севере р. Анадырь, до которого доходят, впрочем, очень редко, боясь вступать в неприязненные отношения с чукчами, заселяющими эту реку и не позволяющими никому вторгаться в их пределы.

Западную границу распространения коряк строго провести нельзя; вообще они занимают все северное побережье Охотского моря с большим заходом во внутрь страны. На юг коряки спускаются до 56° ш., куда ежегодно прикочёвывают для сдачи ясака и обмена своей добычи на свинец, порох и другие нужные для них товары. Бродячие коряки все объяснены и, несмотря на полную их недосыгаемость по причине непроходимости тундр, ясак платят исправно. В настоящее время редкий коряк имеет стадо оленей в тысячу голов, тогда как прежде большинство из них считались богатейшими собственниками среди всех северо-восточных народов. Владельцы нескольких тысяч оленей и даже десятков тысяч бывали не редкость.

По мере того как некоторые семьи коряк лишались своих стад как необходимого средства передвижения и вольной обеспеченной жизни, они становились в необходимость избирать себе более определённые и постоянные места для жительства, а вместе с тем и изменять свои обычаи и привычки. Моря и реки заменили им тундру и горы, а водные богатства — оленя. В зависимости от устья рек и расстояния их одного от другого явилась разобщённость коряцких семейств друг от друга. Одни поселились по берегам восточного океана, другие по Охотскому морю. Такая разобщённость явилась причиною того, что все осевшие коряки, потеряв обычаи предков, разделились и между собою на несколько отделностей, усвоивших себе те или другие особенности под влиянием чисто местных условий. Даже язык разделился на несколько наречий, сходных между собою и коренным языком, но разных в подробностях.

По месту жительства и наречию оседлые коряки разделяются на четыре рода:

1) *Каменцы и паренцы*. Под этим именем разумеются оседлые коряки, поселившиеся после потери своих стад по устьям рек, впадающих в северную оконечность Пенжинской губы. Название своё получили по имени наибольших своих деревень Парена и Каменной. По официальным сведениям, число их простирается до трёхсот пятидесяти душ обоего пола и живут они в семи деревнях, расположенных вокруг северной оконечности Пенжинской губы. Каменцы и паренцы причислены к Гижигинской округе. С переменою образа жизни и жилища коряк изменились: вместо круглой, куполообразной или конической юрты, устраиваемой кочевниками из тонких жердей и оленьих шкур, жилища оседлых коряк состоят из землянок самого несовершенного устройства.

Землянка устраивается так: вырывается неглубокая яма, сажени три в квадрате, и прикрывается сверху двухскатной крышей, состоящей из толстых жердей, прикрытых дёрном и древесной корой. Иногда внутренность ямы обкладывается срубом из таких же жердей, выступающим над поверхностью аршина на полтора; в таком случае дёрном обкладывается и наружная часть сруба. В середине крыши оставляется отверстие для дыма, служащее в то же время и дверью. Вход в юрту возможен только сверху чрез это отверстие, к которому для этой цели приставляется бревно с глубокими зарубинами, служащими ступенями. Такая землянка согревается вечно курящимся очагом, расположенным посредине юрты, и собственным теплом самих обитателей. Кроме

того, для большого сохранения тепла, особенно в зимние ночи, внутри землянки, так же как и у кочующих коряков, развешиваются полога из шкур. Смотря по числу семейств в каждой юрте и количеству душ в семье, число пологов и величины их бывают различные. Внутреннее устройство юрты или землянки одинаково с тем, как и у других народов подобного типа, и отличается всегда крайнею неряшливостью; смрад, грязь и зловоние необходимая принадлежность подобных жилищ.

Главные занятия каменцев и паренцев, как и других оседлых коряк, составляют рыбная ловля и охота на морского зверя (нерпа, лахтак, кит и прочие). Охота же на соболя, лису, медведя является занятием второстепенным, служащим коряку подспорьем в его невзыскательной жизни.

К числу особых занятий, присущих каменцам и паренцам преимущественно пред другими коряками и вообще соседями, относится кузнечное ремесло. Ножи, топоры, кольца, копыя и тому подобные предметы, встречающиеся у всех соседних инородцев, являются произведением этих оседлых коряк, причём некоторые изделия, как, например, ножи и копыя, по чистоте и правильности своей отделки, заставляют удивляться тому, как эти полудикари при полном несовершенстве инструментов и приспособлений могут обнаруживать такое умение в этом деле. Кузнечные изделия служат предметом торговли с кочующими коряками, у которых оседлые выменивают продукты оленеводства и вообще пушной товар.

Наречие каменцев и паренцев, как и у всех коряк, отличается жесткостью по причине множества небных и гортанных звуков, встречающихся в их словах. Вообще коряцкий язык, вырабатывавшийся среди обособленных кочующих семей, благодаря простоте их жизни и ничтожеству умственной деятельности отличается несложностью и крайнею бедностью своего лексикона. Наречие каменцев и паренцев хотя и изменилось под влиянием более частаго общения с соседями в смысле увеличения форм и произношения, но, тем не менее, благодаря бедности коренного языка, является самым простым и легко усваиваемым посторонними, почему при всех торговых сделках и вообще при сношениях с другими инородцами (чукчами, тунгусами, ламутами) в пределах нынешней Гижигинской округи объяснения идут всегда почти на коряцком языке (наречии каменцев и паренцев).

Религия коряк, как и всех инородцев северной Азии, живущих в полудиком состоянии, есть шаманизм. Как ни странно, что именно эта форма религии предпочитается северными племенами, но, тем

не менее, это факт, объяснение которого кроется в давно признанной истине: «Начало религии есть страх», и эта истина с большей интенсивностью проявляется там, где умственное развитие стоит на низкой ступени и где самые лучшие умы из окружающих не могут дать объяснения самым обыкновенным, но в то же время могучим явлениям природы.

Многие проявления сил природы, весьма понятные и объяснимые с точки зрения образованного человека, для дикаря являются сверхестественными, недостижимыми. Особенно сильное впечатление производят на ум дикаря те явления, которые идут в разрез с деяниями человека и сопровождаются гибелью и опустошением. Зло долее помнится, чем добро, страх сильнее чувствуется, чем благородность, и всякое нарушение естественного хода явлений сильнее поражает ум и сердце, нежели великолепнейшее из обыкновенных, но безобидных проявлений природы. Поэтому дикарь во всём могучем, но в то же время странном для себя, видит силу, перед которой преклоняется и изыскивает средства к устранению ея или умилоствлению. Бог как всеобъемлющее существо признается всяким последователем шаманизма, но внимание его поглощается теми злыми духами, которые воплощают в себе те или другие, страх и гибель возбуждающие явления окружающей природы. Всякий дикарь прямо говорит, что он не любит обоготворяемого им злого духа, но боится, а потому и умилоствление его в виде жертв, поклонений, считает для себя обязательным, ничем неотстранимым.

Отсюда почитание и уважение к лицам, которые по натуре своей склонны и способны входить в общение с этими злыми духами и быть посредниками между ними и человеком. Такими посредниками являются шаманы, от которых и весь религиозный культ получил своё название. Быть может, среди шаманов и шаманок и найдутся такие, которые, пользуясь невежеством окружающей толпы, предаются обычному при этом культе беснованию ради своих личных интересов, но, без сомнения, многие из них являются ревностными и по их глубокому убеждению истинными ревнителями своих обязанностей по призванию. Разубедить шамана в его заблуждении нет сил; пока он будет жить в той же обстановке и при том же умственном кругозоре, никакие беседы и уверения не помогут. В этом обстоятельстве кроются, между прочим, частые неуспехи миссионерства и обыкновенные явления рецидивизма в деятельности тех ревнителей слова Божия, которые игнорируют умственным развитием своей паствы. Дайте

школу, дайте образование, и шаманизм изсякает сам собою, «аки воск от лица огня». Без этого же главного аргумента все старания окажутся не только неубедительными, но даже развращающими, убивающими всё чисто хорошее природное и не дающими взамен ничего лучшего и прочного, что на самом деле мы и видим очень часто на тех дикарях, которые попали под влияние искажённой, а потому и губительной для них цивилизации.

Примеры, когда выкрещенцы из дикарей, твёрдо верившие в учение Христа, но не имеющие прочной образовательной подкладки, обращаются к умиловителю злых духов для избежания каких-либо зол и бедствий, нередко и чаще всего являются там, где учение слова Божьего основано не на воспитании и грамотности, а на вере и привычке. Поступки таких людей управляются и вызываются не тем, чему они верят, а тем, что они видят, ощущают, сознают. Религия кочующих коряков — чистый шаманизм с полным сознанием и верою в него; религия каменцев и паренцев — искажённый уже шаманизм, не заменённый ничем лучшим, но пошатнутый уже в некоторых догматах влиянием извне.

2) *Полланцы*. Местопребыванием этих обедневших коряков служит северо-западный берег полуострова Камчатки, начиная вёрст на четыреста южнее каменцев и кончая Воямпольским селением, находящимся в пятидесяти верстах на север от Тигиля. Эта отрасль коряцкой народности получила название от наибольшего своего селения — Поллана, расположенного при устье р. Полланы (Паланы), вытекающей из большого нагорного озера того же имени.

Из других селений, обитаемых этими коряками, известны: Пусторецк, Подкогирная, Лесная, Кликоль, Кохтала, выселок Ургинский и Воямполка. Все эти селения расположены вдоль морского берега при устьях рек того же имени. Число полланцев обоего пола простирается до тысячи душ, все они крещены и имеют в каждом селении часовню, а в Поллане церковь и церковный причт. Жилища полланцев более основательны, ближе подходят к русским избам, хотя в северных деревнях встречаются и полуземляные юрты. Некоторые из жителей начинают заниматься огородничеством и скотоводством. Большинство говорит по-русски, но заметно, что с постепенным удалением на север русский язык и обычаи проявляются всё слабее и слабее, так что жители Пусторецка и Подкогирного селений значительно уже отличаются от остальных в образе жизни и обычаях, сохранив до сего времени некоторые особенности своей национальности в одежде, занятиях и наклонностях.

3) *Укинцы*, то есть коряки, поселившиеся по р. Уке, впадающей в Великий океан под 58° ш., то есть в одной параллели с полланцами. Название укинцев впоследствии перешло и на других коряков, избравших для своего места жительства соседняя реки: Озерную, Хомомо, Ивомку (Ивашку. — *Ред.*), Дранку и Карагу, при устьях которых и расположены деревни того же имени.

Укинцы совершенно тождественны с полланцами, живут в таких же избах, разводят скот, лошадей и занимаются огородничеством. Число жителей во всех этих деревнях около трёхсот душ обоего пола; все они крещены, имеют часовни и церковь с причтом в с. Дранкинском.

Главным насущным хлебом, как и на западном побережье, служат продукты рыболовства и охоты на китов, тюленей разных семейств и прочего. Особенным у укинцев предметом промысла служит сивуч и морж, водившийся когда-то при укинском побережье в значительном количестве, а теперь только в пределах Карагинского острова.

4) *Олюторцы*. Первоначальное поселение этих коряков было по р. Олюторе, а затем они распространились и далее, образовав девять деревень вдоль северо-восточного побережья Камчатского перешейка. Насколько укинцы по нравам и обычаям близки к полланцам, настолько олюторцы близко стоят к каменцам и паренцам. Жилища их состоят из полуземляных юрт; бревенчатые избы весьма редки, особенно на севере, где религия, обычаи и особенно сти выговора почти тождественны с кочующими коряками.

Олюторцы с давних пор были известны своим коварством, мстительностью и неуживчивостью. Самое сильное и упорное сопротивление русским завоевателям-казакам оказывали олюторцы, да и теперь, особенно жители северных деревень, едва ли с особым удовольствием и покорностью смотрят на русскую власть и на обычай платить ежегодный ясак. Занятия олюторцев тождественны с прочими сидячими коряками и отличаются уменьем выделывать из моржовой кости разные мелкие вещи: коробочки, трубки, кольца, игрушки и прочие.

Между этими, только что перечисленными разновидностями оседлых коряков, в середине полуострова по возвышенным местам кочуют ламуты и небогатые стадами кочующие коряки, которые летом прикочевывают с торговыми целями к Тигилю и к своим осевшим сородичам, привозя продукты оленеводства и охоты и западаясь здесь хлебом (для лакомства), табаком, свинцом, порохом, железными изделиями.

Коренное население полуострова Камчатки, как уже сказано выше, составляют камчадалы, или ительмены, как они сами себя называли, народ, по моему мнению, южного происхождения, то есть курило-японского и японско-китайского.

Крашенинников, первый исследователь Камчатки, признавая за камчадалами родственность их с китайцами, путь движения их описывает так: из Монголии перешли они к морю и, убегая от нашествия других народов, вдоль берега и вокруг Пенжинского моря дошли до Камчатки, где как в уютном от соседства уголке, основались окончательно. Приписывая им такое движение, упомянутый автор в то же время говорит, что такое переселение камчадалов было совершено в глубокой древности, когда монголы не знали ещё употребления металлов (иначе они передали бы их и камчадалам), и притом переселение их предшествовало движению якутов и тунгусов. Иначе эти последние или опередили бы их, и попали в Камчатку ранее их, или, идя непосредственно за ними, они, волей-неволей, должны бы были знать о них хоть что-нибудь, чего опять-таки, по всем данным можно заключить, не было.

Таким образом, по описанию Крашенинникова выходит, что ранее двух тысяч лет тому назад (когда еще монголы не знали употребления металлов) от монгольской расы отделилась небольшая часть людей, и ничем и никем не гонимая, тронулась к морю, потом прошла вдоль всего моря, не встречая на пути своём никаких аборигенов и не побуждаемая к такому переселению никакой народностью, идущую сзади её (иначе с этою народностью пришлось бы вступать в те или другие сношения и тем самым оставить о себе какая-либо известия, чего, как говорит Крашенинников, «не примечено»). В конце концов эта отрасль монгольского племени под влиянием как бы какого-то инстинкта, дойдя до Парампольского дола, повернула на юг и, заняв Камчатский полуостров, составила особую народность, названную впоследствии камчадалами, дотоле неизвестную ни чукчам, ни ламутам, ни тунгусам и ни якутам.

Такое переселение камчадалских праотцев, переселение, поистине, можно сказать, вольное, ничем не вынужденное и притом среди безлюдной тайги и болот, быть может, и было возможно в те отдалённые времена, но, тем не менее, нельзя не видеть в таком объяснении натяжки, особенно имея в виду более легкий и более вероятный путь движения древних камчадалов от той же монгольской расы, но чрез острова, чрез Японско-Курильскую гряду, которая в то время, быть может, и не была ещё в такой отдельно-

сти, как теперь, что в силу особого проявления на ней вулканической деятельности легко могло быть.

Камчадалы, благодаря своему особенному складу характера и восприимчивости, до такой степени подпали под влияние русских и, передав сим последним некоторые по местным условиям неотменимые привычки и обычаи, так быстро смешались с ними, что разграничить их на две отдельные народности теперь почти нет возможности. Такая быстрота ассимиляции объяснима отчасти тем, что первые русские казаки в течение долгого периода появлялись в пределах Камчатки без женщин и, оставаясь там на жительство, очевидно, брали себе жен из камчадалок.

Благодаря такому обрусению камчадалов и окамчадалению русских, один лишь Крашенинников, бывший там вскоре после завоевания Камчатки, успел ещё застать камчатское племя в чистой его неприкосновенности. Последующие же за ним исследователи с каждым разом, год от году, всё более и более лишались возможности наблюдать чистоту типа, нравов и обычаев этого племени. В этом же, между прочим, заключается причина, почему описания камчадалов Крашенинниковым несколько отличается от показаний какого-нибудь Елистратова, описывавшего их в 1787 г., то есть спустя сорок лет после Крашенинникова, а описание мореплавателей начала этого (девятнадцатого. — *Ред.*) столетия отличаются несколько от описания Елистратова. Наконец, если взять современные показания о камчадалах, то оне окажутся во многом противоречащими со свидетельством о них Крашенинникова.

В силу этих соображений, мне кажется, будет более справедливым, говоря о камчадалах, как об отдельной первобытной народности, придерживаться мнения Крашенинникова. В одном лишь, мне кажется, сей исследователь был не прав, назвав камчадалов «нравами грубы». Вероятнее всего, этими словами он желал указать на полное отсутствие среди камчадал какой-либо цивилизации, а не на грубость, вытекающую из жестких, зверских наклонностей. Иначе как-то трудно верится, чтобы кроткие современные камчадалы могли иметь предков, отличавшихся грубостью и жестокостью характера. Очевидно, древние камчадалы были настолько же грубы, насколько по первоначальному впечатлению кажется нам всякий полудикарь, не имеющий понятия о культурной жизни.

Крашенинников так описывает древних камчадалов: «Телом смуглы и черноволосы, глаза малы, лица плоски и не столь продолговаты и скулисты, как у других сибирских народов; щёки

одутловаты, губы толсты и рот превеликой; возрасту все почти среднего, плечисты и присадисты, особливо кои живут при море и морскими зверями питаются; великанов по всей Камчатке нет». Далее: «В житъе гнусны, едят из одной посуды с собаками и никогда её не моют, все вообще пахнут рыбою, как гагары; волос на голове не чешут, но расплетают на две косы, как мужчины, так и женщины... а у которых волосы малы, те парики носят, которые бывают весом до десяти фунтов, и голову сенною копною представляют; женской пол красивее и кажется умнее, чего ради из баб более шаманов бывает, чем из мужеска пола».

Затем: «Нравом грубы, о Боге, пороках и добродетелях имеют развращённое понятие; за вящее благополучие почитают объядение, праздность и плотское совокупление; похоть возбуждают пением, пляскою и рассказыванием любовных басен; главным грехом скуку и беспокойство считают, котораго избегают всеми мерами, не щадя иногда и своей жизни, чего ради прежде самоубийство у них было последний способ удовольствия, и по покорении их казаками до того умножилось, что из Москвы нарочные были указы, чтобы не допускать камчадалов до самовольной смерти...

Живут они беззаботно, трудятся по своей воле, думают о нужном и настоящем, будущее совсем оставляя... Законов никаких не имеют, начальников не признают; старые и удалые люди имеют в каждом острожке преимущество, которое однако ж только в том состояло, что их советы предпочитались...

Богатства, славы, чести не ведают, чего ради нет между ними сребролюбия, любочестия и гордости, но токмо роскошь и похоть с своими плодами, а при том ярость, ненависть и мщение...

Учтивства в словах нет и поздравления нет в обычае; шапок не снимают и не кланяются друг другу; в разговорах столь глупы, что кажется, будто бы они токмо языком разнились от бессловесных животных, однако любопытны и всякой вещи происхождение объявить стараются...

Все вообще места в свете, небо, воздух, воды, землю, горы и леса населяют различными духами, которых больше Бога опасаются и приносят им жертвы, а Бога, напротив, не токмо не боятся, но и злословят... Суд и расправа у них общая, удовольствие обидимому равное воздаяние, кто кого убил, тот от сродников убиен бывает... Вора, кои часто уличались, обжигали руки, обвинив их берестою, а кои в первой раз бывали пойманы, тех бивали без всякаго от вора сопротивления, после чего такие люди принуждены были жить на един без помощи и всякаго с другими обхождения...

Жен имеют по одной, по две и по три... Великое искусство имеют пересмежать всякаго и точно представлять по походке, по голосу, речи и т. п... Но сколь они в житъе ни гнусны и в поступках ни глупы, однако, во всем такое мнение имеют, что нет лучше житья их и удовольствия, чего ради казачьему житью, в чём с их не сходно, не без презрения удивляются...»

Переходя затем к описанию жилищ, домашней утвари, обстановки и вообще обыденной жизни, Крашенинников замечает: «Токмо ныне (то есть сорок-пятьдесят лет спустя после покорения Камчатки казаками) во всём последовала великая перемена. Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодые почти все восприяли христианскую веру и стараются во всём российским людям последовать, насмехаясь житью предков своих, обрядам их, грубости и суеверию. Во всяком остроге определён начальник, который тайон называется и которому поручены суд и расправа над подчинёнными криминальных дел. Во многих местах построены избы и горницы по российскому обыкновению, а инде и часовня для молитвы; заведены там и школы, в которыя сами камчадалы охотно отдают детей своих...»

По Крашенинникову, жилищем камчадалам служили такие же полуземляные юрты, как и у соседних коряков (см. выше), и устраивались они подобным же образом. Как там, так и здесь наверху юрт оставлялось отверстие, под которым устраивался очаг и которое служило для выхода дыма, а равно как и для входа и выхода (дверь) самих обитателей.

Сбоку юрты оставлялось ещё отверстие, служившее как поддувало и в тоже время дверью, но проходить чрез него приходилось ползком и считалось, особенно для мужчин, весьма зазорным. Казаки-завоеватели, не привыкшие к трудному выходению и нисхождению, пользовались этими боковыми отверстиями, которые со временем стали оставляться в больших размерах и, в конце концов, было обращено в обыкновенную дверь. На прилагаемой фотографии (см. фотовкладку. — *Ред.*) изображено жилище современного бедного камчадала, которое, очевидно, является переходною ступенью от древних земляных юрт с одним лишь верхним отверстием к современным бревенчатым избам и которое теперь попадаетесь весьма редко, только у самых бедных жителей Камчатки.

Рядом с ним сооружен так называемый «балаган», устраиваемый по одному типу у всех северных инородцев, живущих рыбною ловлею, и служащий летним помещением для хозяина и зимним хранилищем заготовленной рыбы и вообще всех продуктов.

Устройство балагана на высоких стойках вызвано, во-первых, тем, что под ним, как под навесом, образуется крытое помещение для просушки рыбы (юкалы), во-вторых, тем, что, благодаря высоте стоек балаган, как хранилище припасов, является недоступным для собак, лис и других животных, и, в-третьих, тем, что при таком устройстве летнее жильё в нём является убежищем от излишней сырости и особенно от комаров и вообще от гнуса.

Необходимую принадлежность жилья всякого инородца-рыболова составляют рыбные вешала. Постройка эта представляет из себя незатейливую двускатную крышу, поставленную на высоких стойках, к которым в несколько рядов прикреплены горизонтальные помосты из жердей. На жердях подвешивается более свежая рыба (только что распластанная), а на помосты переносится более или менее подсохшая. Такие вешала ставятся как в селениях вдоль реки, так и у мест, где ловят рыбу, если они отстоят от селения в некотором разстоянии.

Описывая жилища древних камчадалов, Крашенинников упоминает и о домашней их обстановке, которая отличалась отсутствием всякой культурности и присутствием всего примитивного. Примитивны были у камчадал и домашние орудия, и употребляемое им оружие. По всему видно, что так называемый «каменный период» с прибытием в Камчатку русских только что прекратился там. Даже в бытность там Крашенинникова закоренелые камчадалы по старой привычке ещё употребляли орудия из камня и кости.

Огонь камчадалы, как и все дикари, добывали трением, для чего брали кусок сухого дерева с небольшою ямкою, в которую вставлялся конец сухой же палочки, и приводили её в быстрое вращательное движение при помощи небольшого лучка. За неимением огнеупорной посуды варку пищи производили в деревянных чашках при помощи раскалённых камней.

«Чего ради, — пишет Крашенинников, — и писать бы о том более нечего, если бы сей народ, так как другие, имел тогда или знал употреблять металлы; но как они без железных инструментов могли всё делать, строить, рубить, резать, шить, огонь доставать, как могли в деревянной посуде есть варить, и что им служило вместо металлов, о том, как о деле не всякому знаемом, упомянуть здесь не непристойно, тем наипаче, что сии средства не разумной или учёной народ вымыслил, но дикой, грубой и трёх перечесть неумеющий; столь сильна нужда умудрять к изобретению потребного в жизни...

Инструменты делались из оленьей и китовой кости, также и яшмы, горного хрусталя и иного камня... Ими они долбили лодки, чаши, корыта и прочее, однако с таким трудом и с таким продолжением времени, что лодку три года надлежало им делать, а чашу большую не меньше года. Чего ради лодки, большие чаши в такой чести и удивлении бывали, как нечто дорогое, сделанное из дорогого металла...

Железные инструменты почитались высоко ещё во время моей бытности, а железную и медную посуду токмо те употребляли, которые знали, что есть чистота и старались российскому житью последовать, в том числе знатнейшие новокрещённые тайоны...»

Религия древних камчадалов была шаманизм со всеми проявлениями, свойственными этому верованию и общими у всех полу-дикарей северной Азии. В основе, как и у других инородцев, признается божество доброе, милостивое, с крайне непоследовательными представлениями о его могуществе и участии в судьбе человека, которого, обыкновенно, считают происшедшим от этого божества. Главную же роль в судьбе человеческой жизни принимают второстепенные боги, обыкновенно злые и вечно враждующие со всем живущим. Не имея возможности разъяснить себе причины всех явлений природы и в то же время сознавая всю их мощь, всё их величие, дикарь поневоле видит в них сверхъестественную силу, которую и обоготворяет под различными наименованиями и придумывает различные способы умилоствления их.

Главное божество камчадалы называют «Кутха», которое по сотворении земли сошло в Камчатку и на каждой из главных рек оставило потомство, от которого и произошли отдельные камчадалские роды — еловцы, авачинцы и прочие. Таким образом, по верованию древних камчадалов, самим Кутхою был определён каждому роду свой удел, в районе которого он и должен был жить, пользуясь его богатствами: рыбою, соболем, нерпою и прочим. Следы путешествия Кутхи остались в виде гор и долин. Последним местопребыванием в Камчатке Кутхи считается р. Озерная с Курильским озером, где он сел на свои баты (лодки) и отплыл из Камчатки.

Кроме Кутхи, камчадалы почитали и еще одно «доброе» божество, которое охраняло их юрты, их очаг от злых духов и в честь которого в каждой юрте ставился идол. Затем все остальные божества представлялись камчадалам в виде злых духов, которыми были населены огнедышащие горы, пропасти, леса, моря, реки и вообще всё, среди чего человеку приходилось вращаться и, добывая пропитание, рисковать жизнью или своим благосостоянием.

Отсюда все заботы и умилоствления злым духам и никакого внимания Кутхе.

Свет, по верованию камчадалов, вечен, души бессмертны, которые по смерти человека переходят в подземное царство, во власть старшего сына Кутхи, Гаеча, который жил в Камчатке и умер первым из всех людей. В подземном царстве души соединяются с телом и снова встают для жизни, но жизни вечной и не сопряжённой с теми трудностями и опасностями, как на земле, а напротив, будет во всём полное изобилие. Несмотря на такое представление о загробной жизни, камчадалы, как передаёт Крашенинников, крайне не симпатично относились к телам умерших, они их не жгли и не зарывали в землю, а бросали на съедение зверям и собакам.

Не симпатичны были у древних камчадалов и понятия о добродетелях и пороках. Дозволялось человеку делать всё, что служило к удовлетворению его желаний и страстей, не ограничиваясь ни средствами, ни мерами, тогда как самые человеческие проявления души и сердца признавались за грех и величайший порок. Так, по их верованию, убийство, прелюбодеяние, обман и т. п. не считались за порок, тогда как спасение утопающего, например, или подание помощи засыпанному снегом считалось за непрости́мый грех, влекущий за собою несчастья.

Крашенинников приводит следующие суеверия камчадалов, которые в небольших проблесках сохранились и до настоящего времени: «Пить горячая воды, мыться в них и всходить на огнедышащая горы за несомненную почитают гибель и, следовательно, грех, вопиющий на небо; грех у них и над кислую рыбою драться или ссориться (от чего может последовать гибель); грех с женою совокупляться, когда с собак сдирают кожи (от чего на теле может появиться короста); грех соскабливать снег ножом с обуви (случится буря); грех мясо различных зверей и рыб варить в одной посуде (будет несчастье в ловле и охоте); грех ножи и топоры точить в дороге (от чего бывают бури и непогода) и другие подобныя сему мелочи».

Из обычаев древних камчадалов, описываемых Крашенинниковым, особенного внимания заслуживает обычай *сведения дружбы*, который состоит в следующем: если кто пожелает свести дружбу с кем-либо, то он приглашает его к себе в гости, приготовив предварительно в большом количестве какого-либо (лучшего) кушанья и натопив юрты до возможно сильной степени, и начинает усиленно угощать своего будущего друга, прибавляя всё время этого кушанья и подтапливая юрту. При этом хозяину разрешает-

ся выходить из юрты и не принимать участия в еде. Гость же должен есть, не вставая с места, до тех пор, пока всё не съест или откажется от дальнейшего угощения, откупаясь от него всем, что только хозяин не попросит у него.

Если угощения не хватит, то дружественный союз считается не состоявшимся, а если гость не съест всего предложенного кушанья и откажется, то хозяин берёт с него сначала лучшую одежду, обувь, затем оружие, собак и вообще всё, что пожелает. В конце концов гость уходит голый или получает от хозяина ненужное тряпье, лишь бы чем было прикрыться, и, в свою очередь, приглашает нового друга к себе в гости, и так же угощает, и обирает его до ниточки. Этим обычаем пользовались иногда и казаки, когда желали выманить у камчадала или чёрную лису, или другую какую-либо дорогую пушнину.

Из других камчадалских обычаев, соблюдаемых с некоторыми изменениями коряками и чукчами, более всего интересны свадебные. Каждый жених, облюбовав себе невесту, переселяется на житье к будущему тестю и, иногда не говоря ему ни слова о своих намерениях, начинает на него и на семью его работать, стараясь показать при этом всё своё уменье, проворство и полную покорность. По истечении известного срока, достаточного для полного знакомства с ним, жених испрашивал позволение «хватать невесту», на что, смотря по оценке его тестем и невестой, получал согласие или отказ. С получения согласия невеста поступала под особенно бдительный надзор родственниц и вообще знакомых женщин, причём на неё надевали несколько одежд и даже опутывали рыболовной сетью. Все старания жениха направлены к тому, чтобы, не смотря на надзор со стороны женщин, уловить момент для того, чтобы схватить невесту и разорвать на ней до обнажения известных частей тела все одежды, опутанные сетью.

Женщины, охраняющие невесту, старались притом не только отгонять жениха, но и били его, чем попало. Случалось, что жениху приходилось по несколько раз возобновлять свои попытки схватить невесту, но бдительные женщины не допускали его. Нередки были случаи и такие, что жених получал какое-либо увечье от неистовства охранительниц и поневоле отказывался от невесты. Если жениху удавалось схватить невесту, чем, собственно говоря, и кончался весь обряд женитьбы, то он получал уже право на ночлег с нею и на другой день увозил домой к отцу своему или в свой собственный дом, а для празднования свадьбы возвращался к тестю по прошествии некоторого времени.

Хватание невесты соблюдалось только в том случае, если невеста в первый раз выходит замуж; если же она вдова или находилась в разводе с первым мужем, то обряд женитьбы сводился к обоюдному лишь согласию обеих сторон. Расторжение брака, что случалось очень редко, решалось заявлением и волею мужа, без всяких обрядов. Вдовы не пользовались уважением и получали возможность вторично выходить замуж только в том случае, если кто-либо из посторонних мужчин вступал с нею во временное сожительство. Свадебные пиры состояли из обжорства, плясок и песен, причём руководительницею пира избиралась какая-либо шаманка, которая совершала различного рода наговаривания и даже жертвоприношения.

Пляски камчадалов крайне безсодержательны и не изящны, и сопровождаются, главным образом, неуклюжими телодвижениями и резким криком. Более других осмысленна пляска в подражание походке и играм животных; один, например, изображает медведя, а другие медвежат и медведицу или ещё что-либо в этом роде.

Что касается до песен, то Крашенинников говорит, «что в песнях камчадалских нет никаких замыслов, токмо одни простые понятия о вещах, которые им странными кажутся или смешными, или достойными удивления... В любовных песнях изъясняют склонность к своим любовникам, печаль, надежду и другия обстоятельства... Все песни сочиняют наиболее девки и бабы, которые имеют весьма чистые и приятные голоса...»

Для примера Крашенинников в своём «Описании земли Камчатки» приводит песни, сложенные камчатскими бабами в честь его, полковника Мерлина и майора Павлуцкого с переложением мотивов их на ноты. В песнях этих нет ни жизни, ни стихосложения, а передаются только привычки или занятия воспеваемых лиц. Так, например: «Если б я был Павлуцкой, то бы повязался белым галстухом», или: «Если бы я был студент (Крашенинников), то описал бы всех чаек» и т. п.

Описывая нравы, верования, обряды, обычаи и привычки древних камчадалов, Крашенинников, поражаясь грубостью и гнусностью некоторых из них, говорит: «В таком крайнем заблуждении находился сей народ ещё и с первых годов моей бытности там, но ныне во всём последовала великая перемена, ибо тщанием всемилостивейшей нашей Государыни Императрицы Елизаветы Петровны все камчадалы приняли христианскую веру. От святейшаго Синода отправлены проповедники со всем, что потребно было к обращению столь дикаго народа, которые имели столь желаемый

успех в учении, что не только обратили в христианскую веру, но и возбудили желание к учению; завели школы по разным местам, в которых камчадалы отдают детей своих без всякого принуждения, а некоторые учат их своим коштом (за свой счёт. — *Ред.*). По таким обстоятельствам сомневаться не можно, что христианская вера по всему побережью чрез несколько лет распространится».

Предсказание Крашенинникова сбылось. Христианство распространилось по всему полуострову, начиная с низменной Лопатки и кончая теми тундрами, где прекращается осёдлая жизнь коряков и где начинаются вольные скитанья кочевников. Уничтожились верования и обычаи и сгладились нравы; теперь уж не услышишь по всей Камчатке ни зазывания шамана, ни диких криков пляшущих; всё смирно и обстоит благополучно. Но, увы, то было самобытное племя, то был народ, полный жизни, полный своих собственных, неподдельных взглядов, а теперь какая-то обездоленная, попранная судьбою смесь, какое-то тело, вынудное из грязи, обсушенное, но неочищенное. «В житии гнусны и нравами грубы», — писал когда-то Крашенинников о камчадалах; теперь же, если бы этот учёный побывал в Камчатке, то, вероятнее всего, написал бы: «Житием изсушены и нравами бедны».

То было время, когда можно было отличить, кто камчадал, кто русский, теперь же слилось всё воедино, всё обратилось в «камчатского жителя», которого нельзя характеризовать ни по скулам, ни по лбу и глазам, а скорее по признакам, ясно свидетельствующим о вырождении племён, по отсутствию типичности, воли и собственная мнения. Раньше камчадал «делал», теперь камчатским жителем «делается», тогда он — «я», теперь он орудие для самого себя. Отнять было легко и ещё легче, пожалуй, не дать ничего, но зато тяжело и прискорбно смотреть теперь на всё, что получилось из этого.

Кому неизвестно, что если дикая, первобытная страна подвергается колонизации, то влияние этого отражается, прежде всего, на ея коренных обитателях. Не говоря уже о том воздействии, которое дикарь испытывает от изменения физиономии местности, неминуемо следующего за появлением более культурной нации. Для него от столкновения с пришельцами становится неизбежным невольное порабощение всех своих воззрений, нравов, привычек, — словом, всей своей физической и нравственной жизни. Прежде всего, оскудевают привычные для дикаря промыслы, охота и рыбная ловля; шаг за шагом дикари отрываются от своего обычного образа жизни и поддаются влиянию чужеземцев, принося им в жертву всё свое самобытное с несравненно большою

скоростью, нежели успевают позаимствовать от них что-либо взамен отданного. Вслед за сим наступает постепенное исчезновение всего старого и появление страны во всём изменённом по жизни, по окраске, по колориту. Проходят годы и старое всё забывается, уступив место новому, более культурному, лучшему, и страна вступает в новый фазис жизни. Против такого течения обстоятельств нельзя и возражать. Но так ли было с Камчаткою?

С появлением русских мирная жизнь дикаря нарушилась. Начинаются кровавые стычки и войны, гибнет народ, леса трещат, реки мелеют. И то, что прежде служило дикарю нивою, откуда он почерпал для себя всё нужное, весь насущный хлеб, мало помалу отходит на второй план, лишается первенствующаго значения, уступая место новой житнице, более культурной ниве, начинается обработка и обсеменение очищенной от излишнего леса земли, преследуется собака, верный друг дикаря, и заводятся лошадь и корова. Осушаются болота и жгутся луга, горит вместе с ними и лес, а вслед за тем исчезает и соболь, последний рубль дикаря. Но всё это нипочем, впереди рисуется новая жизнь, представляется новое учение, основанное на гуманных началах, обставляется оно необходимыми атрибутами — образованием, заводятся школы и выписываются учителя, руководители в нравственной и обыденной жизни. Словом, туземец-дикарь пограл всю свою физическую и нравственную жизнь, дабы вступить в новую, более культурную. Но не успел он освоиться со всем вновь привитым, как настал момент, когда всё цивилизующее, обещавшее руководить новыми принципами, новыми идеями, оставило его, бросив на произвол судьбы. В результате получилось: первобытная Камчатка исчезла с лица земли, а на свет появилась Петропавловская округа, забытая Богом и людьми.

Петропавловская округа занимает собою пространство от южной оконечности полуострова Камчатки до устья рек Лесной, впадающей в Охотское море, и Корагинской, впадающей в Великий океан. Пространство, занимаемое ею, исчислено, примерно, в 210 000 квадратных вёрст, с народонаселением по последней переписи в 8 344 души обоего пола, считая в том числе как кочующих инородцев, в количестве 1 759 душ, так равно остальных камчатских жителей, в числе 6 585 душ.

Народонаселение это распределяется так: на севере округа по обоим побережьям живут, как уже упоминалось выше, оседлые коряки. Между ними кочуют ламуты и бродячие коряки. Русские, если только кто по тщательном изучении отыщет там этот тип, живут в Петропавловске, Тигиле и в нескольких деревнях по среднему и южному течению Камчатки, не считая отдельных семей,

разбросанных среди камчадалских семей. Остальное пространство или, вернее сказать, остальные рыбные реки, с плотностью 0,03 на квадратную версту, заселяют камчадалы, если только, опять-таки, кто постарается отличить этот тип и провести между ним и остальным населением ясные границы. Между русским населением обыкновенно выделяют казаков, но выделение это основано на служебных их обязанностях, которые они отправляют как внутренней полиция, а не на типичности, которая и здесь потеряна до неузнаваемости.

Преследуя свои прямые служебные цели, мне при проезде по Камчатке пришлось быть далеко не во всех селениях. По свидетельству же людей компетентных, можно сказать, что камчадалский тип более всего сохранился по западному побережью полуострова, где среди жителей не утратился ещё камчадалский язык, на котором в обыденной жизни до сего времени происходит изъяснение. В окрестностях же Петропавловска, а равно и во всех селениях, расположенных вдоль всего полуострова по главному центральному пути от Петропавловска до Тигиля, все жители говорят на русском языке, причём преобладающее большинство камчадалского языка совершенно не знают. Из селений этого района, более других сохранивших камчадалскую типичность, можно указать на: Ганальское (на р. Быстрой, у подножия Ганальского хребта), Кирганик (по среднему течению р. Камчатки) и Седанку (на р. того же имени, впадающей в р. Тигиль).

Жители всех остальных селений представляют из себя полную смесь типов русско-камчадалского происхождения. Разница только в том, что в одних селениях преобладает русский тип, как в с. Желкове, Ключевском и прочих, а в других камчадалский: в селах Малке, Корякском и других.

Для удобства управления всё население разделено на одиннадцать участков, из которых каждый состоит из нескольких селений одного и того же района. Всех селений, не считая бродячих инородцев, — 66, которые распределяются следующим образом:

НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Число жителей.		НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Число жителей.	
	Муж-чинъ.	Жен-щинъ.		Муж-чинъ.	Жен-щинъ.
Участокъ I-й.			" Авача.	37	38
Городъ Петропавловскъ . . .	206	186	" Николаевское.	53	42
Малкъ Петропавловскій . . .	8	2	" Паратунка.	33	32
Хуторъ Тоенской.	2	1	" Озерное.	21	20
Селеніе Стрѣглазка.	46	48	" Хуторъ.	3	5
" Халактырка.	20	21	" Старый Острогъ.	47	37
			" Коряки.	42	36

Селеніе Начика.	25	18	Участокъ VII-й.			
Итого . .	543	486	Селеніе Крутогорское	38	47	
Участокъ II-й.			„ Облуковинское	64	88	
Селеніе Мильково	171	163	„ Воровское	58	74	
„ Верхне-Камчатскъ	40	39	„ Колпаковское	48	64	
„ Шеромы	22	27	„ Ичинское	39	37	
„ Пуцино	19	11	„ Сопочное	50	51	
„ Гональское	36	48	„ Морочинское	66	56	
„ Кярганикъ	33	29	„ Бьлоголовское	23	24	
„ Машура	54	45	Итого . .	386	441	
„ Пцивна	28	24	Участокъ VIII-й.			
„ Толбачикъ	36	39	Селеніе Ковронское	56	57	
Итого . .	433	425	„ Утхолокское	49	42	
Участокъ III-й.			„ Напонское	33	33	
Селеніе Комаковское	40	34	„ Хартызовское	133	138	
Нижне - Камчатское	67	60	„ Седанка	55	44	
Усть - Камчатское	61	68	„ Аманинское	39	47	
Итого . .	168	162	„ Тигилинское	175	159	
Участокъ IV-й.			Итого . .	540	520	
Селеніе Ушиновское	25	32	Участокъ IX-й.			
„ Козыревское	30	28	Селеніе Воямпольское	63	66	
„ Крестовское	32	40	Высел. Ургянский	4	4	
„ Ключевское	162	180	Селеніе Кахтанянское	115	120	
„ Харчинское	23	29	„ Палланское	112	114	
„ Еловское	25	31	„ Киякильское	67	66	
„ Озерновское	25	21	„ Лясновское	86	94	
Итого . .	322	361	Итого . .	447	464	
Участокъ V-й.			Участокъ X-й.			
Селеніе Дранкинское	38	48	Коряки 1-го рода	163	183	
„ Ивашкинское	19	18	„ 2-го рода	127	115	
„ Укинское	5	5	„ Непричисленные	43	53	
„ Ходюлиновское	11	10	Итого . .	333	351	
„ Караганское	47	47	Участокъ XI-й.			
Итого . .	120	128	Коряки 1-го рода	57	63	
Участокъ VI-й.			„ 2-го рода	45	38	
Селеніе Большерѣцкъ	57	58	„ Лясновскіе	29	29	
„ Апачинское	67	64	„ не пречисленные къ округу .	157	140	
„ Малкинское	62	47	Ламуты болганскаго рода	108	115	
„ Уткинское	31	22	„ улганскаго	123	112	
„ Кихчинское	33	37	Чукчи	10	5	
„ Коловское	37	30	Итого . .	554	521	
„ Голыганское	26	32				
„ Явинское	21	15				
Итого . .	334	305				

Город Петропавловск, основанный Берингом в 1740 г., расположен в северо-восточном углу Авачинской губы и находится под 53°1' северной широты и 128°26' восточной долготы.

Знаменитая Авачинская губа, представляя из себя большое котлообразное вместилище, от природы наделённое всеми удобствами для стоянки судов, как бы в дополнение ко всем своим качествам, вмещает в себе ещё несколько мелких и ещё более

уютных бухточек, из которых более других заслуживают внимание Тарьинская, Раковая и Петропавловская, или Малая Авача.

Малая Авача отделяется от Большой продолговатым гористым мысом, вытянувшимся с севера на юг, почти параллельно берегу и состоящим из двух продольных гор: Никольской и Сигнальной, которые вместе с береговыми возвышенностями (Петровская, Мишенная и другие), действительно, делает этот уголок малодоступным не только для всех ветров, но даже и для военных действий со стороны неприятеля, что и подтвердилось во время осады Петропавловска англо-французскою эскадрою в 1854 г. В довершение, так сказать, всех требований для безопасной стоянки судов, Малая Авача разделяется песчаною кошкою, словно природным молом, на два рейда: внешний, прикрываемый Сигнальною горою, и внутренний (так называемая Петропавловская губа), представляющий из себя небольшое, до двухсот пятидесяти сажень в поперечнике, ковшеобразное вместилище, удобное и возможное для стоянки средних судов и соединяющееся с внешнею частью глубоким проходом сажень в тридцать шириною.

В течение прошлого столетия вся камчатская деятельность сосредоточилась в трёх острогах: Большерецком, Верхне-Камчатском и Нижне-Камчатском. Не берусь сказать, какого вида были эти административные пункты в то время, теперь же они представляют из себя убогие деревушки, ничем не напоминающие о прежнем их значении.

Немногим чем отличается от них и Петропавловск, который состоит из восьмидесяти пяти небольших убогих домиков, расположенных на берегу Петропавловской бухты по склонам двух сходящихся здесь гор: с правой стороны — Петровской, или Берёзовой, и с левой — Никольской, составляющей начало Сигнального мыса. Раньше, говорят, окружающие горы были сплошь покрыты лесом и город представлялся утопающим в зелени, теперь же все береговые возвышенности покрыты только травой и жалким низкорослым кустарником: ольховником, кедровником и прочим. Исключение составляют возвышенности Сигнального мыса, где столетний берёзовый лес представляет из себя заповедную рощу, тщательно сберегаемую жителями и начальством в память героев, обогривших эти места своею кровью во время обороны Петропавловска в 1854 г.

За отсутствием поблизости строевого леса жители для постройки своих хижин пользуются первым попавшимся лесом, преимущественно тополёвым, вывозимым зимою на собаках за двадцать-

тридцать вёрст из долины р. Авачи. Лучшими постройками являются: казённый дом начальника округа, полицейское управление и два-три дома, принадлежащие купцам и «Товариществу котиковых промыслов», которое для своих построек, как жилых, так и пакгаузных, вывезло лес из Америки.

Как ни странно и как ни обидно, а приходится констатировать факт, что для зажиточных жителей Петропавловска выгоднее выписывать для своих нужд лес из Америки, нежели по горам и бездорожью вывозить его за каких-нибудь сотню-две вёрст из долины р. Камчатки, изобилующей лесом.

Под влиянием более частаго пароходнаго общения с внешним миром жизнь петропавловцев сложилась несколько иначе, чем внутри полуострова. Это влияние проникло даже и в окрестные селения: Сероглазку, Паратунку, Авачу и даже Старый Острог (ныне Елизово. — *Ред.*). Жителей этих мест хотя и нельзя назвать достаточно обеспеченными в их существовании, но, тем не менее, в жизни их проглядывает чистота, опрятность и даже щегольство.

В городе следующие достопримечательности: 1) на кошке, разделяющей Петропавловскую бухту на два рейда, поставлен по повелению Императора Александра III памятник «Слава» в честь геройской защиты города от неприятеля в 1854 г.; 2) об этом же доблестном деле свидетельствует и так называемая *братская могила*, где погребены как русские, так и неприятельские воины, павшие при той же защите. На могиле поставлены три чугунных креста с надписями на русском, французском и английском языках: «Здесь лежать воины, верные своему долгу», и часовня, где ежегодно 24 августа с особою торжественностью служитя панихида по воинам, на брани убиенным; 3) памятник Берингу, основателю г. Петропавловска, поставленный в церковной ограде, и 4) Памятник Лаперузу, погибшему в камчатских водах; этот памятник поставлен на узком и седлообразном перешейке, отделяющем Никольскую гору от Сигнальной, и представляет из себя гранитную глыбу неправильной формы с надписью «Памяти Лаперуза 1787 года».

Помимо этих достопримечательностей, нельзя не указать на некоторые остатки «дел рук человеческих», которые с грустью напоминают о более счастливых днях Петропавловска. К числу таких остатков относятся: чудный, хотя и небольшой, берёзовый парк, сохраненный и устроенный бывшими правителями Камчатки; признаки бывшей когда-то набережной, вымощенной камнем; валы и углубления бывших здесь батарей и укреплений;

груды камней и сгнивших обрубков на месте бывших казарм, больниц и прочего.

Петропавловская округа находится под непосредственным управлением начальника округа и его помощника, составляющих вместе с наёмным писцом окружное полицейское управление, находящееся в г. Петропавловске. Являясь главным административным органом округа, полицейское управление в то же время относит обязанности и других необходимых для отдаленной окраины учреждений, как-то: казначейства, акцизного надзора, интенданства, почтового и прочих. В заботе о здравии населения при полицейском управлении состоит единственный для всей округа врач и три фельдшера (в Петропавловске, с. Ключевском и Тигиле), снабжённых небольшими, для пользования от обыкновенных болезней, аптечками.

Для отправления полицейской и караульной службы в распоряжении полицейского управления имеется команда, состоящая из пятидесяти казаков и при них пяти урядников. Камчатские казаки суть прямые наследники тех служилых людей, которые высылались сюда когда-то из якутского и отчасти иркутского казачьих полков для отправления различных полицейских обязанностей. В настоящее время всех казаков в Петропавловской округе насчитывается 670 душ обоего пола, местом жительства которых служат Петропавловск и его окрестности, Тигиль, Усть-Камчатск и Большерецк.

Из этого сословия комплектуется вышеупомянутая полицейская команда, срок службы в которой не определён, а каждый служит до тех пор, пока позволяют силы. Не надо думать, что камчатский казак представляет из себя что-либо подобное военнослужащему, обученному воинским артикулам; нет, это просто-напросто член известной касты, именуемой казачьим сословием, сохраняющей за собою право поступать в состав полицейской стражи. Этим правом казаки дорожат, потому что получают пайковое довольствие, что, при отсутствии какого бы то ни было заработка, является для них большим подспорьем в скудной жизни, тем более что служба полицейская не особенно отвлекает их от семей и их хозяйств.

Живут они в своих домах, занимаются рыбною ловлею, охотою и вообще живут так, как и все остальные жители. Камчатская казачья служба настолько проста и чужда всяких формальностей, что на непривычного человека производит впечатление полной халатности к делу. Камчатский часовой на посту варит себе

чай, спит, а от нечего делать ловит рыбу и прочее. Простота режима камчатской полицейской стражи сложилась под влиянием той добросовестности и честности, которыми, к чести сказать, отличаются вообще жители Камчатки. Воровства в Камчатке нет, разбоя тоже. Хотя «праздность есть мать всех пороков», но эта истина не приложима к камчатскому жителю. И если бы не страсть к спиртным напиткам, которою одержимы все коренные жители Камчатки, и если не вменять им в вину проступки против седьмой заповеди, то можно было бы сказать, что в Камчатка нет греха, а если и бывают иногда какие-либо проступки, то, скорее, от недоумия, нежели от порочности души. Лучшим доказательством добронравности камчатских жителей служит статистика уголовных и гражданских дел, поступивших в окружное полицейское управление за последнее шестилетие: в 1891 г. — 3, в 1892 г. — 4, в 1893 г. — 1, в 1894 г. — 14, в 1895 г. — 11, в 1896 г. — 10.

Доходы с Петропавловской округи слагаются из государственных податей в размере 90 коп. с ревизской души, из ясака в кабинет Его Императорского Величества по 2 руб. 86 коп. с каждого ревизского инородца; из земских сборов по 38,5 коп. с души и со сборов с различного рода торговых и других документов. В 1896 г. всех поступлений было: податей 396 руб. 90 коп., ясаку 3 039 руб., земских сборов 484 руб., пожарный и страховой сбор 158 руб., от продажи торговых документов 3 884 руб., за свидетельства на рыбные промыслы 2 034 руб. и от бобрового промысла 1 614 руб., всего 11 610 руб.

Расходы же казны, считая содержание полицейского управления, врача, учителя и всего духовенства, равняются 22 451 руб., то есть в два раза более доходов.

На населении лежат следующие натуральные повинности: 1) подводная для разъездов по округе полицейских чинов, врача, духовенства, нарочных и почты; 2) содержание мостов и перевозов, исправление зимних дорог и обстановка их вехами; 3) содержание в отдельных помещениях прокажённых и 4) выгрузка и перевозка с пароходов казённых продовольственных припасов.

Как ни ничтожны, по-видимому, перечисленные повинности, но, тем не менее, оне тяжело ложатся на бедное население, особенно подводная, которая при громадности расстояний и отсутствии сносных путей сообщения, отнимает много времени и отвлекает жителей от прямых их занятий. То же самое и повинность по содержанию прокажённых, которых хотя и немного, но где они есть, там жители с риском для своего собственного благополучия

должны бывают строить близ своего селения помещение для них, заготавливать для них провизию на целый год и вообще заботиться о содержании их. Так, например, в с. Николаевском, где мужских рабочих рук имеется только пятнадцать, ежегодно приходится содержать пять-десять человек прокажѣнных.

Каждое селение во внутреннем распорядке подчиняется своему выборному старосте. В таких же местах, как Тигиль, Усть-Камчатск, где имеются казѣнные продовольственные магазины и куда ежегодно заходят морския суда, те же обязанности возложены на урядника из казаков, называемаго частным командиром, власть котораго по поручению начальника округа распространяется и на более широкий район.

Кроме внутренняго распорядка, на обязанностях старост и частных командиров лежат заботы об обезпечении жителей продовольствием. Этот род обязанностей едва ли где-либо ещё в Российской Империи является столь необходимым, как в Камчатке и вообще в наших северных округах. Камчатский житель по складу ума и характера есть особый тип, получившийся от смеси беззаботнаго дикаря с русским переселенцем, выросшим под постоянною опекою правительства, или же с казаком-завоевателем, не привыкшим думать о завтрашнем дне. Дикарь всегда смотрел на реку и на тайгу как на кладовыя, откуда он может взять всё нужное тогда, когда захочет. Этот взгляд передался, отчасти, и нынешнему камчатскому жителю. С другой стороны, русский крестьянин, переселившись в прошлом столетии в Камчатку по инициативе правительства, выработал взгляд на самого себя не как на самостоятельнаго хозяина, а как на работника, от котораго требуется работа, а не забота о следующем дне.

В силу таких исторически сложившихся обстоятельств, от первобытнаго дикаря и прежняго русскаго переселенца получились потомки, крайне апатично относящиеся к своему собственному благосостоянию. В прежние годы, когда нетронутая природа Камчатки изобиловала богатствами, жители не нуждались в особом обезпечении себя на зиму продовольствием, но затем, когда промысловыя животныя в лесах и морях стали постепенно уменьшаться, а некоторыя и совсем почти перевелись (морская корова), и когда обилие рыбы стало изменчиво, жители Камчатки оказались непривычными, и, по неразвитости своей, неспособными к борьбе за существование. Вследствие этого начались голодовки, а за ними, как необходимое следствие, и различнаго рода болезни, доходившя иногда по гибельности своей до больших размеров.

Неоднократные голодовки вынудили, наконец, ближайшее начальство принять меры к предупреждению их. Как на главную причину в этом отношении было обращено внимание на своевременную и более аккуратную заготовку главного продовольствия — юкалы и вообще рыбы. Приказано было во всех селениях завести общественные запасные магазины, куда каждый житель обязывался вносить известное количество юкалы и ежегодно обновлять её, дабы таким образом иметь запасный кусок провизии на случай голодного года. Такие магазины имеются почти в каждом селении и хранятся старостой, которому в то же время вменяется в обязанность следить и понуждать жителей к тому, чтобы каждый из них своевременно заботился о заготовке потребного для своей семьи количества юкалы, заводил огороды, разводил скот и прочее.

Ход рыбы по камчатским рекам продолжается в течение всего лета и осени, причём жители, по апатичности своей, всегда стараются отложить заготовку юкалы на осень, когда рыбы бывает больше и улов её легче; но случается, что осенью рыба почему-либо не пойдёт в реки, и жители остаются на зиму без провизии. Ввиду этого на обязанности старосты лежит забота, чтобы жители заготавливали рыбу при первой возможности, а не надеялись на более обильный ход её.

Для обеспечения жителей хлебом и необходимыми припасами для пушного и рыбного промыслов и в целях понижения цен на эти припасы, в округе устроены казённые продовольственные магазины, в которых попечением областной администрации ежегодно заготавливается: мука, крупа, соль, порох, свинец и неводное прядево. Таких магазинов теперь пока три: в Петропавловске, Тигиле и Усть-Камчатске, но есть предположение устроить ещё два: в Воровском селении и Ключевском, и к заготавливаемым припасам прибавить ещё табак, чай и сахар.

Товары из казённых магазинов продаются жителям во всякое время по цене, обошедшейся казне при заготовке. На случай же голодовок мука и крупа содержится в двойном количестве и продаётся с таким расчётом, чтобы на зиму их всегда оставался полный годовой запас. Из этих же магазинов выдаётся пайковое довольствие всем вообще служащим, духовенству и всей казачьей команде. В 1897 г., в бытность мою в Камчатке, во всех трёх казённых магазинах было налицо: муки 11 102 пуда, крупы 1 324 пуда, соли 4 081 пуда, пороху 121 пуд и свинцу 228 пудов.

Казёнными складами заведуют вахтеры из казаков под непосредственным наблюдением частных командиров. Товары обык-

новенно отпускаются за наличные деньги, по крайней мере, так предполагалось при первоначальном устройстве складов, но опыт на первых же порах показал, что при таких требованиях далеко не все жители могут пользоваться припасами из казённых складов; в Камчатке монеты нет в употреблении, по крайней мере, девять десятых жителей не пользуются ею, а обыкновенный способ торговли — меновой, и всё состояние камчатского жителя выражается его имуществом и наличием пушнины, которая и служит вместо монеты. В Камчатке редкий житель скажет вам цену какой-либо вещи в рублях, а всегда определяет её на число соболей, лисиц или же другой пушнины.

Вследствие таких обстоятельств, волей-неволей пришлось отказаться от торговли на наличные деньги, а отпускать хлеб и другие припасы за пушнину. Во избежание же возможных злоупотреблений со стороны вахтеров (цель складов: снабжать жителей без всякого барыша для казны), в последнее время, установился следующий порядок продажи из казённых складов необходимых припасов. Вахтер отпускает их жителям в долг, за круговой поручкой целого селения, а весной или в конце зимы, когда производится сбор податей и ясака, жители вносят примерную стоимость долга пушниною, которая продаётся начальником округа с аукциона в Петропавловске, и вырученная сумма идёт на погашение долга. Если же при этом выручаются излишние деньги, то таковые сдаются на руки жителям по принадлежности.

Такой способ продажи предметов первой необходимости при полной добросовестности жителей как нельзя более оберегает их от многих злоупотреблений. Нельзя не пожалеть, что подобным же образом нельзя обставить и частную торговлю, при которой, благодаря неразвитости и поголовной безграмотности жителей, произвол торговца как в ценах на товар, так и в оценке пушнины доходит до крайних пределов. Чем выше ценит соболя житель, тем выше ценит свой товар купец. В результате получается: на наличные деньги соболя можно купить в Камчатке не дешевле 22 руб., купцу же при обмене на товар и при его собственной оценке он обходится не дороже 10—12 руб. Этим же, между прочим, объясняется тот факт, что камчатского соболя на месте нельзя купить дешевле 20—22 руб., тогда как в Москве он покупается за 15—18 руб.

Камчатская торговля определяется ценностью привозимых товаров и вывозимой пушнины. В навигацию 1896 г. на рейдах камчатского побережья было морских судов: в Петропавловске —

15, в Усть-Камчатске — 3 и Тигиле — 3. На этих судах привезено товару, считая в том числе и казённый груз, на 120 974 руб., пушнины из тех же мест вывезено на 73 110 руб. Излишек ввоза, наблюдаемый почти всегда, объясняется тем, что Петропавловск, по удобству для стоянки судов, до некоторой степени, играет роль складочного места, откуда затем часть товаров развозится по всему побережью Охотского моря.

Не стану рассматривать подробности камчатской торговли, так как цель моя — дать общую характеристику жизни в Камчатке, а скажу только, что как не старалось и не старается правительство оказать содействие камчатскому населению против злоупотреблений торгующих, но достигнуть видимых результатов в этом отношении не могло и не может, так как жители стоят на слишком низкой степени умственного развития, и, по безграмотности их, нет возможности установить ни цен на товары, ни контроля над продажей их. С другой стороны, нельзя не обратить внимания и на тот весьма странный факт, что как ни велики те барыши, при которых камчатские купцы ведут свою торговлю, но, тем не менее, ни один из них не выехал из Камчатки с таким состоянием, которого можно было бы ожидать, судя по получаемым им барышам. Тогда как таких, которые оставили там последнее своё состояние, можно указать не один десяток.

Неустройство правильных морских сообщений с цивилизованными странами, бурность и негостеприимность камчатских морей и гаваней, наконец, полное отсутствие внутренних путей сообщения тяжёлым бременем ложатся на все коммерческие предприятия и, обездоливая камчатских жителей, не без труда, лишений и риска переносятся и самими купцами. Покойный Филиппеус, известный камчатский коммерсант в своей предсмертной записке о Камчатке высчитал по официальным данным, что куль муки, стоящий в Петербурге 8 руб., по доставке его в руки камчадала благодаря указанным затруднениям обходится в 22 руб. 24 коп.

Быт камчатских жителей повсеместно один и тот же. Жилища с полным обиходом домашней утвари и тип надворных построек со всеми приспособлениями и необходимыми хозяйственными вещами везде, как у камчадалов, так и русских, одни и те же. Старых камчадальских жилищ не осталось, все дома выстроены из брёвен, плохо обделанных и дурно сложенных в сруб с конопаткою из моха.

Жители, за небольшим исключением, не знают употребления ни пилы, ни рубанка. Единственными инструментами при построй-

ках и поделках служат топор, нож и тесло. Доски, косяки, рамы и прочее тешутся топором. Стекла для окон употребляются только у зажиточных и вообще там, куда можно провезти их из порта на лодках, не прибегая к вьючной перевозке. У бедных и вообще в захолустных селениях вместо стекол для окон употребляют выделанные кишки и пузыри различных животных. Крыши везде из травы и корья, за исключением весьма редких случаев. Кирпичные печи имеются, кажется, только в Петропавловске. Обыкновенный размер камчатской избы колеблется между шестью и девятью квадратными саженьями, бывают и меньше. Распределение внутреннего помещения почти одно и то же везде. Капитальная стена разделяет сруб на две части: меньшая, без печи и потолка, играет роль передней и служит для склада домашнего скарба, а большая, с потолком и печью, разделяется досчатой перегородкой на чистую половину и кухню. Печь из деревянного остова, обложенного сырцом и глиной, ставится с таким расчётом, чтобы она составляла третью часть всей перегородки и выходила бы топкою в кухню, а стенками в чистую половину.

Штукатурки не существует; наклонность к украшению стен картинами заметна. К сожалению, приходится сказать, что если есть в домах картины, то почти исключительно вырезки из иностранных иллюстраций; любимых русских картин, как, например, Илья Муромец, Бова Королевич, взятие Москвы, бегство самозванца и прочие ни в одном доме не встречал.

Десяток, два, а иногда и меньше подобных домиков, разбросанных без всякого порядка и плана у берега какой-либо реки, обыкновенно с шумом пенящейся между кустов и груды камней, составляют камчатские селения, которые, на первый взгляд путника, всегда кажутся большими, благодаря большому количеству рыбных вешалов, балаганов и амбаров, разбросанных как между домами, так равно и вдоль берега реки.

Если тип камчатской бревенчатой избы, по справедливости, приписывается нововведению русских крестьян, то устройство вешалов и рыбных балаганов, принятое теперь и всеми русскими, бесспорно, является наследием от древних камчадалов. Кроме вешалов и балаганов, большинство хозяев имеют вблизи домов и обыкновенные амбары, величиною не более трёх-четырёх квадратных саженьей, которые устраиваются из толстых, сравнительно, бревен и покрываются двухскатной крышей из травы или корья.

Дворовые участки обыкновенно не огорожены. Городьба ставится только вокруг огородов, если таковые имеются. Необходимую

принадлежность каждого селения составляет часовня, которая всегда ставится особняком и делается из такого же материала, как и дома. Более убогой постройки молитвенного дома, как камчатская, едва ли можно встретить где-либо в Российской Империи, не говоря уже об архитектуре и отделке. Между ними можно указать такие, у которых вместо окон проделаны просто дыры, открываемые на время службы. Церквей по всей Камчатке только десять, остальные же селения в течение года пользуются по мере надобности приездами приходского священника, который исправляет необходимыя требы.

Самым уютным местечком во всякой деревушке представляется обыкновенно крутой берег над быстро бегущей речкой, но вдоль всего берега, кроме вешалов с сотнями и тысячами развешанных лососок, тянется ряд ям, в которых жители заготавливают так называемую «кислую рыбу». Во время обильного лова рыбы её без всякой чистки сваливают в эти ямы, прикрывают землею и оставляют гнить и перекисать до самой зимы, когда употребляют её в корм собакам. К весне содержимое ям, состоящее из вполне разложившейся рыбы, обыкновенно искармливается собакам, а иногда и самим жителям, и ямы остаются открытыми для выветривания, благодаря которому для всякаго будет ясно, насколько сильна вонь на берегу реки.

Русские, переселившись в Камчатку, успели ввести здесь свою религию, язык и жилища, но не удержали за собою ничего коренного русского, или совершенно забыв его, или изменив до неузнаваемости. Они оставили прежния свои занятия и забыли то, что знали на родине, как-то: прясть, делать сохи, бороны, выделывать горшки, ковать железо и т. п. Имея конечною целью — научить аборигенов хлебопашеству и скотоводству, они сами утратили всякое понятие о них. Взамен этого они научились у камчадалов звериным промыслам, разогнав предварительно зверя; научились домашним обиходным занятиям и по примеру туземцев начали заготавливать себе на зиму вместо хлеба — рыбу, вместо пеньки — крапиву и т. п., нисколько не стараясь об улучшении первобытных инструментов, способов и приёмов обработки.

Таким образом, русские, передав аборигенам веру и тем самым смягчив их нравы, не только не подняли уровень их развития, но скорее сами как бы опустились на несколько ступеней, как бы окамчадались, и в настоящее время не служат даже и хранителями родовых обычаев и чистоты своего родного языка, который по всему полуострову обратился в своеобразный, неприятный на

слух, говор. Туземцы, учась русскому языку, вероятно, коверкали его со свойственным им акцентом и тем самым приучили и самих русских искажать его. Так, например, говорят: «ждравствуйте», «копилье», «сыбко», «шопычка» (сопка); «обчий» вместо «общий», «клиса» вместо «крыша» и прочее.

Что касается до особенностей одежды, обуви, домашней утвари и прочего, то подвести в этом отношении какие-либо определённые итоги нет никакой возможности. Желаящему коллекционировать этнографические предметы Камчатки пришлось бы собирать предметы всевозможных образцов и типов, представляющих смесь предмета, употребляемого северными дикарями и культурным народом, не исключая японцев и американцев.

Относительно одежды и обуви можно сказать, впрочем, что всё летнее ближе к покрою русскому, а всё зимнее — к инородческому. В Камчатке теперь уже нельзя встретить одежду из рыбьей кожи, но нет там и русского овчинного тулупа.

Камчатский житель передвигается или на собаках по сугробам снега, или на лодках по реке, пешком, а иногда верхом; последнее редко, так как в Камчатке почти нет дорог.

Собачья упряжь, нарта (санки) и способ управления при езде на собаках одинаковы у всех северных жителей Азии и много раз уже составляли предмет подробного описания, а потому на описании их не стану останавливаться. Скажу только, что езда на собаках в течение почти восьми зимних месяцев является единственным способом сообщения, возможным в этой дикой, малонаселённой горной стране, где лошадь, благодаря большим снежным заносам, сама по себе является совершенно беспомощною, не говоря уже о том, когда ей приходится везти кладь на сотни вёрст среди пурги и холода, не встречая ни жилья, ни запасов корма. Все попытки правительства усилить в Камчатке скотоводство в ущерб собаководству не имели успеха, и собака, этот тормоз цивилизации, как прозвал её доктор Дыбовский, и доньше остается в Камчатке первенствующим домашним животным, продолжая верою и правдою служить своему хозяину. Отказавшись от услуг лошади, русский переселенец поневоле отказался и от телеги, заменив её нартою и батом, только в некоторых случаях пользуясь седлом.

Летних путей сообщения, в смысле проезжих колёсных дорог, в Камчатке нет, и вследствие гористости местности и частых рек, болот, скал и оврагов, быть не может. Частые метели и глубокие снега не позволяют проделывать её и зимою. Только одна собака при незначительной тяжести длинной нарты (нарта весит не более

20—30 фунтов; на неё кладётся от 10—15 пудов) может пробежать без всякой дороги от пятидесяти до восьмидесяти, а иногда и более вёрст в сутки, не останавливаясь ни пред какими дурными условиями пути.

Отправляя в течение зимы тяжелые обязанности, собака в остальное время года пользуется отдыхом и отпускается на волю. Впрочем, в последнее время по распоряжению начальства стараются держать собак на привязи до конца лета. С весны и в начале лета собак кормят остатками рыбы от зимних запасов и отбросами свежей рыбы. В конце же лета и особенно осенью, когда начинается так называемый «валовой ход рыбы», собаки, обыкновенно, сами занимаются ловлею рыбы по мелким речкам и делают это с особою ловкостью. В августе месяце мне случилось наблюдать, какстая собак, расположившись вдоль обмелевшей речки, помогала друг другу ловить красную рыбу, фунтов в десять и более весом. При этом одна часть собак с шумом и лаем бросалась в углубленные места (русло реки состояло из ряда ям и обмелевших мест) и выгоняла оттуда спрятавшуюся рыбу на мелкие места, тогда как вторая часть, стоя на отмелях, зорко следила и, пользуясь моментом, схватывала выскочивших рыб и выносила на берег.

С наступлением обильного хода рыбы собаки едят только одне головки рыбы, оставляя туловища нетронутыми, вследствие чего в осеннее время берега многих мелких речёнок бывают забросаны сотнями и тысячами гниющей рыбы. Особою ловкостью в ловле рыб, по словам жителей, отличаются медведи, для которых местом промысла служат не только обмелевшие реки, но и более глубокие, лишь бы вода была прозрачна.

В летнее время главным средством передвижения служит бат, то есть долблёная лодка, которая в тоже время является и необходимою принадлежностью при рыбной ловле. Материалом для батов служит ветловый и тополёвый лес. И в этом случае устройство батов и способы передвижения на них (при помощи вёсел, шестов и собак) остались те же самые, какие были и раньше у прежних камчадалов и, вообще, инородцев северо-востока. Заменить их чем-либо не удалось до сих пор, так как мелкие каменистые и быстрые реки Камчатки только и доступны бывают для плавания по ним на лёгких и мелкосидящих батах.

Для удобства плавания по большой реке и вниз по течению иногда соединяются при помощи ремней и жердей несколько (два или три) батов в один паром, на который можно и грузу больше положить (один бат слишком неустойчив) и на котором,

если нужно, является возможность расположиться с большим комфортом: можно бывает устроить палатку, развести дымокуры, пить чай и прочее.

Нет ничего приятнее, как после утомительной езды верхом на лошадях пересесть на камчатский паром и плыть на нём вниз по течению быстрой реки. Вы любуетесь постоянно меняющимися картинами природы и видами местности. Быстрота реки местами доходит до десяти и более вёрст в час. Что ни час, то новая местность: то вам приходится проплывать вдоль нависших кустов и деревьев, словно по аллее, то среди зеленеющих лугов или групп нависших скал и обрывов. По берегам то и дело мелькают то стаи уток и гусей, то зайцы, лисы, а иногда и бурый медведь пройдёт ленивою поступью вдоль берега и снова скроется в лесу. Всё это при отличной летней погоде является истинным наслаждением для лиц, любящих природу и путешествие.

Выше было сказано, каких хлопот и усилий стоило правительству введение в Камчатке хлебопашества. Заботы эти длились до 1854 г. Правда, в некоторых местах и до сего времени существует посев хлеба (исключительно ячмень), но занятие это является такою же второстепенною отраслью хозяйства, как пчеловодство или садоводство где-либо в черноземной полосе России. Уроdit Господь — счастье, а не уроdit, так не велика беда, с голоду не умрут.

Другое дело рыба, которая для жителей Камчатки является хлебом насущным. Река здесь играет роль нивы, но нивы, к сожалению, малоизученной и до сего времени не обрабатываемой и не удобряемой. В течение двух столетий русские владеют полуостровом; с появлением русских, привыкших к прочной оседлости и большой скученности, многие камчатские реки начали засариваться и загрязняться, и вместе с тем всё чаще и чаще начали повторяться недоходы рыбы, а затем и голодовки.

Для примера можно указать на селение Озерное, расположенное в пределах Авачинской губы при истоке небольшой речки, соединяющей большое нагорное озеро с р. Паратункою. По словам жителей, речонка эта считалась рыбною и с избытком питала всё селение. Теперь же для заготовки рыбы жители принуждены бывают ходить на другие реки и уже подали заявление о перемене места жительства. Положим, точного определения причин подобного явления нельзя указать, пока не будут исследованы камчатские реки вообще, но, тем не менее, есть основание думать, что Озерное селение лишилось рыбы благодаря тому, что в течение многих лет сваливали скотский навоз к берегам своей кормилицы.

Главные сорта рыб, составляющих насущный хлеб для камчатских жителей, — лососёвые (*Salmo*), которые большую часть своей жизни проводят в глубинах северных морей, откуда для метания икры входят в реки.

Лососи обыкновенно входят в реки большими стадами и при этом обнаруживают такое непреодолимое стремление к движению вверх по реке, как необходимого условия для отправления их половых функций, что никакие препятствия не останавливают этой рыбы и не заставляют её возвращаться назад в море. Замечено, что некоторые лососи, дойдя до какой-либо преграды, лезут в такие отверстия, о которых срыгают себе бока, выбрасываются на отмели и бьются на них до тех пор, пока не перейдут их или не лишатся жизни, но никогда не возвращаются назад. Не только быстрые места, так называемые «шивера», но даже пороги и водопады, иногда в несколько футов вышиной, не являются для них препятствием. Так, Паланская река выходит из озера в виде водопада, но это обстоятельство, по словам жителей, не препятствует красной рыбе проходить из моря в озеро.

Существенными для жителей Камчатки видами рыб из семейства лососевых являются: *Salmo Lagoscephalus* (хайко, или амурская кэта), *Salmo Lycaodon* (красная рыба, или нярка, по-охотски), *Salmo Sagvinolentus* (кижуч) и особенность Берингова и камчатских морей — *Salmo Orientalis* (чавыча).

Чавыча — весьма вкусная рыба, величиною аршина в полтора, доходит до двух с половиной пудов веса. Общий вид рыбы одинаков со всеми другими лососями, как-то кэтой, красной и прочими. Отличительным признаком является рост её, причём особенно выделяются размеры головы и ширина посредине. Цвет чешуи на спине синеватый с тёмными пятнами, а по бокам серебристо-белый. Впрочем, цвет этот с поднятием чавычи вверх по реке, как и у всех лососей, меняется, переходя в красный и даже тёмный. Мясо чавычи светло-красное и очень нежное; остов головы с большим преобладанием хрящей пред костями.

Вход чавычи в реки начинается раньше других и, как видно, в известной постепенности, начиная с севера. В реке Камчатке первая чавыча начинается появляться в конце апреля (устье Камчатки иногда загромождается плавучим льдом, в таком случае вход чавычи в реки запаздывает недели на две, на три), тогда как в Большерецке — во вторую половину мая. В Авачинской губе в 1847 г. первая чавыча была поймана 12-го мая. Чавыча заходит далеко не во все реки Камчатки. Так, на восточном берегу

обыкновенными местами лова ея служат р. Камчатка и реки Авачинской губы, а на западном же берегу реки Большая и Тигиль в большом количестве. В остальные реки чавыча не заходит. Благодаря своему объёму и силе чавыча поднимается вверх по реке с таким стремлением, что впереди ея всегда подымается вал. Жители зорко следят за этим валом (для наблюдения за ходом рыбы на берегу делают высокий помост) и как только заметят, то тотчас же забрасывают сеть или невод.

Не отличаясь обширностью своего распространения, ход чавычи в то же время не отличается, по-видимому, и численностью экземпляров в каждом отдельном стаде. В Авачинской губе каждый заброс сети считается удачным, если в него попадёт две-три чавычи. В Усть-Камчатске лучший улов чавычи в один раз определяется одним или несколькими десятками, тогда как в среднем течении р. Камчатки мне удалось только раз видеть, как жители вытащили невод с пятью экземплярами (некоторые утверждают, что чавычи, также как и другие лососи, большими стадами попадают в невод, но мне этого не случалось видеть).

Ход чавычи на восточном берегу начинается и кончается раньше, чем на западном. Первую чавычу я увидел в Петропавловске 12-го мая, а последнюю в Тигиле 23-го июля. Отличаясь высокими достоинствами своего мяса, чавыча в то же время является неудобною для заготовки ея впрок в виде юкалы (сушёная рыба). Заготовка юкалы состоит в том, что с рыбы снимается вся мясистая часть в виде двух пластов и вешается на все лето под навесом для просушки. Никаких других приёмов не употребляется. При таком способе заготовки, само собою разумеется, юкала, более или менее сносная, выходит только из таких рыб, мясистые части которых не столь толсты и не так жирны, как, например, у чавычи. Юкала из чавычи, хотя и высоко ценится, но трудно сохраняется и скоро горкнет. В силу таких особенностей чавычи, она является только лакомством для камчатских жителей весной и в начале лета; впрок же заготавливается далеко немногими из зажиточных жителей и то только в солёном виде и редко в копчёном.

Так называемая «красная рыба» (в Охотске — нярка) появляется у берегов несколько позже чавычи, затем одновременно с нею заходит в реки и проникает во все самые отдалённые протоки и ручейки, причём, по словам жителей, предпочитает те из них, которые вытекают из озёр, составляющих, так сказать, конечную цель ея путешествия.

Величина красной рыбы обыкновенно три-четыре аршина, а весом доходит до пятнадцати фунтов. Юкала из этой рыбы предпочитается пред другими, хотя вследствие примитивной заготовки ея жителями Камчатки она скоро горкнет и требует особенного ухода для сохранения ея.

Красная рыба, а равно как и следующая за ней кэ́та являются главными жизненными продуктами не только Камчатки, но и всего побережья Берингова и Охотского морей. В удачные для хода рыбы годы и этот сорт лососей входит в реки большими стадами и, как свидетельствуют многие, иногда положительно запруживает реки. В таких случаях не только неводами или какими-нибудь другими рыболовными снастями можно бывает ловить эту ценную рыбу, но даже собаки и медведи без всяких затруднений достают её из воды прямо зубами. Случаи улова в один день и одним неводом от трёх до пяти тысяч лососей в Камчатке не редкость.

Пределом распространения красной рыбы на юг, по-видимому, служат берега Охотского моря, тогда как кэ́та, или по-камчатски «хайко» (*Salmo Lagocerphalus*), является главным рыбным богатством и всего побережья Татарского пролива, и даже северных берегов Японского моря.

Ход чавычи, красной рыбы и хайко с небольшими опаздываниями, одна за другой, продолжается в течение всего лета, до сентября месяца. В осенние же месяцы появляется в реках кижуч (*Salmo Sangninolevtus*), который остаётся здесь до самых холодов и даже до января месяца, когда, как думают, начинается обратный ход его в море. Поздний ход кижуча служит большим подспорьем для жителей, не заготовивших почему-либо юкалы в течение лета, и тем более является желательным, что заготовка этого сорта рыбы приходится в то время, когда легко сохранить её в замороженном виде.

К числу осенних рыб из того же семейства *Salmo* принадлежит горбуша (*Salmo Proteus*), которая в сравнении с другими лососями не имеет особого значения и если заготавливается, то для корма собакам. Особого внимания заслуживает тот факт, что горбуша в более южных широтах, как, например, по берегам Татарского пролива, появляется всегда раньше кэ́ты, тогда как в пределах камчатского побережья она редко сопровождает эту последнюю, обыкновенно же, особенно в Охотском море, ход ея начинается гораздо позже всех других лососей, кроме кижуча.

Камчатка богата и такою рыбою из семейства *Salmo*, которая круглый год держится в реках и сточных озерах и только весною

спускается в бухты. К таким рыбам принадлежит камчатский голец (*Salmo Leucomaenis*), которого насчитывают несколько сортов. Не стану перечислять остальные сорта рыб, как-то: сельдь различных сортов, треска и прочие, которые хотя и имеют большое экономическое значение, но не для камчатских жителей, не дошедших в своём развитии ни до каких культурных потребностей, а довольствующихся только тем, чем можно продлить жизнь от лета до весны, а лето, по выражению жителей, само питает человека.

Кроме выше перечисленных лососей, жители Камчатки другими рыбами не пользуются, разве только в самых исключительных случаях и только тогда, когда улов этих рыб не представляет для них никаких затруднений. Так, например, в камчатских морях водится мелкая рыба из того же семейства *Salmo*, так называемая «уйки» (*Salmo Socialis*), которую во время её хода можно бывает черпать прямо из реки каким угодно черпаком и даже просто веслом. По словам очевидцев, уйки иногда выбрасываются бушующим морем в таком количестве, что берег бывает покрыт ими на несколько десятков вёрст в длину слоем по колено вышиною.

Несмотря на всё обилие рыбы, не оставляющей Камчатку почти в течение круглого года, жители этой страны большею частью живут впроголодь, а нередко переживают и настоящий голод. Причины такому как бы ненормальному явлению следующие: 1) характер самих жителей; 2) взгляд их на реку, как на кладовую, из которой, если надо, можно доставать, не заботясь об исправности и пополнении её, и 3) отсутствие всякой инициативы в деле улучшения рыболовных снарядов и способов при заготовлении рыбы впрок. В свою очередь, эти три причины сводятся к одной: полное отсутствие умственного развития, благодаря которому интерес их жизни не распространяется далее удовлетворения животных потребностей.

Крашенинников, описывая камчадалов, говорит: «Живут они беззаботно, трудятся по своей воле, думают о нужном и настоящем, будущее совсем оставляя; богатства, славы и чести не ведают, чего ради нет между ними сребролюбия и гордости, но токмо роскошь и похоть со своими плодами». Тоже самое почти можно сказать и о современных жителях Камчатки, как о русских, так и камчадалах. Никто из камчатских жителей не сознавал и не сознает, что есть возможность предупреждать различного рода случайности, вредно отзывающиеся на жизни рыб, на их питании, размножении и на заходе в реки. Никто из них не думал, и при настоящем умственном развитии едва ли думает, что есть на свете

и другие, более культурные средства к жизни, чем те, которыми они оставили себя.

Орудиями и снарядами рыбной ловли служат так называемые «запоры», сети, невода, марики и дрыгалки. Самым интересным и в то же время самым распространённым по всей Камчатке рыболовным снарядом является запор, который устраивается так: поперёк всей реки ставится городьба, состоящая из нескольких вбитых в дно реки кольев с горизонтальными перекладинами и нескольких решёток, связанных по двум или трём линиям из тонких палочек. Колья и перекладины делаются и ставятся каждый год новые, решетки же по миновании надобности снимаются и на следующий год обновляются и снова прикрепляются к кольям и перекладинам. Посредине городьбы, смотря по числу семейств (или вернее компаний из двух-трёх семей), участвующих в снаряжении запора, оставляется несколько узких проходов.

В каждом проходе устраивается из рам и подобных же решёток нечто вроде коридора с двухколенным изгибом. В задний конец коридора вставляется особый снаряд, так называемая «морда», которая по форме своей напоминает продолговатую (около сажени длины) бочку, сделанную из тонких палочек, связанных лыком или прядевом. Задний конец морды заделывается наглухо, тогда как передний прикрывается клапаном из тонких прутиков, дающих возможность рыбе проходить внутрь морды, но прекращающих её всякое отступление назад. Подобная ловушка, конечно, применима только для такой рыбы, как лососи, которая не только не боится ни каких преград, но готова преодолеть всякие препятствия, лишь бы миновать их, и идёт дальше вверх по реке для нереста.

Рыба, дойдя до запора, ищет хоть какой-либо лазейки для прохода чрез него и попадает сначала в коридор и затем в морду. Морда укрепляется на двух вертикально стоящих кольях, по которым, по мере надобности, она то подымается, то опускается. Во время лова каждый хозяин по несколько раз в день подплывает на бату к своему коридору, подымает морду и вынимает рыбу. При хорошем ходе рыбы морда, по словам жителей, набивается иногда до такой степени ею, что положительно не остается места, чтобы просунуть туда руку.

Сети и невода, которыми пользуются в настоящее время камчатские жители, как по конструкции, так и по материалу далеко не представляют того совершенства, которого следовало бы ожидать от них как от вековых рыболовов. Сетью пользуются исклю-

чительно на взморьях и по бухтам, неводом же — в устьях больших рек и в редких случаях, в нижнем и среднем течении их, где ширина реки и грунт ее дна оказываются к тому пригодными.

Все остальные орудия для рыбных промыслов, как марик (особо устройства крючок на длинном шесте), дрыгалка (сетка особо устройства) и прочие являются второстепенными и употребляются только для улова мелких, для юкалы негодных, рыб или тогда, когда нет под рукою другого средства, а рыба чуть не сама выскакивает на берег. Рыболовство, доставляя главные жизненные продукты камчатским жителям, в то же время не является для них особо любимым занятием. На рыболовство они смотрят как на страдную работу и так к ней и относятся.

Любимым занятием считается охота во всех ее видах и способах. В Камчатке все, от мало до велика, охотники и охотою же, смотря по успешности в ней, определяется удачность или неудачность года. Как не обезпечь себя камчадал рыбою, но если он не промыслил ни одного соболя, то год этот, по его мнению, считается худым. Употребляемые прежде луки, клепцы, обмёты и прочее отошли в область предания. Теперь главным орудием для охоты служит ружьё и в исключительных случаях сетка (на соболя), силки и другое. Ружья у камчатских жителей можно встретить всех сортов, начиная с винчестера и бердана и кончая кремнёвой и даже самодельного образца.

Главным предметом охотничьего промысла служит соболь. Промысел начинается обыкновенно с первым выпавшим снегом, примерно около 15 октября, и продолжается до 1-го марта, когда во время дневных солнцепёков снег начинает подтаивать. Собственно говоря, сезон соболиного промысла и удачность его зависит от состояния снега. Глубокий и рыхлый снег утомляет охотника и его собаку и даёт возможность соболу, по легкости его, избегать опасности. Вследствие этого лучшим временем промысла считается конец осени, когда снега бывают ещё неглубоки, и в середине зимы, когда толстый слой снега настолько затвердеет, что не проламывается ни под охотником, ни под его собакой.

Соболиный промысел производится ружьём, собакой и сеткой. Все другие способы добычи этого дорогого зверя, способствующие быстрому его истреблению, теперь строго воспрещены. Соболь по натуре своей хищный и в то же время очень дикий зверёк, а потому он держится в местах диких и отдалённых от жилья человека. Промышленнику ввиду этого приходится уходить вглубь тайги на несколько дней и даже недель, запастись всем необходимым:

палаткой, провизией, ружьём, сеткой, собакой и лыжами. Занявши какой-либо район для охоты, обыкновенно где-либо в верховьях речки, промышленник каждый день проходит по нему по всем направлениям, стараясь открыть след соболя. Раз только свежий след найден, промышленник пускает по нему собаку, а сам с ружьём и сеткой следует за ней.

В этом случае большую роль играет умная охотничья собака. Лучшими для охоты собаками считаются ламутския, которые и приобретаются за высокие цены (от 25—100 руб.). Соболь не отличается быстротою бега, а потому скоро настигается собакой и прячется от нея или на дерево, или в груды камней, или в какое-либо другое убежище. Достигши этого, собака становится и не выпускает соболя до тех пор, пока не придёт промышленник. Бывали случаи, что собака более суток оставалась над соболем, ожидая отставшего и заблудившегося хозяина.

В истории завоевания русскими всей северной части Азии соболь играл важную роль. Считаясь любимым и ценным мехом среди русских богачей, соболь с давних пор служит целию для промышленников, которые, опираясь на силу и удаль казаков и постоянно осведомляясь, где есть соболь, шли всё далее и далее вглубь страны, пока не прошли её вплоть до Великого океана, где поиски за тем же соболем распространились во все, куда было можно, стороны.

Приход русских в Камчатку был роковым годом для камчатского соболя, который по пушистости своей более всего привлекал алчность промышленников. Первобытныя аборигены страны не ценили соболя, и если убивали его, то по спопутности с охотою на других, более нужных для них животных, а потому соболь в те времена водился в Камчатке в большом количестве. С приходом русских появился спрос на соболя и с каждым годом начал возрастать, так как мех этого зверька шёл и на покупку товаров, и на уплату ясака. Началась усиленная охота на соболя и вслед за тем и постепенное истребление его. Ещё сто лет тому назад соболей из Камчатки вывозили тысячами и даже десятками тысяч в год, теперь же добыча одной, двух и много трёх тысяч в год считается удачным промыслом.

Количество упромышленных в Камчатке соболей за последние десять лет выражается в следующих цифрах: в 1886 г. — 3 235, в 1887 г. — 2 795, в 1888 г. — 2 695, в 1889 г. — 2 375, в 1890 г. — 1 336, в 1891 г. — 1 908, в 1892 г. — 1 029, в 1893 г. — 2 493, в 1894 г. — 2 145, в 1895 г. — 2 265, в 1896 г. — 1 048.

Постепенное уменьшение соболя в последнее время обратило на себя внимание местной администрации, которая озабочена изысканиями способов к ограждению соболя от окончательного истребления.

После соболя вторым ценным зверем по достоинству своего меха считается лиса, которая водится в Камчатке в нескольких видах — красная, сиводушка и реже чёрно-бурая. Лисий промысел, так же, как и соболий, со времени завоевания Камчатки русскими сильно упал. Для предохранения его также приняты меры и запрещены способы охоты, ведущие к безцельному истреблению зверя.

Особенно заметный вред лисьему промыслу был нанесён в начале 1880-х гг., когда был введён в употребление для добычи лисиц стрихнин, при помощи которого много лис было отравлено, но за частыми пургами и большими снегами своевременно не были найдены. Употребление стрихнина теперь строго воспрещено.

В течение последних трёх лет медведей в Камчатке убито: в 1894 г. — 1 541, в 1895 г. — 1 257 и в 1896 г. — 903. Цена за шкуру медведя 10—40 руб.

Из числа других животных, которых жители промышляют как для продажи, так и для собственного употребления, можно указать следующих: морской бобёр (незначительное число), песец (самое незначительное число), волк (незначительное число), горностай (около 150 в год), росомаха (около 100 в год), выдра (от 250—300 в год), каменный баран (около 300 в год), северный дикий олень (около 600 в год) и различные виды ластоногих: моржи, нерпы, сивучи и лахтаки (от 1 500—3 000 в год). Из перечисленных животных особого внимания заслуживают ластоногие, которые в жизни населения играют видную роль, доставляя им ремни и кожи для хозяйственного и домашнего употребления.

Все промысловые животные с появлением в Камчатке культурного человека сильно уменьшились в численности. Раньше здесь встречался морской котик, теперь его совершенно нет. Морж водился прежде по всем берегам Камчатки, теперь он остался лишь в одном месте у Корагинского острова; то же можно сказать о ките, морском бобре и других животных. Крашенинников сообщает, что лисиц и песцов в Камчатке было так много, что их убивали палками, отгоняя от собак во время кормления, соболей же камчадалы не только не считали ценными, но даже смеялись, когда казаки-завоеватели брали их как ясак. Всё это в настоящее время изменилось до того, что легче бывает достать хороших соболей

и лисиц где-либо на цивилизованных рынках, нежели среди жителей самой Камчатки.

С покорением Камчатки русскими соболь стал считаться денежною единицею; с тех пор при платеже ясака, при всех торговых операциях всё оценивалось и рассчитывалось на соболя, а лиса, выдра и другие явились как разменная монета. При раскладке податей и вообще всех повинностей расчёт производился шкурками этих животных. Не жалели тогда соболя русские, не дорожили им и камчадалы. Да и немудрено: каждый ясачный промышленник мог убивать в зиму от тридцати до семидесяти соболей и, следовательно, свободно мог расплачиваться за всё. Теперь же промысел считается удачным, если охотнику удастся добыть в течение зимы от трёх до пяти соболей с затратою на это большого труда и времени.

Всё, что сказано относительно промысла соболя, аналогично с добычею и других ценных пушных зверей. Таким образом, ясно, каково было богатство прежде и каково теперь, чем измерялось благосостояние прежних дикарей и чем выражается оно теперь, среди теперешних жителей этой страны. Разница в довольстве жителей ещё более выразится, если взять во внимание потребности бывших аборигенов страны в сравнении с требованиями, предъявляемыми нынешним жителям Камчатки. Тогда не было ясака, тогда не было и других повинностей; каждый жил «беззаботно», помышляя лишь о настоящем и думая лишь о себе. Русская колонизация, принеся в Камчатку более цивилизующия начала жизни (общинность, законность и прочие), внесла в то же время и целый ряд требований, обуславливающих эти начала. Взамен же тех средств, которыми раньше дикари обладали, не дала ничего, или лучше сказать, хотела дать, но ничего не вышло.

С подчинением камчадалов требованиям русской власти и с обращением их в христианство, было, по-видимому, твёрдое намерение ввести в их среду культурность путём умственного и нравственного развития подрастающего поколения. С этою целью были посланы туда миссионеры, благодаря ревностной деятельности которых дело пошло настолько успешно, что к царствованию императрицы Екатерины II в Камчатке насчитывалось одиннадцать церквей и столько же школ, причём, как видно из отчётов того времени, все аборигены страны, за исключением немногих бродячих дикарей, были обращены в христианство и более половины детей школьного возраста со свойственной камчадалам любознательностью изучили русскую грамоту.

В то время и правительство шло на помощь образованию камчадалов. Предоставлялись различные льготы учащимся и тем, кто успешно оканчивал курс в школах. Для большего усовершенствования в русской грамоте открывались школы с более широкою программю; в конце прошлого столетия была открыта полковая школа, затем ремесленная, духовное училище и, наконец, в царствование императора Николая I сельскохозяйственное училище с полным курсом и с производством практических работ и занятий. При такой системе в деле колонизации эта чудная страна, бесспорно, теперь была бы уже более чем состоятельною и, во всяком случае, не являлась бы для правительства тою обузою, от которой оно теперь откупается ежегодно несколькими десятками тысяч рублей. Хлеб, порох, свинец, мануфактурные произведения и вообще все необходимые в жизни предметы и товары вывозятся в Камчатку и не иначе, как с субсидиею от правительства.

В 1855 г., когда русскими было занято устье Амура, весь интерес правительства перешёл с Камчатки на эту последнюю окраину. С этого момента в Камчатке всё пошло к упадку и забвению; закрылись учреждения, обветшали церкви и пала школа, а вместе с тем понизилось и то религиозно-нравственное воздействие, благодаря которому имелось в виду поставить камчатских жителей в более или менее культурные условия. Правда, школы и церкви существуют в Камчатке и в настоящее время, но при тех условиях, которыми они обставлены, признать за ними хоть какое-либо цивилизующее значение было бы ошибочно. В такой безкультурной стране, как Камчатка, церковь без школы не может идти далее слепого выполнения обрядностей, на которые как жители, так и сам причт смотрят как на повинность. Священник отслужил, а мирянин заплатил, тем дело и кончается. Мне известен случай, как один из крестившихся инородцев, опоздавши к исповеди и причастию, заботился не о том, что остался без столь важного для христианина таинства, а о том, что не сдал принесённую им за эту обрядность белку.

Весь полуостров в церковном отношении разделён на восемь приходов. В одном из людных селений каждого прихода имеется церковь и причт, состоящий из священника и одного или двух псаломщиков (в Петропавловске причт состоит из протоиерея, священника, диакона и двух причётников). Церковная обстановка крайне скудная, если не считать исключением несколько дорогих икон и некоторых других вещей из церковной утвари, имеющих в Петропавловской и Нижне-Камчатской церквях, куда

в прежние годы нередко поступали пожертвования от мореплавателей, находивших в этих уголках отдых от бурь Великого океана.

Училищ в Камчатке девять, из них в Петропавловске одно-классное городское училище, по положению 31 мая 1872 г., и восемь церковно-приходских школ, существующих в селениях при церквях. Петропавловское городское училище, основанное в 1893 г., содержится Министерством народного просвещения с отпуском из казны 1 557 руб. 95 коп. и с пособием от города в размере 900 руб. Кроме того, в последнее время ассигновано еще 600 руб. на содержание при этом училище мастерской, преимущественно бондарной. Указанные средства расходуются на содержание учителя, его помощника, на выпуск пособий и на содержание дома как для училища, так и для учителя.

Училищный дом, если только можно так выразиться, есть, собственно говоря, досчатый барак, служивший некогда торговой лавочкою. Приспособление этого строения в училищное помещение выразилось тем, что в нём была поставлена печь и стены были обшиты кругом вторым рядом досок, причём пространство между досками засыпано землею. Признать такое помещение за училищное нельзя, так как оно не выдерживает ни малейшей критики.

Город Петропавловск, или, лучше сказать, остатки некогда бывшего порта, собственно говоря, не имеет городского сословия, потребности которого вызывали бы необходимость открытия у них городского училища, по положению 31 мая 1872 г., а потому существующее Петропавловское училище не достигает там своей цели. Петропавловский мальчик сам по себе не нуждается в тех познаниях, которые может дать ему подобного рода училище. С другой стороны, при тех условиях, которыми обставлено это училище, он не в силах получить там и таких познаний, с которыми он мог бы быть полезным для общества. Училищное здание не в состоянии вместить более тридцати мальчиков, а по величине и удобствам не представляет решительно никакой возможности иметь более трёх отделений. Кроме того, подобный план училища предназначен исключительно для мальчиков, а потому петропавловские девочки, волею неволей, остаются без обучения (вопреки существующим правилам, в Петропавловске разрешено принимать по мере возможности и девочек, заканчивая обучение их трёхгодичным курсом).

Словом, училищных средств (дом, денежные суммы, пособия и прочее) как для постоянного городского училища слишком много. На эти средства можно было бы содержать, по крайней мере, два начальных училища, не исключая из числа школьников

и девочек. Городския же училища при крайней непригодности училищного здания нельзя обставить в должном порядке ни одного, хотя бы в одноклассном составе. Между тем, более или менее сносно обставленное городское училище в Петропавловске могло бы оказать существенную пользу населению полуострова, являясь там разсадником вполне грамотных молодых людей, могущих быть местными учителями в сельских школах. Это обстоятельство тем более является настоятельным, что в такую страну, как Камчатка, нет желающих ехать сельскими учителями за плату, увеличенную против обыкновенного даже вдвое.

Камчатския селения, не имея средств на содержание присланных к ним учителей, в то же время не имеют и возможности готовить их из своих привыкших к местной жизни мальчиков. Да не одних только учителей для Камчатки могло бы воспитывать Петропавловское городское училище. Там всякий грамотный человек отыскивается с трудом. Для примера можно указать на церковный причт, из числа которого есть некоторые совершенно безграмотные, а если они и отправляют свои обязанности, то наилучше, понаслышке.

Разсматривая нужды камчатскаго населения в этом направлении, приходится пожелать: 1) преобразовать Петропавловское училище, по крайней мере, в двухклассный состав, при котором, бесспорно, будет более шансов на успех, нежели при одноклассном составе; 2) построить здание с помещением для заведывающего училищем и 3) иметь при новом здании хотя одну комнату для местного интерната, в котором сельския общества на своём собственном иждивении могли бы содержать мальчиков (допустим, по одному от каждого причта или общества) для подготовки их в учительския звания. Подобный вопрос во время моего проезда по Камчатке был возбуждён неоднократно среди жителей, раз только речь заходила о школе и вообще, о грамотности, и везде приходилось слышать полную готовность общества к приготовлению учителей из местных уроженцев вышесказанным путём.

В селении же Ключевском староста так энергично ухватился за эту мысль, что на другой день ко мне был приведён мальчик лет тринадцати, котораго жители изъявили желание содержать в Петропавловске для обучения его учительскому «знанию». К счастью, один из моих спутников, петропавловский врач Тюшев, предложил свои услуги, пока будет разрешаться вопрос о Петропавловском интернате, взять этого мальчика для указанной цели в Петропавловск к себе, на своё иждивение.

Мальчик действительно был взят и в настоящее время учится в Петропавловском городском училище с особым, по моему предложению, вниманием со стороны заведующего училищем. Желательно, чтобы этот опыт увенчался полным успехом, так как жители Камчатки по свойственной им любознательности весьма склонны к обучению грамоте, но, к сожалению, по бедности своей лишены возможности пользоваться ею. Примеры самоучек нередки; готовность к обучению не останавливается и пред тем, когда отцу приходится отвозить сына в школу, находящуюся за несколько десятков вёрст от его селения. Большим тормозом в этих случаях служит постанова камчатского школьного обучения, требующая иногда нескольких лет для того только, чтобы мальчик научился едва-едва читать или писать.

Мне известен, например, такой случай, когда отец в течение четырёх зим возил своего сына в соседнюю школу и когда спросил учителя о причинах неуспешности сына, то получил ответ: «До твоего сына не дошла ещё очередь, привози на следующую зиму».

Дело вот в чём: камчатская школа обыкновенно вверяется первому попавшемуся грамотею, и хотя считается церковно-приходскою, но священник по обширности своего прихода (не по числу жителей, а по разбросанности их на целые сотни вёрст) является в ней редким гостем, в виде наблюдателя. Грамотей же обыкновенно так ведёт своё дело: садится рядом с двумя или тремя мальчиками и начинает разучивать с ними какую-либо молитву или отрывок (из псалтыря, священной истории, часослова) сначала по буквам, затем по слогам, а потом уже с произношением полных слов. И до тех пор занимается с ними, оставляя всех остальных школяров на произвол судьбы, пока не научит каждого из них читать взятую им статью, а затем уже переходит к следующим двум или трём мальчикам, заставляя прежних повторять «зады» и т. д.

При таком способе камчатского обучения, как ни странно это слышать в наш просвещённый век, пришлось наткнуться в двух из семи пресловутых камчатских школах на следующие факты: 1) взял я священную историю и предложил прочитать одному из учеников первое попавшееся заглавие и, к удивлению, получил ответ, что он по этой книге не учился. Я ко второму, и тот тоже заявил, что не по той книге учился. В результате оказалось, что одни ученики умели читать только псалтырь, другие историю, а третьи оказались специалистами по части молитв; 2) один ученик поразил меня своим ростом и летами (семнадцать лет), и когда я осведомился о причине долгого обучения, то получил ответ,

что до него только в прошлом году «очередь дошла»; 3) один мальчик оказался сведущим до некоторой степени по всем специальностям камчатской школы: знал несколько молитв, читал наизусть некоторые псалмы и умел рассказать кое-что из священной истории, между тем он считался в разряде, до которого «ещё очередь не дошла». Дело объяснилось тем, что этот ученик, способный и очевидно внимательный, слыша, как учитель разучивает то или другое с его товарищами, успел, не дождавшись ещё очереди, научиться понаслышке; 4) в два предшествовавших года мне по распоряжению главного начальника края пришлось высылать в камчатские школы учебники и учебные пособия. Посещающая камчатские школы, я, к удивлению своему, убедился, что присланные мною книги хранятся закупоренными, и учителя не нашли полезным пустить их в употребление, быть может, даже потому, что они сами «по таким книгам не учились».

Сказанных примеров достаточно, чтобы судить, какова школа в Камчатке и каково её значение в этой стране. Если же ко всему сказанному прибавить, что камчатские школы часто не функционируют или по неимению здания, или по болезни учителей и руководителей, или по каким-либо другим причинам, то едва ли я заслужу упрек, если скажу: в Камчатке школы нет. Не было её и прежде, до завоевания её русскими, но тогда отсутствие её не было столь ощутительным, как теперь. Тогда и дикарь жил вольно, своею естественною жизнью, довольствуясь своим мировоззрением; теперь же он, выбитый из своей колеи и обруселый, является совершенно беспомощным в борьбе за существование. Потерявши обычаи и верования своих отцов, он коснулся плодов цивилизации, но не успел ещё освоиться с ними, как настал момент, когда он лишился возможности постигнуть всю суть их.

К сожалению, в Камчатке, как и везде в подобных случаях, нетронутая натура дикаря явилась более восприимчивою не к хорошему, а ко всему дурному, скорее растлевающему и душу, и тело, нежели облагораживающему. Явились пороки, а вслед за ними явились и болезни, бороться с которыми дикарь оказался неподготовленным. Вследствие этого от двадцатитысячного населения камчадалов по последней переписи всех жителей Камчатки осталось немного более восьми тысяч, считая в том числе как инородцев, так и тех русских, которые когда-то были переселены сюда с целью колонизации страны. В самое цветущее время Камчатки против различного рода эпидемий принимались меры: заводились больницы, разсылались аптечки, выписывались

доктора, фельдшера и прочее. Но прошло время, и осталось население без медицинской помощи, без хлеба, без зверя и без всякой помощи.

Между тем гнетущая нищета и страшные болезни всё более и более подавляли камчатское население. Явилась оспа и тысячи жертв унесла в могилу. Появился сифилис с его ужасными последствиями и, наконец, проказа. Позволю себе привести сведения о проказе в Камчатке, собранные и любезно предложенные мне врачом Ю. К. Шиманским, сопутствовавшим мне в течение всей поездки по Камчатке со специальною целью — исследовать камчатскую проказу и сифилис на месте. Реферат доктора Шиманского, читанный в Обществе изучения Амурского края, был передан самим автором в моё распоряжение, но я беру из него только то, что относится к Камчатке.

Первый раз в архиве Петропавловской церкви смерть помечена от проказы в 1843 г., февраля 3-го дня (Илья Казаков). Однако есть основания думать, что в Камчатке от проказы умирали и гораздо раньше, так как в книгах об умерших за прежние годы неоднократно попадаются отметки «умер от язвы», «болен тлетворною язвою» и т. п. Очевидно, в те отдаленные годы не особенно ясно и определенно констатировали формы болезней, служивших причиною смерти. Более подробные сведения о проказе начинаются с пятидесятых годов, когда в Камчатке медицинский персонал достиг наибольших размеров и когда во главе этого персонала стоял медицинский инспектор.

В медицинском отчёте за 1851 г. говорится: «Проказа в Камчатке принадлежит к болезням эндемическим (эндемия — постоянное существование на территории какого-либо, чаще инфекционного, заболевания. — *Ред.*); господствует здесь давно и по форме своей составляет болезнь жестокую и страшную, потому что совершенно неизлечима».

В 1852 г. в Петропавловском морском госпитале лечилась от проказы одна женщина и тут же умерла. В то время была выстроена лечебница для прокажённых на западном берегу Авачинской губы, у Дальнего озера, затем она была перенесена на Паратунские ключи под названием «карантинного заведения».

В 1854 г. в карантинном заведении пользовались одиннадцать человек прокажённых. Кроме них, из дела того же года видно, что от проказы были пользованы врачами при поездках их по округу ещё пять человек, два на западном берегу полуострова и три на восточном. Из последующих отчётов за многие годы можно ви-

деть, что ежегодное число больных проказою выражается цифрою десять-пятнадцать человек.

Карантинное заведение в пятидесятых годах пользовалось со стороны местного начальства полным вниманием и содержалось в должном порядке, затем оно начало клониться к разрушению, что до некоторой степени можно видеть из отчёта одного врача за 1875 г., где о паратунской лечебнице говорится следующее: «Заведение это удалено от порта на Паратунские ключи, где больные для излечения болезни пользуются ими. Туда помещают людей, страждущих болезнью, называемую проказой. По желанию находящихся там больных, я посещал их и обязанностью считаю объяснить замеченное мною. До перенесения из Петропавловского порта на Амур карантин этот состоял в гражданском ведомстве, и больные получали от казны с избытком некоторую даже роскошь в довольствии. С того же времени больные были причислены к морскому полугоспиталю и положение их ухудшилось. При мне было их четыре человека, они помещаются в доме без сеней, вместо печи в нём был камин, рамы в зимнее время одинарные, необмазанные, стены не проконопачены и крыша при дожде даёт течь.

Участь этих больных заслуживает самого человеколюбиваго попечения, ибо не было примера, чтобы кто-нибудь вышел из карантина, получивши облегчение, и поступивший в него осуждается на вечное заключение. Они знают наперед, что от сей болезни смерть, и смиренно ждут её. Я сам видел, как один больной делал себе гроб».

В настоящее время не только карантиннаго заведения, но даже и остатков от него не сохранилось.

В истории камчатской проказы был в одно время весьма важный инцидент, имевший большое значение в развитии этой болезни, а именно: к числу больных проказою ошибочно присоединили страдающих наследственным сифилисом. Картины как той, так и другой болезни близки друг к другу, но различны по мерам для борьбы с ними. Из хроники паратунскаго карантиннаго заведения замечательно было одно донесение (1853 г., 28 сентября № 109) о случае исцеления от проказы: «Посетив заведение на Паратунских ключах, я нашёл, что дочь якута Коркина Авдотья от проказы очистилась, о чём имею честь донести вашему превосходительству».

Затем начинается роковая ошибка: смешение проказы с сифилисом. По всей вероятности, рассказанный случай был случай

исцеления сифилиса, та как проказа неизлечима. Смешение этих болезней имело последствием то, что борьба приняла двойственный характер, и ошибочно направленные меры не могли иметь положительного результата. Больные смешивались не только в определении болезни, но и теоретически. По этому поводу доктор Эбербах так писал: «Есть другая весьма серьёзная болезнь в северных округах нашей области, угрожающая по характеру своего течения медленным уничтожением всего населения, это — наследственный сифилис, называемый издавна проказою».

Как самые понятия о болезни, так и борьба приняли двойственный характер. С одной стороны прокажённых лечили ртутными втираниями и помещали в лечебницы, с другой — сифилистов не лечили. Такое смешение болезней из специальных отчётов перешло затем в правительственные органы и распоряжения. Так, в архиве Петропавловского окружного правления за 1875 г. (№ 2903) из дела о мерах против заразительных болезней видно, что правительство решило устроить для указанной цели временные (сначала на три года, затем продолжено ещё на три года) лечебницы в Петропавловске, Тигиле, Ключевском селении, Гижиге и Охотске, причём на каждую лечебницу было ассигновано 4 500 руб. ежегодных.

Мера эта, хотя и дорогая, но как временная оказалась недостижимою целью. Проказа не требует больничного лечения, а наследственный сифилис не поддаётся временному лечению, а требует периодического пользования в течение всей жизни больного. Доктор Дыбовский в своём отчёте за 1880 г., разбирая действия открытых в 1875 г. лечебниц, приходит к совершенно отрицательному выводу об их деятельности.

Из дел камчатских архивов можно видеть, что со стороны администрации часто принимались меры к борьбе с сифилисом и отдельно от проказы. По свидетельству врачей, бывших в Камчатке в пятидесятых годах, сифилис появился здесь с самых первых годов завоевания этой страны русскими. Что же касается проказы, то появление её, вероятнее всего, совпадает с переселением в Камчатку якутов, присланных туда правительством для разведения скотоводства. По крайней мере, такое предположение подтверждается относительно тех якутов, которые были переселены в Камчатку в тридцатых годах этого столетия. Жители селения Николаевского, служащего в настоящее время с закрытием всех лечебниц и больниц местом выселения для прокажённых, так говорят о первоначальном появлении проказы: «В тридцатых го-

дах были присланы якуты для разведения скота, которые болели этою болезнью и все умерли; затем в пятидесятых годах сюда были вызваны иркутские казаки, из которых некоторые поселились в старых домах якутов и тоже начали хворать теми же язвами; семьи этих казаков до сего времени имеют прокажённых».

Статистические данные, основываясь на показаниях врачей, сводятся к следующим цифрам: прокажённых (настоящая проказа) бывает в Камчатке ежегодно от восьми до пятнадцати человек; а сифилисом во всех его формах — от тридцати-сорока человек. В 1897 г. во всей Камчатке больных проказою было десять человек, из коих пять вновь заболевших и за смертью двенадцати человек в 1896 г., пять оставалось от прежних лет.

Доктор Шиманский, осмотревши их совместно с доктором Тюшевым, говорит следующее: «В селении Николаевском живёт бабушка Димова. Ей около девяносто лет. Вся семья: муж, сыновья и дочери болели проказой и умерли. Она сама за всеми ухаживала и всех по очереди кормила, однако сама здорова. Теперь у нея живет внучка, больная проказой, и присланный в прошлом году прокажённый Зимирев.

Николай Зимирев, двадцати лет, сильного телосложения, сын матроса. Причина неизвестна. Отец умер двенадцать лет тому назад в язвах, но прокажённым не считался. Мать здорова, сестра тоже. Начало болезни не помнит. В прошлом году появился зуд и язвы на ногах. Теперь картина болезни: тёмно-багровые пятна на бёдрах, груди и спине и шишки, частью изъязвившиеся, на разгибательных сторонах рук и ног. На ногах большие пальцы совершенно отвалились, торчат кости в язве; до болезни жил в Петропавловске и занимался домашними работами (*Lepra mixta*).

Внучка Димовой, Мария Порошева, двенадцать лет, больна два года. Отец болел семь лет. Родни больше нет, отец и мать умерли. До болезни ничем не страдала. На теле язвы и на разгибательной стороне рук пятна, на лице узлы. Смешанная форма.

В следующем доме живет отдельно Аксинья Максимова, пятьдесят лет, родом из Иркутска; первый раз замужем за Порошовым. Заболела в августе 1895 г.; муж умер шесть лет тому назад; был во Владивостоке, откуда возвратился больным язвами и умер. Сын Егор, тридцать лет, умер два года тому назад от проказы.

При осмотре ея: ноги в ранах тёмно-багрового и коричневого цвета, лицо в ранах, надбровные дуги гниют. Железы увеличены. Лечилась ртутными втираниями и декоктом (лекарственная форма, устаревшее название отвара. — *Ред.*). Жалуется на

боли и ломоту в костях. Можно предположить смешанное страдание — Lues et lepra.

В Петропавловске живёт больная проказой в туберозной форме жена казака Юшина, Елена Юшина, двадцать пять лет, незаконнорожденная, по матери Новограблена. В семье Новограбленных были в прежнем поколении прокажённые. Мать умерла, но была здоровой. Причина болезни неизвестна. Живёт в семье, которую составляют муж и дочка четырёх лет. Дочка здорова, муж тоже. Начало болезни относится к 1893 г.: был зуд на ногах, пузыри, которые лопались; от них остались только рубцы. Прошлой осенью щека отекала и как бы одеревенела. Затем на щеках появились бугорки — *Lepra Tuberosa*. С июня принимает лекарство, назначенное доктором Слюниным, но плохо переносит — рвота.

И раньше в Петропавловске были больные проказой. Был болен Попов и вся его семья. Дом рухнул; на этом месте теперь дом Русанова. Матрос Ипашьев заболел и умер; вся семья тоже вымерла.

По другую сторону залива, у впадения р. Авачи, стоит селение Авача. Прежде были тут больные якуты. Теперь я нашёл одну только больную, жену заместителя старосты Климова, Феодосию, тридцати пяти лет, алеутка, родом с острова Беринга. Живёт в семье, которую составляют муж и пять детей. Замужем двадцать лет. Заболела год тому назад.

В семье мужа были прокажённые, за которыми она и ухаживала. Дети и муж здоровы. Картина болезни: пятна и рубцы, с анэстетическим центром, окружённые иногда пигментным валиком язвы. Одного ребёнка кормит, трое маленьких возле неё. Не лечилась; по алеутскому обычаю обмывается мочёй. Живут крайне бедно и грязно; в хату вход через хлев, сама изба скорее похожа на землянку.

По дороге в Николаевское есть селение Дальнее Озеро, на котором и было первоначально карантинное заведение для прокажённых. Староста заявил, что подозревают в проказе Мурашёва Александра. При осмотре найдены пятна и бугры; на ногах особия возвышающиеся образования, очень чувствительные. До болезни занимался рыбной ловлей и соболиным промыслом. Едал испорченную и больную рыбу (некоторые допускают связь между больной, так называемой “саранной” рыбой и проказой).

Начал болеть в октябрь прошлого года. Был зуд и отёк левой руки. Живёт в семье; при нём жена, две дочери (семнадцать и восемнадцать лет) и сын двенадцати лет. Все здоровы. Жена, рождённая Занина, из Авачи; в её семье были прокажённые.

Последний больной в этом районе оказался на Паратунских ключах. Собственно, под подозрением было два человека: Бочанцев и Черкатина Наталья. Последней тридцать два года, голень занята сплошной язвой. Но периоститы, увеличенные желёзы, характер язвы — типично сифилитический. Живёт с братом в полуразрушенной землянке, в крайней нищете. Митрофан Бочанцев — статный, крепкий тридцатилетний мужчина, взял восемь лет тому назад жену из семьи прокажённой. В то время она отличалась цветущим здоровьем, но вскоре (на двадцать третьем году жизни) появились роковые пятна. Она умерла два года тому назад от проказы, оставив двух детей. Дети здоровы. В мае прошлого года у Бочанцева потемнело лицо, на нём стали появляться белесоватые пятна, и соседи стали поговаривать о предполагаемой проказе. По последним известиям, он уже переселился в Николаевское.

По р. Камчатке только в низовьях есть больные. Близ Нижне-Камчатска в отдельной юрте живут двое больных — Попов и Помазнина. Даниил Попов, пятидесяти лет, занимался рыбной ловлей и звериным промыслом. Заболел в марте 1896 г., когда заметил на теле сыпь. В семье прокажённых не было. Многочисленные бугры на коже лба и пятна по телу. Дарья Помазнина, пятидесяти лет, родилась в Еловке. Семьи нет, родители были здоровы. Заболела давно. Бугристость лица резкая. Бугры на локте и предплечье сине-багрового цвета. Летом обоим приносят пищу родственники или знакомые, зимою десятник, или, по назначению от общества, по очереди.

Наконец, последний больной в Камчатке живёт в избушке в двух верстах от селения Ключевского, Кречетов Алексей, двадцати трёх лет. История его такова. Лет двадцать тому назад к отцу его привезли со шкуны больного матроса в язвах; матроса этого он и приютил у себя до отправки его в Петропавловск. Однако не прошло года, как тот умер. За больным ухаживала сама хозяйка и стирала его бельё. Вскоре сама заболела: появились пятна по телу, ноги отекали и стали, по местному выражению, “как чурки”. Голос переменился. Несколько лет спустя она умерла.

Затем, спустя ещё короткое время, сын, заметив на себе такие же пятна, сам объявил о своём страдании. Вскоре то же появилось и у брата. Миром решили их обоих выселить и поселить вблизи селения, у берега реки, где и выстроили им лачужку. Старик отец (семьдесят лет) ежедневно подходит и кладёт им пищу. Однако не сразу свыклись они со своей участью. Тот, который сам объявился, смело бродил около селения и, заливаясь слезами, кричал

нечеловеческим голосом. Для безопасности пришли и приковали его к дереву. Тогда несчастный смирился.

Кроме характерных пятен и язв он был лишен движения, так как обе ноги уже несколько месяцев совершенно отнялись. За несколько дней до нашего прибытия брат его тут же скончался. Почти два дня несчастный пробыл с трупом брата. Наконец, принесли еду, забрали мертвеца и похоронили.

Мы застали оставшагося в живых в нескольких шагах от лачужки, всего покрытого комарами. Он подполз к нам на руках; кроме проказы, у него развилась цинга».

Заканчивая эти сведения, замечу, что на содержание камчатских прокажённых у господина начальника округа в Петропавловске хранится сумма, составившаяся из пожертвований, в количестве 1 170 руб. 23 коп., каковая при ревизии оказалась налицо.

Какия же обобщения можно сделать из вышеприведённых сведений?

1. Число прокажённых в Камчатке очень невелико — всего десять человек.

2. Случаются новые заболевания. Именно из девятнадцати зарегистрированных в прошлом году осталось только пять, к которым в 1898 г. прибавилось ещё пять случаев новых заболеваний (Бочанцев, Мурашёв, Климова, Зимирёв, Порошова).

3. Возраст заболевших 12—25 лет.

4. Больные составляют, в общем, одну седьмую долю процента всех жителей.

5. Проказа в большинстве случаев заразна.

6. В истоки р. Камчатки зараза занесена из окрестностей Петропавловска, куда проникла из Якутска.

7. Особенно тяжёлых форм, с отваливанием конечностей, не наблюдается.

8. Если существует наследственность, то в поздней форме.

9. Проказа держится семьи.

10. Отделение плохо проведено, многие не отделены и находятся в условиях образования новых гнёзд.

11. Констатируется болезнь, обыкновенно, слишком поздно, когда она уже в сильном развитии.

12. Содержание больных везде крайне неудовлетворительно, несмотря на то, что средства, хотя и ничтожные, имеются в наличности.

13. Питание почти исключительно рыбной пищей, отсутствие растительной пищи и суровый климат делают организм более восприимчивым.

14. Если проказа не быстро распространяется, то вследствие очень трудных путей сообщения.

15. Отделение не встречает сопротивления в народе.

16. При настоящем экономическом положении страны содержание прокажённых ложится тяжёлым бременем на те семьи, где есть больные проказою.

Принимая во внимание разбросанность населения, низкую степень его экономического благосостояния и трудность передвижения больных на большие расстояния при существующих в Камчатке путях сообщения, доктор Шиманский из всех мер, применяемых для прекращения распространения проказы в разных странах света, останавливается на так называемой сельской изоляции больных, как наиболее целесообразной и доступной для камчатских жителей. Всех больных в Камчатке в настоящее время десять, и отделить их в подходящие помещения, устроенные вблизи родных селений, пока не составит особого труда и не потребует больших расходов от казны.

Хотя подобные изолированные жилища находятся в Камчатке и теперь, но они до такой степени плохо обставлены, что улучшить их более чем желательно.

Не менее того желательно и улучшение вообще врачебного дела в Камчатке. С прекращением деятельности временных лечебниц и средств, отпускаемых на них, то есть с 1880 г., медицинская часть в Камчатке очень пошла назад. Доктор Дыбовский, выехавший из Камчатки в 1881 г., писал так: «Больниц нет, средств нет, аптек тоже, поездки врача по округе стеснены. Все это при крайней бедности населения и трудности способов передвижения делает единственного на всю Камчатку врача безсильным в борьбе, как с временными эпидемиями, так и с существующими эндемиями и болезнями вообще». То же можно сказать и теперь, что резко бросается в глаза в сравнении с прежними временами.

Развитие страны весьма тесно связано с состоянием народного здоровья. Постоянные эндемии или временные эпидемии, прежде всего, отнимают рабочие руки, затем парализуют энергию здоровых, и тем самым ослабляют промышленность, а, следовательно, и общее развитие края. Английская королевская комиссия 1893 г., пробывши около шести месяцев в Индии для исследования проказы, опирая свои выводы на 250 тысячах случаев заболеваний, придаёт громадное значение изучению местных условий — климатических, расовых, социальных и особенно экономических. Улучшением этих условий исчерпываются все меры против заразы, для

прекращения которой необходимым условием считается забота об экономическом и культурном развитии страны.

Таким образом, основываясь на выводах одной из цивилизованных стран Европы, мы приходим к заключению, что для избежания всех зол в стране и для поднятия степени её благосостояния, необходимы, прежде всего, заботы о культурности её жителей. Кто станет оспаривать, что первенствующую роль в этом деле должна играть школа. К сожалению, история последних лет Камчатки говорит нам противное: школа была там забыта, мало того, она была там попорана. Забыта потому, что в данный момент её нет там; а попорана потому, что она была там до пятидесятых годов, но её уничтожили.

Правда, в последнее время, в связи с общим развитием Приамурского края, Камчатка всё более начинает обращать на себя внимание. Принимаются меры для охранения камчатских морей от хищничества частных предпринимателей, посылаются и вызываются разного рода лица для разрешения общих вопросов по управлению, хозяйству и вообще нуждам страны. Командируются специалисты для изучения промысловых богатств и условий их разработки и, наконец, снаряжаются целые экспедиции, стоящие целые сотни тысяч рублей, для исследования минеральных богатств этой страны. Создать промысел, развить его и тем поднять экономическое положение страны — вот идея, вокруг которой группируются главные из перечисленных мер. Как ни рациональна такая постановка вопроса, но ожидать от неё пользы для местных жителей едва ли возможно.

Как бы идеально ни была обставлена подобная промышленность она, при полной умственной инертности местных жителей, не явится для них школою жизни, а скорее средством окончательного подавления физического и нравственного их бытия. Кому неизвестно, что во всяком деле, а тем более в промышленности, при конкуренции, сильный давит слабого. Допустим, в Камчатке будет положено начало золотопромышленности, рыбным промыслам в широком размере, китобойству и прочим.

Если эти предприятия отдать в руки местных жителей, то по отсталости и неразвитости их из этого ничего не выйдет, а если же передадут их пришельцам, то по той же причине местный житель явится в роли слабого, а пришелец в роли сильного, что мы и видим в столетней истории пушного промысла и торговли, отданных в конце прошлого столетия в руки различного рода компаний.

В силу таких соображений, как бы ни были целесообразны указанные выше мероприятия, они по отношению к Камчатке останутся менее чем полумерами, если не будут приложены предварительныя заботы об умственном развитии самих жителей. Развейте умственные силы их, тогда они сами найдут у себя и золото, и уголь. Они сами научатся сохранять и рыбу, и соболя, они, наконец, сами определяют, что им привозить и что вывозить, словом, они сами будут знать, что им делать и как им жить.

Автор воспроизведённой ниже книги «Забытые русския земли» Борис Константинович Подгурский (псевдоним Борис Горовский) прожил короткую, но насыщенную жизнь (1888—1915). Этот журналист, путешественник, исследователь посвятил много сил и времени изучению отдалённых уголков Российской Империи, в том числе Чукотки и Камчатки. Его написанные в простой и увлекательной форме путевые очерки, изданные как приложение к влиятельной ежедневной петербургской газете «Вечернее время», издававшейся с 1911 по 1917 г., пожалуй, впервые познакомили широкую российскую публику с теми основными задачами, которые предстояло решить в ходе освоения северо-восточной окраины России. В их числе установление надёжной судоходной связи отдалённых районов с метрополией, необходимость охраны природных богатств и противостояния неконтролируемому иностранному проникновению, развитие морского, рыбного, пушного и горного промыслов, просветительская и культурная работа среди коренного местного населения.

Большинство этих задач были успешно решены к середине XX в., но уже в его конце, да и сейчас, вновь оказались актуальны. Поэтому заключительные слова изданной в 1914 г. книги, написанные ровно век тому назад, и ныне звучат тревожным напоминанием нам о том, что существует опасность потери территории, некогда приобретенной благодаря трёхвековому движению русских «встречь солнцу»: «Мы сделаем непоправимую ошибку, если не обратим теперь же самого серьезного внимания на свои владения, внимания не только правительства, но и всего общества. Если развал, который там теперь царит, будет так же прогрессивно идти вперёд, Америка и Япония окончательно вытеснят нас из Камчатки и Чукотского полуострова и овладеют колоссальными богатствами, которые мы упустили только благодаря нашей традиционной нерадивости и халатности». Как известно, природа пустоты не терпит.

В настоящем переиздании сохранены стилистические особенности исходного материала, но использована современная пунктуация. Иллюстрации изъятые из текста, сгруппированы и перенесены в фотографическую вставку. Три из них опущены ввиду низкого качества в оригинале.

Б. ГОРОВСКИЙ

ЗАБЫТЫЕ РУССКИЕ ЗЕМЛИ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Быть ознакомленным со страной — значит изучать её, имея под руками источники, дающие пусть не слишком обширное, но верное представление о крае.

Как всякая крупная величина составляется из суммы самых мелких, так и жизнь любого центра страны всегда зависит от процветания питающих его мелких уголков. А если при этом такой «уголок» является целым обширным краем, обладающим собственными богатствами и имеющим самостоятельное значение, но мало известным лишь в силу своей отдалённости от метрополии, халатность при изучении его граничит уже с преступной небрежностью.

Когда мне пришлось столкнуться с жизнью Чукотского полуострова и Камчатки и приняться за их изучение на месте, я невольно вспомнил о своих ученических годах, начал припоминать, какое представление об этих далеких краях давали учебники географии...

Память мне абсолютно ничего не ответила. Не доверяя себе, я просмотрел многие современные учебники — и развел руками; об этих окраинах либо не говорят ничего, либо дают такие сведения, которые совершенно далеки от истины. Беллетристическая же и публицистическая литература по этому вопросу широкой публике совершенно неизвестна. Недавно я прочёл перечень массы книг на эту тему, но ведь таковых перечней никто не знает, ибо почти все они помещаются в каких-нибудь официальных отчётах, надо знать, где искать их, а для этого нужно, чтобы публика интересовалась тем краем, о котором вздумается читать. О том, что ни в одном источнике я не нашёл ни малейшего желания увлечь интересующегося человека этими обширными, богатейшими, но неизвестными нашими владениями и говорить нечего: этим благородным порывом по адресу русских забытых земель не воспы-

лал ни один автор. Наши самые популярные учебники географии говорят об азиатских владениях России слишком мало.

Теперь, когда в Сибири сильно развились такие торговые центры, как Красноярск, Омск, Иркутск, Чита, наконец, Владивосток, когда великий сибирский путь сорвал с громаднейшей полосы земель оковы неприступности, когда тысячи переселенцев идут туда и становятся в лучшие условия своего благосостояния, ученик из такого учебника почерпает лишь общия указания, совершенно не объясняющие истинного значения для страны этих владений. Что же касается Чукотского полуострова, Камчатки, района Амура, повествование об этих краях не выдерживает никакой критики. Внимание учебников привлекли реки Обь, Енисей, Лена, Амур, которым посвящено десятка два слов, тогда как такая река, как Анадырь, протекающая по стране на расстояние с лишком тысячи вёрст, вполне судоходная на двести вёрст от устья, не возбудила к себе никаких симпатий. Далее, о Чукотском полуострове — ни звука, кроме равнодушного замечания, что самый крайний восточный мыс Азии — Дежнёв. А где же все золото, о котором последнее время так много говорят, которое может дать в недалёком будущем России такой же доход, как Аляска Америке?

Где колоссальное количество пушнины, расходящейся по всему миру с Чукотской земли? При описании рыболовства в самых общих чертах упоминаются реки Обь, Иртыш и озера Байкал и Зайсан, между прочим, и Амур. Учебник скромно умалчивает о том, что на мировых рыбных рынках Амур занимает второе место после Камчатки, о рыбопромышленности которой уже совсем не говорится ни слова. Что с Камчатки вывозится рыбы ежегодно и русскими, и японцами в среднем на три-четыре миллиона рублей, что там более пятисот рыбалок, что в Усть-Камчатске работают два рыбных консервных завода, это, очевидно, не интересно. Тогда как наша рыба питает главнейшие рынки Америки и Англии, такой учебник говорит: «По причине дурного засола и неумения приготовить рыбу впрок сибирское рыболовство ограничивается только удовлетворением *местных* нужд». Об ошибках в описании значения городов, в перечислении мест тех или других пород зверя, не стоит и говорить.

В «Азиатской России», составленной преподавателями географии Крубером, Григорьевым, Барковым и Чефрановым, при описании севера Чукотского полуострова и берегов Колымской губы есть фраза: «Единственное возможное здесь сообщение — верхом». Не буду оспаривать справедливости этого, но прибавлю:

«Только вдоль реки Колымы, которую надо считать вне Чукотского полуострова, да и то в течение двух летних месяцев». Когда в 1910 г. на Чукотский полуостров впервые привезли лошадей, чукчи толпами ходили за ними, с таким изумлением глядя на диковинного зверя, с каким европеец обратил бы свой взор на вдруг воскресшего ихтиозавра. Мне лично ни разу не пришлось слышать о другом способе передвижения, как на собаках. Далее этот курс говорит, что чукчи не татуируются — ещё в 1911 г. я почти всех их видел татуированными; что «чукчи никогда не моются» — это далеко от истины. Они моются, и очень часто, но, правда, не водой с мылом, а... собственной мочой.

Есть ошибки даже у такого географа, как Реклю. «Тайга, — говорит, например, он, — почти везде представляет безмолвный лес, без насекомых и птиц... под тенью ея не увидишь ни одного живого существа». Тайга на самом деле славится своей богатейшей охотой на дичь, кабанов, лосей, знаменитых северных тигров и т. д. Если автор в данном случае хочет дать ученику понятие о покрывающей Сибирь на тысячи квадратных вёрст тайге, он ошибается: понятие получится совершенно неправильное.

Вот как грешат против истины наши источники познаний по географии России. Ведь далекия наши владения не клочок земли, ничего не стоящий, о котором можно было бы и забыть. Это край, который может дать стране громадные богатства, заслуживающий труда изучения и интереса к себе.

Я коснулся учебников, как источников, долженствующих считаться наиболее верными. О частной литературе в данном случае говорить не стоит, ибо иначе пришлось бы писать целые томы.

В один прекрасный момент человек с таким знанием далекой окраины назначается туда на административную должность, и в результате — тот развал, который существует сейчас на наших берегах Тихого и Ледовитого океанов, то полное незнание с жизнью края, о котором Реклю говорит: «...из всех частей Сибири ни одна не осталась более чуждой славянскому миру, несмотря на завоевание ея русскими... чем Чукотский полуостров и Камчатка». Слова того же Реклю о Петропавловске: «...один из этих маленьких заливов есть знаменитая губа Авачинская, одна из бухт, оспаривающих у Рио-де-Жанейро и Сан-Франциско право на звание *лучшего порта* в свете», — лишний раз иллюстрируют наше нежелание знать то, что мы имеем, нежелание дать к тому подходящие средства и целесообразную постановку дела изучения своей страны.

БОРИСЪ ГОРОВСКІЙ.

ЗАБЫТЫЯ
РУССКІЯ
ЗЕМЛИ

ЧУКОТСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ И КАМЧАТКА

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

Съ 55 иллюстраціями и 1 картой

Издание Б. А. Суворина

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1914

Титульный лист книги Б. Горовского «Забытыя русскія земли»

При составлении своей книги я не задавался мыслью дать обществу серьёзный научный труд; я хочу только чтобы ряд написанных очерков, высказанных мнений хоть немного заинтересовал общество, привлек бы его внимание к далеким, забытым краям. Тогда каждый, кто интересуется этой темой, всегда сумеет найти такой источник, который узко будет его учить, тогда явится и необходимость в составлении книг, строго обдуманых, в определённой системе дающих человеку те познания, которые нужны для изучения наших далёких желанных земель.

Часть I. ЧУКОТСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

I. Забытая страна. Чукчи

«Мыслим ли хозяин, не знающий своего жилья, и что в нём имеется? Но одинаково странно жить в крае — и не знать его...» — вот слова, которые автор одной брошюры поставил девизом, когда разбирал «Наши богатства».

«Странно не знать края»... Да, странно и больно сознавать, что у нас есть край, на который махнули рукой, который, по-видимому, никому не интересен.

От пятидесятой до семидесятой параллели северной широты и от 110 до 180 градуса долготы лежат наши далекия русския владения — Чукотский полуостров и Камчатка.

Немного времени прошло с тех пор, как большинство читающей публики живо интересовалось отплытием из наших вод в далекия, неизвестныя скитания экспедиции лейтенанта Брусилова. Намерения экспедиции, ея цель, предстоящия условия плавания — всё это представляло собою массу тем для разговоров, обсуждений, обмена мнений и т. д., но ни разу не пришлось услышать серьёзно поставленного вопроса: «А что это за земли, в которые они идут, нужно ли их изучение, что эта экспедиция может дать, стоит ли тот край такого внимания?»

Лично меня, как человека, часто встречавшагося с лейтенантом Брусиловым в далёком неведомом Ледовитом океане, изучавшаго вместе с ним наши северо-восточныя владения, именно последний вопрос заинтересовал более, чем всё остальное. Я хочу поделиться с публикой теми впечатлениями, которые у меня сохранились от недавняго пребывания на северо-восточных берегах Ледовитаго океана, берегах наших, русских, но известных любому иностранцу лучше, чем нам самим.

Далеко за пределом всякой цивилизованной жизни, омываемый холодными тёмными водами Ледовитого и Тихого океанов, имеющий в своей несложной забытой истории лишь одно, смутно припоминаемое имя простого казака Дежнёва, прозябает в безпросветной глуши богатейший край — Чукотский полуостров.

Уже простой взгляд на карту даёт основание предполагать в недрах Чукотского полуострова те же богатства, что мы видим в Аляске. Но американцы на Аляске имеют богато разработанные рудники, имеют вполне оборудованные пути сообщения; всего в полтораста милях от крайнего восточного мыса — Дежнёва, где у нас ужасающая глушь — на американском берегу имеется портовый город Ном (Nome). А у нас... кто-то когда-то решил, что местное население (те же чукчи, что и на Аляске) — вымирающие остатки дикарей, а посему не стоит-де заботиться ни о них, ни о местности, ими населённой.

Мрачные, обрывистые, лишённые всякой флоры дикие скалы, ограждающие землю от нападения страшного там противника — океана, высокие голые горы, едва видимые сквозь дымку тумана за грозным рядом скал, долгое время не рождали в голове редких видевших их путешественников мысли, что на Чукотском полуострове есть жизнь, хотя и дикая, есть громадные богатства, нетронутые рукою человека.

Лишь последнее время мы начали обращать наши взоры туда, но много раньше нас познали всю выгоду знакомства с этим краем американцы.

Когда тридцать лет тому назад мы продали Америке за семь с половиной миллионов Аляску, мы не подозревали, что отдали за безценок колоссальное богатство, такое же, какое можем открыть теперь на Чукотском полуострове. В этом крае в изобилии водятся пушной зверь; все меха расходятся по всему миру оттуда; там громадные стада китов, моржей, белых медведей — этих ценных обитателей моря. В недрах Чукотского полуострова покоится золото, платина, уголь, — всё это ждет разработки. Все эти богатства, правда, в слабой степени, кроме пушного промысла, эксплуатируются американцами-хищниками, ибо официально им, конечно, это не разрешается. Но побороть их нам чрезвычайно трудно.

Американцы давно изучили наш край, познакомились близко с населением, снискали в нем к себе большое уважение. Где ж тут спорить нам, которых жители и не знают? Разумеется, вытеснить американцев, занять их положение, перевести в свой карман всю эксплуатацию Чукотского полуострова, — вот насущная задача

для России, задача, которую мы должны стремиться выполнить, во что бы то ни стало. Но надо помнить, что это работа крайне тяжёлая, залог успеха которой зиждется прежде всего на основательном изучении края людьми, которые для этого будут посланы туда, и на возможно более популярном ознакомлении с далёкими землями широкой публики.

Местное население — чукчи (чаукту, или, как они себя называют, «туски») — дикари, мало ушедшие от первобытного состояния, но привившие себе поверхностно некоторые внешние признаки цивилизации, ведут своё происхождение от монгольского племени. У обитателей Чукотского полуострова много общего в жизни, в языке с населением северных берегов Америки и Гренландии; это подтверждает предположение, что по всему побережью Ледовитого океана население родственно между собой.

Многие исследователи высказывают предположение, что некогда чукчи обитали гораздо южнее — в верхней Монголии, но постепенно другими народами были оттеснены к берегам Ледовитого океана. В 1869 г. особым указом строго определена территория чукотской оседлости; на громадном пространстве в 704 000 кв. вёрст насчитывается до 4 000 человек (хотя Реклю считает 12 000 — это вряд ли верная цифра). Чукчи резко разделяются на две категории: оленные и более оседлые. Первые — кочующий народ, бродящий по всему пространству Чукотского полуострова с огромными стадами оленей; некоторые богатые чукчи имеют более 2 000 голов оленей. Оседлые чукчи в последнее время обосновались на прибрежной полосе; их занятие — рыболовство, звероловство и торговля пушниной.

Эти две категории сильно отличаются друг от друга своим языком и вследствие разницы в условиях жизни, понятно, и бытом, но общия, основные черты всего их племени одинаковы.

Чукчи по натуре очень воинственный и храбрый народ; условиями своей суровой жизни они отлично закалены против всяких невзгод. Мне пришлось раз наблюдать, как чукча переносит боль. К нам на пароход приехал молодой чукча с товарищем, немного говорившим по-английски. От этого переводчика узнали мы, что нужен доктор. Когда свели его в лазарет, оказалось, что у первого под мышкой какой-то громадный нарыв, величиною с кулак, необычайно твёрдый. Доктор нашёл необходимым немедленно его разрезать. Чукча совершенно спокойно это выслушал и уселся на табуретку. Жутко было смотреть, как этот больной спокойно просидел более получаса с поднятой рукой, которую поддерживал его

товарищ, пока производилась операция. За всё время, пока доктор очищал от гноя большую полость с разрезом около шести сантиметров длиной, чукча ни разу не выказал и признака боли. Когда операция была окончена, он подробно выслушал наставления доктора, что надо делать дальше, потом долго благодарил, и как ни в чём не бывало, сел в свою байдарку и уехал.

Живут чукчи обыкновенно по пять-шесть семей вместе, причём самый старый и (или, часто, самый богатый из стариков) выбирается «тойоном» — вождём и руководителем всей общей семьи. Такой руководитель пользуется громадным уважением и авторитетом, образовавшаяся под его начальством большая семья живёт своей отдельной жизнью, но живёт всегда без всяких распрей и раздоров.

Чукчи крайне гостеприимны, сильно развита в них любовь к детям. Я ни разу не наблюдал, чтобы чукча не только наказал своего ребёнка, но даже прикрикнул на него; они буквально обожают детей и сильно балуют их.

Можно привести интересный пример редкой для дикаря привязанности матери к ребенку. Лет тридцать тому назад посетившим Чукотский полуостров лицом была вывезена в Россию девочка трёх-четырёх лет. Далее ребёнок был отдан в один из институтов. Девочка обещала быть очень интересной, что и исполнилось, когда она, кончив институт, стала взрослой барышней, скоро вышедшей замуж. Мать этой девочки жива и, узнав, что её дочь где-то в России, пришла два года тому назад на русский пароход, где говорила, что собирается ехать в Россию отыскивать свое дитя, на что уже у неё скоплены деньги. При этом она торжественно показывала серебряный рубль.

Одежда чукчей состоит исключительно из звериных шкур (большею частью оленьих), примитивным способом сшитых наподобие платья и надеваемых мехом внутрь, прямо на тело. Снимает чукча свою одежду лишь тогда, когда она окончательно износилась и требует замены новой. Пищей этим дикарям служит главным образом сырая рыба, а одним из лучших деликатесов — сырые же внутренности кита или моржа, обильно приправленные китовым жиром. Ещё три года тому назад одному из европейцев, путешествовавших вместе со мною по чукотским деревням, было предложено радушными хозяевами следующее блюдо: смесь из внутренностей моржа и рыбы с большим количеством рыбьих голов (что считается особым лакомством). Приправлено всё это было моржовым и китовым жиром. Моются чукчи всегда собственной мочой; я предложил раз одной чукотской девушке кусок мыла,

показав на ея собственной руке, как надо употреблять его. Чукчанке это мытьё как будто очень понравилось, по крайней мере, она смеялась от души, но только я успел отвернуться на одну минуту, как уже половина куска была... ею съедена.

У чукчей до сих пор ещё сохранились такие обычаи старины, как умерщвление стариков. Очень часто, когда чукча начинает чувствовать, что вследствие своей старости уже становится в тягость другим, он просит, чтобы его убили; обыкновенно это должен сделать собственный сын или ближайший родственник, и отказать старику в такой просьбе считается преступлением. Трупы чукчи часто сжигают или выставляют на деревянном помосте для растерзания хищным птицам; хотя теперь уже, мало-помалу, исчезают эти старинные обычаи. Чукчи обращены в христианство, но, разумеется, учение это им незнакомо. Насколько они понимают христианство, можно себе представить хотя бы по тому, что среди изображений своих богов есть у них и изображение того Бога, о котором им говорили — просто они некоторые основы христианского учения перевернули на свой лад.

У чукчей в полной мере сохранились жертвоприношения животных и шаманство. Хотя у них существуют особые исполнители этого обряда, так сказать, верховные шаманы, но и кроме них шаманить может каждый чукча. У Тана (В. Г. Богораз-Тан, известен также как Тан-Богораз — этнограф, писатель, общественный деятель, кочевал с чукчами в 1895—1897 гг., написал монографию «Чукчи». — *Ред.*) есть прекрасное описание этого обряда. Он приводит пример шаманства для умиловивления бога вьюги, причём дословно переводит их заклинания: «Уквун (имя чукчи) снял бубен, испробовал звонкость оболочки колотушкой из китоваго уса и приготовился приступить к священнодействию. Обе лампы были погашены, в пологе было темно, как в гробу; но темнота эта жила и как будто двигалась, вся переполненная звуками. Частый и дробный звук колотушки раздавался как набат. Уквун надрывался от усердия, извлекая из своего горла самые странные и сложные напевы: подражал храпу моржа и клёкоту орла, рычал медведем и гоготал гагарой, завывал в унисон вьюге, бушевавшей на дворе. Но напрасно слушатели кричали: “Гычь, гычь! (правда)”, — поощряя его и вместе с тем стараясь выставить перед призываемыми духами его силу в наиболее выгодном свете. Духи бури, пролетавшей мимо, не обращали, по-видимому, никакого внимания на его призыв и никак не хотели задержаться на минуту и откликнуться. Быть может, им хотелось ещё поте-

шиться над незащищенной тундрой, и они не одобряли затеи Уквуна, клонившейся к их умиротворению.

“Э-ге-ге-ге-гей! Гей, гей! — протянул наконец Уквун. — Гей, гей! Я человек, я ищущий, я зовущий”...

Он решил от простых напевов перейти к заклинаниям, которые считаются гораздо более действительными.

“Маленькая рыбка века, — запел он громким и протяжным речитативом. — Гей, гей. Выросла и стала больше кита. Гей! Она лежит среди открытого моря; шея ее стала как остров, спина ее вытянулась материком. Гей, гей, гей! Если ты, пролетая, задел концом крыла за землю Люрен, дай ответ”.

Но буря опять пролетала мимо, не откликаясь на призыв.

“Над истоком бегущей воды, на вершине белого хребта, у гремящего ледника живет молния, мать горного эха. Она летает по небу, гремя железными крыльями... Из-под ног ее брызжет алый огонь... Если ты вылетел из ее узких ущелий, дай ответ”.

Но ответа не было по-прежнему...»

Это описание даёт характерную картину обрядов чукчей.

Живут чукчи почти исключительно звероловством, сбытом пушнины, ниже стоит моржовый промысел. Все Чукчи прекрасные моряки. На своих небольших байдарках из кожи моржа чукчи не знают страха перед какой бы то ни было непогодой. Вооружены они привозимыми американцами винчестерами. Каждый чукча уже с детства великолепный стрелок.

Я говорил лишь о чертах их дикаго состояния. Но какой резкий, в первый момент трудно укладываемый в голове, контраст составляют со всем этим зачатки культуры, привившиеся в какой-то беспорядочной, безсистемной форме! На моих глазах за последние два года почти все прибрежные деревни чукчей променяли свои грязные шатры из шкур животных на чистенькие деревянные домики с железной крышей, печами, настоящими стеклами и т. д.

В бухте Провидения чукчи приобрели две моторных шхуны, научились сами справляться с моторами и теперь имеют собственный каботаж между деревнями. У них начинают появляться новейшие приспособления и орудия лова морских животных, появляются прекрасные гарпунные пушки для боя китов и т. д. Все-го забавнее, что почти в каждом домике у чукчи можно услышать граммофон. Но всё это как-то странно укладывается у них наряду с прочно держащимися дикими, первобытными нравами, ужасающей грязью, страшными болезнями (почти все чукчи больны

сифилисом, и, конечно, вследствие полного отсутствия какого бы то ни было лечения, эта болезнь свила себе в среде полудикарей прочное гнездо). Но раз чукчи восприняли хоть некоторые проявления цивилизации, правда лишь те, которые им оказались необходимыми или просто интересными, значит, они способны к восприятию и более серьёзных основ культуры. Чукчи не питают никакой вражды к иноплеменникам, охотно перенимают от них многое, что им предлагают. Но вследствие того, что народ этот никому не интересен, им серьёзно и не занимались. Всё, что чукчи имеют, исходит от американцев, а те, разумеется, заботятся об этом народе и цивилизуют его лишь постольку, поскольку это им выгодно.

II. Мы и американцы

Чукотский полуостров так же дик своей природой, как и жизнью своих обитателей. Крайне суровый климат (снег, выпадая в октябре, сходит лишь в начале июня; температура летних месяцев, июля и августа, плюс три-четыре градуса), отсутствие какой-либо растительности, кроме травы и низкого кустарника по склонам гор, полная неспособность земли вырастить каких бы то ни было овощи, — всё это ставит край в положение дикой, глухой земли.

Но зато та же земля скрывает в себе громадные богатства. Образование земных пород в этом крае совершенно то же, что и на Аляске, которая своим значением для Америки в смысле эксплуатации богатств достигла значения, не уступающего Калифорнии. Но американцы сумели перенести цивилизацию даже в такое глухое место, как и наш Чукотский полуостров. Приспособиться можно к какой угодно дикой жизни. Американцы блестяще доказали это. На Аляске, не говоря уже о рудниках, разработанных согласно новейшим требованиям техники, находятся два портовых города: Ном и Кларенс, своим благоустройством отвечающие самым строгим требованиям.

Как больно становится, когда вспомнишь, что всё это находится в каких-нибудь трёхстах верстах от наших владений!

На весь Чукотский полуостров, который мог бы свободно поместить в себе Францию, имеется лишь 10—12 человек интеллигенции, включая в это число фельдшера, заведующего магазином и т. п. Местная администрация — два уездных начальника, один помощник и семь человек нижних чинов, которые там почему-то изстари называются «казаками».

В юго-западном углу Чукотского полуострова вливает свои воды в Берингово море громадная река Анадырь, в устье которой расположен пост Ново-Мариинск, где летом живёт начальник Анадырского уезда. Этот пост представляет собою маленький поселок с пятью жилищами. Я употребляю именно это слово потому, что назвать предназначенные для жилья берлоги домами никак нельзя. Наиболее комфортабельным жильём считается там палатка; одна из палаток имеет на своей вершине крест, рядом стоят два столба, на которых подвешены колокольчики. Это — православная церковь. На зиму всё население поста перекочевывает в селение Марково, находящееся на реке Анадырь в восьмистах верстах от устья. Марково уже несколько лучше приспособлено для жизни, но и оно стоит, конечно, ниже любого самого глухого села Европейской России. Названными двумя пунктами и исчерпываются все наши попытки к «благоустроенному» житию в крае. О каких бы то ни было рудниках, конечно, не может быть и речи, нет и намёка на их существование. Покой золота нами совершенно не нарушается.

Американцы, видя наше полное нежелание приняться за цивилизацию края, наше отчаянное равнодушие к его существованию, разумеется, воспользовались этим в полной мере. Они хозяйничают на Чукотском полуострове, как и сколько им угодно. Я говорил уже, что все богатства уходят в их руки; это результат той системы, которую они применяют при эксплуатации любой колонии. Они тщательно изучают край, подробно знакомятся со всеми его данными, знакомятся с населением, его нуждами и нравами; они «приручают» местных жителей, стараясь всё время идти навстречу их желаниям, внося в их жизнь некоторые основы культуры. Чукчи ясно видят, что всё, предлагаемое им американцами, не только полезно, но действительно необходимо. Вся жизнь чукчей зависит от боя зверей, морских животных. Американцы привозят им прекрасные ружья, орудия охоты.

Чукчам нужны средства сообщения по побережью. Те же американцы дают им моторные шхуны, обучают их управлять машинами и т. д.

Американцам, конечно, слишком выгодно, чтобы все улучшения в быте чукчей, весь маленький прогресс этого народа шёл от них. Во-первых, чукчи вынуждены платить за самые необходимые вещи столько, сколько американцы захотят, а, во-вторых, для Америки очень «удобно», что чукчи видят возможность прогресса, исходящей лишь от нея, а не от России.

Чукчи относятся буквально снисходительно к русским, как к людям, которые им ничего нового дать не могут. Были попытки заводить на Чукотском полуострове склады с необходимыми для чукчей вещами. Но эти склады обычно имели всё, что угодно, до духов включительно, но только не то, что надо чукчам. Были склады у прекратившей ещё в 1909 г. своё существование одной компании по разработке золота, имеется и по сей час на посту Дежнёва склад торгового дома Чурина, устраиваются казённые склады, но всё это не то, что надо. Именно можно сказать, что все эти склады «слышали звон, да...»

Зато как только где-нибудь появляется американский магазин, чукчи сейчас же идут туда, минуя русских, — настолько прочно их доверие к американцам. Теперь американцы изгоняются из наших краев; изгнали их из Ново-Мариинска, с поста Дежнёва. Но что принесёт такая мера? Чукчи будут лишены тех необходимых вещей, которые они получали от американцев, а мы при существующей организации дела им ничего полезного не дадим.

Если как следует ознакомиться с основными требованиями чукчей, с их нуждами, если подготовить людей, знающих эти нужды, приготовить склады, установить и организовать правильный доступ необходимых товаров, тогда с легким сердцем можно гнать американцев и поставить русских. Но нужно, чтобы чукчи сразу увидели, что мы им предлагаем лучшее, чем они имели от американцев. Я говорю именно «лучшее» потому, что если мы сейчас, изгнав американцев, дадим только то, что давали они — трудно будет завоевать доверие к себе, ибо слишком уж глубоко сидит в чукчах убеждение, что мы в сравнении с американцами — ничто. У чукчей сильно развито предубеждение против нашей способности быть им не только необходимыми, но и полезными.

С 1910 г. американцам запрещено появляться на своих шхунах в наших водах; поэтому каждый нарушивший это правило именуется уже «хищником». Сути дела этот закон, конечно, не изменил: раньше американцы хозяйничали открыто, теперь — под названием «хищник». А кто же может бороться с ними? На всех хищников «стража» состоит лишь из семи «казаков» да маленькой тихоходной шхуны в распоряжении чукотского уездного начальника. Очевидно, при таких условиях охраны никакого надзора за действиями американцев быть не может.

Результат всего описанного тот, что население крайне привыкло к американцам, привыкло обращаться к ним за малейшей помощью, приучилось уважать их, твёрдо зная, что те всегда помогут

чукчам всем, чем нужно. Чукчи, не имея ни малейшего представления о русском языке, почти все говорят по-английски. И больно становится русскому человеку, когда видишь всюду, в мельчайших намеках на цивилизацию, беспорядочно разсыпанных среди местных жителей, лишь имя давшего эти крохи: «Америка», когда вынужден говорить с чукчей по-английски, когда видишь на себе взгляд чукчи, обращенный на русского как на чужого, неведомого, ненужного ему человека.

III. В пути. Ново-Мариинский пост

Подходил к концу девятый день нашего томительного плавания в открытом море, вдали от берегов. Несмотря на то, что была только середина октября, в далеком Беринговом море уже начали свирепствовать осенние штормы с их пронизывающим холодом, пургой и бешеной, неутомимой качкой.

На разсвете мы увидали покрытые первым снежным пухом берега Анадырского лимана. Лиман этот сильно даёт себя чувствовать своими мелями уже за сорок миль до входа в реку командный персонал парохода становится серьезнее, чаще посматривает на карту, не отрывает глаз от бинокля, устремленного на медленно открывающийся за туманом очертания негостеприимного берега. Лоцманов никаких здесь нет — приходится идти крайне осторожно, медленно пробираясь среди разбросанных могучей рекой безконечных мелей — «банок», как называют их моряки.

— Ну, вот и ход уменьшили... Смотрите, и чего это мы кружим всё время... Ох, как бы не выскочить куда-нибудь, — слышались недовольные голоса пассажиров, жаждущих как можно скорее выбраться на сушу.

Нет нужды, что послезавтра опять надо идти дальше, опять «кружить» по лиману и опять проклинать ветер и холод, превращающие палубу в каток, на который то и дело попадают сорванные налетевшим шквалом гребни крутых волн. Об этих неприятностях забыли. Голова занята лишь одной мыслью — как можно скорее, сейчас, сию минуту почувствовать под ногами землю.

— И кто меня, спрашивается, неволил пускаться в такое путешествие?... — слышу за собой ворчливый голос. Оборачиваюсь — стоит мой визави по столу за обедом. Он всю дорогу привлекал моё внимание. Высокий плотный мужчина лет сорока с простыми чертами лица, обыкновенной русой бородой, аккуратно причёсанной, но без претензии на что-нибудь «парикмахерское». Он невольно

заставлял меня вглядываться в его выразительные, красивые глаза. Одет он был очень чисто, но просто. Очень мало говорил вообще, а о себе никогда ничего не рассказывал. Я же, как он ни интересовал меня, стеснялся его расспрашивать.

— А разве вы поневоле идёте? — спросил я в ответе на его ворчание.

— Если хотите — да, — усмехнулся мой собеседник. — Я, видите ли, нашёл на Анадыри, в четырёх верстах от устья залежи платины и золота. Сделал заявку, теперь хочу разрабатывать.

Я высказал своё удивление по поводу того, что не вижу ни его рабочих, ни каких-либо инструментов для разработки золота.

— Э, батенька, плохо вы знаете наши порядки. Я должен за эту зиму только произвести разведку, представить результат ея, а вот на будущий год можно и рабочих везти.

— Да ведь вы так теряете два года прибыльной работы?

— Что ж поделаться, — развёл он руками, — волокита... Вот зиму как-нибудь проживу с тремя людьми, а там что Бог даст, пока вчетвером поработаем.

— Да как же вы жить будете? Ведь там никаких построек нет?

Он молча показал рукой на носовой трюм. Там я увидел груды гофрированного оцинкованного железа и несколько деревянных стропил. Этот человек собирался прожить суровую зиму с тридцатипятиградусными морозами под защитой железного, кое-как собранного сарая. Ему предстояло всю зиму просидеть на одних консервах да ещё работать, чтобы представить результат разведки.

— Ну, знаете, — ответил я, — хуже трудно себе что-нибудь представить.

— Да... хотя бывало и хуже, — оборвал он вдруг разговор и отошёл.

Впоследствии я узнал, что он русский эмигрант из Америки, работал на Аляскинских золотых приисках; там его обокрали, остался без копейки. Два года тому назад пошёл на американской хищнической шхуне к нашим берегам, набрёл на участок золота, но попался. Теперь, отсидев положенное, он в компании ещё троих таких же неудачников решил заняться разработкой золота легально, сделав на этот участок заявку.

После нашего разговора я невольно задумался, представляя себе все тяжёлые условия жизни, которые ему предстоят. Начать с того, что не легко добраться до этого участка. В устье Анадыри надо высадиться и прожить в какой-нибудь холодной, грязной чукотской лачуге добрый месяц, пока установится снег; тогда можно

добраться на собаках. Или же, если не выжидать этого времени, придётся подниматься вверх по быстрому течению реки на шлюпке. Это путешествие прямо ужасно. Открытая, низкобортная чукотская шлюпка не предохранит в пути ни от ветра, ни от снега. Вода в это время года уже покрывается по ночам корочкой льда, что сильно затрудняет движение шлюпки, влекомой вдоль берега бичевой, в которую впряжены восемь-десять собак. Часто приходится останавливаться, чтобы дать отдохнуть собакам или просто размять ноги. Переезд на лодке до его участка занял бы недели две. Две недели на открытом воздухе, в холод, в пургу, не имея возможности переодеться, когда от срывааемых ветром брызг промокает платье, без горячей пищи, без моциона! Какое здоровье надо иметь, чтобы перенести безнаказанно такое испытание! А уехать раньше из Владивостока, чтобы поспеть на участок в тёплое время, нельзя было.

— В областном правлении не были готовы необходимые документы. Я клянчил, просил поторопиться — ничто не помогло. Какое им дело до морозов; они воображают, что везде — Ницца.

Да, нелегко при таких условиях работать.

А что предстоит зимой? Голое место, которое покрывается снегом, иногда аршина на два-три, постоянные ветры, несущие крепкие, острые снежинки, которые преобильно впииваются в кожу, сильные морозы, продолжающиеся с ноября по май, — вот как встретит природа человека, решившагося на эту жизнь.

В тесной, низкой лачуге из жести, невыносимо душной от чадающего камелька, покрытой по стенам толстым слоем инея, вздрагивающей каждый раз от пронесшагося порыва ветра, которым, кажется, вот-вот снесёт её, как пушинку, надо сидеть всё время в шубе. Из каждой щели, из каждого угла задувает снаружи пушинки снега; кругом свистит, воеет ветер, точно хочет сорвать на жалкой горсти полузамерзших людей всю свою злобу...

При одной мысли обо всём этом заранее откажешься и от золота, и от денег, лишь бы не испытать всего ужаса такой дикой жизни далекаго севера.

Когда мы подходили к Ново-Мариинскому посту, нас поразило, что, несмотря на наш большой ход, мы всё же двигались крайне медленно. Оказалось, что в этом месте скорость течения реки доходит до шести-семи узлов. На обыкновенном языке это значить девять-десять вёрст в час.

Наконец пароход наш остановился, «отдали якорь», пассажиры, жаждавшие поскорее ступить на что-нибудь более надёжное,

чем танцовавшая последние четыре дня палуба парохода, пригодились съехать на берег. За какую-нибудь версту от парохода виднелась низкая песчаная коса с разбросанными маленькими домишками и массой белых палаток. На одной из крыш развевался флаг. В первый момент при виде такой картины все мы были очень разочарованы, ожидая от «поста» много большего, но потом, вспомнив только что кончившееся путешествие, решили, что «каков ни есть берег — всё ж земля».

Как только спустили трап и подвели к нему шлюпку, все бросились было садиться в неё, но сейчас же остановились в нерешительности. Снизу, с трапа, кто-то даже крикнул:

— Стойте, стойте, нельзя садиться, пароход идёт ещё! Дело в том, что вокруг цепко державшейся за трап шлюпки с громадной быстротой стремилась вода, под носом бурлила пена, и, действительно, в первый момент всё это производило такое впечатление, что шлюпка вместе с пароходом идёт быстрым ходом вперёд.

Когда все разселись, нас сразу подхватило течением и через несколько секунд мы уже оказались далеко позади парохода. Матросы сели за весла, и понемногу шлюпка наша начала приближаться к берегу. Но первая попытка высадиться оказалась неудачной, потому что мы не приняли в должной степени во внимание течения и очутились много ниже того места, где предполагали сойти на берег.

Навстречу нам уже двигалось по косе всё население поста: начальник уезда с женой, его помощник, семь человек «казаков» и около двадцати чукчей.

Кстати о «казаках». Из коренных камчадалов, уже теперь совершенно обрусевших, набираются для поддержания порядка нижние чины, которые почему-то называются «казаками». Это очень низкорослый, неуклюжий народ, на вид очень слабенький. Придумали им форму с красными погонами, они крайне гордятся этим. Функции они исполняют самые разнообразные: изображают собою местное войско, вооружённое кто дробовиком, кто — берданкой, полицию сухопутную и морскую (в их распоряжении шлюпки); на посту имеется метеорологическая наблюдательная будка — «казаки» ведут наблюдения, местная «почтовая контора» обслуживается ими же.

Познакомившись с начальником уезда, мы двинулись к нему.

— Вы простите, господа, я не могу вас принять, как следует, палаццо мой уж очень примитивен, да что поделаешь — пять лет всё обещают новый построить, — обратился он к нам.

— А где же ваш дом?

— А вон, видите, с флагом на крыше.

Действительно, «дом» оказался очень невзрачным. Кое-как сколоченный из досок сарай, обтянутый весь толем и покрытый смолой, с маленькими окошечками, в которых часть стекол заменена бумагой и кусками жести, он своим чёрным цветом и видом избушки беднейшего крестьянина в деревне производит очень грустное впечатление, в особенности, когда вспомнишь, что это жилище главного представителя власти и администрации для всего края.

— Мы сначала посмотрим мою хату, а потом перейдём в палатку, — продолжал уездный начальник. — Я буду очень рад поболтать, ведь целый год не видел свежих людей.

Вошли внутрь. Низкие потолки, две небольшие клетушки, по стенам оклеенные газетной бумагой — это и приёмная, и столовая, и спальня, и кабинет.

Рядом с домом стоит чистенькая, большая палатка. Там очень любезно нам предложили чаю, нашлись также ром и коньяк.

Разговор вертелся, конечно, около жизни на Чукотском полуострове. Большинство из нас были здесь в первый раз и с большим интересом слушали рассказы радушных хозяев.

Начальник уезда, бывший офицер С. (Николай Павлович Сокольников. — *Ред.*), живёт на посту уже шесть лет, ни разу за всё время не выезжая из края. Когда я услышал это — у меня прямо мороз по коже прошёл. Шесть лет безвыездно жить в этом ужасном своей дикостью месте, жить в таких условиях полудикаря! А этот человек не жалуется, не сетует, говорит, что вполне свyksся с таким положением, привык и к этой жизни, и к чукчам.

— Да что я, — улыбнулся нам в ответ С. — Вот, посмотрите, мой помощник тридцать пять лет уже живёт исключительно в этих краях, из них последние пятнадцать лет на посту. А попробуйте ему предложить уехать отсюда — ни за что не согласится.

Из какого-то особенного теста должен быть сделан человек, чтобы примириться с подобной жизнью, навсегда оторвать себя от культуры и оставаться ещё при этом довольным, удовлетворённым и жизнерадостным! С какими невероятными способностями человека «акклиматизироваться» в какой угодно жизни, в любых условиях приходится сталкиваться иногда во время путешествий!

В первый момент моего знакомства с начальником уезда Чукотского полуострова я невольно смотрел на него как на человека совершенно другого какого-то мира, ничего общего с нашим обыкновенным культурным не имеющего. Но когда вместе с другими

пассажирами — моими товарищами по путешествию в северных землях, я сидел на посту Ново-Мариинске в уютной, чистенькой палатке, когда завязался оживлённый разговор, когда радушно принявшие нас хозяева заняли всех крайне интересными рассказами из местной дикой жизни — я готов был забыть, что передо мной сидит человек, уже шесть лет не видевший ничего, кроме Чукотского полуострова и чукчей.

Разумеется, мы засыпали хозяев всевозможными вопросами. Меня лично очень интересовала наша торговля в крае.

— Скажите — спросил я начальника уезда, — вот вы живёте уже шесть лет здесь — много ли на ваших глазах ушло наших богатств к иностранцам?

— Я считаю, что, по меньшей мере, восемьдесят процентов. Ведь, посудите сами: за всё время моего пребывания я видел только двух русских скупщиков, да и то не из крупных; остальные — все представители иностранных фирм. Я объясняю это лишь недостатком энергии у наших капиталистов. Любой иностранец приезжает сюда с очень большими запасами товаров, не боится ни разстояния, ни климата. Просидит он здесь зиму, выменяет всё, что есть, на пушнину, на следующий год является опять. Чукча уже знает его, сам идёт охотнее к старому знакомому, чем к новичку. А наш — либо приедет с тем, что ни одному чукче не нужно, и прогорит, либо же, увидев здешнюю суровую жизнь, сразу удирает обратно. В обоих случаях он уже второй раз ни за что не приедет. Смотришь — иностранцы и берут верх, да над нами посмеиваются.

— Да вот вам пример: в прошлом году приехал сюда один молодой коммерсант. Приехал ко мне, заявляет, что решил меха покупать. «Ну, что ж, — думаю, — слава Богу, хоть один нашелся». Только поразило меня, что мало что-то у него товара, но ничего его не спросил. На другой день спрашивает меня, хороша ли тут охота. Отличная, говорю, надо только немного вверх подняться по реке. Поохотился он, четыре дня пропадал, потом вдруг, как пошел пароход обратно — он на нём и укатил. Что ему не понравилось — не знаю, верно, погода не угодила.

— Постойте, — перебил я хозяина, — не на пароходе ли «Н...» он был?

— А вы его знали?

— Видите ли, — продолжал я, — на «Н...» был один субъект, очевидно, тот самый, про кого вы рассказываете. Он, пока жил в Питере, самым искренним образом был уверен, что на Камчатке соболя бегают, как у нас собаки — любого бери и веди к себе.

Когда я был с ним в Петропавловске на аукционе бобров, он глубоко разочаровался, узнав, что шкура целого бобра стоит 800—1 000 рублей. «А я-то думал и правда, здесь мех дешев, — заявил он, — думал, рублей двадцать, что ли, бобёр, ну пятьдесят... Знал бы, так ни за что бы не поехал».

— А что ж, — ответил хозяин, — ведь и правда, в России, поди, многие думают, что здесь можно китов прямо неводом ловить, а белые медведи, как коровы, — стадами пасутся.

Разговор перешёл на цены шкур.

Хороший белый медведь стоит здесь от 50—70 рублей, перво-сортный песец — не дороже двенадцати; выделывать шкуры чукчи совершенно не умеют. Мы подсчитали, что может стоить хорошая дамская горжетка и муфта из белых песцов, если, скажем, из Владивостока отправить выделывать в Москву. Оказалось, что всё это обойдется, самое большое, рублей в 60—70; зато это будет гарнитур, который стоит в России не меньше 200—250 рублей.

Мне хотелось поговорить с казаками и, извинившись перед хозяевами, я вместе с одним из наших пассажиров вышел из палатки. К нам подошёл «старшина» казаков, нечто вроде фельдфебеля их. На берегу чукчи нагружали чем-то большую шлюпку очень оригинальной постройки. Скелет шлюпки был сделан частью из дерева, частью из костей (рёбер) кита, скреплённых тонкими кожаными ремешками. Поверх скелета туго натянута шкура моржа. Шлюпки эти чрезвычайно легки и в умелых руках чукчей развивают иногда хороший ход; единственное сообщение по реке — эти чукотские байдарки.

Когда я подошёл, чукчи как раз возились с погрузкой своего незамысловатого скарба, готовясь к переселению на зиму в селение Марково. До Маркова идут обыкновенно в такой шлюпке недели три, месяц. Мне очень хотелось попасть в Марково — эту столицу Чукотского полуострова, но, к сожалению, это было немыслимо, так как тогда пришлось бы в нем зазимовать; поэтому я ограничился выслушиванием рассказов и разсматриванием фотографий начальника уезда.

IV. Администрация. Пушной промысел

О порядках административных в управлении Чукотским полуостровом можно говорить очень много. Не касаясь личной характеристики нынешних представителей администрации в этом крае, опишу вкратце положение, в которое они поставлены.

Условия жизни их таковы, что, поставь туда сейчас человека хоть семи пядей во лбу, он вряд ли сможет проявить там какую-нибудь полезную деятельность. Чукотский полуостров разделён на два уезда: Анадырский и Чукотский. Из них более обширный — Анадырский, который один смело вместит в себе целую Францию.

Начальник Анадырского уезда зимой живёт в Маркове, переезжая на июль и август в пост Ново-Мариинск, который, как я уже говорил, расположен от Маркова в восьмистах верстах.

При этом не имеется даже казённого катера для передвижения по реке. Уездный начальник должен совершать это путешествие, пользуясь обыкновенными чукотскими шлюпками. Такое милое путешествие обычно длится три-четыре недели, что, конечно, слишком больших удобств не представляет. А переезжать необходимо, ибо летом вся жизнь Маркова переходит на пост. Заходящие летом два парохода тоже далее поста не проходят.

Помещение на посту для начальника уезда я узко описывал. Этот сарай обыкновенно не обладает способностью слишком разниться своей температурой от окружающего его воздуха. А природа там неласковая: средняя температура наиболее тёплых летних месяцев около четырёх-шести градусов тепла. От ветров же этот домишко, расположенный на косе, совершенно не защищён.

Не знаю, что могло привести в восторг губернатора Камчатки г. Перфильева, когда он, войдя в дом начальника уезда, заявил:

— Однако, у вас тут совсем не так плохо... Наоборот, вы очень мило устроились...

Если это не была самая тонкая насмешка, то положительно отказываюсь понять, чем могло быть вызвано подобное замечание. А ведь найди он это помещение таким же отвратительным, каким его находят все, бывавшие в нём, — от него в сильной степени могло бы зависеть улучшение условий жизни на посту.

Из тысячи подобных мелочей создаётся в общем атмосфера тех условий, той невозможной жизни, в которой должен жить человек, обязанный, по идее своей службы очень много и неустанно работать.

Не только летом для обхода побережья, но и зимой для путешествия по вверенному краю уездному начальнику не даётся никаких подходящих к тому средств. У него нет ни достаточного количества людей, ни возможности получать сведения о том, что у него в уезде делается.

Понятно, что у человека, поставленного в подобные условия жизни, совершенно опускаются руки и нет желания что-нибудь

делать. Я повторяю, что не хочу в данном случае касаться личной характеристики. Мне кажется, что самый энергичный человек скоро падёт духом и перестанет работать, потому что, во-первых, поставленный уже самой отдаленностью края от цивилизованных пунктов в положение чуть не дикаря, он к тому же ещё не имеет самого необходимого в жизни комфорта. А, во-вторых, ещё и потому, что, как он ни пытайся работать, вся его работа сведётся к какому-то верчению белки в колесе.

На этом вопросе невольно приходится остановиться, ибо первый, от кого потребуется самая большая энергия и работа при насаждении культуры в крае, — это, естественно, начальник уезда. Местному населению — чукчам — приходится слишком часто при всякой мелочи сталкиваться близко с этим представителем администрации. Увы, опять и опять приходится брать в пример американцев, которые в таком же совершенно крае, в таких же условиях цивилизации дикарей поставили дело много иначе. Они требуют от людей, так близко соприкасающихся с населением, большой и интенсивной работы, но зато и условия жизни их обставляют возможно лучше.

И это первое, о чём нам придётся серьёзно подумать, если мы захотим поставить край так, чтобы он действительно приносил нам ту пользу, которую он должен и может принести.

В этом году на посту Ново-Мариинском заканчивается постройка станции беспроволочного телеграфа. По всему краю через год должны быть станции, соединяющие мыс Дежнёв с Петропавловском, который теперь своим телеграфом связан с цивилизованным миром и с Сибирью.

Начинание хорошее, которое может быть только приветствуемо. Такой телеграфной линии может предстать громадная будущность, особенно если использовать её как сообщение с Америкой. Телеграммы, идущия сейчас в Америку по океанскому кабелю через Европу, стоят громадных денег, тогда как тариф линии радиотелеграфа может быть сделан несравненно ниже. Естественно, что тогда ни к чему уже будет прибегать к помощи кабеля Атлантического океана. Сейчас слово из Владивостока в Америку стоит, в среднем, около рубля; стоимость же слова по такой северной линии, судя по тарифу уже существующих радиостанций, может быть оценена в 10—15 коп. (Что касается возможности быстрой передачи, то существуют приборы, функционирующие уже на некоторых станциях Америки и дающие передачу до 100—120 слов в минуту.) Такое преимущество нашей телеграфной линии может

дать очень не маленький доход России, не говоря о том, что постоянная связь Чукотского полуострова со всем цивилизованным миром — уже громадная помощь и облегчение для развитая там какой бы то ни было промышленности.

Сейчас способ сообщения с севером — морской — хромает очень сильно. Одна из главных причин та, что ближайшим отправительным пунктом для далекаго края служит Владивосток. Когда мы начнём пробуждать в этом крае прогресс, когда начнётся цивилизация его — нам придётся очень сильно считаться с необходимостью правильного и быстрого подвоза всего необходимого. Естественно, явится вопрос об удешевлении сообщении, о возможно более быстром подвозе материалов. Невольно придётся обратиться к вывозу не из Владивостока, а из Америки.

Возражений против этого, правда, может быть сделано очень много; их можно заранее предвидеть.

Дело в том, что, как я уже говорил, мы можем вытеснить американцев, только оборудовав край, а в силу этого, пока край не оборудован вполне, мы должны не только терпеть их, но и пользоваться их помощью. Это будет много дешевле и удобнее для нас до тех пор, пока на пути из Владивостока не будет порта, который мог бы служить базой для вывоза товаров, базой, удалённой от Чукотского полуострова настолько, чтобы можно было чаще пускать из нея пароходы, чтобы она была главным отправительным пунктом. Пока этого нет — необходимо воспользоваться близостью Америки, из которой товары будут доходить чаще, быстрее и дешевле. Когда я говорил о том, что мы должны давать чукчам всё, что они имеют от американцев — это значит, что чукчи должны привыкнуть иметь товары из наших рук; а чьи будут эти товары — наши или американские — безразлично. Здесь приходится руководствоваться только соображением, что удобнее и дешевле доставлять. А пока не будет базы, о которой я говорил, нам удобнее и дешевле воспользоваться сообщением от близких к нам берегов Америки, и лишь для поддержания престижа показать, что всё проходить через наши руки.

Торговля наша на Чукотском полуострове находится пока в зачаточном состоянии.

Ввозная торговля ограничивается, разумеется, лишь тем небольшим выбором товаров, которые необходимы исключительно чукчам. Но даже и к этому небольшому выбору мы не можем отнестись внимательно. На всём Чукотском полуострове имеется лишь один магазин Чурина, но и этот склад (на посту Дежнёва) совершенно не

удовлетворяет нуждам края. На Дежнёве нет многих вещей, необходимых чукчам, а что есть, производит такое впечатление, будто кто-то взял какие-то товары, набросал их как попало в склад и предлагает чукче, усиленно уговаривая его вместо необходимого чая или сахара купить кусок хорошего мыла или зубную щётку и т. д.

Я говорил уже, что чукчи — не совсем дикари. Они прекрасно видят, когда им предлагают полезные вещи или когда им хотят «подсунуть» что-нибудь. А последняя тенденция, увы, существует. Разумеется, результатом подобного отношения к делу, подобного безалаберного подбора товаров, является то, что чукчи не желают ничего брать, только смеются над нами, и торговля наша стоит на точке замерзания. Правда, и дежнёвский склад получает меха, но каким путём? Когда чукчи распродадут за лето всё, что у них имеется, американцам, тогда их взоры обращаются в сторону нашего склада. Начинают отыскивать каких-то завалявшихся песцов, медведей и тащить всё это в склад Чурина, где всё-таки, хотя и плохим товаром, но втрое дороже платят, чем платит Америка.

Американские шхуны подходят к берегам Чукотского полуострова, нагруженные именно тем, в чём чукчи испытывают весной самую острую нужду. Чукчи ждут их появления, как манны небесной, и набрасываются на всё привезённое, отдавая пушнину до смешного дёшево. А наш пароход приходит туда на полтора месяца позже, к тому же ещё везя то, что абсолютно никому не нужно. Примером того, как чукчи жадно бросаются на необходимую для них вещь, может служить следующее. Чукчи вооружены все винчестерами, но обращаться с оружием они совершенно не умеют. Если у чукчи хоть немного загрязнилось ружьё, он его чистить ни за что не будет, а просто бросит как негодное, и при первом же появлении американской шхуны купит себе новое, платя всё, что с него спросят. Не полезно ли было бы, если бы чукчи имели возможность отдавать свои «негодные» ружья хотя бы тому же складу Чурина и получать их вычищенными и снова исправленными? Сделать это нетрудно, а между тем чукчи сейчас же набросились бы на подобную возможность ремонта, зная, что можно опять иметь свою вещь вполне пригодной для дальнейшего действия, без необходимости покупать новую и платить за нее втридорога.

Чукотский полуостров обладает, как я говорил, многими богатствами. Среди них главное место принадлежит пушному промыслу; далее идёт моржовый промысел, золотопромышленность, китобойство.

Пушнины на Чукотском полуострове громадное количество. Главный рынок её — селение Марково, в восьмистах верстах от

устья вверх по реке Анадырь. До последнего времени вся пушнина со всех сторон стекалась туда, устраивались ярмарки, число которых доходило до четырёх за зиму. Торговля, конечно, исключительно меновая. Как плата за мех на первом месте стоит чай, сахар, ружья, табак, далее такие предметы, как медная посуда, нитки, иголки, предметы роскоши чукчей — бусы, кумач, всевозможные безхитrostные украшения и т. д.

Скупщики пушнины всё время жили в Маркове, получая товары на зиму с летними пароходами, заходящими в порт Ново-Мариинск, расположенный в устье Анадыри. Теперь же ярмарки с каждым годом становятся всё реже и реже, да и пушнины в Марково стало появляться очень мало, а то, что есть — сильно дорожает. Причина такого явления — всё те же американцы. Чукчи предпочитают продавать меха американцам, получая взамен то, что им действительно нужно, а не то, что их заставляют брать наши скупщики. Громадную роль здесь играет возможность получить спирт, торговлей которым американцы не стесняются.

Русскими законами ввоз спирта на Чукотский полуостров и Камчатку запрещён. Чукчи настолько падки на водку, что за бутылку спирта готовы лишиться самых необходимых вещей. За ведро спирта можно свободно купить у чукчи такое количество пушнины, которое в обмен на товары было бы продано рублей за сто.

На пушной промысел необходимо обратить серьёзное внимание. На Чукотском полуострове не существует никаких правил для охоты, нет и намека на урегулирование боя животных. Бьёт всякий, кто хочет, где, когда и что хочет. Говорить о том, насколько подобный порядок вещей не способствует правильному размножению зверей и процветанию промысла излишне; это слишком всем и каждому известно. Пушнины, слава Богу, ещё очень много, так что над этим вопросом никто не задумывался. Но вот, на чём подобные порядки уже очень сильно сказались, это на промысле моржей. Их становится слишком мало, идти за ними приходится очень далеко, забираясь на север. А между тем моржовые клыки могут иметь прекрасный сбыт, что блестяще доказано американцами, скупающими их в очень большом количестве.

V. Снова в пути. Бухта Провидения. Золото

Быстро, незаметно пролетело время, проведённое всеми нами, пассажирами, на берегу в Ново-Мариинске. Уже начались сумерки, мы торопились возвратиться к себе на пароход, боясь, что вследствие сильного течения нам в темноте трудно будет приставать к судну.

С трудом выбрались все мы на палубу и долго ещё внизу, в кают-компании, обменивались впечатлениями. Простояли мы в Анадыре всего два дня и пошли дальше на север. Опять пришлось пройти этот скучный лиман с его вечно туманными берегами, с постоянными мелями. Опять мы кружили по узким проходам, чтобы где-нибудь не сесть. Опять началась воркотня пассажиров, настроение стало сразу каким-то кислым; этому много способствовало и погода. Потянуло с Берингова моря холодком. Только вышли из лимана, накрыл густой туман, с неба посыпались мельчащие капли отвратительной изморози, поднялся ветер — опять у всех мысли о качке, словом, море нас сразу встретило до крайности неприветливо.

На другой день подошли к бухте Провидения. Туман был настолько густой, что в бухту нельзя было войти, и мы принялись бродить около входа взад и вперед, дожидаясь мало-мальски ясной погоды.

Нет ничего ужаснее этого бездельного хождения перед бухтой. Представьте себе положение пассажиров, осуждённых на эту пытку: наверх выйти нельзя, всё мокро, палуба скользкая. Все томятся по каютам или в кают-компании, читать нечего — всё уже по несколько раз перечитано, разговаривать ни с кем не хочется, потому что уже наизусть знаешь каждого, да и тем для разговоров нет, все друг другу надоели, ходят мрачные, озлобленные на всех и вся...

Только и слышишь возгласы: «Господи, когда туман кончится...», «Владимир Петрович, да бросьте вы, ради Бога, ваше безконечное “Пожалей” — и без пианино тошно»... Пианист ехидно ухмыляется, но вдруг крышка инструмента теряет равновесие и с силой падает на руки музыканта. Тот стремительно вскакивает, несколько мгновений его громкая проклятия покрывают все голоса, на минуту стоит в кают-компании общий злорадный хохот...

Во время плаванья я всегда просил будить меня, если ночью мы входили в какую-нибудь незнакомую мне бухту. К шести часам утра туман рассеялся, и мы вошли в бухту Провидения. Когда я вышел на палубу, в первый момент остолбенел от резкого контраста между тем, что открылось моим глазам, и воспоминаниями о погоде накануне.

Длинная узкая бухта, стиснутая высокими скалами, крутыми обрывами, спускающимися к мертвенно спокойной воде, покрытой матовой бледностью утренних испарений. Мрачные таинственные горы, сияющие на вершинах белоснежной пеленой, освещённые

розовыми лучами не показавшагося ещё только что восходящего солнца. На обрывах зелёная, жёлтая, оранжевая краски кустарника, местами низко смотрящегося в чёрную от тени берега воду. Идеально чистый, свежий воздух, могильная тишина, едва нарушаемая монотонным стуком машины парохода, — всё это заставляло забыть обо всём, кроме открывшейся волшебной картины. Прошло каких-нибудь полчаса, и мы стали на якорь.

В низкой, покрытой песком ложбине, между горами расположились три домика. Немного поодаль видны чукотския «яранги». Когда мы подходили, на берег высыпало всё местное население: старшина казаков да четверо чукчей.

Недалеко от места нашей стоянки журчала небольшая реченька. Команда отправилась на берег за пресной водой для парохода. Мне первый раз пришлось видеть такой способ перевозки воды: прочно сшитый из непромокаемой парусины мешок имеет небольшое отверстие. Мешок свозится на берег, погружается в речку, затем, когда он наполнится водой, отверстие плотно закупоривают и мешок буксируют в воде к пароходу. Мешок вмещает около двух тонн воды (120 пудов) и, наполненный пресной водой, обладает достаточной плавучестью, чтобы не тонуть в солёной морской воде.

Вместе со мною съехал на берег и наш доктор, взявший с собою, несмотря на семь часов утра, фотографический аппарат. Как только мы вышли на берег, к нам подошел старшина, прося доктора осмотреть некоторых больных чукчей. Во время разговора я заметил, что сидевшие около нас на корточках чукчи смотрят на нас очень пристально и явно позируют.

— Что это они, точно не в своей тарелке? — спросил я старшину.

— А фотографический аппарат увидали. Их тут в прошлом году с одного парохода снимали, дали потом карточки — с тех пор как увидят аппарат — сейчас думают, что снимать будут: они это очень любят.

Осмотрев больных, назначив некоторым приехать на пароход, мы с доктором сели в шлюпку и к утреннему чаю уже сидели в кают-компании.

Золото... волшебное, могучее золото. Когда попадешь в край, тающий в недрах своих этот металл, невольно чувствуешь себя точно подавленным какой-то громадной мощью. Понятно, что когда мы были на Чукотском полуострове, только и разговора было на пароходе об этом богатстве.

В бухте Провидения мы встретились с горным инженером Б., много исследовавшим горные породы Чукотской земли. Понятно, полились расспросы.

Оказывается, на Чукотском полуострове, действительно, много золота. Масса россыпей, где золото доходит до тридцати трёх золотников на сто пудов руды (пуд равен 16,38 кг. — *Ред.*). Это громадное содержание. Самородки мне приходилось видеть до пяти золотников весом (золотник равен 4,266 г. — *Ред.*).

— Послушайте, — спросил я Б., — но ведь это же колоссальное богатство. Отчего же ничего о нём не слышно, никто не разрабатывает его?

— Не слышно потому, что все отчёты о нём, как вообще о всех исследованиях этого края, хранятся во всевозможных канцеляриях да кабинетах, а публике они неизвестны. Не разрабатывают его... ну, тут виновата и стовёрстная полоса, и концессия одного общества, захватившего весь край в свои руки, да, наконец, и то, что уж очень оно далеко.

Я должен пояснить, что под выражением «стовёрстная полоса» надо подразумевать следующее: по всему побережью никому не разрешают работать в полосе ста вёрст от берега. Чем это вызвано — высшие соображения запретивших. Но только «стовёрстная полоса» — ужасное зло для всех предпринимателей, да и для России вообще. Во-первых, золото-то главным образом в этой полосе и лежит, а, во-вторых, — большая разница работать под самым берегом, или забираться вглубь. Не угодно ли жить за сто вёрст от моря в таком суровом климате!

Поселяясь так далеко, надо сначала построить там громадные склады для всевозможных материалов, для провизии и т. д.; надо соорудить чуть ли не железную дорогу к берегу, чтобы перевозить через все крутые горы грузы, словом, необходимо, по меньшей мере, ещё за год до начала работ обзавестись всем необходимым для жизни рудника; там ведь ни провизии, ни топлива не достанете. Иными словами, чтобы разрабатывать «дозволенное» золото, надо в совершенно диком месте построить целый город, способный жить совершенно самостоятельной жизнью. Это сделать невозможно. Если вводить в край культуру, то, конечно, начиная с береговой полосы, где может быть доступ грузам, провизии и т. п. Когда разовьётся жизнь на прибрежной линии, тогда только можно начать понемногу отходить вглубь страны, имея за собою постоянное сообщение с расположенными на берегу пунктами, уже приспособленными для жизни в диких землях.

Другая причина, почему нельзя было до последнего времени разрабатывать наше золото та, что с 1900 до 1912 г. право на разработку чуть не всего золота Чукотского полуострова было отдано одной компании, называвшейся «Северо-Восточным Сибирским обществом». Почти монопольная компания эта до сих пор ровно ничего не сделала...

— А вот, господа, — предложил нам Б., — отчего бы вам не начать работать? Ведь получить участок нетрудно. Выберите себе место, я вам могу дать массу указаний, где стоит начать разработку. Сделайте «заявку», то есть заявите во Владивосток, что вот такой-то и такой-то участок вы хотите взять, поставьте посередине вашей площадки столб с надписью «моё» и данный кусок земли принадлежит вам. И ведь, право, дешево: расход лишь рублей десять на гербовые марки.

Положительно, нет такого человека, который мог бы равнодушно слышать слово «золото». После предложения Б. у всех сразу глаза разгорелись, как-то все начали нервничать и пошли разспросы, разговоры. Все волнуются, лезут к Б., перебивают друг друга.

«А где лучший участок?» «А что, там самородки или розсыпи?» «Вы говорите здесь одиннадцать золотников?» «А во сколько времени я наживу деньги?» «А сколько рабочих надо; какие инструменты везти?»...

Ну, впечатление такое, что вот через полчаса все идут на берег и начнут копать. Но они быстро охладели, услышав приблизительно следующее:

— Предположим, вам сегодня понравился участок, и золота в нем непочатый угол, да и качества его хороши, смотришь — самородочки попадаются... Ну, понятно, бери его скорей, копай да наживай деньги. Вот вы приезжаете во Владивосток, делаете заявку. Сидите и ждёте ответа. Вам в Питер надо ехать, дела зовут. «К чорту, — машете вы рукой, — какие там дела, когда тут золото... Через год-два миллионером буду».

Смотришь, месяц проходит, другой, из России всё хуже письма — дела совсем плохо идут. Вы начинаете беспокоиться. Каждый день являетесь в областное управление справляться. Вам говорят, что «бумаги посланы». Скоро вы начинаете уже сомневаться, что в чиновничьем лексиконе «бумаги посланы» значит: «путешествуют по всей России». Так это вы тянете и проживаете зря деньги во Владивостоке до января, скажем. Тут уже, видя, что в Питере-то ваши дела совсем швах, бросаете всё, летите в Россию. Вот вам уже рублей около тысячи вскочило. Весной узнаете

вы, что вам дали заявку, да заодно узнаете и правила: «В первый же год сделать постройки (жильё), произвести разведку, представив её осенью по начальству. Всё добытое золото должно быть представлено, разработки же ещё в первый год начинать нельзя под угрозой, что отберут участок».

Далее вы узнаете, что работать для своей выгоды вы можете начать лишь через два года. Тут-то вы и подсчитываете всё. И окажется, что вы за первые два года должны израсходовать этак тысяч пятьдесят, а дальше попуодно сбор с золота также в казну гоните. Вот и выйдет, что вы свои пятьдесят тысяч лет в пять только окупите, а там окажется, что золота не так уж много в вашем участке (хищники всё растаскают). Тут вы и увидите, каково это заманчиво...

VI. Золото под запретом

Из всевозможных начинаний и предприятий в области разработки чукотского золота обратила на себя внимание только одна компания «Северо-Восточного Сибирского общества», существовавшая десять лет, но ничего, как мы говорили, не сделавшая. Главные воротилы этой компании предпочитали сидеть в России, а в результате — громадный, затраченный кем-то и когда-то капитал (положим, и по сейчас ещё видны следы этой затраты: построенные в разных местах склады с залежавшимися десятков лет никому ненужными товарами), ни капли пользы, полное падение дела. Но хуже и обиднее всего, что до сих пор за этим обществом ещё числятся многие лучшие и богатейшие участки с золотом, на которые, может быть, и нашлись бы охотники, да нельзя эти участки получить, ибо «арендовано уже другими».

«Северо-Восточное Сибирское общество» образовалось по инициативе одного богатого американского еврея. В России главными заправилами были горный инженер Корзухин, Кованько, Вальцов и другие. Общество получило в 1900 г. десятилетнюю концессию на разработку чуть не всего золота Чукотского полуострова. В то время ещё никто не задумывался над этим вопросом, если не считать Вонлярлярского, история которого так на шумела в своё время. (В. М. Вонлярлярский, отставной гвардейский полковник, в 1900 г. на свои средства отправил на Чукотку экспедицию К. И. Богдановича. Золото нашли, но немного. В 1901 г. Вонлярлярский снарядил туда партию геолога Иванова, но драгоценного металла она не разыскала. — *Ред.*)

Дела общества с самого начала были поставлены отвратительно; не было выработано никакого определённого плана действий, набрана масса совершенно ненужных людей, лишь тормозивших дело. Главные же заправилы, заполучив деньги, сидели в Петербурге, ничего серьёзного на самом Чукотском полуострове не предпринимая. Но так как правительство требовало, чтобы производились какие-нибудь работы, общество это начало распространять самые нелепые слухи о сказочных результатах каких-то мифических разведок, о результатах якобы производимых работ и т. д. В таком положении тянулось дело до 1910 г., когда подходил срок окончания концессии. Видя, что дело окончательно прогорает, что уплывают из рук деньги и доверие к обществу, что масса конкурентов жаждет наброситься на освобождающиеся участки, компания выхлопотала себе продление концессии ещё на два года.

В 1911 г. нарождается новая компания: «Анадырское золотопромышленное общество». Летом 1911 г. новая компания посылает экспедицию для работ по разведке. Экспедиция эта в составе тридцати пяти рабочих и одного штейгера (даже не инженера) отправляется на Чукотский полуостров только с поздним рейсом парохода Добровольного флота. Работают всего несколько дней — и уезжают ни с чем. Состав этой экспедиции сидит теперь без необходимых построек, без средств передвижения, без провизии. Официально придраться к этому обществу пока нельзя: оно в первый год по правилам «произвело разведку».

Здесь повторилась буквально та же история, что была и с «Северо-Восточным обществом». Опять пошли «золотые утки», рассказы о том, что рабочие везут с собой нелегально золото чуть не фунтами и т. д. Когда же в Петропавловске было предложено устроить внезапный осмотр рабочих, от обыска отказались. В действительности представлено золота, как результат разведки, всего лишь тридцать золотников.

Но самое грустное то, что во главе новой компании являются опять Кованько, Вальцов, Корзухин — давно знакомые имена...

Новое общество оказалось ничем иным, как той же «Северо-Восточной компанией», только преподнесшей свои услуги под другой вывеской. И опять наше золото в тех же руках, в каких было уже двенадцать лет.

Неужели близкие к сему делу власть имущие не могут найти средств выйти из заколдованного круга, созданного господами Вонлярлярскими, Корзухиными и прочими! Ведь есть же

много людей, которые ждут только возможности начать работы, но ждут тщетно.

Ведь надобно, наконец, подумать о том, что единственное средство развить начало промышленности — это поощрение ея с тем, чтобы всякий желающий работать мог это исполнить. Есть богатство, которое ждет эксплуатации, но находится оно в таких тяжёлых условиях, что, прежде всего, необходимо не закрепощать его за одним лицом, а дать ему волю. Пусть будет много людей, пусть возникнет конкуренция — тогда невольно явится и стремление к возможно большей выгоде. Тогда у всех предпринимателей на первом плане выступит шкурный вопрос. А теперь владеют этим богатством люди, которые отлично знают, что все им сходит с рук и что других к ним не пустят.

Из истории описанных двух компаний, владеющих нашим золотом, видно, как тяжело другим золотопромышленникам начинать дело в крае. Но и кроме этих условий есть много побочных, не менее тормозящих всякое начинание. Всё, что касается введения культуры в крае, промышленникам приходится делать самим; наша же администрация не желает, да и не может по своему неведению всего происходящего что-либо сделать в этом направлении. Неужели так уж трудно взять пример с Америки, которая смогла же поселить культуру в Аляске — родной сестре нашего Чукотского полуострова? А ведь нам это ещё легче сделать. Достаточно вспомнить только, что на Аляске нет ни крошки угля. Американцы платят за него бешеные деньги, а у нас на Чукотском полуострове открыт не один залежь угля. А это уже одно — громадный плюс, колоссальная помощь для зарождения цивилизации в крае.

Было предложение со стороны американцев построить железнодорожный путь от мыса Дежнёва вглубь полуострова, даже провести туннель под Беринговым проливом. Предложения эти отвергнуты. Пусть стомильный туннель — воздушные замки, но железнодорожное дело на полуострове может, очевидно, процветать так же, как оно процветает на Аляске.

Китобойный промысел находится не в лучшем положении, чем золото. Американцы, занимаясь в широкой мере этим промыслом у своих берегов, конечно, знают несравненно лучше нас, что за полтора-два миль, у берегов Чукотского полуострова китов сколько угодно.

Два года подряд мне пришлось видеть громадные стада китов в трёх-четырёх милях от бухты Провидения. Киты здесь так близко

подпускают к себе корабль, что иногда вот-вот, кажется, заденешь за него. Чукчи своими примитивными средствами бьют здесь три-четыре кита в лето лишь для собственных нужд, продавая один ус, да и то за безценок. Меня спросят: «Почему же, если это так легко, там никто не бьёт их?» — Да хотел бы я найти такого русского человека, который, имея деньги, поехал куда-то в Ледовитый океан, ему неизвестный и неинтересный, бить китов. Наши капиталисты предпочитают сидеть дома и спокойно получать проценты. А если и рискнет такой человек на более или менее энергичный шаг в области какого-нибудь нового предприятия, то только разве тогда, когда слишком ясно видит, что можно получить на рубль — ещё рубль. Ведь бывали же случаи, и не раз, что у нас бросались рудники, где количество золота доходило до одного золотника на сто пудов руды. Американцы довольствуются десятой долей такого содержания руды, и, как будто, богатеют, богатеет, понятно, и их край.

К счастью, киты у бухты Провидения держатся слишком близко от берега, а на берегу здесь имеется все-таки и староста, и казаки, да и резиденция чукотского уездного начальника тут же; а с 1910 г. суда под иностранным флагом не имеют права здесь плавать. Интересно только, будут ли киты ждать русского предпринимателя или уйдут куда-нибудь, где их станут бить американцы?

VII. «Хищники» и люди

Я только что упоминал о хищниках. Приведу, кстати, небольшой эпизод из их жизни, до некоторой степени характеризующий наши с ними взаимоотношения.

Хмур и неприветлив летом Ледовитый океан, когда безконечной туманной пеленою затягиваются его мрачные берега, когда гладкой холодной сталью отливает застывшая поверхность воды. Безконечную свободную ширь ея лишь изредка медленно прорекает большая с обтаявшим по краям серым снегом, молчаливая льдина, точно подавленная общей могильной тишиной. Тоскливо ползёт это детище севера, осиротелое, оторвавшееся от могучей груди полярного ледяного покрова.

В один из таких мрачных туманных дней вдоль берега тихо пробиралась типичная чукотская байдарка, в которой, однако, был лишь один пожилой чукча, а другие два пассажира представляли собою обыкновенный тип европейца, хотя одеты были в меховое платье, немного отличавшееся своим покроем от одежды их това-

рища по путешествию. Один из европейцев, ещё молодой человек, но необычайно худой, с свалившимися глазами на бледном лице, сохранившем, несмотря на сильную худобу, мягкия удивительно симпатичныя черты, сидя на корме, веслом вместо руля направлял байдарку, всё время пристально всматриваясь в небольшое, ограниченное густым туманом, пространство воды. Байдарка медленно двигалась по гладкой поверхности, как вдруг впереди показалась какая-то чёрная точка. Молодой человек тотчас вскочил и схватил лежавшее на дне шлюпки ружье.

— Лентайр, впереди нерпа, — вполголоса обратился он к одному из сидевших на вёслах. Второй европеец сейчас же взмахом весла повернул байдарку боком. Раздался выстрел, нерпа исчезла, но прошло пять, десять минут — она не показывалась. Тот, кого сидевший на руле называл Лентайром, покачал головой и произнёс, как бы в пространство:

— Что ж, теперь немногим хуже, чем раньше; ведь это у вас последний патрон, Николай Дмитриевич.

— Увы, да, — последовал с кормы ответ.

— Я готов придти в отчаяние... Ведь это же была наша последняя надежда — поесть хоть нерпы. Слушайте, Лентайр, ещё несколько часов и наступит ночь. А дальше... Я положительно теряю голову. Ведь мы и так уже почти сутки ничего не ели.

— Спросим совета у Ингойда, — упавшим голосом ответил Лентайр и обратился к чукче на его родном языке.

Тот долго что-то говорил, жестикулировал, всё время показывая на берег.

— Николай Дмитриевич, Ингойд предлагает пристать к берегу, он хочет поискать на ближайшей отмели какую-нибудь палку и сделать гарпун.

— Попробуем.

Скоро шлюпка была уже у берега и все трое вышли. Чукча ушёл куда-то, оставив двух приятелей дожидаться его на берегу.

Лентайр, американский подданный, уже десять лет жил на Чукотском полуострове, ведя меновую торговлю с чукчами. Это был пожилой человек на редкость крепкого телосложения, с громадным запасом здоровья, как нарочно приспособленного к суровой жизни на Севере. Последнее время он очень подружился с Николаем Дмитриевичем Кутениным, всего полгода тому назад приехавшим из России на один из глухих постов Чукотского полуострова. Кутенин, молодой врач, поехал на пост исключительно из-за отчаянных денежных обстоятельств. Его слабое здоровье очень

быстро сдало, не выдержав суровой жизни, но возвращаться назад до истечения трёх лет ему нечего было и думать. По крайней мере, так было ему сказано губернатором, недавно приехавшим на Чукотский полуостров.

За несколько дней до начала рассказа на посту среди чукчей разнесся слух, что в трёх-четырёх днях пути около берега затёрта во льдах шхуна. И вот Лентайр и Кутенин, взяв с собою одного из преданных им чукчей, решили отправиться на помощь, думая по дороге охотиться и запастись провизией, а затем на своей легкой байдарке доставить людей с затертой шхуны на берег. С первого же дня им не повезло: небольшая волна неожиданно сильно накренила шлюпку, и единственный патронташ выпал в воду со всеми патронами. Случайно у Кутенина нашлись в кармане ещё два заряда. Возвращаться на пост они не хотели, во-первых, потому, что уже далеко отошли и надеялись на два удачных выстрела, а во-вторых, слишком беспокоились за участь затертой шхуны, зная отлично, как легко льды могут её унести в открытое море, где экипаж ждала голодная смерть.

Пока они обсуждали своё настоящее положение, подошёл Ингойд с каким-то подобием гарпуна. Все трое сели опять в байдарку и пошли дальше. До самого вечера океан по-прежнему безмолвствовал, и лишь поздно, уже в сумерки, они заметили нерпу. Ловко брошенное искусной рукою Ингойда древко насмерть поразило животное. Выйдя на берег, кое-как закусив поджаренным на костре куском мяса невкусной нерпы, путешественники решили продолжать путь. Ночь прошла спокойно, утром начали попадаться мелкие льдины, и скоро шлюпка вошла в густой лёд, где приходилось медленно пробираться, лавируя между холодными громадными льдинами, рискуя каждую минуту быть ими раздавленными. Здесь уже друзья всецело доверились Ингойду, который каким-то чутьём издали угадывал движение льдов и смело вёл шлюпку в открывавшиеся то тут, то там проходы.

Молчание царило в шлюпке, даже проснувшийся опять голод был заглушен сознанием опасности, которой была подвержена байдарка. Люди каждую минуту готовились выскочить на льдину на случай, если бы вдруг начал смыкаться какой-нибудь проход, грозя раздавить дерзкую скорлупу, так назойливо прокладывавшую себе путь среди могучих ледяных громад.

— Эх, Николай Дмитриевич, — нарушил вдруг это молчание Лентайр, — говорил я вам, что не надо ехать. Ну, смотрите, на что вы похожи? Это с вашим-то здоровьем?

— А что же мне было делать? Ведь вы не хуже меня знаете, что вот уже неделя, как наш постовой старшина со всеми своими семью казаками ушёл вглубь полуострова ловить каких-то хищников... А ведь все ваши же, американцы. Если бы вы знали, с каким наслаждением я собственными руками передушил бы их всех. Ведь они нас обворовывают, наше золото расхищают... А мы безсильны — ничего не сделать с ними. Эх, Лентайр, не спорю, много пользы вы, американцы, принесли краю, но ваши хищники — это бич ужасный.

— Старая песня... Посмотрите-ка, лучше, вон там, за этой большой льдиной, как будто мачты видны. Не видите? Да вон за тем маленьким проходом.

— Да, да, вижу. Несомненно, это и есть затёртая шхуна. Хорошо, что туман поредел. Только как мы пройдем к ней?

В это время Ингойд обратился к Лентайру, точно уговаривая его на что-то.

— Ингойд не советует идти в этот проход, говоря, что он скоро закроется и нас затрёт. Давайте, Николай Дмитриевич, вытащим байдарку на лед и пойдём пешком. Похоже на то, что эта льдина идёт до самой шхуны.

После каких-нибудь десяти минут хода показалась на другом конце громадного куска ледяного поля накренившаяся шхуна.

— Вот странно, — заговорил Лентайр, — ведь это американская шхуна. Как она попала сюда, так близко от нашего поста.

Кутенин вдруг упал и, поднявшись, сильно закашлялся. Лентайр с тревогой посмотрел на него.

— Николай Дмитриевич, оставайтесь вы лучше здесь и подождите нас. Я, право, боюсь, что вы через десять минут окончательно свалитесь.

— Да, мне что-то нехорошо стало. Идите вы вперед и узнайте, в чём дело.

На шхуне тоже заметили приближавшихся к ней людей и начали им что-то кричать по-английски, но Лентайр, не разобрав, в чём дело, думая, что просят идти скорее, лишь прибавил ходу.

— Не идите туда, — обратился вдруг к нему Ингойд, — мне кажется, что часть льдины около шхуны движется, там должна быть полынья; да смотрите, и шхуна уже не так сильно накренилась — очевидно, около нея открывается новый проход...

Глухой треск прервал его слова. Обледеневшая корка снега разступилась под ногами путников, и оба они полетели в ледяную воду. Несколько мгновений Лентайр пытался взобраться на льдину,

но быстро коченевшие пальцы отказывались служить, скользя по гладкой поверхности льда.

Очнулся Лентайр в кровати в небольшой каюте. Рядом с ним сидел Ингойд.

— Что случилось, Ингойд?

— Я же предупреждал вас: мы провалились, но скоро подошли люди со шхуны и вытащили нас.

В это время открылась дверь каюты и вошёл коренастый человек, оказавшийся владельцем шхуны, одетый в кожаную куртку, такие же до пояса сапоги и нансеновскую меховую шапку.

— Ну, вы пришли в себя? — обратился он к Лентайру, — мы же вам кричали, что открывается проход, чтоб вы подождали... Вот кого благодарите — вашего чукчу — он вас, полузамерзшего, вытащил на льдину. Шхуна сейчас на свободной воде, я думаю вас высаживать на берег.

— Не буду тратить пустых слов благодарности. Вы сами знаете, как она велика. Но вот в чем дело: на оторвавшейся льдине остался наш товарищ — надо найти его.

Собеседник Лентайра задумался.

— Прошло уже около четырёх часов... Что ж, придется искать его. Вы можете встать?

— О, да, сию минуту.

Вокруг шхуны плавали лишь мелкие льдины. Спустили шлюпку и, взяв с собою небольшую походную аптечку и бутылку вина, капитан, Лентайр и Ингойд отправились на поиски.

Лишь к вечеру с трудом отыскивали роковую льдину. Кутенин лежал без сознания, но, к счастью, не успел ещё замёрзнуть. После долгих усилий привели его, наконец, в чувство и с громадными предосторожностями доставили на шхуну.

На утро шхуна подходила к посту. Кутенин вышел наверх и, встретившись с владельцем шхуны, неожиданно узнал в нём того самого хищника, на поиски которого отправились с поста стражники.

— Как вы позволяете себе так открыто подходить к нашим берегам? Из благодарности за моё спасение я сам не донесу на вас, но как только выйду на берег, предупреждаю: ни одной попытки к вашему спасению не сделаю.

Американец грустно улыбнулся.

— Я знаю, ваши ищут меня. Но я вовремя успел сесть на шхуну и был бы уже далеко отсюда, если бы не затёршие меня льды. Теперь до вашего поста всего четыре мили. Как видите, штиль

мёртвый, а у меня вышел весь газолин для мотора. Сегодня вернутся стражники, на шхуне же сейчас около девяти фунтов золота... Я даю вам шлюпку, через час вы будете на берегу, — вдруг резко переменив разговор, отвернулся капитан и ушел вниз.

Шлюпка с тремя приятелями подходила к берегу.

— Николай Дмитриевич, я думаю, мы будем молчать о том, что провели ночь на шхуне, что она недалеко от поста, — проговорил Лентайр.

Кутенин посмотрел на него, но ничего не ответил.

Выйдя на берег, Кутенин взял с собой гребца шлюпки и привёл в свою небольшую хижину.

— Вот видите, здесь, в этой банке газолин, арестованный на одной из ваших шхун. С этим количеством вы скоро будете в безопасности. Берите его и передайте капитану, это всё, чем я могу отплатить ему за наше спасение...

VIII. У берегов Ледовитого океана

Есть ли краски, способные передать все дивные картины природы, картины, до того разнообразные в вариациях своей могучей красы, что иногда невольно напрашивается вопрос: «Да полно, не сон ли? Неужто это — действительность, неужто может быть наяву такой дивный вид, для описания которого не найдёшь и слов? Есть ли полотно, способное передать красоту холодного льда, голых скал, дикаго Ледовитого океана? Нет кисти, которая могла бы изобразить волшебную картину громадного водяного пространства, сверкающего на солнце тысячами огней, цветов и переливов, спокойного, точно уверенного в своей мощи, одинаково страшной как в яркий солнечный день — так и глубокой тёмной ночью, как в летнюю тёплую пору, так и в суровую холодную зиму.

Неопытный путешественник не предположит даже, что голые скалы, круто спускающиеся в бесконечно гладкую поверхность океана, на горизонте которого проходить лишь изредка громадная льдина, так же прекрасны, как и дивные берега широкого Нила, украшенные роскошными пальмами, — берега, плавно, незаметно переходящие в медленно движущиеся струи воды, по которой взад и вперед снуют арабские лодки с их причудливой формы парусами.

Но именно в могучей, величественной суровости диких северных пейзажей чувствуется какая-то мощная сила. Когда начинает подниматься с высоких снеговых вершин предразсветный туман,

и красноватые лучи холодного полярного солнца розовым цветом окрашивают белоснежную пелену берега и прозрачный голубой лёд, медленно ползущий громадными массами по застывшей чёрно-синей поверхности, — тогда только поймёшь, что ни кипучая жизнь, ни роскошная флора, ни жгучие лучи тропического солнца не могут произвести такого сильного впечатления, какое производит эта дикая мощь, захватывающая своей могучей суровой красотой.

Такая картина открывается глазам путешественника на восточной стороне Чукотского полуострова, на мысе Дежнёве. Этот мыс — Рубикон мореплавателей, отправляющихся в Ледовитый океан, Рубикон, за которым начинается новый мир, невольно пугающий человека своим резким контрастом с обычной жизнью.

Уже в Беринговом проливе начинают попадаться льды, огибающие летом этот мыс. Стоит только пройти его, обогнуть Дежнёв — начинается таинственный Ледовитый океан с его страшным детищем — полярным льдом, с его всегда спокойной поверхностью воды, холодными лучами редкого солнца, с полной чарующей красоты картиной северного сияния. Кажется, что вступаешь в другой мир, что этот мир точно посылает тебе своих предвестников — яркую Полярную звезду, таинственное северное сияние, которое кажется каким-то могучим световым богом, сияющим холодным голубым светом, и невольно лёгкая жуть берёт, когда вступаешь впервые в эту неведомую жизнь, в этот новый мир — царство холода и смерти, царство неприступной мощи, поглотившей уже столько жертв, тех смельчаков, которые пытались раскрыть скопанные льдом тайны северных вод.

Но не бояться этих вод чукчи. На Дежнёве есть богатейшее селение их Наукан. То тут, то там виднеются их «еранги» — конусообразные шатры из кожи моржа и звериных шкур, натянутых на китовых костях, попадают и деревянные домики, перенятые у американцев. Недалеко от селения виднеется на холме большой белый крест — единственный памятник казаку Дежнёву, открывшему этот край, первому не побоявшемуся тайн Севера, подарившему России громадные богатства, до сих пор не использованные. И как-то странно гармонирует этот унылый крест со всей окружающей его дикой пустынной местностью — детищем полярной природы.

Около селения часто можно видеть много шхун и чукотских, и хищников-американцев, ведущих торговлю с чукчами. Раннею весною, когда чуть начнут двигаться льды, американцы уже под-

ходят к нашим берегам, везя на своих шхунах всё, что к этому времени нужно чукчам, для обмена на дорогие меха. Условия плавления крайне тяжёлые, постоянно шхуны затираются льдами. Часто затёртую шхуну вытаскивают на большую льдину и так путешествуют по воле судьбы, пока эту льдину не вынесет на чистое место. Посчастливится им, спустят шхуну и пойдут по побережью собирать меха, не повезет — замёрзнут или умрут с голода, занесённые на льдине в такие края, где даже зверь не живёт.

Возвращаются шхуны в Сиятль — портовый город недалеко от Сан-Франциско, и оттуда направляют свой товар для выделки.

Очевидно, велика выгода этой торговли, если, несмотря на все лишения, весь громадный риск стать жертвой беспощадного океана, постоянную возможность захвата русскими, американцы всё-таки твёрдо идут по намеченному пути, навстречу многим опасностям, лишь бы скупить пораньше все меха. Мы же, в чьих владениях они хозяйничают, чьи богатства расхищают, платим потом за эти же меха, пришедшие к нам из-за границы, страшные цены.

И грустно становится, что ни одного русского человека не находится, который пошёл бы туда и последовал бы примеру наших соседей.

Выше я говорил о торговле с чукчами наших товарных «складов». На мысу Дежнёва в складе Чурина мне жаловались на полное отсутствие организации правильной торговли. Но вскоре мне пришлось узнать о системе торговли наших казённых складов.

В бухте Провидения и на посту Ново-Мариинском устроены склады, которым придается вид правительственных учреждений. Цель этих складов мне никто разъяснить не мог, зато много я узнал об отношении к ним местной администрации.

Теперь, когда американцев изгнали, все товары скуплены казённым складом, но... почему-то продаются уже вдвое дороже. По чьей инициативе это сделано, куда идёт прибыль от этой торговли? Склад производит впечатление какого-то совершенно безконтрольного учреждения. Под вывеской «казённый» им заведует уездный начальник. Удивительно удачное соединение высшего в крае представителя администрации с должностью приказчика! Что же касается вывозной торговли, то она направлена куда угодно, только не в наши руки. Я уже говорил, что в Маркове бывают ярмарки. Этим исчерпывается единственная возможность для вывоза местных товаров, то есть пушнины. Несколько скупщиков, живущих там, составляют центр, около которого группируется небольшое количество мехов, но это количество слишком ничтожно

в сравнении с тем, что уходит за границу. Если в России есть меха, то они все пришли к нам из Лондона, Лейпцига, через Америку, ибо крупные скупщики-иностранцы получают для обработки наши меха из Америки.

Впрочем, для того, чтобы иметь прибыль от торговли в крае, необходимо иметь, прежде всего, своим союзником местное население, а этого у нас нет и в зачатке.

Мы столько времени не обращали никакого внимания на чукчей, что приручить их теперь будет очень нелегко. А приручить их необходимо. Американцы и на своём Севере, и в Аляске, и на Алеутских островах, прежде чем приниматься за разработку каких бы то ни было богатств, постарались привлечь к себе местное население, возбудить в нём доверие и любовь к себе.

IX. Итоги и выводы

Что такое Чукотский полуостров, зачем он нам? Стоит ли им заняться и как приступить к этому? Вот вопросы, которые сами собой напрашиваются, лишь только мы начнем вдумываться в жизнь этого края. Позволю себе повторить в общих чертах всё, что я уже говорил о Чукотском полуострове. Известно, что там имеется золото. Разработка его стоит ещё на крайне низкой ступени развития, при правильной эксплуатации оно даст в будущем вряд ли менее того, что даёт Аляска. Разбросано оно, как показали исследования, по всему побережью, от мыса Дежнева до Анадыри и вверх по Анадыри, почти до селения Марково (в прошлом году некто Коваленко нашёл золото и платину в четырёхстах верстах вверх от устья реки Анадырь, где у него теперь и сделана заявка). Район громадный, который могут эксплуатировать сразу много людей. На Чукотском полуострове найдены также и залежи графита, правда, в меньшем количестве, чем золото, но всё же более чем достаточном для того, чтобы стоило его разрабатывать. Если к этим нетронутым ещё богатствам прибавить уголь, то придется согласиться, что недра Чукотского полуострова заключают в себе богатства достаточно большие, чтобы щедро вознаградить всякого, кто приложит свой труд к добыванию их.

Пушной зверь водится в таком количестве, что пока не приходится говорить о возможности уменьшения мехов. Наоборот, если правильно организовать пушное дело, то можно иметь пушнины гораздо более, чем сейчас. Теперь же весь край живёт только пушниной, ибо все северные меха расходятся по всему миру, главным

образом, с Чукотского полуострова и Камчатки. Параллельно с этим вспомним, что там много водяного зверя, китов и моржей. Всё вышесказанное уже само собой отвечает на вопрос: «Зачем нам этот край?»

Необходимо привлечь на Чукотский полуостров возможно большее число предпринимателей по всем отделам промышленности, которые только эта окраина может дать. Если туда пойдет много людей, то этим уже невольно начнётся насаждение цивилизации. Современный культурный человек настолько привык ко всем окружающим его условиям жизни, что он, хотя бы для себя только, постарается всеми силами создать вокруг себя те признаки культуры, с которыми он слишком сжился. Невольно явится необходимость улучшения и упорядочения путей сообщения, доставки товаров и провизии, явится настоящая необходимость в связи края с другими пунктами, в разрушении той страшной преграды — недостижимости края, которая существует сейчас.

Но как привлечь туда людей? Достаточно помочь им идти туда, пойти навстречу их нуждам, дать им широкое поле деятельности. В этом и может выразиться ценная помощь правительства.

Администрация там крайне необходима, но нужны для этого люди, знающие край, интересующиеся им. Необходимо дать этим людям большие полномочия, возможность проявления собственной инициативы во всём, что касается внутренней жизни края. Но не надо забывать, что северные наши окраины слишком далеки от всех центров, что нельзя непосредственно управлять Чукотским полуостровом, сидя в Петербурге, подводя всё под «общия правила», «постановления» и т. д. Конечно, для подобной деятельности необходимы люди, заслуживающие доверия, с которым их придётся послать на такую трудную миссию. Но в России найдутся они, надо только горячо приняться за дело, дать возможность этим людям как следует изучить край. Тенденция — как можно больше требовать и как можно меньше давать — нигде не оправдывается, а в особенности, в данном случае. Придётся считаться с тем, что люди должны столкнуться с очень суровым климатом, с полной неподготовленностью края для существования, с полудиким, недалеким от первобытного состояния населением.

Необходимо в корне изменить те правила, которые применяются сейчас к нашим промышленникам. Я говорю к нашим, ибо фактически японцы и американцы им не подчинены. Всякий промышленник, желающий предпринять какое-нибудь дело в пределах строгой законности, стеснён в малейшем своём движении

и стеснён в высшей степени неосновательно. Во-первых, громадное стеснение — это проволочка времени. Вполне понятно, что прежде, чем начать что-нибудь на Севере, нужно иметь деньги, и немалые. И вот получается такая картина. Кто-нибудь захотел, допустим, заняться разработкой золота. Предприниматель назначает определённую сумму денег на дело, подаёт сотни бумаг (писательства в этом случае требуется много), ждёт... Через год всевозможной волокиты ему, наконец, дают категорический ответ, что можно начать «разведку», но без права производства регулярных работ. Во время разведки промышленник доходов не получает, а только тратится. Так тянется ещё год. И вот, в самом лучшем случае через два года можно, наконец, начать правильную разработку золота. А два года капитал пролежал без движения, надо было поддерживать на участке всевозможные постройки, содержать рабочих, несколько раз ездить ради хлопот в Петербург. Да кому же охота пойти на подобную авантюру?

Затем следующее запрещение относительно стоверстной полосы, о котором я выше уже писал. К этой стоверстной полосе никому не позволено притронуться, ибо... если позволить, то пойдут японцы и американцы. Да от кого же зависит предотвращение такого нежелательного явления? Подобным оправданием этого запрещения мы сами расписываемся в своей полной неспособности работать. Нет, не хочется верить этому. Есть, есть люди, которые могут и хотят работать, только надо дать им возможность этого. Если в ту же стоверстную полосу нахлынет много русских, то некуда будет идти иностранцам. А наши русские пойдут, только надо обставить их, опять-таки, соответствующими условиями.

Пора отрешиться от созданных правил, давящих всех. Пусть будет больше контроля, пусть требуют от промышленника правильной организации дела, но пусть и правительство даёт надёжную, полезную администрацию, пусть требования явятся действительно целесообразными, согласованными с жизнью в крае с нуждами населения и промышленника. А всё это возможно только тогда, когда мы примемся за основательное изучение края, когда он перестанет быть для нас в полном смысле слова «terra incognita».

Часть II. КАМЧАТКА

Х. В пути. Петропавловск. Его будущее

Камчатка за последнее время начала сильно интересовать многих русских людей. Её посещают, изучают, её описывают, пытаются по возможности культивировать. Много сделано крупных ошибок относительно этого края — их уже не воротить и не исправить; но хорошо было бы хоть частью отдать себе полный отчёт в этих ошибках, чтобы в дальнейшем оне не повторялись.

К этой далекой окраине мы до 1906 г. относились со свойственной русскому люду инертностью. Лишь после войны, когда японцы вдруг начали усиленно разрабатывать всевозможные правила и положения, касающиеся какой-то Камчатки, когда начали раздаваться робкие голоса, что там есть много богатств, когда единичные лица энергично попробовали обратить русский взор на «новую» страну — тогда только более или менее серьёзно принялись за изучение Камчатки. Но, главным образом, это изучение сводится лишь к выяснению неизвестных ещё сторон края с точки зрения естественной, научной. Сведений же о практической, промышленной стороне очень мало. Существует много брошюр, книг, статей об этом крае, но тем, кому захочется составить себе о Камчатке должное, правдивое мнение, необходимо очень осмотрительно выбирать источники и не доверять первому попавшемуся на глаза описанию. Единственные источники, которые действительно могут дать точное представление о крае — это официальные отчёты лиц, так или иначе сталкивавшихся с его жизнью, лежащие обычно во всевозможных «управлениях» и на глаза широкой публике редко попадающие.

Когда подходишь с моря к Камчатке, открывается целый ряд нагроможденных друг на друга гор, называемых сопками. Все эти сопки вулканического происхождения, очень многие из них и сейчас действуют. Не которые горы достигают очень большой высоты. Так, Ключевская сопка, находящаяся почти в центре Камчатки, высится на 13 000 футов (фут равен 0,305 м. — *Ред.*) над уровнем моря, окружность её основания считается в триста вёрст. В ясную погоду со многих сопкок можно видеть оба берега Камчатки, и Тихого океана, и Охотского моря. Теперь на полуострове насчитывается шесть-семь больших действующих вулканов. В давния времена Камчатка много терпела от извержений. Одно из них продолжалось подряд четыре года (1727—1731), далее было

сильное извержение в 1737 г., когда огромные лавины из растаявшего льда и снега затопили много окрестных селений на десятки вёрст кругом. Очень сильное извержение было также в 1854 г., в тот самый памятный год, когда Камчатка так храбро отстаивала свои берега от нападений соединённой англо-французской эскадры. Не далее как в 1911 г. мне пришлось наблюдать с моря извержение одного из вулканов, расположенного довольно близко к берегу. В ясное солнечное утро это была картина удивительной красоты.

Переход из Владивостока в Петропавловск никогда не вызывает удовольствия пассажиров. Мы шли уже семь суток в сплошном тумане, в 60—70 милях от Курильской гряды, окружённой постоянно самыми неожиданными течениями, могущими подарить неосторожному кораблю массу неприятных сюрпризов. Всего год тому назад на этих островах разбился японский крейсер «Naniva», наскочив на них в тумане.

На восьмые сутки утром, когда все встали, мы подходили к Авачинской губе, в глубине которой расположен город Петропавловск. На высоком обрывистом входном мысу стоит единственный на всё наше побережье от Ледовитого океана до Японского моря маяк Петропавловский. Вход в Авачинскую губу замечательно красив. Пароход проходит между двумя совершенно отвесными обрывами мысов. От корабля до мыса около полуверсты, но берег настолько здесь приглуб, что можно проходить почти вплотную на глубине до пятнадцати сажен. Сейчас за входом открывается громадная бухта, вся изрезанная маленькими заливчиками. Берега плавно уходят в подёрнутую голубой плёнкой даль. Слева высится снеговая шапка Вилучинской сопки, справа сияют в лучах солнца белоснежные вершины трёх сестёр — сопки Коряцкой, Авачинской и Козельской. До того прозрачен воздух, что совсем близко кажутся эти сопки, хотя до них от входа не меньше пятидесяти вёрст. Вскоре пароход заворачивает вправо в небольшую бухточку, в углу которой приютился окружённый высокими горами, под сенью виднеющейся вдаль Коряцкой сопки, Петропавловск.

Подход к самому городу закрыть песчаной косой, тянущейся поперек бухты, не доходя до противоположного берега сажен на десять. Несколько жутко становится, когда пароход проходит между косой и берегом, проходит совершенно вплотную. За косой открывается небольшая гавань, называемая ковшом, в которой построена деревянная пристань. Ковш имеет глубину в пять

сажен, но затопленные на дне его две старья японския шхуны сильно стесняют движение судов. О дне петропавловскаго ковша один англичанин писал, что там грунт — обломки дерева и битое стекло.

По склонам гор, окружающих Петропавловск, раскинулся лес, образующий в некоторых местах отдельными группами крайне живописные уголки. В особенности красив склон горы, называемой Сигнальным мысом, отделяющий самый ковш от Авачинской губы. Здесь высокие деревья срослись верхушками, образуя дивныя аллеи, закрытия сверху от жарких солнечных лучей частой листвою. Это — любимое место прогулок петропавловцев. По побережью растянулся город, состоящий сплошь из деревянных домов, часто с очень красивым фасадом. Большинство зданий — казённые строения и дома административных лиц. В середине города высится белая деревянная церковь, в ограде которой находится памятник командору Берингу.

Улицы Петропавловска, конечно, сохраняют совершенно первобытный вид: невылазная грязь весной, летом — страшная пыль лежит на дорогах, сплошь изрытых колеями и выбоинами, между которыми то тут, то там торчат корни вырубленных деревьев.

Поражает путешественника климат Петропавловска. Он резко отличается от климата прилегающих окрестностей. Зимой температура в Авачинской губе не превышает двенадцати градусов холода, летом же держится $+15^{\circ}$, $+20^{\circ}$. Вода в ковше летом доходит до $+16^{\circ}$, $+17^{\circ}$, так что купанье становится вполне возможным. Дождей в летние месяцы крайне мало. Эта небольшая котловина не знает ни ветров, ни туманов. Мне несколько раз пришлось наблюдать, как входившая с океана в Авачинскую губу полоса тумана резко сворачивала у Сигнального мыса и густой стеной огибала Петропавловск, оставляя над ним чистое голубое небо.

Население Петропавловска доходит теперь до полутора тысяч; но нигде, я думаю, нет такого громаднаго процента должностных лиц, как здесь. Губернатор Камчатки, вице-губернатор, вся губернская канцелярия, масса чиновников, инженеры — всё сосредоточено в этом маленьком городке. Разумеется, всех неприятных обстоятельств, сопровождающих жизнь каждого провинциальнаго города, здесь сколько угодно. Все друг друга знают, всякий шаг каждого, как на ладони, — известен другим и т. д...

Оживляется Петропавловск летом, когда начинается навигация и заходят пароходы. Тогда в местном клубе открывается

сезон любительских спектаклей, вечеров, организуются пикники и т. п. Зимой петропавловцы усиленно занимаются спортом. На небольшом озере устраивается прекрасный каток на гладком, как паркет, льду, процветают поездки на собаках.

В Петропавловске теперь есть уже магазин владивостокской фирмы Чурина, где можно всё что угодно достать, но, конечно, по крайне высоким ценам. Разумеется, особенным комфортом жизнь населения не обставлена, но, в общем, всё же, я думаю, большинство наших провинциальных городов живёт много хуже. За время навигации, с мая по конец ноября, в Петропавловск заходят из Владивостока до пятнадцати раз пароходы, привозящие почту и газеты. В среднем почта идёт туда из Европейской России месяц. Важнейшия текущая события узнаются там по беспроволочному телеграфу. Кстати, несколько слов о нём.

Построена станция в 1910 г., но лишь с 1911 г. она начала правильно функционировать. Не везло ей отчаянно. Первый дебют ея заключался в том, что сильным штормом сорвало со здания крышу и испортило все приборы. Прошло немного времени, и станция сгорела дотла от вылетающих из трубы искр. Теперь, наконец, построили всю станцию из железа и бетона, после чего установился правильный обмен депешами со станцией Николаевск-на-Амуре.

Во время стоянки в Петропавловске мы устроили прелестный пикник. На противоположном берегу Авачинской губы есть довольно большая деревня Паратунка. Около нея находятся горячие ключи. Местные жители рассказывали так много интересно о них, что мы решили туда непременно съездить.

Берегом до этой деревни надо тащиться около сорока вёрст, поэтому мы решили пересечь бухту на шлюпках. Отправились в восемь часов утра на моторном и паровом катерах. Погода была идеальная, и десять миль до другого берега мы сделали совершенно незаметно, в разговоре, всевозможных шутках и остротах. На берегу нас ждали заказанные заранее верховые лошади, но последних было всего пять, так что многие отправились до Паратунки пешком. До деревни от берега оказалось ещё двенадцать вёрст пути. Буцефалы наши, оседланные самым примитивным способом, кто с верёвочными стремянами, кто и совсем без них, с седоками, из которых многие первый раз садились на лошадь, представляли прекомичную картину.

Дорога местами удивительно красива. Приходилось подчас пробираться среди кустарников, доходивших до груди седоков.

Почти всю дорогу прошли шагом. В нашей компании был один страстный охотник. Мы часто над ним посмеивались, ибо у него была привычка буквально всюду таскать с собой ружьё. Конечно, он не сел на лошадь, а отправился пешком. Каково же было наше удивление, когда уже под Паратункой наш охотник опять присоединился к нам, гордо держа в руке двух тетеревей.

Подкрепившись завтраком из взятой с собой провизии, пошли осматривать ключи. Они представляют собою небольшие озера с температурой воды от $+27^{\circ}$ до $+40^{\circ}$. Говорят, подальше есть ключ с температурой до $+70^{\circ}$. Разумеется, все мы выкупались в двадцатисемиградусном ключе. Про целебные свойства его рассказывают прямо чудеса. Масса примеров полного излечения ревматизма, подагры и т. п. болезней заставляют глубоко сожалеть, что эти ключи так далеки от России и так мало известны. По рассказам местных аборигенов, эта горячая сернистая вода совершенно останавливает на два года течение такой болезни, как проказа.

Наш доктор, понятно, страшно заинтересовался этим естественным курортом и взял воду в бутылку с собой для дальнейших исследований. Среди его спутников стали шутить, говоря, что доктор хочет основать здесь курорт.

— Да что вы, господа, смеетесь, — возразил он, — посчитайте, что вам может стоить такое лечение. Из Петербурга сюда можно добраться много в двадцать дней. Проживете здесь самое большее месяц, полечитесь — не говорю уже о том, что здесь, в Петропавловске, климат летом и погода точно созданы для слабого организма. Вся процедура займёт у вас два с половиной месяца и обойдётся в полторы тысячи рублей. Согласитесь, что масса больных хлынет, если только доказать, что эти ключи так чудодейственны, как о них говорят. Я слышал о них ещё в восьмидесятых годах (XIX в. — *Ред.*) и положительно, судя по некоторым данным, думаю, что едва ли где можно найти такой самой природой устроенный курорт.

Что ж, пожалуй, доктор прав. Невольно разговор о ключах принял более серьёзную окраску, и мы вынуждены были согласиться, что слова доктора не воздушный замок.

Сильно уставшие, полные самых лучших впечатлений и от пикника, и от радушного гостеприимства крестьян Паратунки, двинулись мы назад. Лишь к ночи добрались до Петропавловска, любуясь всю дорогу зеркальной поверхностью застывшей бухты, освещённой всходящей полной луной.

ХІ. Еще о Петропавловске. Жертвы моря. Петропавловск и Николаевск-на-Амуре

Петропавловск — город чиновничьяго мира, все учреждения в нём почти исключительно правительственные. Имеется больница и начальная школа. Местные жители охотно посылают туда своих детей. Курс — двухклассный, преподает сам начальник школы и три учительницы. Вся школа содержится на небольшие казенные средства и добровольные пожертвования. С 1910 г., по инициативе вице-губернатора Камчатки при школе организован на пожертвованные суммы интернат для детей крестьян окрестных деревень, вмещающий до тридцати человек. Долго не могли придумать приманку для того, чтобы заставить жителей жертвовать. Первый почин в этом положил в 1910 г. военный охранный транспорт «Колыма». Офицерами совместно с местной интеллигенцией был поставлен любительский спектакль, давший сразу около тысячи рублей. Это был первый спектакль города Петропавловска, после которого теперь уже правильно функционирует любительский театр, всегда дающий очень приличные сборы, идущие целиком на дела местных общественных нужд.

Петропавловская городская больница обставлена очень хорошо, но, к сожалению, в ней слишком мал служебный персонал: начальник больницы — он же единственный врач всего Петропавловска, с ног сбивается от массы работы. Помощниками его являются пять-шесть сестёр милосердия и лишь один фельдшер. В семи-восьми верстах от Петропавловска издавна существует колония прокажённых. Где гнездится зачаток этой ужасной болезни, сказать трудно, но постоянно, время от времени, прибывают туда новые больные. Вообще же Петропавловск — сравнительно здоровый город, он не знает никаких эпидемий, повальных болезней и лишь одна наша общерусская болезнь — пьянство — развита там очень сильно.

Поразило меня местное кладбище. Оно сплошь пестрит крестами могил людей, утонувших у берегов Камчатки. На первом плане стоит памятник погибшим в Петропавловске в 1906 г. шести матросам с транспорта «Колыма». Шлюпка с шестью матросами и офицером подходила к берегу, но была опрокинута бурунами. Все бросились вплавь к берегу, покрытому острыми прибрежными камнями, между которыми с шумом переливались разбивавшиеся о них буруны. Лишь один офицер поплыл в море от берега. Сколько он ни кричал людям, сколько ни приказывал уда-

ляться от камней — ничто не помогло. Все шесть человек были разбиты о камни, офицера же подобрала проходившая шлюпка.

Во время моего пребывания на Камчатке в конце мая 1911 г. жертвой бурунов стали шесть человек с парохода «Транзит».

26 мая ушёл из Петропавловска зафрахтованный Добровольным флотом норвежский пароход «Транзит». Капитан его был норвежец, оба помощника — тоже. Русскими из администрации парохода были только суперкарго (заведующий на пароходе всеми пассажирами и грузами) и его помощник. «Транзит» развозил по рыбалкам рабочих, преимущественно японцев. Всего пассажиров на нём было около четырёхсот человек. После развозки людей и грузов он должен был вернуться в Петропавловск около 10—13 июня.

27-го мая около двух часов дня в гавани Петропавловска неожиданно показался «Транзит» с приспущенными флагами. Около пристани стоял в это время военный транспорт «Колыма», который собирался уходить и уже начал оттягиваться. Немедленно был послан с «Колымы» офицер, от береговой администрации поехали на пароход уездный начальник и камчатский областной врачебный инспектор.

Около трапа стоял какой-то русский чиновник, к которому мы сейчас же и обратились с вопросом:

— Что случилось?

— У нас погибли вчера шесть человек... Никого из русских не осталось...

В первый момент мы не нашли слов, чтобы что-нибудь сказать. За два дня перед этим, когда уходил «Транзит», была чудная, совершенно тихая погода, и вдруг...

Я поднялся к капитану, говорившему только по-английски и немного по-немецки, и застал его совершенно разстроенным. Из его рассказа я понял только, что при высадке на берег в бурунах, у рыбалки Налачево, в сорока милях от Петропавловска погибли шесть человек с его судна. Капитан просил меня передать командиру «Колымы», что он просит прислать офицера для производства дознания и доктора. «Транзит» не мог уйти из Петропавловска, не имея в своём экипаже русских. Разумеется, просьба капитана была тотчас исполнена. Когда я расспросил пассажиров-очевидцев, выяснилась следующая картина несчастья:

Около часа дня 26-го мая «Транзит» стал на якорь около реки Налачево, где находилась рыбалка промышленника Н. Е. Германа, на которую надо было высадить сорок человек рабочих.

Берег был ещё весь в снегу, река скована льдом, и прежде, чем высадить людей, надо было отыскать удобное для высадки место. С этой целью на берег отправились на двух шлюпках — на четвёрке и рыбацком кунгасе — сам владелец рыбалки Герман, суперкарго «Транзита», его помощник, один матрос и восемь человек рабочих. На четвёрке управлялся помощник суперкарго, на кунгасе он сам. Когда подходили к бурунам, четвёрка вдруг перевернулась и только через два часа её вместе с людьми, к счастью, ещё живыми, выбросило на берег; кунгас же перевалил через ряд бурунов благополучно.

Развели на берегу костёр, обсушились немного и пошли отыскивать устье реки. Найдя место для высадки, решили отправляться обратно. Буруны в это время уже усилились. Четвёрку оставили на берегу; все сели на кунгас и тронулись.

Когда кунгас подошел к последнему буруну, на него вдруг налетел такой сильный вал, что люди не могли справиться своими четырьмя вёслами, вода хлынула, семь человек очутились на волнах. Двоих очень быстро выбросило на берег, а пять человек были отбиты к кунгасу. Кунгас же в это время был окончательно затоплен водой. Оставшиеся около него люди пытались что-нибудь сделать, поставить его при помощи якоря поперёк волн, но окончательно выбились из сил, ничего не добившись. Часть бросилась вплавь к берегу. Кунгас вдруг перевернуло, четыре человека попали под него. Тогда уже все решили бросить кунгас и спасаться. Суперкарго три раза доплывал до берега, помогая людям выходить из воды, но когда отправился четвёртый раз — назад уже не вернулся...

Все оказавшиеся на берегу люди были настолько слабы, что не могли даже раздуть костер и обсушиться. Иззябшие, промокшие, они уже не надеялись вернуться когда-нибудь обратно. Руки и ноги коченели, одежда покрывалась тонким слоем льда...

Только к девяти часам утра буруны настолько уменьшились, что можно было подойти к берегу. Японские рабочие, бывшие на «Транзите», на большом кунгасе пошли на берег, привезли несчастным провизии, пытались забрать всех, но только двое решились возвратиться, остальные же под свежим впечатлением только что пережитого ужаса, пробыв в воде три-четыре часа, видя, что уже сильно темнеет, решили подождать утра. На утро их всех привезли на «Транзит».

Погибли суперкарго М. Прэде, рабочие Самуил Тихонов, Андрей Нестеркин, помощник суперкарго В. Филонович, рабочие Василий

Пануров и Пётр Павлюченко. Тела первых трёх привезли в Петропавловск, а остальных не нашли.

На следующий день, 28-го мая, состоялись похороны несчастных жертв. Грустное, тяжёлое впечатление производили три наскоро сколоченные гроба, закрытые национальными флагами. Гроб героически погибшего суперкарго несли офицеры «Колымы», а рабочих — матросы. Почти весь Петропавловск провожал печальную процессию на кладбище...

Невольно вспомнилось, что в Петропавловске имеется уже три памятника погибшим у берегов Камчатки, а новое кладбище почти всё состоит из отдельных жертв моря.

После происшедшей катастрофы «Транзит» оказался в самом тяжёлом положении. Не имея никого в своём экипаже из русских, находясь под командою человека, который не мог нигде объясниться, — он не в состоянии был двинуться дальше. Капитан был совершенно убит — задерживались грузы, люди, терялось драгоценное время.

Видя это, командир «Колымы» дал предписание командиру транспорта «Аргунь» назначить одного из своих помощников идти на «Транзите» в качестве суперкарго, что и было выполнено в тот же день вечером. Находящийся в Петропавловске агент Добровольного флота говорит, что если бы не случайная стоянка «Колымы», они буквально не знали бы, что делать.

Войсковых частей в Петропавловске нет. В последнее время много говорили на эту тему, строили всевозможные планы, писали об отправке туда целого батальона, но пока эти планы ни во что реальное не вылились. Единственные воины там — «казаки», которых я уже описывал. Их здесь двадцать человек, исполняют они те же функции, что и в Ново-Мариинске. В Петропавловске им поручают ещё охрану кассы государственного казначейства и карцера при полицейском управлении. Кстати, в Петропавловске с 1910 г. появился один городской. Жители были ужасно горды таким явным признаком возникновения зачатков цивилизации города.

Насколько войско, составленное из «казаков», надёжно, можно судить по следующему. Зимой 1910—1911 г. в Петропавловске содержались в карцере для отправки их весной во Владивосток четверо отъявленнейших негодяев. Они терроризировали своими погромами и грабежами всё население. Долго двадцать воинов не могли их одолеть. Наконец, когда те были раз мертвецки пьяны, их как-то удалось упрятать в карцер. Кончилось это предприятие тем, что арестанты отняли у часового-«казака» ружьё и убили

одного из своих же товарищей. Не думаю, чтобы такой караул мог охранить пятьсот тысяч петропавловского казначейства, а о его чисто боевых качествах и говорить не стоит.

Как больно становится, когда вспомнишь, что всё это — потомки тех людей, горсть которых геройски отстояла Петропавловск от нападения англо-французской эскадры в 1854 г.

Я так подробно описываю Петропавловск потому, что вся жизнь Камчатки сосредоточивается в нём, от него зависит всё её благосостояние.

Петропавловск как город разрастается очень быстро. Камчатка начинает сильно цивилизоваться, движение всевозможных грузов и пассажиров уже сейчас громадное, а удобств никаких. Не надо забывать, что этот город, единственный центр далекой окраины, играет исключительную роль в жизни края, роль, которая развивается с каждым днём. Петропавловск для всего Дальнего Севера — это то же, что Владивосток для Сибири, но роль его как морского порта несравненно значительнее, чем всякого другого, ибо он навсегда лишён железнодорожного пути. Немыслимо вести железную дорогу вокруг всего Охотского моря, через Камчатку, да ещё по такой местности, как камчатские крутые горы и сопки.

С громадной грустью узнал я, что при недавних ассигнованиях на Владивосток и Николаевск-на-Амуре ассигновано шесть миллионов, а Петропавловск не получил ни копейки. Стоит ли таких забот Николаевск-на-Амуре, если ассигнования на него *идут за счёт* Петропавловска, с каждым днём всё более и более развивающегося и приобретающего большое значение?

Николаевск расположен в таком неудачном, в морском смысле, месте, где никогда не может возникнуть большой торговый порт. За десятки миль от города начинаются сильные мели, проход между которыми крайне затруднителен, вообще же возможен лишь в течение весьма непродолжительного времени высокой воды. Это — для судов средней осадки, большие же грузовые, пароходы совершенно этим портом пользоваться не могут. Скоро начнётся правильное движение на строящейся теперь Амурской железной дороге. Конечно, с этого момента всё колоссальное количество амурской рыбы будет отправляться по железной дороге. То преимущество водного пути перед сухим, которое существует в больших портах, здесь сведётся почти на нет. Малый промежуток времени, в которое можно отправить рыбу, лихорадочная торопливость в её приготовлении, чтобы только не опоздать в настоящий сезон, малое количество судов, поспевающих её вывезти, дороговизна

фрахта, лоцманов, невозможность иметь большие пароходы — вот что заставит рыбопромышленника отправлять свои грузы сухим путём, где, он знает, может не стесняться ни количеством отправляемого, ни временем отправки. Знает, что всё прибудет в срок и гораздо скорее попадёт на рынок, чем морским путём.

Имея это в виду, стоит ли тратить полтора миллиона на оборудование порта, который потеряет не сегодня-завтра своё морское значение? Постройка же канала к Николаевску обойдётся, минимум, миллиона три и всё-таки своего назначения — возможности большого и дешевого движения пароходов — не выполнит.

Весь наш Северный Восток — Чукотский полуостров и Камчатка — имеют лишь одну морскую торговую базу — город Петропавловск, совершенно не оборудованную как порт.

Тем не менее, условия входа в Петропавловск не требуют ни излишне-напряженного внимания и осторожности, ни каких бы то ни было лоцманов. Выгрузка товаров крайне удобна на большом протяжении берега. Достаточно сказать, что к закрывающей Петропавловскую внутреннюю гавань косе большие пароходы для выгрузки подходят на расстояние десяти сажен. Трудно найти лучшие естественные условия для зарождения торгового порта. Надо ещё прибавить, что Авачинская губа не замерзает и для любого судна доступна круглый год.

Вся камчатская рыба, количество которой гораздо больше, чем амурской, проходит через Петропавловск. Под самым Петропавловском расположены пять больших рыбалок. А между тем нет ни пакгаузов, ни достаточного количества пристаней (есть одна небольшая, к которой пароходы вынуждены становиться по три-четыре рядом или ждать очереди), нет средств для передвижения грузов по прибрежному пути, для нагрузки их на суда и т. д. Для самих судов нет достаточного количества угля, воды, припасов, не говоря уже об отсутствии малейшего намека на мастерския. В Петропавловске нечем даже спаять два куска металла.

О громадных богатствах края и его значении для России в последнее время очень много говорят и пишут. В данный момент процветание не только Камчатки, но и Чукотского полуострова в сильной степени зависит от работоспособности их центра, а таковым является единственно Петропавловск. Создать город, который мог бы служить таким местным центром культуры, — вот ближайшая нелегкая задача, лежащая на высшей дальневосточной администрации и петербургских центральных правительственных органах.

ХII. Коряки. Рыбные промыслы

Коренное население Камчатского полуострова — коряки, называемые камчадалами (от слова «кончало», как они себя называют). Это очень низкорослый народ с типичными чертами монгольского происхождения. Основы их жизни, религия, обряды очень сходны с обрядами чукчей. Когда-то этот народ был очень воинственным и несколько раз пытался возставать, особенно сильные восстания были в 1731 и 1740 г. Теперь они совершенно обрусели, хотя сохранили некоторые из своих старинных верований и обрядов. Внутри полуострова часто можно встретить обряд шаманства, очень схожий с таковым же у чукчей. Но такие старинные обычаи сохранились лишь в северной Камчатке, вся же южная половина ея настолько уже заселена нашими переселенцами, что стала совершенно русской во всех проявлениях своей жизни, покрылась многими разсеянными то тут, то там русскими деревнями. Среди переселенцев главное место занимают старообрядцы и молокане.

В Петропавловске камчадалами называют именно такое полурусское коренное население, почти ничего общего уже с исконными коряками не имеющее. Из этих камчадалов и набираются «казаки», которых я раньше описывал. Всё, что осталось в теперешних камчадалах от их предков, это — низкорослость и слабость, да то, что вместо всех шипящих букв они произносят «ц» или «с».

Все камчадалы — прекрасные рыболовы, пища их состоит почти исключительно из рыбы. Своих ездовых собак они кормят также «юкколой» — провяленными на солнце пластами рыбы. Скотоводство на Камчатке развито очень слабо, лишь в последнее время население начало разводить рогатый скот, взяв пример с русских переселенцев. На севере Камчатки сильно развито оленеводство. Разумеется, большой доход даёт населению звероловство. Жители промысляют преимущественно бурыми медведями, которых на Камчатке большое количество, далее идут лисицы, белки, горностаи, наконец, соболя.

Рыбная промышленность Камчатки славится во всём мире. На полуострове расположено безчисленное множество рыбалок (если считать все мелкие — около двух тысяч).

Наиболее крупные рыбалки находятся в районе селения Усть-Камчатска, где сейчас первое место занимает рыбалка рыбопромышленника Х. П. Бирича, имеющего там же два консервных

Коряки съ матросами «Колымы».

ловство; жители промышляют преимущественно бурими медвѣдями, которыхъ на Камчаткѣ большое количество, далѣе идутъ лисицы, бѣлки, горностаи, наконецъ, соболя.

Рыбная промышленность Камчатки славится во всемъ мірѣ. На полуостровѣ расположено безчисленное множество рыбалокъ (если считать всѣ мелкія—около 2000).

Страница книги Б. Горовского «Забытыя русскія земли»

рыбных завода. Усть-Камчатск вылавливает за сезон около миллиона штук всевозможной рыбы. Почти вся камчатская рыба из породы лосося, кеты, горбуши, чевычи. Параллельно с этим, на Камчатке в большом количестве развивается приготовление различных сортов икры и тука; многими рыбопромышленниками энергично развивается за последнее время лов сельди.

Усть-Камчатские консервные заводы поставляют продукты своего изготовления в огромном количестве в Англию. В Россию же они почти совсем не идут.

Мне часто приходилось слышать жалобы, что якобы на Камчатке нет леса. А между тем все постройки на рыбалке Бирича сооружены из камчатского леса, сплавленного по реке Камчатке из внутренних районов, расположенных вёрст за восемьдесят от моря. На этой рыбалке около двухсот человек рабочих, русских и японцев; при рыбалке имеются большие склады для рыбы, огромный ледник.

Очень много в этом крае таких рыбопромышленников, которые занимаются лишь тем, что берут на своё имя один из участков, который по правилам не может быть сдан японцам, и затем за приличную сумму предоставляют всю эксплуатацию японскому же промышленнику или просто всю добытую рыбу продают ему же. Многие владельцы рыбалок промышляют ещё тем, что выменивают у местных жителей шкуры за спирт, что, конечно, так же запрещено, как и на Чукотском полуострове.

В одной из северных бухт Камчатки стоял как-то наш военный транспорт. Приезжает на него однажды коряк и заявляет, что недалеко, на рыбалке некоего Т., взбунтовались рабочие. Сейчас же были отправлены туда вооружённые матросы и два офицера для производства дознания. Владелец рыбалки заявил, что он поймал одного рабочего в продаже местному населению спирта, хотел заставить его взять спирт обратно, но тот отказался, что якобы и послужило поводом к общему бунту.

— Помилуйте, ваше благородие, — заговорил в ответ один из рабочих, — спросите всех, кого угодно — он сам всё время торгует спиртом, да ведь мы молчали.

— Откуда же у него столько спирта оказалось? — спросил один из офицеров.

— А когда мы в Петропавловске сажались на пароход, он каждому рабочему дал с собой по бутылке спирта. «Спрячьте, — говорит, — себе за пазуху. Там, на рыбалке, вам пригодится по стаканчику, когда промёрзнете или промокнете». А потом всю эту водку

он от нас отобрал, и когда нам нужно было выпить, давал какую-то бурду, настоящую на махорке, которую мы и сами не пили. Спирт-то, который мы провезли, так и пошёл весь на меха.

Увы, рассказ рабочего впоследствии вполне подтвердился. Дальше выяснилось, что вообще своим отношением к рабочим рыбопромышленник сам сознательно вызвал их отказ от работы, зная, что по контракту он прекращает платёж жалованья в случае забастовки в горячее время.

Подобные «рыболовы» попадают в руки надзора в одном из десяти случаев. Наша организация рыболовного надзора страшно хромает. Мало людей, нет средств сообщения. С 1911 г. в распоряжении заведующих отдельными районами имеются четыре небольших моторных катера, к тому же вечно находящихся в неисправности. Около рыбалки реки Панкары я видел раз начальника надзора за восточным побережьем, чиновника М. Стояла отчаянная жара. Среди голого поля раскинута небольшая палатка, наполненная комарами. Несчастный М. лежал на кровати в одном белье и тяжело дышал. При моём входе он обернулся.

— Простите, не встану. Болен, совсем болен.

— Что с вами?

— У меня лихорадка, голова трещит от боли, никуда не могу двинуться — мотор мой уже две недели стоит в бездействии; испорчен, как всегда. А тут ещё комары проклятые; я уж и то всю ночь бумагу жгу, мало помогает. Понимаете вы, эта палатка — моя главная резиденция!

На столике стоял жестяной поднос, весь наполненный пеплом бумаги...

Главная причина слабой постановки дела надзора — крайне малое количество стражников. Многие крупные рыбопромышленники мне говорили, что готовы на свои деньги держать людей, лишь бы водворить порядок и применить законные требования к массе нарушителей всех правил. Каждое неисполнение постановлений в этой области тяжело отзывается не только на кармане других рыбопромышленников, но и вообще на процветании нашего рыбного промысла, играющего такую громадную роль для всего края.

На всём побережье Камчатки товарообмен края сильно затрудняется очень плохими условиями высадки со шлюпок. Весь берег изрезан устьями рек с далеко выдвигающимися в море барами, иногда на большом пространстве имеющими глубину не более двух футов. На таких барах в месте слияния струи реки с зыбью

моря всегда происходит сильная «толчая», далеко от себя распространяющая волны. Подойдя к отлогому берегу, волна поднимается крутым валом и, разбиваясь о песок, часто образует очень высокий бурун. При таких условиях высадка на берег требует большого навыка и осторожности, ибо вместе с буруном вылетает на берег и вскидывающаяся шлюпка. Особенно славится своими страшными бурунами Усть-Камчатск, где они достигают иногда высоты одной сажени. Гребень буруна стремится всегда вернуться внутрь, и если шлюпка прозевала момент — её неминуемо зальёт и сейчас же отбросит обратно в море. Обычно при высадке выжидают большую волну, которая могла бы сразу выбросить шлюпку на берег, где её должны подхватить, уже выскочив на берег, сидевшие в ней люди и оттащить ещё дальше по берегу ранее, чем подойдет второй бурун. При обратном отправлении шлюпки люди становятся по бортам и, как только отойдёт бурун, часто по пояс в воде, быстро скатывают её вперед в море с тем расчётом, чтобы следующий вал подошёл к шлюпке лишь в таком месте, где он ещё не разбивается о берег. Потом шлюпка протягивается дальше в море по канату с заброшенным ещё при высадке далеко от берега якорем. Иногда малейшее промедление может стоить многих человеческих жизней, как я это описывал при несчастии в бухте Налачево. Практика жителей выработала там особый тип шлюпки — «кунгас» с плоским днищем, наименее опасный при выбрасывании на берег. Но, какая бы ни была шлюпка, выгрузка товара в бурунах всегда затруднительна; часто пароход простаивает несколько дней около рыбалки, выжидая погоду, благоприятную для выгрузки и теряя зря драгоценное время.

Вышеописанные условия, затрудняющие или мешающие так или иначе процветанию нашей рыбопромышленности, осложняются ещё тем, что они находятся в связи с конкуренцией Японии, выторговавшей после войны громадное количество выгодных для себя пунктов, на которых японцы имеют право лова рыбы.

XIII. Японские рыбопромышленники

Много зла причинила нам подписанная вместе с Портсмутским договором функционирующая ныне рыболовная конвенция. Что сделано — то сделано, поневоле приходится подчиняться этому, но знать это зло тоже необходимо.

Многие правила конвенции поставили наших рыбопромышленников в несравненно худшие условия, чем японских. Правда,

японцы не могут быть конкурентами для нас, ибо их рыба идёт исключительно в Японию. Казалось бы, одни другим не мешают. Но это только так кажется. Основное правило конвенции заключается в том, что русским и японским промышленникам разрешается ловить рыбу «на равных условиях». Пример: японцы для перевозки грузов пользуются исключительно своими судами, мы — исключительно своими; в результате у нас провоз груза из Владивостока на Камчатку обходится 45 коп. пуд, а на зафрахтованном японском пароходе — 12 коп. (данные частного совещания рыбопромышленников в гор. Владивостоке в 1908 г.).

Далее: «Всякий рыбопромышленник при аренде участка подписывает контракт, в котором он обязуется подчиняться всем существующим правилам и положениям, а также и могущим быть изданными». Здесь есть уже существенная разница между условиями работы наших и японских рыбопромышленников: японец должен быть предупрежден о каком-нибудь новом положении за шесть месяцев, а относительно русских это не оговорено. Конечно, «слухом земля полнится» и всегда, прежде чем выйдет новое правило, о нём, хоть по слухам, да станет известно. Но нельзя же слухи возводить на степень официального извещения, каковое должно быть сделано японским подданным.

Интересно сравнить прибыль русских и японских рыбопромышленников. Повторяю, что на русском рынке Япония не составляет для нас конкуренции, но примеры, которые я привожу, свидетельствуют о том, насколько мы по недостаточному знанию края мало позаботились о своих, сравнительно с японцами. Прежде, чем говорить о цифрах, надо объяснить причины, влияющие на развитие деятельности Японии в области рыболовства.

В данное время в Японии широко развивается общество рыбопромышленников под названием «Рорио Енкайшу Суйсен Кумияй», в переводе: «Общество морских промыслов в русской Приморской области». Насколько это общество действует решительно в деле эксплуатации наших рыбных богатств, не обращая никакого внимания на русских, может показать первая статья его устава, которая гласит: «Общество имеет своею целью упорядочить морские промыслы в Приморской области, искоренив дурные обычаи, исправить поведение рыбопромышленников и увеличить общую пользу членов общества»... Если показать это человеку, не слишком уверенному в том, что Приморская область принадлежит России, он, наверно, похвалит японцев за их радение о своей провинции.

Это общество имеет несколько отделений, из которых «Хакодате-Сибу», то есть хакодатское отделение ведаёт делами Камчатки. Не безынтересно бросить беглый взгляд на историю возникновения общества.

Почти всем известен факт из минувшей войны, когда некий японский капитан, решив завоевать Камчатку, явился туда с небольшим отрядом, водрузил японский флаг и объявил край оккупированным, правда, в результате он потерпел фиаско. Это был капитан запаса японского флота Наридата Гундзи. Задолго ещё до войны он считался известнейшим знатоком Камчатки, занимался энергичным проведением в жизнь идеи заселения Курильской гряды, сильно интересовался положением рыбной промышленности в наших водах. Вот он-то своей колоссальной энергией и объединил всех японских рыбопромышленников в могучее, прекрасно организованное общество, что было ещё легче привести в исполнение благодаря помощи в этом самого японского правительства. 28-го марта 1908 г. в Японии был издан закон, разрешающий всем рыбопромышленникам, работающим в иностранных водах, соединяться в союзы; но главной помощью токийского правительства явился специальный закон, гласящий, что никто не может ловить рыбу в районе действующего союза, не будучи его членом. Сознывая колоссальное значение для Японии рыбопромышленности и влияние её на всю экономическую жизнь страны, японское правительство принимает все меры к поддержанию промышленников. Так, например, сейчас в числе членов общества «Кумияй» насчитывается несколько членов парламента.

Возникшее и развернувшееся в полной мере свои действия с 1909 г. общество фрахтует сейчас около 260 судов, насчитывает у себя до двухсот членов, имеет оборот в несколько миллионов рублей, кормя семь тысяч человек. Это уже не общество, а целая отдельная, громадная корпорация. Малейшая просьба рыбопромышленника исходит здесь не от частного лица, а от мощного союза, узаконенного правительством, опирающегося на силу своей громадной сплочённости.

29-го октября 1908 г. в Токио собралось до 65 человек, заинтересованных в деле рыбного промысла. Собрание происходило под председательством самого Гундзи, подавшего первую мысль об организации союза. На этом собрании и был окончательно решён в утвердительном смысле вопрос об образовании общества.

Из краткого описания общества «Кумияй» видно, с какой неутомимой энергией японцы направляют все свои силы к приобретению доминирующего значения в промыслах наших берегов; а это

невольно наводит на мысль о близкой возможности мирного захвата Камчатки японцами в свои руки.

Но вернёмся к условиям, в которых находятся наши и японские рыбопромышленники. Аренда участков установлена одной трёхгодичная и, в виде исключения для некоторых лиц, двенадцатигодичная, являющаяся для успешного развития промысла, разумеется, наиболее желательной. При этом японцы не могут арендовать рек и 34 морских участка.

Так как все японские рыбопромышленники состоят членами «Кумий», то аренда участков у них производится после тщательных совещаний на общем собрании. Таким образом, они являются на торги уже заранее твёрдо зная, какой кому достанется участок, и имея в руках подробные данные о каждом из последних. Являются спокойные за исход торгов, ибо уверены, что русских будет очень мало. Борьба с ними, однако, вполне возможна, что показывает следующий факт, имевший место на торгах 7-го марта 1909 г. Японцы были тогда очень неприятно поражены: они в первый раз предложили взять участки на долгосрочную, трёхгодичную аренду, как неожиданно им пришлось столкнуться с сильной конкуренцией со стороны русских. Японцы явились во главе со своим консулом в количестве шестидесяти человек. В начале торгов они были совершенно ещё спокойны за предстоящие результаты, но когда уже около пятнадцати участков были заняты русскими, японцы вдруг потеряли всякое самообладание и начали азартно конкурировать даже друг с другом.

Что касается арендной платы, то для японцев она выше, чем для русских; в последнее время она увеличена в три раза (до трёх тысяч иен). Но это не имеет большого значения, ибо все цифры говорят, что японцы эксплуатируют наше побережье с несравненно большей выгодой, чем русские. Это доказывается хотя бы уже тем, что за 1907, 1908 и 1909 гг. было взято участков русскими рыбопромышленниками 55, японскими — 444. Считая, в среднем, что на долю русского предпринимателя и рабочих каждый сезон даёт 6 000 руб. прибыли, а японцу — 14 000 (Х. П. Бирич, журнал «Русское судоходство» за 1907 г., № 27), мы получим, что японцами за эти три года вывезено рыбы в 19 раз, на 5 886 000 иен больше, чем русскими.

В общем, ежегодный доход России от рыбных промыслов Дальнего Востока равняется теперь приблизительно 400 000 руб.

Если взять точные данные о ввозе русской рыбы в Японию из отчёта нашего консула в Хакодате, то они выразятся следующими цифрами:

	Привезено рыбы, пудов	На сумму, иен
1907 г.	2 043 460	2 842 796
1908 г.	2 456 646	3 735 380
1909 г.	3 637 436	4 836 884

Эти цифры показывают, что ввоз русской рыбы в Японию прогрессирует в сильной степени. Так же значительно развивается и количество японских рыбопромышленников на наших берегах.

Рыболовная конвенция заключена на двенадцать лет; вступила она в силу с 1907 г., следовательно, до 1919 г. волей или неволей, а подчиняться ей придётся, как придётся считаться и с законным правом промысла японцев на Камчатке. Если с этим вполне примириться, сидеть сложа руки и ждать грядущих событий — захват нашего края в руки японцев и постепенное вытеснение ими наших промышленников неизбежны.

XIV. Пароходные рейсы

В настоящее время все рыбалки наши обслуживаются пароходами Добровольного флота. Относительно дороговизны подобной перевозки грузов я уже говорил; но кроме этого отрицательной стороной является ещё крайне неудачное расписание рейсов. Правда, каждый год это расписание обсуждается совещаниями рыбопромышленников, но составляется оно, конечно, не исключительно согласно их требованиям, вследствие чего получают крупные недоразумения. В 1910 г. осенью целая рыбалка у бухты Моржевой осталась без парохода и без провизии. Чтобы попасть хоть на какой-нибудь пароход, рабочие отправлялись на кунгасах в Петропавловск.

В минувшем году путаницы было ещё больше. Вследствие гибели двух пароходов, «Транзит» и «Тордис», очень долгое время, когда уже надо было везти рыбу во Владивосток, все рыбалки оставались без пароходов, а в октябре забиравшие рыбу три парохода оказались перегруженными до такой степени, что в Петропавловске капитан отказался взять грузы с местных трёх рыбалок.

Правильной организации сообщения мешает ещё ряд затруднительных формальностей. Японец, отправляясь на Камчатку, забирает в Хакодате одно навигационное свидетельство, чем и исчерпываются все формальности для плавания, после чего он может ходить, куда ему угодно. У нас же, если рыбопромышленник должен отправить груз на Камчатку, он обязан непременно зайти в Петропавловск для выполнения массы таможенных формальностей,

Изъ судовой жизни. — Подъемъ 80-пудоваго моржа.

XVI.

Командорскіе острова.—Котиковый и бобровый промыслы.

Самая драгоцѣнная пушнина русской мѣховой промышленности—котикъ, боберъ и голубой песецъ—добывается исключительно на двухъ островахъ Командорской группы—

Страница книги Б. Горовского «Забытыя русскія земли»

а, значит, должен потерять много лишнего времени и денег. Кроме этого существует ещё одно очень оригинальное положение. Если наш рыбопромышленник взял документы на перевоз грузов до какого-нибудь одного пункта, то никаких сообщений с другими пунктами он иметь уже не может. Другими словами, если кто-нибудь имеет две, три рыбалки, хотя бы и расположенные близко друг от друга, но разделенные чужими участками, то такой рыбопромышленник не имеет права даже на кунгасе сообщаться с одной рыбалки на другую.

Все эти недостатки в организации путей сообщения, понятно, заставляют наших рыбопромышленников сильно задумываться над этим вопросом. Образование русского каботажа было бы здесь как нельзя более желательным, и многие уже серьёзно над этим думают. Попытка организовать такое предприятие была сделана в 1910 г. Проект организации дела был очень многими рыбопромышленниками признан вполне отвечающим их насущным нуждам.

Предложено было на первый год завести четыре моторных шхуны от 80—120 тонн. Эти шхуны должны были ранней весной отправляться из Японии на Камчатку с грузом соли. Одна должна была обойти западный берег, остальные — восточный, доходя каждая до своего определённого пункта: бухта барона Корфа, Анадырь, Дежнёв. Последнюю шхуну, которая должна была ходить на мыс Дежнёв, предполагалось выстроить несколько больше остальных. Зимовка шхун предполагалась в Петропавловске, где должны быть устроены склады, обладающие необходимыми запасами для приготовления шхун к следующему плаванью.

Другая вариация этого проекта состояла в том, чтобы, увеличив число шхун, доставлять рыбу непосредственно во Владивосток. Тогда тоннаж шхун рассчитывался таким образом, чтобы каждая могла забрать груз одной средней рыбалки.

Правительство, по словам компаньонов, давало на это предприятие около 100 000 руб. пособия. Компания была уже близка к осуществлению своего проекта и весной 1912 г. должна была начать функционировать, но всё разстроилось вследствие происшедшего разлада между членами общества.

Жаль, что не удалось осуществить этого проекта. Крайняя неудобства наших способов сообщения с Камчаткой растут с каждым годом.

Говоря о северных рейсах, необходимо сказать о приспособленности самих судов к этим рейсам. Добровольный флот фрахтует суда, буквально, какие попадутся. Вследствие этого созда-

лось то положение, что суда оказываются крайне неудобными для северных рейсов. Лишь пароходы «Чинтуфу» и «Цинанфу» более или менее удовлетворяют тем требованиям, которые предъявляются условиями плавания и обслуживания наших берегов. Развозя по побережью все рыбалки, пароход должен везти и много груза, и много пассажиров. За исключением названных двух пароходов, все остальные представляют собою тип обычного грузовика, совершенно не рассчитанного на перевозку 40—50 пассажиров каютных и до четырёхсот палубных. Вследствие этого грязь и полный хаос царят на пароходах невообразимые. А к этой картине надо ещё прибавить отчаянное пьянство среди палубных пассажиров. На пароходе, правда, имеется акцизный чиновник, но он, конечно, не в силах уследить за всем, что творится. Во-первых, большинство рабочих говорят, что они достают спирт у судовой же команды, а, во-вторых, и сами рабочие имеют возможность всегда пронести на пароход спирт незамеченным...

Сколько раз мне ни приходилось бывать на пароходах северных рейсов, всегда они производили самое отталкивающее впечатление полным отсутствием какого-либо намека на порядок.

Таких отдельных примеров безалаберности в организации рейсов много. Каждый из них сам по себе не имеет большого значения, но в сумме все это даёт очень печальную картину условий, в которых приходится жить нашему рыбопромышленнику.

А Добровольному флоту не трудно было бы позаботиться о том, чтобы в корне изменить эти условия. С другой стороны, не надо забывать, что Добровольный флот в сильной мере субсидируется правительством. Если администрация Добровольная флота не хочет считаться с необходимостью изменить постановку дела, то, казалось бы, правительство, давая громадную субсидию, может и потребовать выполнения известных условий, упорядочивающих наши пути сообщения у Камчатки. А это для Камчатки слишком важно, ибо вся её жизнь зависит от целесообразного обслуживания берегов.

XV. Условия плавания

Условия плавания у берегов Камчатки очень тяжелы. Всё лето берега её окутаны туманом, зачастую приходится входить в бухту буквально ощупью. Берег обрывистый, крайне приглубый, но во многих местах имеет далеко выдающиеся в море гряды камней и рифы. Часто суда, долго не имевшие возможности проверить

своё местонахождение поступают так: подходят, по их расчётам, близко к берегу и дают выстрел. Если быстро услышат эхо, значит, действительно, берег близко, и надо уходить, если эха нет — можно идти вперед. Конечно, этот способ определения места более чем рискован: можно не услышать эхо и налететь на подводный риф.

— Помилуйте, — говорил мне один капитан парохода, — если даже и точно знаете своё место, вылететь на берег очень легко из-за неверности карт. Мне раз в этих краях пришлось идти около полутора суток открытым морем, причём на карте мой курс проходил по земле, тогда как я всё время ни клочка берега не видел.

К несовершенству карт надо ещё прибавить, что под берегами Камчатки масса неизследованных течений. Летом плавающие там военные суда занимаются тем, что каждые четыре часа бросают в море закупоренную бутылку с точным обозначением широты и долготы места бросания, но это не помогает. Во-первых, бутылки отыскиваются обычно лишь на следующий год, а, во-вторых, постоянно оказывается, что прослеженное по той или другой бутылке течение уже на другой год изменилось. До сих пор нет точного и верного объяснения причин, от которых зависят все эти неожиданные изменения течений. На всём громадном протяжении береговой черты от Петропавловска до Ледовитого океана нет ни одного маяка. Вот условия, при которых приходится плавать кораблям.

Немудрено, если каждый год там гибнут пароходы. В 1911 г. разбился пароход «Транзит», выскочив среди белого дня в тумане на мыс, стоящий буквально на большой дороге всех судов, обходящих Камчатку. «Транзит» успел свезти на берег всех пассажиров, а через два дня страшным штормом был разбит на куски. Кстати припомню — этот же самый шторм чуть не погубил военный транспорт «Колыму». Военная «Колыма» имеет назначение совместно с канонерской лодкой «Манджур» охранять наши котиковые промысла от хищников-японцев. В действительности обязанности «Манджура» и «Колымы» несколько разнятся.

Первый, действительно, занят исключительно охранным крейсерством у Командорских островов, тогда как «Колыма» имеет, строго говоря, более обширные обязанности. Она обходит за лето буквально все бухты на побережье, проходит Берингов пролив, забирается в Ледовитый океан, обыкновенно до мыса Сердце-Камень. На её обязанности лежит оказание всевозможной помощи населению в случае нужды, вплоть до перевозки пассажиров и грузов, содействия местной администрации для водворения порядка и т. д. Наряду с этим «Колыма» производит много работ по

описи берегов, промеру или исправлению карт. Каждый год ей приходится выдерживать борьбу со льдами. В 1910 г. около мыса Дежнёва большими льдинами у «Колымы» был сломан винт, в 1911 г. она так сильно помяла себе носовую часть, пробираясь во льдах, что у нея открылась течь во всём носовом отделении. Это повреждение было исправлено своими средствами: добрались до Петропавловска, там «выскочили» носом на прибрежный песок и, таким путём оголив подводную часть, переменяли все расшатавшиеся заклёпки.

Разумеется, такое плавание имеет одно громадное значение: для личного состава не может быть лучшей морской школы. Постоянные уроки плавания в океане при суровых условиях, вечная готовность к грядущей опасности, необходимость из всякой беды выходить самим, зная, что в диких краях не от кого ждать помощи, перенесение громадных лишений, — всё это вырабатывает в личном составе все качества истинного моряка. И, несмотря на всё, матросы так стремятся в это плавание, что многие из них по три-четыре года подряд находятся в северных водах.

Посланные в 1910 г. на север на судах «Вайгач» и «Таймыр» экспедиции Главного гидрографического управления Морского ведомства должны составить точнейшее описание наших берегов. Их назначение крайне ответственно, ибо все дальнейшие плаванья кораблей на Севере будут руководствоваться исключительно результатами их работы.

«Вайгач» и «Таймыр» — небольшие транспорты, специально построенные для целей плавания в Ледовитом океане. Многие ошибочно называют их «ледоколами». Дико предполагать, что существует корабль, способный ломать льды Ледовитого океана. Можно лишь пробираться среди них. «Вайгач» и «Таймыр» построены таким образом, что могут провести два года где угодно среди льдов, будучи абсолютно отрезанными от всякой другой жизни. Их запасов должно хватить очень надолго, так что перспектива нечаянно оказаться затёртыми льдами и быть вынужденными зазимовать — для них совершенно не страшна. Эти транспорты имеют всё необходимое для жизни на Севере, до лыж и тёплой одежды включительно; даже их маленькие байдарки построены совершенно по типу шлюпок местных жителей. Разумеется, такое хорошее оборудование этих судов даёт им массу шансов на успешность работ. Снаряжение этой экспедиции стоит, конечно, огромных денег, но зато её конечная цель — открытие северного пути между Европой и Азией — раскрывает богатые перспективы (как

известно, в настоящее время работы экспедиции дали прекрасные результаты, один из которых — открытие земли Императора Николая II).

XVI. Командорские острова. Котиковый и бобровый промыслы

Самая драгоценная пушнина русской меховой промышленности — котик, бобёр и голубой песец — добывается исключительно на двух островах Командорской группы — на островах Беринга и Медном (на южной оконечности Камчатки, около мыса Лопатки, правда, также водятся бобры, но в очень незначительном количестве).

Командорские острова открыты были ещё в первой половине восемнадцатого столетия. В 1730 г. некий Гвоздёв видел на восток от Камчатки землю, оказавшуюся впоследствии, в 1741 г., теми островами, которые открыл и впервые дал о них некоторые сведения командор Витус Беринг. Судьба этого исследователя крайне печальна.

Выйдя 29 мая 1741 г. из Петропавловска на шхуне «Св. Петр», Беринг сразу попал в полосу частых туманов. Потом начался период сильных штормов, всё время отгонявших судно обратно, на запад. Эти неблагоприятные условия заставили искать спокойную погоду в более южных широтах. Постоянные перемены курса окончательно сбили «Св. Петра» с толку, и Беринг решил, наконец, подняться снова на северо-запад, считая, что на восток пройдено уже слишком много. Последнее предположение подтвердилось тем, что в конце сентября мореплаватели, идя на северо-восток, увидели какие-то острова, оказавшиеся одной из групп Алеутской гряды, после чего и повернули. 4 ноября заметили опять какие-то высокие острова. В этот день разыгрался сильный шторм, нанеший «Св. Петру» крайне серьезные повреждения. Беринг решил во что бы то ни стало достигнуть берега, и, когда погода на следующий день опять улеглась, судно благополучно вошло в одну из бухт острова, названного потом именем храброго исследователя.

Однако вскоре новый шторм разбил шхуну в прибрежных бурунах, и команде судна пришлось уже подумать о зимовке. Кое-как, на скорую руку начали устраивать себе землянки, пользуясь выброшенным на берег лесом. Но злой рок неумолимо преследовал заброшенных на голый, пустынный остров людей. Среди них начал свирепствовать скорбут (цинга. — *Ред.*), и к началу декабря из 77 человек экипажа осталось в живых лишь 31. Чтобы

как-нибудь согреться, люди закапывались в песок. В такую же песчаную ванну лег сам Беринг и, не выйдя из нея, 8 декабря умер. Могила его точно неизвестна. Около предполагаемого ее места поставлен в 1880 г. простой деревянный крест.

Оставшиеся в живых участники экспедиции кое-как соорудили из обломков «Св. Петра» подобие судна и весною 1742 г. добрались до Петропавловска.

Печальная судьба экспедиции Беринга не остановила исследователей, и уже с 1743 и до 1749 г. казак Басов совершил туда четыре путешествия, каждый раз привозя немалое количество мехов. Эти плаванья положили начало убою на Командорских островах драгоценного зверя. В 1776 г. на острова попал энергичный предприниматель Шелехов, по почину которого организовалось общество правильной эксплуатации зверя, превратившееся с 1800 г. в «Российско-Американскую компанию». За это время были постепенно открыты все острова Алеутской гряды, в том числе острова Прибылова под Аляской, где той же фирмой тогда же был открыт котиновый промысел. Неумелая организация дела сказалась сейчас же в следующем безпримерном случае. В 1803 г. на этих островах накопилось слишком много шкурок, и компания, боясь понижения цен на рынке, спокойно сожгла 700 000 котиков. Далее следует безсистемный бой зверя, без различия пола и возраста.

В результате пришлось сразу устроить запуск для поднятия количества котов. В это время острова уже отдаются в аренду. В 1867 г. Аляска была продана вместе со всеми Алеутскими островами, кроме Командорских, за 14,5 миллионов, после чего всё наше внимание сосредоточивается исключительно на островах Беринга, Медном и Тюленьем, который потом тоже отошёл от нас по Портсмутскому договору в 1906 г.

Нет более сырого климата на земном шаре, чем на Командорских островах, поспорить с ними могут разве только острова Прибылова. Если сказать просто, что там «вечные туманы», то вряд ли кто-нибудь представит себе действительное положение вещей, ибо никому не придёт в голову понять это дословно. А между тем это так и есть. Достаточно сказать, что воздух там настолько насыщен парами, что почти нет дня, когда бы круглые сутки не шёл «бус» — мельчайшая изморозь, которая как бы висит в воздухе, всё насквозь пропитывая сыростью. Достаточно несколько минут походить на воздухе, чтобы платье насквозь промокло. Зато дождей там почти никогда не бывает, а грозу можно наблюдать чуть

ли не раз в три года. Осенью начинаются страшные ураганы, продолжающиеся всю зиму. Снег почти совсем не покрывает островов, так как сильный постоянный ветер всё время выдувает его, и лишь в глубоких ложбинах можно видеть большие белые пятна, которые сходят обычно к середине мая. Кстати, описанные условия — безснежье и вечно мокрая, скользкая трава дают собакам возможность возить нарты круглый год. Что же касается лошадей, то их на островах не существует.

В редкие ясные дни берега Командорских островов представляют собою очень красивую картину. Высокие, мрачные обрывы, отвесно спускающиеся к морю, напоминают многие места Чукотского полуострова и так же мрачно красивы грозной северной красотой. Берег сильно изрезан небольшими бухточками, окаймлёнными песчаными пляжами — «лайдами», покрытыми массой крупных камней, на которых и нежатся стада котиков. Эти небольшие заливы лишь в очень немногих местах могут служить местом якорной стоянки, так как они очень мелки и защищены множеством рифов, делающих подход к ним парохода крайне рискованным.

С громадным удовольствием обходил я на шлюпке многие места побережья. Мой спутник, один из служащих Камчатской промышленной компании, отлично знал берега, на которых он прожил уже четыре года, знал также некоторые легенды и поверья, связанные с наиболее мрачными местами.

Раз, помню, мы проходили недалеко от берега, мимо целого ряда разселин и пещер в довольно высоком обрыве. Медленно скользила наша шлюпка в гладком чёрном отражении тёмной скалы. Несмотря на надвигавшиеся сумерки, не хотелось ещё возвращаться домой, и мы лениво ударяли вёслами по воде, точно боясь громким всплеском нарушить окружающую тишину. Только что перед этим я слышал поверье относительно каких-то скал, пользующихся особенно мрачной, таинственной репутацией.

Задумавшись, я вдруг услышал какое-то громкое, точно сдавленное хрипение, как будто тяжёлый вздох живого исполинского существа, потом несколько глухих выстрелов, опять вздох...

— Что это? — спросил я у своего собеседника и, должен сознаться, почувствовал себя не особенно приятно.

— Вот видите: говорил я вам, что у нас на острове есть кое-что сверхъестественное, — совершенно серьёзно ответил мне мой спутник.

От этого ответа продолжавшиеся странные звуки не стали для меня понятнее, и невольно как-то вёсла в моих руках повернули шлюпку в сторону от таинственного обрыва. Насладившись про-

изведённым впечатлением, мой гид объяснил мне, что прибрежная волна, вливаясь в узкие расселины, сильно сжимает находящийся там воздух, который, вырываясь через поросшие на краях щели, и производит все эти таинственные вздохи. Место это носит название «гремющей пещеры», расположено оно очень недалеко от островного селения.

К достопримечательностям острова Беринга следует отнести ещё небольшой островок, расположенный перед самым подходом к селению. Остров этот — излюбленное место так называемых «морских попугаев», или топорков. Топорок, действительно, напоминает несколько по форме попугая, в особенности своим громадным клювом. Оперение птицы чёрное, с белой грудью и таким же ошейником. Порода это — хищная, питающаяся исключительно рыбой. Почему они избрали своим излюбленным местопребыванием этот маленький островок — неизвестно, но количество их там настолько велико, что буквально шагу нельзя сделать, чтобы не наступить на едва зарытые в землю гнезда. Разумеется, при приближении человека эти дикие птицы громадной тучей взвиваются над водой. Говорят, что иногда оне целой стаей жестоко нападают на осмелившегося нарушить их семейную идиллию, отчаянно его кусая. При попытке поймать топорка руками он действительно пребольно кусается.

Несмотря на сильную боязнь этой птицы к человеку, мне пришлось быть свидетелем следующего случая. Отправляясь как-то небольшой компанией на охоту, мы ранили топорка. Он упал в воду, и мы без труда его поймали. Оказалось, что у него перебита нога. На корабле ему сделали перевязку, забинтовали ногу в лубки, и довольно долго наш доктор ухаживал за своим пернатым пациентом. Когда «больной» окончательно поправился, мы при первой же якорной стоянке выпустили его. Топорок сначала весело нырнул, потом быстро полетел от борта (летают топорки низко, хлопая крыльями по воде). Стоял густой туман, так что мы вскоре потеряли нашего гостя из виду.

Через несколько часов вахтенный матрос услышал вдруг равномерный стук у борта и увидел, что бывший наш пассажир возвратился и бьёт клювом у ватерлинии. Потом он дал спокойно поднять себя драгой на судно и ещё долгое время забавлял нас. Очевидно, в тумане топорок не нашёл берега и вернулся туда, где за ним очень предупредительно ухаживали.

Второй из Командорских островов, Медный, по своему строению похож на остров Беринга, но много меньше его. Название своё

он получил от большого количества меди, содержащейся в прожилках береговых обрывов. Эти залежи отлично видны, но разработка их очень затруднительна, так как к ним почти невозможно добраться.

Оба острова отделяются друг от друга небольшим проливом, шириной, в среднем, мили три, постоянно застланным туманом, так что лишь очень редко можно с одного берега видеть другой.

Растительность островов очень бедна: кое-где тощая берёза, рябина и кустарник, зато трава достаточно хороша, что при отсутствии снега даёт возможность круглый год держать на подножном корму скот, который теперь начинают там усиленно разводить.

В данное время на островах имеется по три селения: Преображенское, Глинка и Корабельное — на Медном и Никольское, Лодыгинское и Саранное на — Беринге. Численность жителей в них не превышает 250 душ на каждом острове, причём обоих полов почти точно поровну. Всех жилых строений, считая деревянные постройки и земляные юрты, на Беринге 118, на Медном — 96. Как видно, население скудное, если принять в расчёт, что эти пятьсот душ живут на территории в 13 000 кв. вёрст.

Всё население островов — элемент пришлый и притом сравнительно недавно. Лишь в начале восьмисотых годов на острове впервые остались 11 человек промышленников, которые прожили там семь лет подряд. После этого началось уже заселение островов постоянным контингентом жителей. Начали привозить алеутов с соседних островов Алеутской гряды, привезли обитателей Курильской цепи. С этими переселенцами перемешивались европейския национальности. В результате от собственно алеутскаго племени осталось немного, но название это укрепилося за обитателями Командоров и по сие время. Теперешнее население растёт уже без новых примесей извне.

Алеуты (следую общепринятому названию) — народ низкорослый, очень смуглый, с чёрными волосами, напоминающий общий дальневосточный тип. Конечно, все они давно обращены в православие и очень религиозны. Праздники они чтят свято, хотя, я думаю, здесь в сильной степени играет роль их природная невообразимая лень. Во всяком случае, алеут скорее умрёт с голоду, но в праздник ни за какие блага работать не станет. По характеру это довольно добродушный народ, очень любящий общество, крайне гостеприимный, как и вообще большинство народов Севера. Но, несмотря на эти черты, алеут крайне скрытен, и нужно очень хорошо быть с ним знакомым, чтобы заслужить его доверие.

Я говорил, что они крайне религиозны, с большим уважением относятся ко всем обрядностям, но никакие догматы религии не могут справиться с их понятиями о семейной жизни и верности. У алеутов в этом отношении процветает абсолютная свобода, да притом ещё жизнь эта начинается у них в возрасте 11—12 лет. Вопреки общей природе всех обитателей Севера, алеуты крайне рано развиваются. До спирта они, конечно, не менее падки, чем чукчи и коряки; в обычных условиях очень честный, не имеющий понятия о воровстве алеут готов на что угодно, если дело идёт о спирте.

Тяжелыя климатические условия на островах настолько приблизили старость, что средний возраст жителей теперь едва достигает 26—27 лет. Разумеется, это давно привело бы маленький народ к полному вымиранию, если бы не большая рождаемость, обусловленная ранней семейной жизнью и полной свободой отношений.

Алеуты охотно учатся, но крайне трудно воспринимают русский язык. Многие твердые и шипящие буквы они путают, некоторые же совершенно не могут произнести. В отчёте департамента земледелия, составленном Е. К. Суворовым, приведён пример грамотности алеута: «В 6 ч. вечера витер *N* свежая дуздь сквалам небу ублачность и горизонт честой на мури малии зыб у быригов малий борон». И это правописание вызвано не одной лишь безграмотностью, а наполовину неспособностью алеута воспринять русский язык.

Алеуты живут исключительно добычей морских котиков и бобров. Все котики разделяются на три самостоятельных стада, имеющих свои определённые лежбища: американское — на Прибыловых островах, японское — на Тюленьем и русское — на Командорских островах. После зимнего пребывания в южных водах коты возвращаются в мае на свои лежбища, причём замечено, что не только выбор последних остаётся всегда без изменения, но животное старается даже улечься на тот самый камень, на котором оно лежало в прошлом году. Первыми появляются взрослые самцы-секачи, возраст которых обыкновенно 7—9 лет. Эти большие животные, весом в 10—12 пудов, достигают семифутовой длины. Через две-три недели к берегу подходят самки и тотчас разбираются поджидающими их секачами в гаремы. Численность последних очень велика: у каждого самца количество жён достигает зачастую 160—200 голов. Секачи страшно ревнивы и из-за каждого подозрения в попытке другого подойти к их жёнам свирепо

бросаются на соперника. Одновременно с самками приходят и холостяки-коты возрастом около 2—3 лет.

В течение летнего периода протекает вся брачная жизнь животных и роды. Новорожденный котик совершенно чёрного цвета, мех его не имеет подшерстка. Около года котик начинает линять, шерсть его в это время приобретает серый цвет. Отсюда и произошли названия мехов — чёрный и серый котик. Промысловый кот, трёхлеток, имеет после годового линяния коричневый оттенок, отчего продаваемые шкурки всегда слегка подкрашены в чёрный цвет. Цены всех этих трёх сортов сильно разнятся.

Убой котиков происходит следующим образом. Рано утром, как только начинает разсветать (выбирается такой день, когда разсвет совпадает с моментом наибольшего отлива), всё работоспособное население острова осторожно подкрадывается к спящему ещё на лежбище стаду и быстро отрезает его от моря. Часть животных успевает скрыться в воду, а оставшиеся на берегу сразу теряют свою энергию, жмутся друг к другу и уже покорно позволяют гнать себя куда угодно. От всего стада погонщиками отделяются промысловые звери, остальные отпускаются обратно. Отобранная группа зверей затем перегоняется на место убоя — гладкое поле, верстах в двух от лежбища. Котики идут крайне медленно, с частыми остановками для отдыха. Пригнав на место, их оцепляют тесным кольцом и оглушают, ударяя по носу длинными, около двух аршин, палками, по местному — «дрыгалками». Тут же ловко и быстро снимается шкурка. Нередки случаи, что от первого удара котик ещё не умирает, но алеуты с ним не церемонятся и «оперируют» живого. Оставшаяся туша идёт у алеутов в пищу.

Мне вспоминаются рассказы о том, что котики «плачут» перед убоем. Это не совсем верно. По дороге от лежбища до места убоя многие животные настолько устают, что в изнеможении падают, не могут двинуться с места и их тут же и приканчивают. И вот у уставшего, измученного трудной дорогой животного мне, действительно, пришлось раз видеть на глазах как бы слёзы, вызванные чисто физической болью и усталостью. Впечатление это усиливается ещё тем, что вообще у котиков выражение глаз какое-то удивительно кроткое.

Шкурки засаливаются и в засоленном виде отправляются на рынки для выделки и продажи. В виду того, что за последнее время сильно возросло число маток, их тоже начали бить в большом количестве. За последние годы цифра убитых за лето на обоих островах котиков доходила до полутора тысяч. На лежби-

щах же можно было наблюдать в течение летнего сезона 13—14 тысяч голов. Всего на мировые рынки поступало с Прибыловых, Командорских и Тюленьего островов за последнее время до 17—19 тысяч шкурок в год.

Что касается бобров, то современная их добыча — лишь слабый намёк на прежние времена. Ещё экспедиция Беринга привезла в 1742 г. 700 шкурок; потом часто добыча бобров доходила до 1,5—2 тысяч в год. Теперь же их добывают едва 80—100 за лето. Орудиями лова служат сети и ружье. Иногда, в особенно счастливый год удачно применяются и «дрыгалки». Бобры располагаются обычно на «Бобровых камнях» (риф в северной оконечности острова Медного). Выбрав ночь, когда ветер дует с берега, алеуты подкрадываются к спящим бобрам и быстрым нападением убивают иногда в несколько минут до 25—30 голов.

Песец на Командорских островах водится в довольно большом количестве. Главным образом славится так называемый голубой песец. Охота на белых песцов не подчинена никаким законам, пользуются при этом капканами и ружьями. Средняя годовая добыча песцов достигает до 1 300 штук.

Значение для нас Командорских островов лежит в добыче котиков, и об этом промысле стоит серьёзно подумать.

XVII. Охрана котиков

В 1911 г. было утверждено новое положение об эксплуатации котиков, в силу которого их теперь пять лет не будут бить. Эта мера, разумеется, должна в сильной степени поднять число драгоценного зверя. Но существует один способ истребления котиков, развитый очень широко, но не подчинённый буквально никаким законам и положениям. Способ этот — японское хищничество.

Какими бы правилами ни ограничивали официального избиения котиков, всегда останется возможность тайного истребления зверя, пока не будет учреждён особенно бдительный надзор за хищниками.

Живя в краях, отстоящих всего в каких-нибудь 9—10 днях морского перехода от летних логовищ котиков и находящихся в районе их зимнего местопребывания, японцы ещё издавна прекрасно изучили жизнь, характер и пути следования котиков.

Котики всю зиму проводят около восточных берегов Японии, отправляясь на летние месяцы к Командорским островам. Японцы не только знают с точностью чуть ли не до одного дня время

их переселения, но имеют даже специальные, выработанные многолетними наблюдениями карты следования зверя. В начале мая от берегов Японии расплзается громадное количество шхун, бьющих котиков в море. Этот бой продолжается до середины июня. Понятно, что подобный способ боя с каждым годом страшно уменьшает число котиков. Котики идут всегда большими стадами, следить за ними крайне легко.

Шхуна набрасывается на такое стадо и избивает его, совершенно не заботясь о возрасте зверя. Бьют молодых, старых, бьют одинаково и самцов, и самок. Промысловый же кот, которого разрешено бить на Командорских островах, — это почти исключительно трёхлетний самец-холостяк. Кроме этого зла, японцы причиняют ещё массу бед тем, что многие котики бывают в море ранены и потом гибнут без малейшей пользы даже для самого хищника. К сожалению, этим варварским способом японцы пользуются слишком широко, а между тем его нельзя не только пресечь, но даже назвать хищническим, ибо в нейтральном море никто не может запретить ловить и бить всё, что угодно. А в результате — стадо котиков доходит до Командорских островов совершенно разрозненное, наполовину перебитое, отчего в сильной степени страдает правильная эксплуатация зверя на месте узаконенного убоя.

Но, не довольствуясь этим, японцы уже открыто хищничают у самых островов Беринга и Медного. По закону можно бить котиков не ближе трёх миль от береговой черты. Эта запретная территория настолько мала, что обойти закон весьма нетрудно. Нахальство хищников доходит до такой степени, что они просто высаживаются на берег и там бьют котиков. Алеуты, страшно озлобленные на японцев за последнее время, увидя хищников, вступают с ними в ожесточённую перестрелку. Убить хищника на языке алеутов носит даже известный термин «уронить». Вооруженные винчестерами и берданками алеуты перестреливают японцев при малейшей их попытке высадиться на берег. Конечно, такой самосуд не определён никакими законами, но никто, разумеется, и не подумает карать за это. К сожалению только, острова эти слишком пустынные для того, чтобы алеуты могли поймать каждого хищника. С другой стороны и японцы платят населению той же монетой. Каждое лето бывают один-два случая, что японцы дотла разграбляют целое небольшое селение. В силу этого алеутам поневоле пришлось учредить у себя нечто вроде разведочной службы, которую прекрасно выполняют мальчики 10—12 лет, целый

день бегая по горам и давая знать в селение о всяком замеченном в море подозрительном судне.

Каждое лето на островах, в особенности на Медном, идёт жестокая война, и все-таки японцы берут верх, ибо из десяти случаев высадки на берег алеуты в состоянии узнать об этом лишь в двух-трёх случаях. Да и мудроно следить за каждым уголком острова, когда на нём всего 250 человек населения, включая в эту цифру женщин и детей.

Насколько хищники успешно действуют, говорят следующие цифры: за 1907, 1908 и 1909 г. нами убито котиков 18 567, тогда как хищники лишь в 1907 и 1908 г. убили их 44 224 (из японских данных, издающихся в Японии совершенно открыто). Начиная с 1909 г., у нас несколько улучшена охрана, так что хищничать стало труднее.

Правительственная охрана наших котиковых промыслов заключается в том, что ежегодно в крейсерство к Командорским островам отправляют военные суда. Около островов проводит всё лето канонерская лодка «Манджур». С мая по сентябрь всё плавание «Манджура» заключается в рейсах между Петропавловском и Командорскими островами — расстояние в триста миль.

Всё лето Командорские острова покрыты крайне частыми и густыми туманами (по исследованиям экспедиции Рябушинского, в 1910 г. на островах в летний месяц приходится, в среднем, лишь четыре-пять ясных дней). Во время туманов подход к берегам для таких судов, как «Манджур», ближе, чем на три мили крайне рискован, а вход в пролив между островами Берингом и Медным абсолютно невозможен. В силу этого японские шхуны могут совершенно безнаказанно находиться не только в проливе, где они главным образом скрываются, но и в запрещённой трёхмильной полосе. За последнее время хищники усвоили ещё такую тактику: шхуна останавливается в море, далее трёх миль от береговой черты, а на берег посылаются за котиками лишь одна-две шлюпки. Если даже последнюю и заметят, то во многих случаях она успевает сбросить за борт все компрометирующие улики и отговориться хотя бы тем, что пошла за водой; в таком случае доказать, что она била котиков крайне трудно. В результате, если даже шхуна и замечена, то это ещё не значит, что её можно сразу уличить в хищничестве и арестовать. А увидеть шхуну также нелегко. Обыкновенно, а в особенности в начале лета, около Командорских островов находятся одновременно пять-шесть шхун, «Манджур» же один. К этому надо прибавить, что японцы прекрасно

знают расписание его рейсов и, разумеется, могут всегда находиться где-нибудь поблизости с тем, чтобы тотчас по уходе «Манджура» в Петропавловск нагрянуть на острова.

Все описанные препоны для правильной и полной охраны от хищников в очень сильной степени усугубляются ещё недостатками и несовершенством инструкций, даваемых командиру охранного судна. Главное напутствие, которое даётся командиру перед плаванием, это быть возможно более осторожным и осмотрительным при аресте шхуны. В мало-мальски сомнительном, в смысле неопровержимости улик, случае командир должен отпустить шхуну.

Подобным положением вещей связываются руки охранного судна. Командиры часто боятся придрататься к хищнику, и, действительно, им не остаётся ничего больше делать, как стараться на всякий случай не замечать шхуну. Результат всего этого тот, что за последние три года конфисковано всего пять шхун, тогда как перебивало их там за это время не менее двадцати.

Кстати, несколько слов о судьбе конфискованных шхун. Арестованные шхуны на буксире приводятся в Петропавловск, где сдаются в ведение местной администрации. Все инструменты, оружие снимаются с судна и сдаются куда-нибудь на берег, под замок, где за ними, разумеется, никто никогда не следит. Ни к шхуне, ни к снятым с нея вещам не позволяют никому дотрагиваться: вещи портятся и шхуна гниёт. В 1910 г. «Манджуром» была приведена моторная шхуна. Мотор был снят, и теперь он уже совершенно никуда не годен, шхуна же понемногу протекла, погнила. Пробовали её вытащить на берег, но вытащили только наполовину и бросили. Она, очевидно, погибнет так же, как погибли два ея товарища, лежавшие посреди ковша в Петропавловске и теперь по частям вытащенные на берег. В 1911 г. тот же «Манджур» привёл ещё две шхуны. Одну из них отправили во Владивосток, а другую спасло только то, что местный агент Добровольного флота получил её в своё ведение.

При описании организации нашей охраны приходит на память система охраны Прибыловых островов, принадлежащих Штатам. Как у нас базой для Командорских островов служит Петропавловск, так американцы основали для Прибыловых островов базу на острове Уналашка, отстоящем от первых на двести миль. На острове имеется небольшой городок Илюлюк, где помещаются склады угля и всевозможных припасов для охранных судов.

В Америке охранную службу несут не военные суда. У них есть для этого как бы особый отдел флота, носящий название

«Bering Sea Serving Fleet», по своей организации очень похожий на нашу морскую пограничную стражу. Эта охрана имеет пять своих небольших судов, носящих особый флаг. Точно также форма личного состава их отличается несколько от формы военного боевого флота. Суда у них небольшие, но построенные специально для целей охраны, прекрасно оборудованные, приспособленные исключительно к тем условиям, в которых им приходится плавать.

Два судна «Tahoma» и «Maining» совершенно новые, с 15-узловым ходом, большим запасом угля и припасов и сравнительно небольшой осадкой (12—13 фут), имеют водоизмещение около тысячи тонн. Остальные три: «Bear», «Perry» и «Albatros» несколько меньше, с ходом около 12 узлов. Из них «Perry» в 1910 г. разбился, выскочив на камни около острова Св. Павла в той же группе Прибыловых островов. Все суда снабжены беспроволочным телеграфом так же, как и острова Св. Павла и Уналашка, а район плаванья их таков, что все станции всё время могут между собой переговариваться.

Организация службы у них такова: четыре судна постоянно крейсируют около острова Св. Павла, одно стоит в Илюлюке. Стоянка продолжается недолго; назначение ея — лишь отдых и погрузка необходимых припасов. Всё время рассчитано таким образом, что на долю каждого судна приходится через каждые шестнадцать дней крейсерства четыре дня стоянки в гавани. Перед возвращением в Америку в конце лета одно судно уходит на остров Атку (на расстояние одного дня пути от Уналашки), а другое обходит северо-западное побережье Америки, после чего в начале сентября вся флотилия кончает охранную службу и возвращается на зимовку в Сиятль.

Служба летом нелегкая: надо принять во внимание, что климат Прибыловых островов своей суровостью и вечными туманами поспорит с Командорскими островами. Кроме того, как это ни странно, американцы до сих пор не имеют порядочных карт этих мест, а пользуются старыми русскими картами издания семидесятых годов. Но зато личный состав обставлен очень хорошо: платят большие деньги, каждую зиму всем даётся отпуск и т. д.

Бой котиков происходит на острове Св. Павла. Бьют их алеуты, получая с каждой шкурки 10—12 руб. Небольшое селение (около трёхсот человек) застроено чистенькими домиками, имеются две церкви — русская и англиканская, жители почти все говорят по-русски и по-английски. Для ограждения от набегов японских хищников на остров, все котиковые

лежбища соединены телефонами с селением, а также со станцией безпроводного телеграфа.

С пойманными хищниками американцы не церемонятся. Увидев шхуну в запрещённой полосе, её приводят в Илюлюк и без всякого суда конфискуют. С команды требуют штраф в размере пятисот долларов с каждого матроса. Разумеется, у японцев такой суммы не оказывается. Тогда их заставляют отрабатывать эту сумму, засчитывая работу в счёт долга. Когда же весь штраф выплачен, японцу предоставляется полная свобода делать всё, что ему угодно. Если он пожелает вернуться на родину, то в этом ему никакой помощи не оказывается, он должен ехать через Америку обыкновенным путём пассажирских пароходов. В результате, по словам американцев, ни одному арестованному японцу не удаётся вырваться с Уналашки ранее двух с половиною лет.

Насколько американцы считаются с «уликами», может служить примером следующий факт: в 1910 г. в одной небольшой бухточке острова Уналашки, где котиков никогда и не бывало, увидели японскую шхуну, мирно стоявшую на якоре. Её, разумеется, арестовали, но никаких признаков хищничества не нашли. Экипаж шхуны уверял, что они только хотели наловить рыбы, да и то исключительно для их личного пропитания; документы все были в полном порядке. Следует отметить, что американцы не имеют у себя на судах переводчиков с японского языка, считая лишним вступать в какие-либо переговоры. Поэтому, когда понадобилось перевести документы, американцы поехали на стоявший тогда там наш транспорт «Колыму» и обратились к помощи нашего переводчика. В конце концов, несмотря на полное отсутствие каких бы то ни было оснований к подозрению в хищничестве, шхуна и экипаж были подвергнуты общей участи.

Японцы прекрасно знают суровые порядки американцев и несравненно меньше рискуют идти на хищничество, чем около наших промыслов. В редких очень случаях шхуна остается незамеченной. Если же американцам удастся изловить японцев, то они стремятся извлечь из подобного ареста возможно большую пользу, включительно, как я говорил, до рабочих рук.

XVIII. Уроки прошлого и задачи будущего

За последнее время снаряжается много экспедиций с целью выяснения возможности сообщения между европейскими и азиатскими владениями России северным путём. Что вообще такой

проход возможен, доказано уже давно большим сравнительно количеством судов, прошедших по северным водам, в числе которых был и пароход «Вега» с экспедицией Норденшильда в 1877—1880 гг.

Многие американские пароходы и шхуны, ища китов, доходили до Медвежьих островов, тогда как со стороны Европы тоже хорошо известна дорога почти до тех же островов. Если бы этот путь был уже исследован и представлял собою одну из «больших дорог» для судов, то весь путь от Петербурга до Владивостока можно было бы совершить в две-три недели. Но теперь это плавание сильно затрудняется отсутствием хороших карт: идти приходится всё время с громадным напряжением внимания и осторожностью. Описание берегов, выяснение необходимых мест наблюдательных пунктов, постройка складов угля, ознакомление с морем и условиями плавания в нём, точное определение течений и карты движения льдов, наконец, степени населённости берегов, их свойств, — вот цель, которую стремятся выполнить все эти экспедиции.

Возможность сообщения северным путём, несомненно, даёт России много шансов для процветания ея северных владений. Весь край сразу оживится, одним движением судов будет вызвана необходимость заселения, возникновения портовой жизни.

Нечего и говорить, как много Россия приобретёт в военно-морском смысле, в случае необходимости передвижения военных кораблей на Восток или обратно для обороны и защиты своих владений. Американцы и сейчас прилагают все усилия для мирного захвата в свои руки Чукотского полуострова. В 1854 г. англо-французская эскадра несколько раз пыталась завладеть этим краем. Во время минувшей войны было много попыток со стороны японцев оккупировать его; уже один пример капитана Наридата Гундзи, о котором я рассказывал, ясно говорит, что не только военные круги Японии, но и народ жаждет завладеть этим краем. В Петропавловском музее хранится доска, найденная после войны, где значится: «Эта земля принадлежит японцам. А кто её захватит, тот будет обезглавлен». У японцев есть много изданий карт, где Камчатка окрашена в один цвет с японскими владениями. На Командорских островах всю войну были жестокие столкновения с вечно нападавшими японскими шхунами, эта война продолжается и сейчас...

Наши северо-восточные владения пока почти ничего не имеют, что дало бы право назвать их русскими. Вот об этом-то и надо подумать. Искры, способной сразу разжечь в бушующее пламя тлеющий пока вопрос о жёлтой опасности, надо ожидать с минуты

на минуту. Японцы не успокоятся, пока не убедятся в невозможности забрать эти края в свои руки.

Наши северные земли ждут людей, ждут эксплуатации. Они нуждаются в самом тщательном и разностороннем их изучении, в пробуждении интереса к ним со стороны общества.

За последние годы масса денег ушла на далекий край. Учреждение там администрации, попытки правительства пробудить культуру, наконец, громадные затраты на сооружение грандиозной сети беспроволочного телеграфа: Николаевск-на-Амуре — Петропавловск — Командорские острова — Ново-Мариинск — Дежнёв — Америка, — всё это пропадает зря и не достигает цели, во-первых, потому, что нет должного количества действительно знающих край и его нужды людей, а во-вторых, потому, что для процветания края необходимо, чтобы туда шли частные предприниматели, а последние не пойдут до тех пор, пока не изменятся условия работы русских предпринимателей, пока закон вместо стеснений не создаст поощрений их усилиям.

Мы один раз сделали громадную оплошность, продав за безценок богатейшую Аляску и Алеутские острова, второй раз проиграли очень много, подписав Портсмутский договор, добровольно отдав этим всё богатства края Японии. В обоих случаях всё это произошло лишь вследствие того, что мы недостаточно знали свои владения, о которых шла речь, сами не отдавали себе отчёта в возможной от них для России колоссальной пользе, не видели грядущих от всего этого бед для нас, когда иностранцы заселят и начнут эксплуатировать края, которые должны быть заселены русскими. Мы сделаем непоправимую ошибку, если не обратим теперь же самого серьезного внимания на свои владения, внимания не только правительства, но и всего общества. Если развал, который там теперь царит, будет так же прогрессивно идти вперёд, Америка и Япония окончательно вытеснят нас из Камчатки и Чукотского полуострова и овладеют колоссальными богатствами, которых мы упустим только благодаря нашей традиционной нерадивости и халатности.